

ST. PETERSBURG SCANDINAVIAN CENTRE

Исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета

Русский христианский гуманитарный институт

Институт Финляндии в Санкт-Петербурге

Санкт-Петербург и Страны Северной Европы

**МАТЕРИАЛЫ ШЕСТОЙ ЕЖЕГОДНОЙ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**Санкт-Петербург
2005**

Редакционная коллегия: Е. А. Акимова, д.и.н., профессор В. Н. Барышников (ответственный редактор), д.и.н., профессор П.А. Кротов, к.и.н. К. Е. Нетужилов, к.филол.н. С. Ю. Трохачев.

Рецензенты: д.и.н., профессор С.А. Козлов (Санкт-Петербургский государственный университет растительных полимеров), к.и.н., доцент В.Н. Борисенко (Санкт-Петербургский государственный университет), к.и.н., доцент А.В. Лихоманов (Российская Национальная библиотека).

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Института Финляндии в Санкт-Петербурге*

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов шестой ежегодной международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». Книга рассчитан на всех тех, кто интересуется проблемами отношений Санкт-Петербурга со странами Северной Европы.

Санкт-Петербург и Страны Северной Европы: Материалы шестой ежегодной научной конференции (14-16 апреля 2004 г.). Под ред. В. Н. Барышникова, С. Ю. Трохачева. СПб.: РХГИ, 2005.

© В.Н. Барышников, С. Ю. Трохачев, сост., 2005
**©Издательство Русского христианского гуманитарного
института, 2005**

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

Мазур Т.П.

Вице-адмирал К. Крюйс в морских кампаниях 1712 и 1713 гг. и суд над ним.

Ковалевский А.В.

Генерал-губернатор Платон Рокасовский в Финляндии

Мусаев В.И.

Константин Арабажин в Санкт-Петербурге и Финляндии

Барышников В.Н.

Роль Э. Эркко в окончании советско-финляндской войны 1939-1940 гг.

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

Пулькин М. В.

Карелия в русско-шведских войнах XVIII в.

Кротов П.А.

«Наступающая крепость» Петра I в битве под Полтавой (к изучению инженерно-фортификационного обеспечения баталии)

Пересадило Р.В.

Российско-норвежские экономические отношения на Русском Севере (конец XVIII - начало XX вв.)

Шрадер Т.А.

Северный поход 1870 г. и его значение для Севера Росси

Митюрин Д. В.

«Дело маузеристов». Факты и гипотезы.

Репневский А. В.

«Зимняя война» в политике Норвегии.

Журавлев Д. А.

Взаимодействие гражданских и военных органов при создании системы медицинской помощи в Ленинграде во время советско-финляндской войны.

Макуров В.Г.

Советы Карело-Финской ССР накануне Великой Отечественной войны

Базарова Т. А.

Крепость Кроншлот на шведских разведывательных планах начала XVIII в.

Лукошков А. В.

Исторические памятники российско-европейских связей XVIII-XX веков на дне Финского залива

Попов Ю. М.

Русский флот в первую кампанию Семилетней войны (сотрудничество и противостояние)

Партала М.А.

Радиоразведка балтийского флота в Первую мировую войну (к истории создания)

Петров П.В.

Оперативно-тактические игры Краснознаменного Балтийского флота в конце 1930-х гг.: Основные итоги и уроки

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

Возгрин В. Е.

Проблема геноцида в российской и скандинавской историографии Северной войны.

Цоффка В.В.

Российский литературовед Эйно Генрихович Карху как ученый-пушкинист.

Кривдина О.А.

Архив семьи Клодтов фон Юргенсбург в Государственном Русском музее. Биография генерал-майора Карла Федоровича Клодта (1765-1822).

Яковлев О.А.

Периодические издания о Финляндии в Санкт-Петербурге (1845-1910 гг.).

Новикова И.Н.

Донесения военных агентов как источник для изучения российско-скандинавских отношений периода Первой мировой войны.

Косов Ю.В.

Проблемы изучения трансграничных регионов северо-запада России.

Лазарев А.В.

Ленинградское радио в период советско-финляндской войны 1939-1940 гг.

Марьевский М. Б.

Датская пресса о советско-финской войне 1939-1940 гг.

Барышников Н. И.

Президенты Финляндии Ю.К. Паасикиви и У.К. Кекконен об оценке проблемы безопасности Ленинграда

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Хамфельд А.

История и современность: развитие сотрудничества между университетом Упсала и Россией (*на нагл. яз.*)

Фокин В.И.

Образ Петербурга в духовной жизни стран северной Европы в 1920-1930-е гг.

Харченко Л.И.

Финны и русские глазами друг друга

Бурков В.Г.

Шведская геральдика Петербурга, а также городов и населенных пунктов Ленинградской области

Балашов Е.А.

Русский дачный поселок Келломяки

Усыскин Г. С.

Усадьба «Ваза» в Куоккола, как исторический памятник

Ивлева С.Е.

Страны Северной Европы на страницах русских иллюстрированных журналов 30-50-х годов XIX века («Живописное обозрение», «Живописный сборник»)

Андреева Е.А.

Василеостровская резиденция А.Д. Меншикова – первые петербургские «дворцы бракосочетания» (по свидетельствам скандинавских источников)

Иванов М.В.

Финский Евангелическо-лютеранский приход Святой Марии в Петербурге.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....

Предисловие

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов шестой ежегодной международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». Он отражает основные достижения, изложенные на конференции в исследовании скандинавистов России и стран Северной Европы в области раскрытия отношений Петербурга со Скандинавией и Финляндией.

Конференция была организована под эгидой Санкт-Петербургского научно-культурного центра по исследованию и культуре скандинавских стран и Финляндии (St.Petersburg Center for Research and Culture of Scandinavia and Finland) кафедрой истории нового и новейшего времени исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Русским христианским гуманитарным институтом (РХГИ), а также Институтом Финляндии в Санкт-Петербурге. Она проходила с 14 по 16 апреля 2004 г. с участием историков, филологов, этнографов, искусствоведов, социологов и культурологов, которые ведут исследования в рамках изучения Петербурга и северо-западного региона. Материалы более ранних конференций были опубликованы в сборнике «Петербургские чтения 98-99», а также в последующих изданиях, вышедших под названием «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».¹

Традиционно на конференции принимали активное участие ученые РХГИ, многие из профессорско-преподавательского состава исторического, социологического факультетов и факультета международных отношений СПбГУ, а также научные сотрудники Российской Академии наук, ряда музеев и архивов. Зарубежными участниками конференции были историки из Швеции и Финляндии.

Т.П. Мазур

**ВИЦЕ-АДМИРАЛ К. КРЮЙС В МОРСКИХ КАМПАНИЯХ 1712 И 1713 ГГ.
И СУД НАД НИМ.**

Адмирал Корнелиус Крюйс - личность настолько яркая, что любой штрих его жизни, его характера важен для полного осмысления масштаба личности этого человека.

Вся его жизнь была отдана морю. 61 год из 72 лет, дарованных ему Богом на земле, прослужил адмирал во флоте. Добрую славу оставил Корнелиус Крюйс о себе на всех флотах, где ему довелось служить. Ему пришлось сполна испытать тяжелую морскую долю, пройдя при этом путь от рядового матроса до адмирала Российского флота. Яркая жизнь адмирала не всегда была безоблачной, много трудностей и опасностей оказалось на его жизненном пути. Дважды ему доводилось стоять между жизнью и смертью.²

В 1688-1697 гг. между Францией и коалицией европейских государств, куда входили Нидерланды, шла Девятилетняя война. 22 октября 1691 г. торговое судно «Святой Жозеф», капитаном которого был К. Крюйс, на пути из Испании в Нидерланды было захвачено французами. Команда судна попала в плен и была доставлена в Брест. Более полугода К.Крюйс находился во французском плену и лишь только тогда, когда его семья прислала документы, удостоверяющие его норвежское происхождение, он обрел свободу.

Второй раз жизни Крюйса грозила серьезная опасность в 1713 г. Верный сподвижник Петра I, один из основателей российского военно-морского флота, первый командующий Балтийским флотом, победитель шведов у о. Котлин в 1705 г., был отдан под суд за нераспорядительность и упущение неприятеля в кампаниях 1712 и 1713 гг. Сам царь был старшим из членов суда, на котором председательствовал генерал-адмирал Ф.М. Апраксин. Это событие наделало много шума в Европе, так как личность Крюйса к тому времени была уже весьма известной.

Документы данного судебного процесса дошли до наших дней и сосредоточены в Военно-судном деле вице-адмирала К. Крюйса, капитанов-командоров В. Шельтинги, А. Рейса и капитана И. Дегрюйтера, хранятся в Российском государственном архиве Военно-морского флота.³ В документах предстает полная картина событий кампаний российского корабельного флота на Балтийском море в 1712-1713 гг. Мы можем узнать о мотивах,

которыми руководствовался суд, увидеть, насколько верной была точка зрения на случившиеся события как у судей, так и у подсудимых, и свидетелей; понять, действительно ли приговор был основан на справедливой оценке фактов.

Оба эпизода в истории деятельности российского флота произошли в тот период, когда государь предпринимал операции по овладению Финляндией. Поход русской армии под предводительством Петра I на юг в 1711 г. был неудачным и закончился заключением невыгодного для России мира с Турцией. На долгое время пришлось расстаться с мечтой - иметь флот на южных рубежах. Но, как и предвидел в одном из своих высказываний по уходе из Азова в 1711 г. вице-адмирал К. Крюйс, Россия возвратилась на берега Черного моря.

Все внимание Петра I с конца 1711 г. было сосредоточено на развитии флота на Балтике. Однако здесь предстояло флоту выдержать борьбу с сильным противником - шведским флотом. Еще летом 1711 г. было решено увеличить численность флота на Балтийском море к кампании 1712 г. Прибывший в конце 1711 г. из Воронежа в Санкт-Петербург вице-адмирал К. Крюйс обнаружил крупные недостатки в обеспечении строительства флота материалами и рабочей силой, в комплектовании флота личным составом. Что позволило ему в письмах к генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину сказать, что ежели бы такие порядки протянулись еще с год, то в службе остались «только гульбища и для гулянья строения и для прохладу суда». Причины медлительности во флотских делах К. Крюйс видел в нерадивом отношении к службе должностных лиц и, прежде всего светлейшего князя А.Д. Меншикова, на котором лежала главная ответственность по строительству и снаряжению флота в этот период. Однако не одни злоупотребления А.Д. Меншикова и других служащих были причиной медленного производства работ. Главной причиной все же были материальные и хозяйственные трудности, истощенные войнами ресурсы России. На 1712 г. состав корабельного флота, находящийся в ведении К. Крюйса, был таков: 50-пушечные корабли «Рига», «Выборг» и «Пернов», 30-пушечные фрегаты «Думкрат» и «Самсон», 28-пушечный фрегат «Штандарт», 16-пушечный бомбардирский корабль и шнявы «Лизет» и «Мункер». Однако при всех затруднениях, как только разошелся лед, флот вышел к Котлину, хотя на судах и не было достаточного количества припасов. При своей малочисленности и в таком плохом состоянии серьезных операций флот осуществлять не мог. Понимая это, Петр I отводил ему в военной кампании 1712 г. вспомогательную роль. На первых порах он должен был крейсировать у Котлина, обеспечивая действия галерной эскадры И.Ф. Боциса в шхерах. В случае появления превосходящих сил противника предполагалось отступление под защиту батарей Котлина.

Вечером 23 июля у Толбухиной косы появляются два шведских корабля и шнява. Получив об этом известие, вице-адмирал К. Крюйс пошел им навстречу, но при наступлении темноты, не дойдя мили три до неприятеля, стал на якорь. Остановились и шведские суда. Ночью вице-адмиралу стало известно о появлении у Сойкиной косы десяти неприятельских судов. Русский и шведский корабельные флоты разделяло расстояние около 35 миль. Это позволяло нашим судам сделать ночью попытку напасть на стоящие на якоре три шведских корабля. Однако нападения не произошло, вице-адмирал потерял удобное для боя время штиля, ночь прошла для нашего флота без всякой пользы. Именно это надо поставить в вину вице-адмиралу К. Крюйсу. На рассвете 24 июля он действует также нерешительно. Когда шведские корабли снимаются с якоря, вице-адмирал дает сигнал погони кораблю «Пернов», фрегату «Самсон», шняве «Лизет» и приказывает И.Ф. Боцису послать для буксира четыре бригантины. И дальнейших распоряжений не делает. Да и посылка четырех бригантин по признанию самого К. Крюйса была результатом приезда шаутбенахта И.Ф. Боциса и капитан-командора В. Шельтинги на флагманский корабль «Рига».

Посланные в погоню за неприятелем корабли продвигались медленно. К полудню начал подниматься западный ветер, российские суда стали отставать и был дан сигнал прекратить погоню, и суда пошли к Кроншлоту. Шведы, как бы вызывая наши корабли на преследование, пошли за ними. Это заставило вице-адмирала снова поднять сигнал погони (красный флаг), а неприятель уже имея преимущество в скорости, стал уходить к северному берегу Финского залива. Увлечение погоней грозило нашему флоту быть отрезанным от Котлина действовавшими в Финском заливе у южного берега основными силами шведского флота. К. Крюйс принимает единственно правильное в той ситуации решение – не увлекаться погоней за шведами, дает в 7 часу сигнал об ее прекращении и становится на якорь. За этот сигнал и подвергся К. Крюйс обвинению со стороны своего давнишнего недоброжелателя шаутбенахта галерного флота И.Ф. Боциса, который утверждал в своем донесении, что сигнал был сделан рано и вице-адмирал упустил случай взять шведские суда. Случай был действительно упущен, как мы уже отмечали ранее, не сейчас, а ночью с 23 на 24 июля. И на это не обратил внимание И.Ф. Боцис и судьи, судившие вице-адмирала впоследствии. К вечеру же 24 июля, когда поднялся сильный ветер, российские суда потеряли возможность догнать шведов. Кроме того, ходовые качества российских кораблей были неодинаковы. Вице-адмирал на корабле «Рига» и смог бы догнать и вступил бы в бой, но вряд ли мог рассчитывать на помощь других судов, и не известно чем бы это все закончилось.

В кампанию 1712 г. корабельный флот больше никаких существенных действий не совершал.

В 1713 г. Петр I решает предпринять новый поход в Финляндию. Именно на этом направлении можно было действовать самостоятельно, не завися от чужих интересов и планов. В этот раз царь намеревался использовать более широко силы корабельного флота. Цель – вытеснение шведского флота из Гельсингфорса. Тем более в кампанию 1713 г. корабельный флот уже мог выступить с большим числом вымпелов. В кампанию готовилась вступить Ревельская эскадра, состоявшая из купленных за границей кораблей и двух архангелогородских фрегатов. 2 мая 1713 г. вице-адмирал К. Крюйс получил инструкцию для крейсерства с корабельной эскадрой у Березовых островов, в которой предписывалось после соединения с ревельскими кораблями постоянно находиться в море, следя за передвижениями шведского флота. В пункте 5-м данной инструкции имеется собственноручная приписка Петра I: «Ежели же неприятель в силе, то есть равным числом, или слабее, или хотя числом и более, да корабли меньше или малолюднее, или протчий какой тому подобной случаетца, то оные с помощью Божию атаковать». Эта приписка свидетельствует, что вице-адмирал К.Крюйс не был стеснен в своих действиях.

В этот же день корабельный флот выходит в море для встречи Ревельской эскадры. До Березовых островов на корабле «Полтава» шел сам государь. Вышедшая же 23 апреля из Ревеля эскадра под командованием капитан-командора А. Рейса в составе кораблей «Эсперанс», «Антоний» и «Рандольф», фрегата «Св. Яков» и галиота «Элеонора», не дойдя до Гогланда, вынуждена была возвратиться из-за неблагоприятной ледовой обстановки. Лишь 6 мая, пополнившись пришедшими из Архангельска фрегатами «Св. Петр» и «Св. Павел», вышла из Ревеля. 8 мая у о. Сескар, встретила с крейсеровавшей здесь эскадрой вице-адмирала К. Крюйса. Теперь корабельный флот составил 16 вымпелов. Это была значительная сила, способная противостоять шведскому флоту. Однако, крейсеруя в восточной части Финского залива, К. Крюйс не решался идти на запад, где можно было встретить шведский флот и дать бой. Вероятно, излишне осторожный вице-адмирал считал, что русские корабли уступали в боевых качествах шведским и боялся осложнений. Не был вице-адмирал К.Крюйс флотоводцем в силу своего медлительного и недоверчивого характера. Не дано было ему водить в бой эскадры. Вице-адмирал был прирожденным хозяйственником и именно это прекрасно подметил Петр I, поручив ему после ссылки адмиралтейские дела.

Чем же занимался командующий после воссоединения с Ревельской эскадрой под командованием А. Рейса? Из донесений его генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину явствует: «вся дни имеем попечение о экзерции всех воинских дел, которые на море служат», то есть он устраивал собрания командиров судов, которые как выяснится позже, особой пользы не приносили. Можно сказать, что цель этих консилиев была в том, чтобы снять с себя часть ответственности в случае непредвиденных обстоятельств.

Петр I предполагал, как было сказано выше, задействовать корабельный флот в операции по занятию Гельсингфорса. Он должен был одновременно с армией появиться у города и постараться запереть стоявшую там шведскую эскадру.

К началу июня в Ревель пришли еще пять кораблей, купленных за границей: линейные корабли «Виктория», «Оксфорд», «Страфорт» и фрегаты «Св.Николай» и «Лансдоу». Они были оснащены артиллерией только наполовину и не имели команд. Для приведения кораблей в порядок были посланы друг за другом капитан-поручик И.А. Синявин и капитан П. Сиверс, которому под страхом понижения в чине предписывалось в кратчайшие сроки подготовить присоединение Ревельского отряда к эскадре вице-адмирала К. Крюйса.

Для их соединения Петр I решил предпринять поход основных сил флота к Ревелю. 7 июля у вице-адмирала К. Крюйса был собран «консилиум», в котором участвовал шаутбенахт (царь) и капитан-командоры А. Рейс и В. Шельтинга. Представленное царем 7 июля «мнение» состояло в том, чтобы в походе иметь впереди три лучших корабля для предупреждения о неприятеле. От сильного неприятеля следовало уходить, а со слабым вступать в бой. Если же будут получены сведения о слабости сил шведского флота, то предписывалось отыскать его и запереть в Гельсингфорсе. Данное мнение было одобрено военным советом, но затем вице-адмирал К. Крюйс и капитан-командор А. Рейс добавили к решению совета просьбу, чтобы царь лично не участвовал в походе. В письме от 8 июля 1713 г. вице-адмирал просил Петра I не ходить в поход. «Главнейшее есть то, – пишет Крюйс, – дабы В. Ц. В. всемилостиво позволили для мнения своей персоны в путь с нами не изволили идти. Понеже армия обретается в Финляндии..., истинно В. Ц. В. персоне близ С.-Петербурга и при С.-Петербурге нуждающе обретатися». В подтверждение своей просьбы, Крюйс подал царю записку, в которой перечислял все опасности, могущие случиться в продолжение похода. В частности, он указывал на ряд примеров из голландской и английской морской истории. Это письмо вызвало раздражение Петра I. Никогда не пугавшийся личной

опасности, он удивился той заботливости, с которой его старались отклонить от участия в походе и заподозрил К. Крюйса в недоверии к своим морским познаниям.

Немедленно в тот же день Петр I ответил Крюйсу, что он удивляется тому, что вице-адмирал взял на себя смелость доносить ему, помимо решений вопросов, решавшихся на военном совете, еще и о таких, которые в совете даже не затрагивались, а именно чтобы царь не только не присутствовал на флоте, но и не возвращался в Финляндию к своей армии. По мнению Петра I, Крюйс не имел ни причин, ни обязанностей, чтобы давать подобные советы. В ответ на грозное письмо царя К. Крюйс просил подтверждения указом «мнения» царя, так как по форме не считал его приказом и указывал на доносы на него недоброжелателей. И шаутбенахт уже отвечал вице-адмиралу как государь: «Я не знаю более что писать, ибо я свое мнение вам уже объявил, за подписанием своей руки, которое и ваша милость хвалите; и ежели оное добро есть, извольте так делать, будете иноко – только б в пользу было. И не извольте терять времени, и именно, чтоб корабли Ревельские сюда препроводить». А на приведенные К. Крюйсом примеры дал язвительные ответы.

А каковы же, на наш взгляд, были истинные причины, по которым К. Крюйс старался отстранить царя от морского похода?

1. Вице-адмирал в своих взглядах на военные действия на море не всегда сходил с Петром I. Его многолетний опыт и переделки, в которых он побывал, заставляли его быть весьма, а порой и излишне, осторожным. И конечно старому моряку, одному из опытейших в морском деле среди офицеров тогдашнего российского флота, было трудно исполнять советы менее квалифицированного, как он считал, специалиста, будь это даже сам царь Петр I, которого К. Крюйс весьма почитал. Конечно, вице-адмирал хотел единоначалия в выработке стратегии.

2. Но все же самой главной причиной, побудившей К. Крюйса действовать именно так, а не иначе, была личная безопасность царя. Обеспокоенность опытного моряка имела под собой почву. Свидетельством тому является письмо посланника в Нидерландах Б.И. Куракина генерал-адмиралу Ф.М.Апраксину, в котором есть подтверждение о намерениях шведских и французских каперов захватить в плен Петра I во время его плавания по Балтийскому морю. А как французы это умеют делать, К. Крюйс испытал на себе еще в 1691 г. Имевший связи за границей и получавший сведения об обстановке на море от приходивших в Санкт-Петербург и к Котлину иностранных купцов К. Крюйс, конечно же, мог знать о таких намерениях противника от своих друзей.

К сожалению, вице-адмирал прямо не сказал о своих опасениях царю. В результате твердое нежелание К. Крюйса взять в поход царя сыграло не последнюю роль в столь строгом мнении о вине вице-адмирала в ходе суда. И так, как ни сильно было желание Петра I принять участие в боевом походе созданного его стараниями флота, но чувство долга младшего по званию пересилило, и он исполнил волю старшего командира – остался на берегу.

9 июля 1713 г. К. Крюйс с флотом в 13 вымпелов вышел в море на соединение с купленными за границей пятью кораблями, пришедшими к тому времени в Ревель. 10 июля вечером русская эскадра у о. Гогланд встретила отряд шведских кораблей под командованием капитан-командора Рааба, посланного на разведку из Гельсингфорса. Не сбавляя скорости, К. Крюйс позвал на совет капитан-командоров А. Рейса и В. Шельтинга. И с общего согласия было решено начать погоню. Следует отметить, что выступая в поход, вице-адмирал должен был рассчитывать на встречу с неприятелем, но он не дал командирам судов письменной инструкции, которая бы могла служить руководством в случаях, не предусмотренных существовавшими сигналами и общими правилами. Словесные наставления командующего, которые имели место, сыграли с ним злую шутку. На суде почти все командиры судов отказались от того, что они слышали устные приказания К. Крюйса вступать в абордажный бой, не дожидаясь сигнала.

Утром 11 июля русская эскадра подошла близко к неприятелю и начала перестрелку. Вице-адмирал при пушечном выстреле поднял красный флаг, что означало «вступить в бой». Но случилось несчастье: корабль «Выборг» сел на мель, а за ним вслед набежали на мель «Рига», «Эсперанс» и шведский флагманский корабль. По всей вероятности это была банка Калькободенгрунд на меридиане башни Глосхольм. Два последних судна сошли с мели, а «Рига» и «Выборг» сели основательно. На «Риге» пробило крют-камеру, что вызвало замешательство, паруса убрали и спустили боевые флаги. Ушедшие вперед корабли, увидев спущенный красный флаг, прекратили погоню и пошли на помощь севшим на мель. «Рига» была снята с мели, а «Выборг» к ночи переломился, и утром 12 июля его подожгли, и затем он взорвался. Вице-адмирал К. Крюйс отправился в Ревель на соединение с находившимися там судами, а 25 июля корабельный флот был у Кроншлота. Помощь его у Гельсингфорса уже не понадобилась, военная операция была завершена.

Недовольный действиями корабельного флота и, вероятно, под давлением общественного мнения, обвинявшего К. Крюйса, Петр I после завершения кампании занялся разбором обстоятельств гибели корабля «Выборг». К этому делу было приобщено двукратное

упущение случая захвата шведских судов в июле 1712 г. у о. Котлин и в июле 1713 г. у о. Гогланд. Был назначен военный суд под председательством генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Старшим из членов суда был шаутбенахт Петр Михайлов (царь). В событиях 1712 г. обвинялся только вице-адмирал К. Крюйс, а в событиях 1713 г. кроме него еще капитан-командоры В. Шельтинга, А. Рейс и капитан И. Дегрюйтер.

Суд заседал с 14 декабря 1713 г. по 22 января 1714 г. с перерывом с 23 декабря 1713 г. по 7 января 1714 г. Всего было 18 заседаний. Тщательно разбирались все обстоятельства случившегося. Были опрошены обвиняемые и свидетели. Показания были весьма противоречивые. Следует отметить, что взаимоотношения К. Крюйса с подчиненными складывались по-разному. Многие из тех, кто служил под его началом на кораблях Балтийского флота, относились к нему с уважением, хотя и имели свое собственное мнение при решении боевых задач. Карьеристы же искали удобного случая опорочить попавшего в беду человека. В первую очередь это был давнишний недоброжелатель К. Крюйса, завистливый шаутбенахт галерного флота И.Ф. Боцис, не желавший примириться с тем, что безродный К. Крюйс являлся вторым лицом на российском флоте. И.Ф. Боцис всячески старался очернить вице-адмирала. Его донос и действия во время суда, как свидетельствуют архивные документы, был спланированной и организованной акцией и стал одной из причин суда над К. Крюйсом. В Российском государственном архиве Военно-морского флота хранится заведенное в 1714 г. следственное дело по обвинению капитана В. Торнгоута в подговоре капитанов кораблей в период заседаний суда «обнести клеветой и разорить вице-адмирала» за его действия в 1712-1713 гг. Данные документы не использовали ранее исследователи и мы обнародуем их впервые. В них прослеживается связь с греками (то есть с шаутбенахтом И.Ф. Боцисом). Следует отметить, что из этого же дела мы узнаем, что доносить на вице-адмирала согласились не все капитаны.

Однако дела 1712 г. было недостаточно для осуждения К. Крюйса. Конечно, основным предлогом разбирательства были неудачные действия корабельного флота в 1713 г., на помощь которого рассчитывал Петр I в военных действиях в Финляндии. И в этом деле уже фигурирует не только командующий, но и капитан-командоры В. Шельтинга, А. Рейс и капитан И. Дегрюйтер.

Каждый из подследственных отрицал свою вину, даже там, где она была очевидной. Вице-адмирал К. Крюйс защищался, как мог, во многом он был прав. Однако он прекрасно понимал, что основная вина ляжет на него как на флагмана, но отвечать одному не хотелось. Всегда прямой и честный человек почувствовал, что в создавшейся ситуации, когда

все и даже его благодетель царь не на его стороне, ему спасения нет. И нервы бывалого моряка не выдержали. Не желая подчиниться судьбе, К. Крюйс поступает также как и его недруг шаутбенахт И.Ф. Боцис – подает донесение на своих подчиненных, укоряя в невыполнении долга, и даже обвинял командиров судов в том, что «намерение имели вице-адмирала предать в руки неприятеля».

Каждый из членов суда подавал свое мнение в письменном виде. Кто-то считал, что вице-адмирал заслуживает смерти, другие - лишению чина или денежного штрафа, но никто не оправдывал его. Подали свое мнение Петр I и А.Д. Меншиков, в заключительной части которого сказано, «что вышереченный господин вице-адмирал по пунктам голландского артикула осудиться должен. В прочем полагается на смерть». Насколько важным было мнение, говорит тот факт, что на нем стоят не только подписи, но и личные печати Петра I и А.Д. Меншикова, тогда как мнения о виновности других обвиняемых не заверены печатями. Это обстоятельство свидетельствует о чрезвычайной важности данного заключения и понимании ответственности его подписавших. Обвинялся человек, являвшийся вторым лицом в командном составе российского флота.

Тем не менее, даже при всех допущенных К. Крюйсом ошибках такого жестокого приговора не должно было быть. Вероятнее всего, причинами столь сурового обвинения послужили совсем другие обстоятельства. Попытаемся проанализировать, что же это были за обстоятельства.

1. Вице-адмирал К. Крюйс в тогдашнее время всеобщих злоупотреблений оставался незапятнанной личностью. Требуя честности от всех должностных лиц, не взирая на их звания и положения при царском дворе, в том числе и от светлейшего князя А.Д. Меншикова и своего начальника генерал-адмирала Ф.М.Апраксина, К. Крюйс тем самым настраивал приближенных к Петру I сановников против себя. Распри между вице-адмиралом и сановниками, его частые жалобы царю на их бездеятельность и излишняя щепетильность К. Крюйса в какой-то мере раздражали Петра I.

2. Не последнюю роль в приговоре сыграло уже упоминавшееся нежелание взять в поход 1713 г. царя.

3. Но главная, на наш взгляд, причина заключалась в словах обвинительного мнения самого Петра I, который утверждал, что вице-адмирал «мнит, что все ничего не знают».

Иными словами, окружающих К. Крюйса лиц раздражала его излишняя, как им казалось, независимость и смелость в суждениях и поступках, основывающаяся исключительно на его многолетнем опыте и глубоких познаниях, которая совершенно не

зависела от того, с кем ему приходилось иметь дело. Именно эта прямота и честность характера, не совсем применимая к российским условиям, и вступила в противоречие с тогдашней действительностью. И вице-адмирал был наказан. Однако вспыльчивый и скорый на расправу Петр I был и отходчив.

На следующий день после оглашения приговора царь, учитывая заслуги вице-адмирала, заменил смертную казнь на ссылку в Казань. Петр I умел исправлять свои ошибочные распоряжения после осмысления их последствий и при выявлении новых обстоятельств. В начале 1715 г. он возвращает К. Крюйса из ссылки. Одной из причин, по нашему мнению были и выявившиеся данные при разборе дела капитана В. Торнгоута. Но основная причина – флот российский нуждался в деятельном организаторе, способном наладить его бесперебойное строительство, оснащение и подготовку к предстоящим военным действиям против еще не побежденного окончательно противника. Победа над Швецией была еще впереди. И заслуга великого российского монарха в том, что он ставит во главе адмиралтейских дел именно вице-адмирала К. Крюйса. А тот в свою очередь, стараясь оправдать доверие Петра I всю свою кипучую энергию, весь свой опыт хозяйственника отдает флоту.

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР ПЛАТОН РОКАСОВСКИЙ В ФИНЛЯНДИИ

Деятельность П.И. Рокасовского в Финляндии еще пока не приковывала большого внимания современных отечественных историков, тогда как, в конце XIX- начале XX вв. она уже получила определенную оценку как среди российских, так и финляндских исследователей и публицистов.⁴ И это не случайно. Объективно, работа Рокасовского была весьма своеобразна и сыграла не последнюю роль в дальнейшем сближении Финляндии и России в условиях непростой политической ситуации и периода Крымской войны и буржуазных реформ, которые осуществлял Александр II и которые непосредственно коснулись и Финляндии.

Но, прежде всего, кто был такой П.И. Рокасовский?

Чтобы ответить на этот вопрос нужно вспомнить, что его род происходил от Врангелей ведущий свое начало с 1219 г. от Тука Вранге, начальника Ревельского гарнизона. В XVI в. род распался на 20 самостоятельных ветвей. Шведскими грамотами 1653 г. и 1680 г. три представителя рода Врангелей были возведены в баронское достоинство. В 1764 г. род баронов Врангелей был записан в Эстляндский матрикул и пятую часть дворянских родословных книг Витебской и Санкт-Петербургской губерний. В 1865 г. за Врангелями признан баронский титул в России.

Платон Иванович Рокасовский принадлежал к Витебской ветви Врангелей. Родился он в Городецком уезде Витебской губернии в 1800 г.

В 1810 г. Платон был определен в число сверхштатных воспитанников Петербургского института корпуса инженеров путей сообщения. Отлично выдержав 16 июля 1812 г. выпускной экзамен, произведенный в прапорщики, он был оставлен при институте для дальнейшего обучения в офицерских классах. Окончив полный курс наук института, получив чин поручика, Платон остается репетитором в институте. Но уже в 1816 г. молоденького поручика переводят в свиту Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, а 30 августа того же года, уже в чине штабс-капитана, он приступает к производству географической съемки в Петербургской губернии. В 1823 г. капитан Платон Рокасовский получает свою первую награду: орден Св. Владимира 4 ст. В 1827 г. уже полковник Рокасовский становится начальником топографической съемки

Гродненской губернии и причисляется к Генеральному штабу. Вся его дальнейшая судьба была связана с военной и политической деятельностью.

14 апреля 1829 г. командированный во Вторую турецкую армию, он принял участие в осаде Силистрии, а 30 мая 1829 г. в сражении при Кулевче, участвовал в переходе армии через Балканы, в делах при Ямболи и Сливне и в занятии Андрианополя. За участие в боевых действиях в сентябре 1829 г. ему был вручен орден Св. Анны 2 ст., а в декабре того же года Корону на этот же орден.

24 мая 1830 г. полковник Платон Рокасовский переводится в отдельный Кавказский корпус и продолжает участвовать в различных боевых действиях на Кавказе. Причем за храбрость проявленную в момент сражения 13 октября при Асесупсе получает орден Св. Владимира 3 ст.

В 1831 г. последовало новое назначение - комиссар по проведению в Азиатской Турции новой границы с Османской империей, а затем с 1832 г. он уже командующий отрядом войск, собранных для охраны русской границы от набегов лезгин. За действия на Кавказе Рокасовский удостоивается еще одного высочайшего благоволения. Он награждается золотой шпагой с надписью «За храбрость» и орденом Станислава 2 ст со звездой за храбрость.

Однако в сентябре 1833 г. его переводят исправляющим обязанностями начальника штаба отдельного корпуса с юга на восток, в Оренбург. Здесь он встретил свою будущую жену, Александру Кузьминскую. Она была дочерью полковника Василия Кузьминского, выходца из мелкопоместного дворянства, служившего в Оренбурге. Её мать Елизавета Камаева происходила из татарской семьи и родилась в Сибири. Многочисленные картины и портреты, выполненные маслом, изображали госпожу Александру Кузьминскую, как очень красивую девушку.

Они поженились в 1835 г., и на следующий год у них родился первый сын. Платон Рокасовский немедленно нанял английскую и французскую гувернанток для сына. Молодая мама, которая была на четырнадцать лет моложе своего мужа, стала изучать французский под присмотром гувернантки-француженки. В то время в России считалось неприличным неумение бегло говорить по-французски.

Однако губернатор Финляндии князь А.С. Меншиков, являвшийся тогда весьма влиятельной фигурой при царском дворе, решил начать реформирование верховного управления Финляндией. У него возникла мысль об отделении гражданского управления этой окраиной от военного. В 1848 г. военное управление было поручено графу Муравьеву, а

генерал Рокасовский 18 января 1848 г. становится его помощником и вместе с семьей переезжает в Гельсингфорс. В Финляндии он покупает два поместья – Дегерё около Гельсингфорса и Кирьёла около Выборга.

Платон Рокасовский являлся весьма образованным человеком. Хотя он и был солдатом, но знал чувство меры, обладал великодушием и за короткое время он стал очень популярным в Финляндии.

Тем временем в 1854 г. началась т.н. Крымская война. В этих условиях, 22 февраля военный министр сообщил, что руководство всеми войсками и крепостями Великого Княжества Финляндского возложено императором на генерал-лейтенанта Рокасовского. В начале марта Николай I сам посетил Финляндию, чтобы ознакомиться с настроением ее населения накануне предстоящих боевых действий. Он не был здесь с 1833 г. В высочайшем рескрипте от 12-24 марта на имя Рокасовского отмечалось: «Посетив Финляндию в начале сего месяца, Я был глубоко тронут радушною встречей всех сословий любезно-верного мне Великого Княжества. В общей их преданности нашел Я самый утешительный отголосок Моему искреннему к ним расположению». По просьбе Рокасовского рескрипт был напечатан в газете «Северная пчела».

11 марта 1854 г. из Портсмута в море вышел английский флот. Вскоре к англичанам присоединились французы. Войдя в Финский залив в начале мая, объединенные союзные корабли лишь 2 июня двинулись дальше на восток. Мешали туманы, отсутствие лоцманов и, в основном, разноречивость распоряжений поступающая им из Лондона и Парижа.

24 мая Рокасовский представил императору свои соображения: «Общее опасение жителей Финляндии при виде, что обширные пространства не будут заняты войсками, открыты нападению неприятеля, внушают мне мысль составить и повергнуть на высочайшее Вашего Императорского Величества благоизволение, предложение о формировании для защиты сих земель военной силы из среды обитателей страны. Нет сомнения, что неприятель употребит все меры обольщения к поколебанию чувства долга и верности в прибрежных жителях Финляндии, но в народном войске он встретит преграду сильную, не столько может быть физическую, сколько моральную. Отразить врага естественное желание. Население, имея в этом войске своих сыновей и братьев, будет искренне сочувствовать его успехам». Рокасовский просил о формировании первоначально двух батальонов из жителей Улеаборгской, Вазаской и Абоской губерний. Император «с истинным удовольствием прочитал рапорт и совершенно одобрил предложение и.д. генерал-губернатора». Результатом рапорта стало начало созыва так называемых поселенных войск Финляндии.

26 июня объединенный союзный флот встал на якорь у Кронштадта.

Успехи союзников в течение лета были весьма незначительны и ограничились разрушением двух небольших островных крепостей: Рогенсальмес (Котка) и Бомарзунда. В сентябре, предчувствуя зиму, французский флот покинул Балтику. Последние корабли союзников оставили Балтийское море 22 декабря.

Барон Рокасовский добросовестно исполнял временно возложенные на него обязанности генерал-губернатора и командующего войсками. В возникшей тогда тревожной военной обстановки он относился с большой озабоченностью и старался как-то предусмотреть все нужды края связанные с необходимостью его обороны. Однако, как он сам лично считал, качеств выдающегося государственного мужа, необходимых в условиях продолжающейся войны, у него было не достаточно. Поэтому Рокасовский в декабре 1854 г. поставил перед своим руководством вопрос о своем желании «отчислится с должности».

В результате 6 декабря 1854 г. на пост генерал-губернатора Финляндии был назначен граф Фредерик фон Берг, который, собственно, и заменил князя Меншикова. Рокасовский же получил новое назначение в качестве члена Государственного Совета и поэтому

подкинул Финляндию, переехав в Санкт-Петербург. Его отъезд, по всей видимости, проходил у нег «с тяжёлым сердцем». Рокасовский полюбил эту маленькую страну и ее людей, таких искренних и весьма работоспособных, а само население Великого Княжества, как считалось, глубоко сожалело об его отбытии. Дело в том, что в период кратковременного руководства Финляндией П. И. Рокасовский успел приобрести расположение финнов, особенно дворян, своим прямым и честным характером, добротой и необыкновенным спокойствием. При прощании ему был поднесен благодарственный адрес, и, кроме того, Финляндский сенат просил оставить его в числе финских граждан, возведя в звание барона. 14 января 1855 г. он с детьми и потомством был «высочайше пожалован» званием Финляндского барона и внесен в списки Финляндского рыцарского дома.

Финский поэт посвятил барону стихи, в которых, в частности, говорилось:

Благодарим за все, что сделал
Ты нам в опасности войны!
Кто с благодарностью не вспомнит
Твоих забот для всей страны?
Тебе отрадна будет память
О днях когда ты правил здесь
И в сердце каждого финляндца
Ты памятник себе воздвиг....

...Ты драгоценнейшее сердце
В земле финляндской схоронил –
И стала новою отчизной
Для вас финляндская земля.

Деятельность Рокасовского в Государственном Совете оказалась непродолжительной. 23 марта 1857 г. он назначается членом особого комитета по делам Финляндии. Там тогда был поставлен вопрос о созыве заседаний нового сейма. Но сделать этого не удалось. Неудача приписывалась влиянию графа Берга. Тогда финляндские деятели более чем когда-либо, стали критиковать его, считая Берга «совершенно чуждым сеймовым настроениям». В то время как Рокасовского - наоборот всячески почитали, надеясь, что именно он и сможет стать преемником Берга.

Действительно, для умирения вспыхнувшего в Царстве Польском мятежа Берг в конце 1861 г. был назначен наместником в Варшаву. В результате 8 ноября 1861 г. генерал-губернатором Финляндии становится генерал от инфантерии кавалер ордена Св.Александра Невского Платон Рокасовский.

11 декабря 1861 г. вечером Гельсингфорс с большим восторгом встречал нового генерал-губернатора. Финны торжествовали. Все улицы города были заполнены ликующими толпами людей, население также организовало в его честь факельное шествие.

Когда императору Александру II доложили о впечатлении, произведенном новым генерал-губернатором, он сказал: «Дай бог, чтобы такое настроение оказалось прочным!» Видимо, в это время царь особенно интересовался ходом дел в Великом Княжестве.

Назначение барона Рокасовского всех удовлетворило. Истинный джентльмен с весьма основательным военным образованием, он соединял в себе большую начитанность с осведомленностью в различных областях знаний. Он свободно говорил на немецком, французском, английском языках, хорошо владел польским. К тому же обладал еще качествами любезного хозяина и его дом был очень гостеприимен. Здесь, фактически, группировалась вся «аристократия ума» Финляндии.

Хотя образование и воспитание баронессы Александры Рокасовской, дочери неизвестного полковника из Оренбурга на границе с Азией, совершенно отличалось от образования и воспитания её мужа, они оказались счастливой семейной парой. Баронесса Рокасовская следовала инструкциям своего мужа и вскоре хорошо овладела премудростями придворного этикета и успешно справлялась с обязанностями жены русского аристократа и важного должностного лица, каким был ее муж. Спустя тридцать лет с начала семейной жизни она хорошо говорила по-французски и стала одной из известных хозяек салона Петербурга и Гельсингфорса.

Как жена генерал-губернатора Финляндии она отказывалась принимать участие или давать разрешение на использование своего имени любому благотворительному обществу, в которых женщины высшего света принимали самое живое участие. С незапамятных времён весьма часто случалось, что эти общества управлялись бесконтрольно, и средства, собранные на благотворительные цели, пропадали. Гордясь своими именем и репутацией, барон Рокасовский не хотел, чтобы имя его жены оказалось связанным с разными слухами о нелицеприятном использовании общественных средств. Баронесса никогда не подвергала сомнению властное желание мужа. По его настоянию она полностью доверила образование детей французской и английской гувернанткам и учителям.

Более того на одном из приёмов в Зимнем дворце барону Рокасовскому было позволено представить свою супругу императору Николаю I. Тогда же баронесса была представлена и наследнику - будущему царю Александру II, и его жене Великой Княгине

Марии Александровне. Цесаревне понравилась баронесса и они начали переписку. Их обмен письмами продолжался почти тридцать лет. Саму же Александру Рокасовскую считали в обществе умной, осведомленной и внимательно следившей за политикой.

11 июля 1862 г. «всемилоостивейшим рескриптом» и алмазным знаком к ордену Св. Александра Невского было отмечено 50-летие службы барона в офицерских чинах. Финляндцы же почтили его обедом, не имевшим характера обыкновенных официальных приемов.

Все это происходило в условиях уже подготовки к открытию сейма. Рокасовский вел это дело весьма умело, учитывая настроений общества, и опасался возможных последствий разгорающейся политической борьбы, которая тогда начала активно развиваться. Одновременно, как губернатор, он предпринимал все необходимые меры к ослаблению последствий постигшего край в 1862-1863 гг. страшного голода, но также он организовал и сбор средств в помощь пострадавшим от пожаров в 1862 г. в Петербурге.

Тем временем 17 июля 1863 г. для участия в открытии финляндского сейма в Гельсингфорс со всей семьей и царским двором прибыл император Александр II. На церемонии открытия царь выступил с речью на французском языке, который активно использовавшимся в международной политике. Но этот жест либерального российского монарха, как это можно было почувствовать, дал каждому жителю Княжества понять, что Финляндия действительно стала автономной частью Российской империи, которая на практике обладает собственной конституцией, управлением, а также сводом законов, денежной единицей (финской маркой), почтой, телеграфом и наконец таможней, которая проходила вдоль всей финской границы, отделяя Княжество в том числе и от России.

Население Финляндии торжествовало. Улицы Гельсингфрса были украшены флагами и вензелями российского царя. Вечером был произведён грандиозный салют, а во дворце генерал-губернатора барон Рокасовский дал бал в честь Александра II. Согласно придворному этикету он был открыт полонезом, и ведущей парой были царь и баронесса Рокасовская. За ними следовали барон Рокасовский с императрицей, великие князья и княгини и члены императорского двора.

Среди других вопросов, которые решались в условиях пребывания Александра II в Гельсингфрсе, было прошение подано ему в отношении к финскому языку. Положение говорящих по-фински в действительности в Великом Княжестве являлось весьма необычным. Официальным языком в крае традиционно считался - шведский. Финны

объективно походили на иностранцев на собственной родине. Ракасовский очень хорошо понимал эту проблему и поддержал прошение членов т.н. выборной комиссии о рассмотрении вопроса о финском языке. Была образована специальная комиссия с целью определить, какими образом можно вести использование финского языка в низших органах суда, а также в т.н. присутственных местах, где население говорит исключительно по-фински. В состав комиссии вошел известный филолог, собиратель рун «Калевалы» профессор Эльяс Ленрот.

Высочайшим постановлением 1 августа 1863 г. шведский язык был оставлен по-прежнему официальным языком княжества, но финский язык также получал равные с ним права. Финское население приняло новый закон с ликованием «как весть об освобождении от векового ига».

Сочувствуя созыву сейма, Ракасовский зорко следил за тем, чтобы печать не искажала объективную картину хода работы сейма. Являясь сторонником сейма, он заботился об общей организации публикаций, касающихся этого дела. Ракасовский даже поставил вопрос о возможности выделения 4000 руб. на содержание официального «публициста», который бы опровергал неверные по мнению губернатора сообщения, содержащиеся в определенных статьях финляндской прессы.

Но наряду с вопросами, касающимися «сеймовых дел» Ракасовский не забывал и о русском населении, проживающем в Княжестве. Так, когда в 1864 г. купец Н.И. Табунов на принадлежавшем ему в городе месте построил дом для первой русской школы в Финляндии, с двумя отделениями для девочек и для мальчиков, Ракасовский добился от казны получение купцом специального пособия на начатую постройку. Содействовал он также сооружению в Гельсингфорсе Русского камерного театра и отпускал для этого ежегодные деньги.

Одновременно генерал-губернатор, конечно, был стойким противником всех проявлений финляндского сепаратизма в отношении России. И это даже проявлялась в резко отрицательном отношении Ракасовского к возможно достаточно символическим действиям «сепаратистов». Так, в частности, он просил барона Армсфельда оставить без доклада ходатайство в 1863 г. жителей города Николаевштдта, которые просили вернуть прежнее шведское название своему городу (Вааса), поскольку видел в этом неуважительное отношении к России. Он считал справедливым новое именование города, получившее свое название в 1855 г. в честь русского императора Николая I, пожертвовавшего после произошедшего там разрушительного пожара на его восстановление немалую сумму денег.

Был он также против и сооружения мемориала в память о поражении русских войск от шведов в 1789 г. у Паросальми. Когда же в 1864 г. без его ведома была отмечена годовщина победы шведов над русскими войсками у Лаппо в войну 1808-1809 гг., он отправил николаевштдтскому губернатору письменное извещение о том, что запрещает впредь проводить подобные празднования и указал также при этом, что не следует еще и допускать в местных газетах какие-либо антирусских статей.

Рокасовский возражал и против желания сената чеканить в Финляндии особую серебряную монету, подтверждая ненадежность денежного положения в княжестве, отказываясь рассматривать вопросы, касавшиеся, по его словам, финансовых и политических отношений между Финляндией и Российской империей.

Такие взгляды, конечно, не могли снискать ему расположения финляндцев, среди которых усиленно распространялась в то время идея самостоятельности финляндского государства.

Непрочность своего положения Рокасовский почувствовал уже в начале 1864 г. «Во время моего короткого пребывания в Петербурге (14 – 26 января), - писал он Армсфельду, - слух о моей отставке укоренился здесь, в Гельсингфорсе, до такой степени, что масса народа выражали мне чувства удовлетворения по моему сюда возвращении. Я старался доискаться источника и думаю, что слух этот был распространен некоторыми военными, которые может быть считают меня слишком мягким в отношении финляндцев и желали бы иметь значение, которое имеют наши войска в западных губерниях».

Вскоре однако началось сильное движение направленное именно против него. 19 апреля 1866 г. Рокасовский был уволен от должности генерал-губернатора и командующего войсками Финляндии. Единственное, что в этом отношении смог сделать финский сенат, это предать ему обращение от всех провинций края, написанное по-шведски, где высоко оценивалась его служба на благо Великого Княжества и заверялась вечная преданность ему «благодарного населения Финляндии». Таким образом Платон Иванович Рокасовский пал жертвою своего патриотизма. Как ни дороги ему были интересы финляндцев и благоденствие края, он, тем не менее, не решался делать это в ущерб интересам империи.

Началась оценка его деятельности. Наиболее резкий отзыв о Рокасовском вышел из-под пера одного русского чиновника, который писал: «Ответить на вопрос о том, он ли управлял Финляндией, а жена командовала войсками, или наоборот, - я представляю будущим исследователям истории края. Тот факт, однако, что человек, подобный Рокасовскому, мог быть терпим в такое время в Финляндии, в качестве фактического генерал

– губернатора и командующего войсками, указывает на всю безответственность и халатность с которыми важнейшие посты в государстве замещаются лицами, совершенно не соответствующими требованиям поручаемой им должности».

С другой стороны сердечнее и спокойнее отнеслись к нему финны. «Достоинства Рокасовского не были ослепительны, – читаем в книге финляндца, – но он был честен и мыслил благородно. Он старался серьезно вникнуть в дела страны, а недостаточность инициативы, в которой его упрекали, зависела от его конституционного воззрения на свою должность». Другой финляндец (Фуругельм) также отнесся с симпатией к бывшему начальнику края, сказав: «Во всяком случае, можно утверждать, что барон Рокасовский был наилояльнейший и вместе с тем самый любимый из русских генерал - губернаторов в Финляндии».

После выхода в отставку, Рокасовский со своей семьей совершил поездку за границу. Последние свои дни он провел во Франции в городе Ницца. 18 марта 1869 г. он скончался от сердечного приступа. Здесь же состоялись и его похороны. Они прошли на русском кладбище, которое было расположено в нескольких километрах к западу от центра города. На могиле же была установлена большая квадратная надгробная плита, выполненная из мрамора, с указанием звания и дат жизни покойного.

В 1867 г. на выставке в Академии художеств демонстрировалась картина «Барон Платон Иванович Рокасовский фон Врангель», написанная художником Константином Маковским, вероятно, к 50-летию служебной деятельности генерала.

История этой картины полна приключений. До 1942 г. она хранилась в Москве. В 1940-е гг., когда стали формироваться фонды художественного музея Чечено-Ингушской АССР, многие московские и ленинградские музеи отправляли в город Грозный произведения искусства из своих запасников. Большинство работ было связано с Северным Кавказом. Среди полотен оказался и портрет Рокасовского. Однако в декабре 1994 г. во время штурма города федеральными войсками музей был полностью разрушен. Разбор завалов начался лишь весной 1995 г., но отыскать там удалось только около 200 картин, остальные же, хранившиеся ранее в собрании грозненского музея оказались утраченными. Тем не менее картина «Барон Рокасовский» все же была обнаружена, но... на Дальнем Востоке.⁵ Варварски вырезанное из подрамника, полотно хранилось в непригодных условиях, отчего краска во многих местах ее потрескалась. Теперь это произведение восстанавливается и храниться в одном из московских музеев.

В.И. Мусаев

КОНСТАНТИН АРАБАЖИН В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И ФИНЛЯНДИИ

Константин Арабажин, имя которого не так хорошо известно среди широкого круга лиц, интересующихся историей российского зарубежья, волей случая в первые годы финляндской независимости стал одной из ведущих фигур среди русской диаспоры в Финляндии.

Константин Иванович Арабажин родился в 1866 г. в г. Каневе на Украине в смешанной украинско-русской семье. По отцу он приходился близким родственником известному украинскому историку В. Б. Антоновичу, а по матери - Марианне Бугаевой - был двоюродным братом русского писателя Андрея Белого (Бугаева). Образование получил на историко-филологическом факультете Киевского университета, на котором учился с 1884 по 1890 гг. В молодости пытался заниматься литературством, причем писал на украинском языке, занимался также переводами (переводил произведения Л. Н. Толстого, Г. де Мопассана). Во время учебы в университете Арабажин принимал участие в деятельности нелегальных кружков радикально настроенной украинской учащейся молодежи, проявляя интерес к социализму и марксизму, имел связи с И. Франко.⁶

В дальнейшем Арабажин не стал ни политиком, ни литератором, зато активно занимался литературоведческой деятельностью и преподаванием филологических наук. В 1891 г. он переехал в Петербург, где преподавал русский язык и литературу в различных учебных заведениях, в частности, в Павловском и других военных училищах, Пажеском корпусе, женских гимназиях, читал лекции по эстетике и русской и западной литературе на императорских драматических курсах. Кроме того, она активно участвовал в общественной жизни: был учредителем Общества народных университетов, товарищем председателя Петербургского педагогического общества, председателем Общества памяти Н. И. Пирогова. В эти же годы началась журналистская деятельность Арабажина. Он вместе с В. В. Барятинским был редактором газеты «Северный курьер», начавшей выходить в Петербурге в 1899 г. и закрытой властями в декабре 1900 г., сотрудничал также в «Биржевых ведомостях». В конце 1890-х гг. Арабажин начал выступать также с публичными лекциями, но особенный размах его лекторская деятельность получила после революции 1905-1907 гг. Кроме того, Арабажин приобрел известность как необычайно плодотворный театральный критик. Особенно интенсивной его деятельность на этом поприще была в 1900 - начале 1910-х гг.,

когда в отдельные годы в печати появлялось свыше 30 рецензий и театральных обзоров Арабажина.⁷

Финляндский период в жизни Арабажина начался в 1913 г. В феврале 1911 г. у скончался профессор русского языка и словесности Гельсингфорсского университета И. Е. Мандельштам, и это место стало вакантным. Был объявлен конкурс на замещение вакантной должности. Хотя Арабажин не был основным кандидатом - в списке он числился лишь третьим - именно он в конечном итоге получил это назначение, так как профессор П. Н. Сакулин, крупный ученый, с точки зрения властей был неблагонадежен, а второй кандидат, В. И. Мансикка, был финном, тогда как на этой должности предпочитали видеть русского. К тому же Арабажин заручился рекомендацией «его императорского высочества князя Александра Георгиевича Романовского, герцога Лейхтенбергского». В этой связи канцлер университета В. И. Марков, который также занимал пост статс-секретаря Великого княжества Финляндского, в письме к председателю Совета Министров В. Н. Коковцову 31 июля (13 августа) 1913 г. высказался за кандидатуру Арабажина. Премьер дал свое согласие, со стороны министерств внутренних дел и народного просвещения также не последовало каких-либо возражений против предполагаемого назначения. 12 (25) сентября 1913 г. канцлер Марков утвердил К. И. Арабажина в должности профессора русского языка и словесности.⁸ 29 октября 1913 г. Арабажин прочел в Гельсингфорсском университете вступительную лекцию «Методы и задачи истории русской литературы» и в тот же день был приведен к присяге.⁹

Со следующего года Арабажин начал преподавать в университете. В 1914-1915 учебном году он читал здесь курсы «Новейшая русская литература» и «История русской литературы второй четверти XIX в.», а также вел семинарские занятия по истории русской словесности. В 1915-1916 Арабажин читал «Историю русской литературы XVIII в.» и «Историю русской литературы второй половины XIX в.». В 1916-1917 учебном году Арабажин вел курс русского языка и читал лекции по истории древней русской литературы. В 1917-1918 учебном году он, помимо лекций по древней литературе, еще читал спецкурс «Политические течения в русской литературе XIX-XX столетий». При этом Арабажин продолжал жить преимущественно в Петербурге и приезжал в Хельсинки (Гельсингфорс) лишь на время учебных семестров, проживая в гостинице. Окончательно он переехал туда лишь в конце 1917 г., после провозглашения независимости Финляндии. Обосновавшись в Хельсинки, Арабажин активно включился в местную общественную жизнь. Он стал председателем научно-педагогической коллегии «Матросского университета в

Гельсингфорсе», состоял членом или председателем советов ряда местных русских учебных заведений.¹⁰

28 января 1918 г. по инициативе Арабажина в Хельсинки была созвана инициативная группа для образования общества, получившего название «Общество Русская колония в Финляндии». Арабажин стал председателем правления общества. Общество начало издавать газету «Голос русской колонии», в марте переименованную в «Русский голос» (всего вышло 29 номеров). Газета именовалась «органом независимой беспартийной мысли», который должен был объединить все слои русского населения в Финляндии, не вмешиваться во внутренние финские дела и способствовать сближению финнов и русских. В программной статье, помещенной в первом номере газеты, Арабажин всячески подчеркивал отказ от какой-либо политической деятельности и указывал на «культурно-хозяйственный» и беспартийный характер созданного общества. Его целью определялось «объединение всех проживающих в Финляндии граждан русской национальности на почве общих интересов, материальных, духовных и правовых». На совещании представителей различных русских организаций в Финляндии в мае 1918 г. Арабажин был избран одним из четырех представителей русского населения для связи с финскими властями. Кроме того, летом 1918 г. его избрали председателем Объединенной комиссии по школьному делу в Финляндии, которая должна была позаботиться о школьном образовании местных русских. После закрытия газеты «Русский голос» в начале лета 1918 г. Арабажин добился разрешения на издание новой газеты «Русский листок», которую он определял как «независимый орган общественной мысли». Газета, выходившая ежедневно с 7 июня 1918 по 28 февраля 1919 гг., выступала против как большевиков, так и крайне правых монархистов и националистов.¹¹

Тем временем внутренняя жизнь в независимой Финляндии развивалась в крайне неблагоприятном для местных русских духе. Антирусские настроения, которые все более усиливались в стране, в значительной степени насаждались и подогревались сверху. С одной стороны, они были проявлением реакции против бывшей метрополии, прежде якобы подвергавшей Финляндию угнетению и ущемлявшей ее автономные права, а с другой стороны, негативное отношение к русским большевикам, помогавшим финским красным в недавно закончившейся гражданской войне, проецировалось на всех русских, независимо от их политических симпатий. Процесс избавления от всего русского приобрел особенно последовательный и систематический характер с мая 1918 г. Летом 1918 г. были ликвидированы должности переводчиков с русского языка в губернских правлениях и других учреждениях. Появился ряд указов, которые отменяли постановления об использовании

русского языка в ведомствах. Государственный университет также стремился избавиться от всего русского. В сентябре 1918 г. автор статьи в шведскоязычной газете «Свенска Тиднинген» под заголовком «Русскую профессию долой» требовал ликвидации старой профессуры русского языка и литературы и двух других профессур. В декабре 1918 г. консистория университета ходатайствовала перед правительством об упразднении всех русских кафедр в университете, связывая их деятельность с ненавистной всем финнам политикой русификации.¹²

Арабажин протестовал против этих утверждений, доказывая, что кафедра русского языка и словесности никак не была связана с русификацией и преследовала прежде всего научные и культурные цели. В «Русском листке» он писал: «Нам думается, что узкому национализму, преисполненному мелких злободневных расчетов и планов, не поколебать научных твердынь Храма науки, который живет для вечного и значительного и тем красит жизнь и возвеличивает народ. О Храме науки должно быть сказано: наше место свято и да не омрачат его своим вторжением люди дня и дневной суеты!». Однако протесты не возымели действия: 4 февраля 1919 г. правительство Финляндии приняло решение о ликвидации с 1 марта кафедр русского языка и словесности, русского права и русской статистики.¹³

Положение усугублялось тем, что начавшаяся внутри русских организаций борьба за лидерство стала перерастать в откровенные раздоры и интриги. Не остался в стороне от них и Арабажин. Глава русской канцелярии в Хельсинки, бывший офицер Генерального штаба С. Э. Виттенберг, автор дневников и воспоминаний о жизни русской колонии в Финляндии в первый год финляндской независимости, считал, что Арабажин болезненно относился к популярности среди русских бывшего коменданта Свеаборгской крепости полковника К. Е. Кованько, ставшего центральной фигурой среди русского населения в Финляндии. Арабажин, как утверждал Виттенберг, интриговал против Кованько, а также против В. В. Белевича, директора Александровской мужской гимназии. Виттенберг и секретарь канцелярии Е. фон Майдель обвиняли Арабажина в том, что он сочинил донос на Кованько и Белевича. Пользуясь тем, что Кованько имел полномочия от Российской (т. е. советской) республики представлять интересы русского населения в Финляндии, Арабажин обратил внимание властей на то, что он - большевистский представитель, который якобы держит у себя в канцелярии бывших жандармов и русских шпионов. С. Э. Виттенберг писал: «В настоящее время в ожидании выборов представителя русской колонии опасным конкурентом для г. Арабажина является полковник Кованько, который пользуется среди русского общества большим уважением. Вот почему нужно господину Арабажину устранить этого

конкурента, а для этого он применяет такое низкое средство, как донос».¹⁴ На собрании представителей общества Русская колония 8 октября 1918 г. Арабажин назвал обвинения Виттенберга голословными и потребовал третейского суда. Собрание, однако, на это не пошло и вынесло порицание Арабажину, новым председателем правления общества был избран А. В. Игельстром, а Арабажин не попал и в число выборных представителей.¹⁵ Кованько, получивший от финских властей предписание в трехдневный срок покинуть Финляндию, скоропостижно скончался 21 октября.

Оставив пост председателя и затем, выйдя вообще из состава общества, Арабажин продолжал заниматься издательской деятельностью. Он принял участие в основании еще одной русской газеты в Хельсинки - «Русская жизнь». Это издание было основано в феврале 1919 г. по инициативе русского Особого комитета в результате своеобразного слияния газет «Русский листок», издаваемой Арабажином, и «Северная жизнь», редактором которой был Е. А. Ляцкий; Арабажин и Ляцкий должны были стать соредакторами новой газеты. «Русская жизнь» выходила с начала марта до начала декабря 1919 г. (всего вышло 228 номеров), Арабажин был одним из ее издателей в первый месяц ее существования и затем с конца сентября до середины ноября. В газете участвовали Е. А. Ляцкий, Н. В. Дризен, Н. К. Рерих, Г. П. Струве и другие. Арабажин старался проводить в «Русской жизни» ту же линию, которой он придерживался и ранее: признание независимости Финляндии, выступление против большевиков и вместе с тем против крайне правых монархических кругов, но здесь он вскоре натолкнулся на противодействие значительной части редакции газеты. «Русская жизнь» фактически стала органом Политического совещания при генерале Н. Н. Юдениче, ее возглавил В. Д. Кузьмин-Караваев. В редакции начались раздоры, склоки, интриги, и Арабажин был вынужден уйти из нее.¹⁶

Между тем финские власти стали считать самого Арабажина «подозрительным» и «политически неблагонадежным лицом». Основанием для обвинений Арабажина в сотрудничестве с большевиками послужило его участие в переговорах с представителями советской власти летом 1918 г. Возможно, он оказался жертвой чьих-то интриг. С. Э. Виттенберг оставил описание этих переговоров, из которых явствует, что поездка в Советскую Россию была санкционирована финскими властями и что речь на переговорах должна была идти об обмене русских военнопленных в Финляндии на арестованных в России финляндских граждан. Виттенберг и Арабажин поехали в Россию вдвоем, однако в Москву ездил и встречался с советскими руководителями один Виттенберг, а Арабажин в это время оставался в Петрограде, затем они вместе вернулись в Хельсинки.¹⁷ Обвинение было явно

надуманным, однако пребывание Арабажина в финляндской столице было сочтено нежелательным. Постановлением губернатора лена Уусимаа (Нюланд) Б. Яландера от 14 апреля 1919 г. Арабажину было запрещено жительство в Хельсинки на том основании, что его политическая деятельность не заслуживала доверия.¹⁸

Арабажин был выслан из пределов лена Уусимаа, однако на этот раз он остался в стране. Из неопубликованных дневников Н. Н. Юденича явствует, что за Арабажина ходатайствовал перед К. Г. Маннергеймом, занимавшим тогда пост регента - временного главы Финляндского государства, член Политического совещания А. В. Карташев.¹⁹ Не позднее начала октября 1919 г. Арабажину, которому до этого было предписано выехать в город Вааса, удалось получить разрешение на возвращение в Хельсинки,²⁰ где он продолжил свою журналистскую, литературную и общественную деятельность, будучи связан с образованным в начале августа в Таллинне «Правительством Северо-Западной области России» под председательством С. Г. Лианозова. 17 и 29 сентября 1919 г. Арабажин выступал в Хельсинки на вечерах памяти Л. Андреева. В ноябре 1919 г. он стал главным редактором новой газеты «Рассвет», издание которой продолжалось с середины ноября 1919 до середины февраля 1920 гг. Газета именовалась «беспартийным демократическим органом русского самосознания» и программа ее оставалась, в основном той же, какую проводил Арабажин и в предыдущих своих изданиях. Арабажинский «Рассвет» выступал антагонистом «Новой русской жизни», стоявшей на крайне правых монархических позициях. Выпускалось и приложение - Еженедельный литературно-художественный журнал.²¹

Летом 1920 г. Арабажин уехал из Хельсинки по делам в Таллинн и после этого больше не получил разрешения на обратный въезд в Финляндию. Последний период своей жизни Арабажин провел в Риге, где ему удалось вернуться к научной деятельности: он стал профессором русской литературы Латвийского университета. В университете он читал курсы «Новая русская литература», «Методология русской литературы» и «История русской литературы». Арабажин выступил основателем в 1921 г. Русских университетских курсов в Риге, преподавателем и ректором которых он оставался до конца своей жизни и на основании которых позднее был образован Русский институт университетских знаний. Одновременно он печатался в местных эмигрантских изданиях. Причиной смерти Арабажина 13 июля 1929 г. стал несчастный случай: он попал под трамвай.²²

Пример К. И. Арабажина наглядно демонстрирует, как русские эмигранты приспособлялись к новым условиям жизни за рубежом, когда люди зачастую были вынуждены, в силу сложившихся обстоятельств, переходить к новым видам деятельности,

при этом бывшим политикам нередко приходилось заниматься делами, не имевшими отношения к политике, и напротив, люди, далекие от политики, подчас становились активными участниками политической жизни.

В.Н. Барышников

**РОЛЬ Э. ЭРККО В ОКОНЧАНИИ
СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1939-1940 ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА МИНИСТЕРСТВА
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ФИНЛЯНДИИ)**

Когда исследователь, изучающий политические события «зимней войны», обращается к личности Э. Эркко, то, прежде всего, конечно, рассматривает именно тот период его деятельности, когда он возглавлял финский МИД (1938-1939 гг.). Этот отрезок времени был в развитии советско-финляндских отношений тогда весьма драматичным. Более того, от Э. Эркко многое зависело с точки зрения принятия того или иного решения. К тому же он сам лично вел хельсинкские переговоры с представителем СССР весной 1939 г., а затем давал непосредственные установки финской делегации в ходе осенних московских переговоров. Считается, даже, что именно Эркко нес непосредственную ответственность за срыв переговоров в Москве и поэтому глава финской делегации Ю. К. Паасикиви даже посчитал, что возникшую после этого войну, можно назвать «войной Эркко».²³ Оценивая сложившуюся ситуацию, маршал К. Г. Маннергейм вообще тогда указал, что «если бы Эркко был мужчиной, то он удалился бы в лес и застрелился».²⁴

Действительно, после начала войны о деятельности Э. Эркко известно довольно мало, поскольку он сразу же буквально исчезает с дипломатического Олимпа Финляндии, получая всего-навсего назначение в качестве посланника в Швецию. Однако, на самом деле новое назначение отнюдь не являлась для этого человека дипломатической ссылкой. Он продолжал находиться в центре событий, связанных с политической историей советско-финляндской войны. Тем не менее исследователи до сих пор мало уделяют этому факту внимания и объективно деятельность Э. Эркко в Стокгольме во многом придана определенному забвению.

Тем не менее именно с его именем непосредственно связан сам процесс начала мирных переговоров с Советским Союзом, которые в конечном счете привели к окончанию «зимней войны». Это становится ясно, если обратиться к документам Министерства иностранных дел Финляндии того времени, где содержатся еще не введенные до сих пор в должной мере в научный оборот его донесения главе МИДа В. Таннеру, а также премьер-министру Р. Рюти. Из этих документов раскрывается достаточно любопытная картина не только деятельности финляндского представительства в Швеции, но и лично вырисовывается роль самого Э. Эркко.

При этом, не касаясь всех перипетий дипломатических переговоров в Стокгольме в это время, поскольку они в той или иной степени уже изложены как в финских, так и российских книгах,²⁵ обратим внимание именно на то, какую роль в этих сложных комбинациях играл непосредственно Э. Эркко.

Естественно, что в новых условиях он уже не мог, как прежде определять всю внешнюю политику Финляндии и являлся лишь исполнителем тех распоряжений, которые поступали ему из Хельсинки. Поэтому Эркко, как и все финские дипломаты, работающие за рубежом, прежде всего направлял усилия на получение для Финляндии политической, экономической и военной поддержки. Это стало наиболее заметно именно в самом начале «зимней войны». Он регулярно тогда отправлял информацию о предпринимавшихся им в этом отношении действиях. И то, с каким усердием Эркко это делал, просматривалось еще и то, что он, безусловно, чувствовал здесь и свою ответственность за случившееся, поскольку в канун войны был убежден в том, что ее не будет, а СССР в данном случае просто «блефует».²⁶ Не случайно, пытаясь как-то оправдать свою прежнюю линию в отношении СССР, он в декабре 1939 г. упоминал в своей информации высказывание одного германского дипломата о том, что и для немцев «наступление на Финляндию было полной неожиданностью».²⁷

Однако, безусловно, Э. Эркко начал играть весьма заметную роль в дипломатической истории «зимней войны», когда оказался в центре уже зарождавшихся, а затем и развивавшихся мирных переговоров в январе-марте 1940 г. в Стокгольме. При этом лично ему самому, конечно, было весьма затруднительно участвовать в этих переговорах с представителями СССР, поскольку в Советском Союзе он тогда подчеркнуто именовался «посолом белофиннов в Швеции»,²⁸ что само по себе подразумевало уже невозможность иметь с ним какие-либо контакты.

Тем не менее к первым неофициальным встречам между советскими и финскими представителями в той или иной степени стал все же был причастен Э. Эркко. Эти встречи происходили в середине января и осуществлялись между советским полпредом А. М. Коллонтай и уполномоченной МИДа Финляндии Х. Вуолийоки. Финский посланник в Швеции об этих переговорах получал сведения от Х. Вуолийоки и регулярно сообщал о них министру иностранных дел В. Таннеру. Причем в письмах, озаглавленных как личные и секретные, а также или в обычных рапортах он часто высказывал свои соображения, комментируя отдельные сведения, которыми располагал. Все это вызывает несомненный интерес.

В частности, по первым его донесениям явно прослеживался определенный оптимизм относительно перспектив заграждавшегося диалога с советскими дипломатами. Так то, что с советской стороны при возникших контактах не далось ответа на финское зондирование перспектив окончания войны, Э. Эркко расценил как «хороший признак», поскольку «это показывает все-таки, что дело обдумывается».²⁹ Далее уже в последующих письмах он замечает, что «та линия, которая направлена на установление связи» с советским руководством «правильная» и только «прямой контакт между Финляндией и Советским Союзом является тем, с помощью которого можно достичь» положительного разрешения кризисной ситуации.³⁰ При этом он также давал понять, что рассчитывать на военную помощь Швеции также не приходилось. «Швеция официально не примет сторону Финляндии в войне, - отмечал он, - а будет стремиться сохранить свою свободу и не вмешиваться в финляндскую войну».³¹

Далее по мере развития мирного зондажа в Стокгольм прибывает два представителя НКВД Грауер и Ярцев (Рыбкин). Оба они вместе с Коллонтай продолжают встречаться с Вуолийоки, причем, как заметил Эркко, советские представители были «крайне осторожны, что особенно проявлялось, когда вопрос касался престижа великой державы». Но Коллонтай, замечал Эркко, была исключительно приветлива, «создавая погоду на переговорах».³² Размышляя над этими сведениями, полученными от Эркко, В. Таннер приходил к такому заключению: «похоже, советская сторона хотела убедиться в серьезности наших намерений».³³

Действительно, в Москве лишь прощупывали перспективы будущего мирного диалога. Как по этому поводу 29 января отметил нарком внутренних дел Л. П. Берия, «наши работники» пришли к выводу, что пока «о переговорах не может быть и речи».³⁴ У Коллонтай же, которая была горячим сторонником окончания начавшейся войны, такая ситуация вызывала явную озабоченность. 26 января она с горечью записала в своем дневнике: «...Все больше эти совещания за моей спиной» и далее прямо заметила, что Ярцев и Грауер, не совсем разбираясь в ситуации, «строчат часами донесения в Москву, а о чем – не говорят».³⁵

При этом Коллонтай считала, что и Вуолийоки, как «посредница в сношениях с Хельсинки и здешним шарже Эркко» не совсем способна выполнить поставленное задание.³⁶ И здесь в этой фразе сквозила уже совершенно очевидное презрительность по отношению как к финскому посланнику в Стокгольме, с которым советские представители явно не хотели иметь дело, так и к Вуолийоки. Коллонтай прямо тогда заметила: «Зачем ее прислал сюда Таннер? Мне она не помощь, а эти совещания за моей спиной в секретной части меня

нервируют и злят».³⁷ Иными словами советский посланник была крайне недовольна тем, как далее развивается процесс поисков путей выхода Финляндии из войны.

Э. Эркко, видимо, улавливал суть происходившего. 29 января, в тот день, когда Берия информировал о переговорах в Стокгольме советское руководство, финский дипломат направил очередное личное письмо В. Таннеру. В нем он отметил, что «Россия, по-видимому, не хочет все же оставлять добычу». Но при этом обратил внимание на то, что Х. Вуолийоки, возможно, является не самым подходящим человеком для выполнения этой весьма сложной миссии. Эркко писал, что она «чрезвычайно нервничала и плакала» и в итоге откровенно заявил, что «не чувствует надобности в ней». Главное же, как это видел Эркко, заключалось лишь только в том, что «беседы начались» и их «приветствовала Коллонтай».³⁸

Однако, происходившие в Стокгольме контакты Эркко считал необходимым сохранять в строжайшем секрете, учитывая перспективы дальнейшего проведения этих переговоров.³⁹ Подобная констатация, по всей видимости, была вызвана уже прошлым опытом общения финского дипломата с советскими представителями, поскольку в период, когда он сам являлся министром иностранных дел и вел весной 1939 г. тайный переговоры с СССР, то секретности не соблюдал.⁴⁰ В результате тогда резко поднялся сам уровень ведения переговоров. Советский Союз вынужден был занять при этом более непримиримую позицию в отношении контрпредложений Финляндии, пытаясь обеспечить таким образом свой престиж, как великой державы.

Тем не менее, 29 января Э. Эркко направляет еще одно «совершенно секретное донесение», которое было доставлено в Хельсинки специальным курьером, поскольку, как он отметил, не надеялся «даже на секретность телеграмм».⁴¹ В нем финский дипломат сообщил о том, что через шведского министра иностранных дел Гюнтера финскому руководству был передан текст советской телеграммы, в которой выражалась готовность начать мирные переговоры и запрашивалась: «какие уступки правительство Рюти-Таннера готово сделать»?⁴² Пришедшую из Швеции информацию В. Таннер расценил как то, что «в ходе переговоров в Стокгольме произошел перелом».⁴³

Со своей стороны Э. Эркко сразу же выдвинул ряд предложений, которые могли бы, по его мнению, удовлетворить советское руководство. В частности, он предположил, что в СССР «хотели получить себе из числа территорий района Петсамо, которая ими оккупирована» и добиться гарантий «нейтрализации Финского залива».⁴⁴ Именно это предложение финский дипломат считал таким делом, которое «надо было держать в тайне».

Но дальнейшее развитие событий не вполне уже соответствовало тем рекомендациям, которые Эркко давал своему руководству.

На следующий день он вынужден был направить новое сугубо «личное письмо» Таннеру, в котором сообщал, что, по мнению советского руководства, «переговоры должны вестись с ведома шведского правительства».⁴⁵ В силу этого, естественно, как заметил Эркко, приговоры уже было «невозможно считать происходящими в тайне».⁴⁶ Таким образом, выдвигавшийся им замысел проведения этих переговоров, как негласных начал рушиться. Причем не последнюю роль в этом играла А.М. Коллонтай, которая, очевидно, считала, что контакты с финскими представителями типа секретной уполномоченной Х. Вуолийоки или самого Э. Эркко являются неприемлемыми. Она записала тогда в своем дневнике, что только шведский канал ею может быть использован, поскольку «иных путей передачи ответа Москвы финнам у меня нет».⁴⁷

Э. Эркко же оставался в образе представлений о том, что Коллонтай занимает некую особо благожелательную позицию в отношении финнов. Он тогда сообщил в Хельсинки, что Коллонтай продолжает оставаться сторонником умеренных претензий к Финляндии, советуя при этом финским политикам «сделать имитацию уступок» и «призывать русских к использованию возвышенных слов, также как и самим употреблять вежливую тональность». Трудно сказать, насколько соответствовало сказанное реальному положению вещей и линии советского посланника, но здесь мы уже можем заметить некоторые явные преувеличения, которыми Э. Эркко прославился еще до начала «зимней войны». Преемственность в его политике также просматривалась и в совете, который он дал Таннеру: «продвигаться неспеша, когда принимаются нужные решения».⁴⁸

В конечном счете, финское руководство, используя рекомендации Э. Эркко, решает для начала мирных переговоров «взять в качестве отправной точки то положение, на котором закончились переговоры в Москве», но при этом «сделать дополнительные уступки», которые выразились бы в возможности «нейтрализации Финского залива».⁴⁹ Более того, с ответом договорились не спешить. Стать же курьером для его доставки в Стокгольм посчитали возможным просить самого премьер-министра Р. Рюти, который через несколько дней должен был направиться в Швецию для решения вопросов о поставках Финляндии вооружения. При этом Таннер следующее сообщал Э. Эркко в своем письме: «Наш ответ был составлен без особого выражения покорности, поскольку мы, как нам представляется, не являемся понесшей поражение страной».⁵⁰

Однако столь оптимистические представления о возможности достижения мира с СССР были очевидной ошибкой, при которой Э. Эркко и вообще финское дипломатическое руководство опять явно недооценивало ситуацию, поскольку в данном случае престиж Советского Союза, подорванный в результате неудач начавшейся войны, требовал увеличения «уступок» со стороны Финляндии. Об этом финский посланник в Стокгольме уже достаточно быстро узнал. Когда 2 февраля, наконец, Э. Эркко официально вручил шведскому министру иностранных дел выработанный в Хельсинки ответ, то Гюнтер, который имел, как оказалось более реалистические представления о советской позиции, сразу заметил, ознакомившись с полученным документом, что «Советский Союз не может отказаться от Ханко».⁵¹ Эркко затем докладывал в Хельсинки, что «вздрогнул от такого заявления». Ведь, рассуждал он, «все понимают, что Финляндии тяжело отказаться» от Ханко. «В конце концов и русские не должны не понимать это дело», - пояснил Эркко.⁵² Но все оказалось далеко не так просто. Как лаконично записала в своем дневнике Коллонтай, «ответ финнов получен и не удовлетворил Москву».⁵³ Объективно, произошел явный провал тех построений, которые Э. Эркко пытался осуществлять для достижения мира между СССР и Финляндией.

Что же касается А. М. Коллонтай, то она также оказалась тогда в весьма трудном положении, негласные посреднические услуги между Москвой и Хельсинки, которые осуществлял Э. Эркко, дали уже очевидный сбой. «Что делать дальше?» – запишет она в своем дневнике и далее заметит: «Здесь в Стокгольме все еще находится Хелла Вуолийоки. Она поверенная Таннера. Я вызвала ее, чтобы получить информацию и посоветоваться. Решили пригласить самого Таннера в Стокгольм для свидания со мной».⁵⁴ Иными словами первоначальная миссия Эркко и Вуолийоки, как организаторов процесса выхода Финляндии из войны начала заканчиваться.

3 февраля Э. Эркко опять направил Таннеру «личное донесение», в котором сообщалось: «...На основе полученных... сведений, я считал необходимым обратить внимание Рюти, который звонил мне, что, было бы особенно важно, если бы Вы смогли сами прибыть сюда совершенно инкогнито и получили возможность побеседовать с Коллонтай».⁵⁵ Иными словами финский посланник, выполняя опять функцию негласного посредника между Коллонтай и Таннером, передал просьбу, которая исходила от советского дипломата, хотя и не раскрыл тогда полностью источник «полученных сведений». Им указывалось лишь о имеющихся данных о возможности «реорганизовать» их и наличие контакта «ценность

которого в том, что появились все возможности выяснить суть дела». По его словам, «очевидно, беседы можно вновь начать».⁵⁶

Действительно, уже 5 февраля первая встреча между Коллонтай и Таннером состоялась, но исходные позиции при этом обеих сторон полностью сохранялись прежние. В результате дело не продвигалось в направлении развития процесса решения вопроса об окончании войны.

С этого момента, можно считать, роль Э. Эркко в решении проблемы мирных переговоров начала объективно спадать. Это особенно стало заметно, когда 12 февраля СССР через Гюнтера сообщил финскому руководству, какую основу для переговорного процесса он видит. Условия, переданные из Москвы, были весьма жесткие. Прежде всего советское руководство настаивало на передаче СССР всего Карельского перешейка, а также на создании военно-морской базы на полуострове Ханко. Получив эти сведения для передачи в Хельсинки, Эркко был буквально ими потрясен. Он совершенно не ожидал такого исхода и срочно, но весьма сбивчиво признавал в своем сообщении в Хельсинки, что передаем информацию «в страшной спешке, поскольку нет возможности вообще комментировать». При этом единственное, что он тогда успел подчеркнуть был факт, что «мы... совершенно не осведомлены в целом о предложении». Это фраза затем была отмечена в тексте читавшим документ человеком. Им был, по всей видимости, премьер-министр Р. Рюти, которому собственно был адресован этот документ.⁵⁷

В дальнейших действиях, которые предпринимал Эркко, он уже в меньшей степени проявлял стремление высказывать собственные соображения и таким образом влиять на происходившие события. Свою позицию он затем четко изложил в обобщенном донесении, где прямо указал: «Я действовал согласно полученному поручению. У меня нет права и возможности говорить о своей позиции, поскольку я не чувствую фронтовую обстановку, которая влияет на принимаемые решения в правительстве»⁵⁸

Но с другой стороны, в его последующих донесениях явно еще сквозит и раздражение политикой, проводившейся шведским руководством. Э. Эркко отмечает, что Стокгольм действует исключительно в своих собственных интересах и по вопросу о мире игнорирует позицию Финляндии. В разгар происходивших тогда мирных переговоров он прямо обвинял Швецию в том, что она чуть ли не хочет, «чтобы мы пошли по пути Мюнхенского соглашения».⁵⁹ В другой же секретной телеграмме, которая была направлена своему руководству в МИД, Эркко предупреждает: «По моему мнению, надо быть осторожными в восприятии шведской информации, не всему надо все же верить». Далее он заключает: «Их

желание заплатить Финляндией безопасностью Швеции может самих их привести куда угодно».⁶⁰

В свою очередь, рассматривая советские условия мира, Э. Эркко относился к ним с крайней подозрительностью. Он даже скорее готов был поддержать идею военной помощи Англии и Франции, нежели пойти на принятие советских предложений. Более того, фактически, у него уже было мало надежды на то, что СССР изменит свою позицию в вопросе о мире. Так Э. Эркко, в частности, уже писал 26 февраля 1940 г. Р. Рюти: «Я до этого времени не получил никакой информации о том, какие планы там у Вас относительно будущего и как намерены относиться к последнему предложению Молотова. Поскольку знакомо его поведение, едва ли можно ожидать, что он сделает задний ход от своих требований».⁶¹

Финского посланника, очевидно, несколько нервировало и то, что он недостаточно много мог уже тогда влиять на формирование финской внешней политики. Особенно это касалось самого конца «зимней войны», когда Запад стал усиливать свои намерения направить в Финляндию войска. Эркко выражал поддержку такой акции. 5 марта он направил Таннеру донесение, в котором указывалось: «Обращаю Ваше внимание... на то, что союзные державы будут требовать транзита в северные страны, если Финляндия об этом попросит (выделено в тексте – В.Б.)» и далее заключал: «Я придерживаюсь такого мнения, что Финляндия должна уже выдвинуть эту просьбу союзникам...».⁶²

Что же касается мирных переговоров, то здесь Эркко занимал тогда иную позицию. Эркко с глубоким сожалением он писал: «Я действую согласно указаний, которые получаю и принимаю во внимание дающиеся мне задания», добавляя при этом: «...Хочу только сказать, что задание, которое я получил для исполнения, является исключительно горьким, поскольку нельзя из Стокгольма вполне вразумительно рассматривать каковы причины для принятия этого шага». Со своей же стороны, позицию Финляндии он видел в сложившейся ситуации лишь в том, что она «находимся в полной зависимости от небольших запасов Швеции и от милости России».⁶³

Так печально осознавал бывший финский министр иностранных дел финал той политики, которою, фактически, он осуществлял в предшествовавшем войне периоде. Что же касается выхода Финляндии из войны, то это произошло 12 марта 1940 г., причем на тех условиях, которые выдвинул Сталин. Относительно же лично роли Э. Эркко в процессе подготовки страны к выходу из войны, то реально она могла просматриваться по тем донесениям, которые он направлял в Хельсинки лишь в середине и в конце января. Время,

когда позиция СССР не была еще полностью обозначена и когда Э. Эркко еще не до конца понимал той линии, которую проводимой в этом вопросе советское руководство.

М.В. Пулькин

КАРЕЛИЯ В РУССКО-ШВЕДСКИХ ВОЙНАХ XVIII В.

Заключенный в 1661 г. Кардисский мирный договор привел лишь к временной нормализации отношений между Россией и Шведским королевством. Россия не могла смириться с потерей земель, дававших стране жизненно необходимый выход к Балтийскому морю. Борьба за их возвращение оставалась важнейшей стратегической задачей российской внешней политики. Окончательно утвердившийся на престоле после отстранения в 1689 г. от власти царевны Софьи молодой и энергичный царь Петр I пришел к выводу, что международная обстановка благоприятствует военному решению вопроса о выходе к Балтике. В 1700 г. Россия в союзе с Данией и Саксонией выступила против Швеции, находившейся в зените своего могущества. Так началась Великая Северная война, длившаяся до 1721 г. и вошедшая в историю как один из крупнейших международных конфликтов XVIII в.

К началу войны российское правительство не сумело провести на территории Карелии необходимые мероприятия по укреплению обороны порубежного края. В результате и Беломорская, и Приладожская Карелия оказались, по существу, беззащитными. В Беломорье основными пунктами обороны оставались Сумский и Кемский остроги. Обе крепости были деревянными и сильно обветшали, а в Сумском остроге даже обвалилась стена. После начала войны стали спешно приниматься меры по восстановлению укреплений и приведению обеих небольших крепостей в боевую готовность. Показательно, что после поражения под Нарвой в ноябре 1700 г. Петр I отдал специальный приказ об оставлении всех пушек в Соловецком монастыре и подчиненных ему Кемском и Сумском острогах, ввиду их близости к «свейскому рубежу», хотя остальным северным монастырям было предписано орудия «прислать к Москве» на пополнение армейской артиллерии⁶⁴.

Российские вооруженные силы в Северной Карелии к 1700 г. были представлены лишь небольшим постоянным гарнизоном в Кемском остроге. На границе располагались незначительные заставы, единственным предназначением которых стало предупреждение местных жителей об опасности. Сохранилось красноречивое описание одной из таких застав. «От рубежа три дороги, — доносили крестьяне Панозерского погоста в начале 1701 г., — сирота на самой дороги летом и зимой живет, и дано ему денег от миру три рубли»⁶⁵. Такая

стража, конечно, не могла быть эффективной. Весной 1701 г. из Архангельска для защиты края прибыли три сотни стрельцов во главе с капитаном Алексеем Капрановым, которые разместились в Кемском и Сумском острогах, откуда они могли отражать нападения неприятеля и с суши, и с моря. Местным рыбакам запретили выходить в море, где безраздельно господствовал шведский флот⁶⁶.

В свою очередь, шведское командование в первые месяцы войны собрало в главной приграничной крепости Северной Финляндии Каянеборге около 500 солдат и ополченцев из числа местных крестьян. И все же обе стороны старались, по мере сил, задержать начало военных действий. Как видно из «сказки» (показаний) поджужемцев А. Семенова и И. Александрова, «начальные люди» шведов заявили русским, посланным на рубеж «для проведывания», что «мы де рады на здешнем рубеже миру держат». При этом они ссылались на грамоты своего короля, в которых также предписывалось поддерживать мирные отношения с русскими. Жители Каянеборга ратовали за то, «чтоб никому никого не разорят, вам бы без государева указу на нас за рубеж не идти войною и нам без королевского указу к вам не идти войною»⁶⁷. А крестьяне шведской провинции Эстерботнии и сопредельных волостей Северной Карелии в конце 1700-начале 1701 г. заключили между собой пограничное перемирие. Нетрадиционная для военного времени ситуация объяснялась тем, что население Эстерботнии сильно зависело от торговли с Российской Карелией, откуда финны получали жизненно необходимые товары: хлеб, соль, сало. Поддержание мирных отношений даже в условиях войны позволяло сохранить сложившуюся систему приграничной торговли.

Главным театром военных действий в Карелии становилось Северное Приладожье. Но и здесь, как в Поморье, оборонительные сооружения находились в неудовлетворительном состоянии. Давно не ремонтировавшиеся стены Олонца — главного русского форпоста на данном направлении — во многих местах прогнили и покосились, а на ряде участков вдоль реки Мегреги обвалились до основания. С началом войны приступили к ремонту и стен, одновременно увеличивалась численность вооруженных сил. В Олонецком уезде приказано было набрать в солдаты «вольных из всяких чинов людей триста человек добрых». Главнокомандующему русской армией Б.П. Шереметеву предписывалось направить в Олонец подкрепление. Еще до начала боев среди карельского населения Западного Приладожья появились желающие «присоединиться к России прежде, чем военное положение принудит к этому»⁶⁸. Помимо общности православной веры, исповедуемой значительной частью населения по обе стороны границы, существенное влияние на

отношения между карелами и русскими оказывали порубежные торговые связи. Примечательно, что именно крестьяне-торговцы принесли весть о начале войны из-за пограничного рубежа. В 1700 г. группа православных карелов из Сортавалы сделала попытку бежать со всем имуществом через русско-шведскую границу, но была задержана шведами.

Военные действия в Северном Приладожье начались в ноябре 1700 г. Карелы из прихода Салми, находившегося в то время под властью шведов, передали русскому командованию сведения о расположении и численности шведских пограничных застав. Благодаря этому русские войска из Олонца совершили удачный набег на пограничные отряды противника и увели в плен значительное число солдат, а также офицера и двух помещиков. Ответный рейд неприятеля не заставил себя долго ждать. В начале 1701 г. в Салминский приход Кексгольмского уезда шведы направили отряд численностью около 1000 человек. Предполагалось, что они будут наступать по дороге от Салми через Кондуши на Олонец. Это встревожило олонецкого воеводу С. Борятинского, в распоряжении которого имелось всего 954 человека. Из них обучены военному делу были лишь 300 стрельцов и два пушкаря, а остальные — ополченцы, спешно набранные из местного населения. Но шведы, получив отпор от гарнизона Кондушской пограничной заставы под командованием прапорщика Ходыченкова, вынуждены были отступить.

Как видно из описаний первых лет войны, стороны изучали системы обороны друг друга, не ввязываясь в серьезные сражения. Картину боевых действий в этот период дополняли походы крестьян-ополченцев под руководством священника Ивана Окулова. Он, по выражению Петра Первого, открывал своим прихожанам путь не только в Царствие Небесное, но и на шведскую территорию. «Слыхал ли кто такое диво, — говорил царь, — что поп учит духовных сынов: отворите врата купно в рай и в шведскую область!». Смелые рейды И. Окулова снискали ему всероссийскую славу. В сентябре 1702 г. воеводе Борятинскому по распоряжению царя был отправлен указ «о дозволении выходцу священнику Ивану Окулову со всеми при нем будущими охотными людьми чинить над шведами военный промысел». Воевода получил предписание всячески способствовать деятельности карельских партизан, «давать им по желанию их к тому промыслу порох и свинец» и строжайше запрещалось чинить партизанам какие-либо «препятствия и обиды», брать взятки с их трофеев. В указе упоминалось о захваченных И. Окуловым пушках, за которые ему надлежало получить денежное вознаграждение. Отряд Окулова, состоявший примерно из 1000 вооруженных людей, хорошо знавших местность и связанных с ее жителями, представлял собой грозную военную силу. Карельские ополченцы разорили

четыре шведские заставы и тем самым уничтожили систему пограничной стражи противника на самом ответственном ее участке — вблизи Олонца и Ладожского озера. По рассказу денщика Петра I А. Нартова, в награду за успешные действия царь пожаловал И. Окулову 200 рублей деньгами, дорогую рясу, золотую медаль и распорядился построить для священника дом в Олонце. Награды получили и рядовые ополченцы: каждому из них было выдано из казенных припасов «по хорошему русскому кафтану, по два рубля денег и по тесаку для обороны, впредь чтоб носили его за свою службу»⁶⁹.

К концу 1703 г. ситуация в Приладожье претерпела заметные изменения. С основанием Олонецкой (Лодейнопольской) верфи и началом строительства Петровских горных заводов стратегическая роль Олонца, прикрывавшего от шведских атак Прионежье и Присвирье, существенно возросла. Русское командование сосредоточило в районе Олонца до 6 тыс. человек, что составляло до 10% численности всей действующей армии. Не ограничиваясь оборонительными мерами, командующий размещенными здесь вооруженными силами П.М. Апраксин, опираясь на Контушскую и Туломозерскую заставы, организовал разведку в расположение шведских войск в 20-30 км западнее границы. После проведенной разведки отряд П.М. Апраксина (1300 пехотинцев и 700 кавалеристов) в январе 1705 г., перейдя по льду Ладожское озеро, уничтожил шведский гарнизон Сортавалы и пришедшее ему на помощь подкрепление. Два полка противника, стоявшие в 40 верстах южнее Сортавалы, заметив приближение русских, поспешно отступили. Во время операции шведы потеряли до 300 человек убитыми и около 50 пленными. Русский отряд, подвергнув Сортавалу разорению, вернулся на исходные позиции. Смелый рейд Апраксина нанес серьезное поражение приладожской группировке противника и сорвал его планы предпринять поход на Олонец.

Взятые в плен Сортавалой шведские солдаты и офицеры сообщали о тяжелых потерях в своих частях. В двух полках, в которых они служили, раньше насчитывалось до 1200 человек, но в 1704 г. под Нарвой при ее взятии русскими войсками и в других боях потери составили до половины личного состава. Ко времени похода П.М. Апраксина на Сортавалу в строю имелось около 600 человек. Последующие потери совершенно обескровили эти части. Дислоцированный южнее, в районе Выборга, корпус генерала Г.Х. Майделя численностью 8 тыс. человек не мог оказать им поддержку, поскольку отвечал за оборону Карельского перешейка.

Из-за тяжелых потерь командование противника лишилось сил для проведения крупных операций на карельском участке фронта и ограничивалось вылазками для причинения

русской стороне экономического ущерба. Так, в 1704 г. шведы разорили и сожгли в селениях Кондушской волости 27 дворов, в 1705 г. в Нялмозерской волости они уничтожили 7 дворов, в 1706 г. в Видлицкой волости — 26 дворов. Однако в целом военная активность в Приладожье оставалась незначительной.

Одержанная в 1709 г. историческая победа под Полтавой в корне изменила ход всей Северной войны пользу России. Русская армия перешла в решительное наступление на всех фронтах. Направленный в марте 1710 г. Петром I на Карельский перешеек армейский корпус генерал-адмирала Ф.М. Апраксина численностью 15 тыс. человек, выступив с острова Котлин, преодолел по льду Финский залив и осадил Выборг. После почти четырехмесячной осады, когда русские войска развернули подготовку к решающему штурму, шведская крепость, считавшаяся неприступной, капитулировала. 14 июня 1710 г. Петр I во главе гвардейского Преображенского полка вошел в город. В сентябре этого же года корпус Ф.М. Апраксина принудил к сдаче гарнизон Кексгольма (Корелы). С взятием Кексгольма завершилась столетняя оккупация шведами Карельского перешейка. Военные действия переместились на территорию Финляндии. Угроза вторжения противника на олонекском направлении окончательно миновала.

В то же время к концу первого десятилетия Северной войны начала обостряться обстановка на северо-карельском фланге русско-шведской границы. В ноябре 1708 г. шведы впервые нарушили до этого соблюдавшееся здесь «крестьянское пограничное перемирие». Их отряд перешел границу, вторгся в Ребольскую волость и сжег в пяти деревнях Лендерской четверти 50 крестьянских дворов. Планировался и более масштабный поход на Лопские погосты, Кемский городок и Сумской острог, но своевременная переброска русских отрядов сорвала планы противника.

Последним всплеском боевой активности шведов в Северной Карелии стал 22-дневный рейд отряда из Каянеборга под командованием майора С. Энберга по селениям приграничных Панозерского, Ребольского и Ругозерского погостов в марте-апреле 1718 г. Рейд носил откровенно грабительский характер. Только в Панозерском и Ребольском погостах солдаты противника изъяли у крестьян около 6 тыс. пудов зерна, угнали более 700 голов крупного и мелкого скота, забрали 228 сетей и неводов, до 3 тыс. аршин холста и много другого имущества. Грабежи сопровождались поджогами домов и убийствами местных жителей. При приближении отпущенного в Беломорскую Карелию с Петровских заводов русского отряда шведы отступили за границу.

Хотя в ходе Северной войны боевые действия в Карелии играли второстепенную, вспомогательную роль, их значение состояло в том, что в результате совместных усилий русских регулярных войск и ополченцев из местного населения удалось отстоять от неприятеля обширный порубежный край и созданные на его территории военные предприятия. Закономерным итогом победоносной для России Северной войны стал Ништадтский мирный договор, подписанный 30 августа 1721 г. Между Россией и Швецией устанавливался «вечный, истинный и ненарушимый мир на земле и воде», Швеция уступала Петру Великому и его преемникам «в полное и вечное владение и собственность» завоеванные русским оружием Ингерманландию, Карельский перешеек с Выборгом и Кексгольмом, Север-Западное Приладожье, Эстляндию с островами Эзель и Даго. Финляндия оставалась в составе Швеции.

Российско-шведский договор 1721 г. в России считали триумфом нарождающейся империи, а в Швеции он породил реваншистские настроения. На риксдаге 1740 г. авантюристическая партия «шляп» — сторонников войны с Россией — взяла верх. Были выделены дополнительные средства на военные расходы и вскоре (в 1741 г.) объявлена сама война. Силой оружия шведы рассчитывали добиться изменения границ, установленных Ништадтским мирным договором. С началом войны Олонец вновь стал одним из главных центров сосредоточения русских войск. К организации отпора шведам привлекалось местное население. Как видно из доношения в Олонецкую ратушу посадского Родиона Протопопова, в 1741 г. жители Олонца получили распоряжение «сообщась следовать с гусарскими полками для поиску и сильного отпору над неприятелем». А поскольку выяснилось, что находящееся в городе казенное оружие «не токмо к действию, но и к починке состоит весьма негодное», да к тому же недостает и пороха, то обыватели получили приказ явиться с «домашним ружьем»⁷⁰.

Аналогичные приготовления развернулись и в будущем Петрозаводске. В декабре 1741 г. Канцелярия Петровских получила императорский указ об усилении охраны находящейся на заводах «денежной и пороховой казны» в связи с начавшейся русско-шведской войной. При этом, в случае нехватки находящихся при заводах военнослужащих, разрешалось привлекать к несению караульной службы мастеровых людей «понеже содержатся на жалованье». Для поимки «шпионов» и отпора возможному нападению шведов рекомендовалось призвать «блис тех заводов со околних деревень людей для опасения с ружьями»⁷¹.

Для ведения операций в зимнее время командование предписывало создавать карельские лыжные отряды, «как то в преждебывшую войну с немалою пользою происходило». На крестьянское население прифронтового края, как и всегда в военное время, возлагались дополнительные повинности по обеспечению нужд действующей армии. Крестьянам надлежало выделять стрелков на заставы, обеспечивать их одеждой и провиантом, предоставлять подводы для военных грузов, поставлять фураж, причем нередко бесплатно. В частности, летом 1741 г. приписные крестьяне, несмотря на страдную пору, ежедневно выставляли по 300 работников на строительство укреплений вокруг Кончезерского завода, возводившихся на случай возможного прорыва неприятеля вглубь Карелии.

Боевые действия начались с нападения шведов на русские пограничные заставы в Приладожье и похода их ударной группировки на Выборг. Однако добраться до Выборга шведам не удалось: русские войска остановили продвижение противника, перешли в контрнаступление и в первом же крупном сражении при крепости Вильманstrand 23 августа 1741 г. нанесли ему поражение. Крепость, служившая опорным пунктом для вторжений в Российскую Карелию, пала. Зимой 1741/42 г. войска обеих сторон находились на зимних квартирах. Российские отряды сосредотачивались в основном в районах Выборга, Кексгольма, Сердоболя (Сортавалы) и Олонца. Они несли караульную службу и совершали разведывательные вылазки на территорию противника.

С наступлением весны бои возобновились. В апреле 1742 г. пехотная рота Венгерского полка и «доброконная гусарская команда» численностью 250 человек выступили из Сердоболя «за границу на неприятельскую землю для поиска над противником и для причинения ему наичувствительнейшего вреда». Но поход завершился неудачей: «неприятельских домов обыватели из домов своих разбежались по лесам и по горам». Удовольствовавшись сожжением десятка деревень и пленением одного местного жителя, отряд вернулся в Сердоболь. Причиной скромных результатов похода стала, вероятнее всего, договоренность, заключенная между жителями Иломанского погоста и сопредельных российских территорий, населенных карелами, об отказе от приграничных столкновений и взаимном предупреждении о действиях армии. Как явствует из донесения командующего русской армией генерал-фельдмаршала П.П. Ласси в правительствующий Сенат, крестьяне, живущие по обе стороны границы, «дали <...> присягу и крестное целование, чтоб те деревни, в которых живут они, как на шведской стороне, так и на российской, домов их и

пожитков воровски не разорять, а жить по-прежнему в соседстве, а что слышно будет о приходе российского войска, то дать известие».

Командование российских войск ожидало ответных вторжений шведов и по мере сил готовилось к ним. Предполагалось, что нападению шведов подвергнутся Кончезерский завод и по-прежнему располагавшаяся в устье Лососинки Канцелярия Олонецких Петровских заводов. Тревога усилилась в июне 1742 г.: поступили «промемории» из Олонецкой воеводской канцелярии и от полковника Орлова о готовящемся шведами нападении на заводы. В документах указывалось, что шведами собран отряд «в числе семи сот человек, которые намерение имеют идти потайным образом к разорительному поиску в Олонецком уезде в Шуезерский погост, також на Петровские и Кончезерские заводы». Аналогичные намерения имел, судя по «промемориям» и другой шведский отряд, собранный для похода «в российскую землю» в городе Нейшлоте с целью разорения заводов и приписных к ним волостей. Опасность была вполне реальной: в апреле 1742 г. казаки бригадира Краснощекова «наехали на шведскую партию», с которой им пришлось вступить в «сильное сражение» у деревни Кунки Сямозерской волости⁷².

В отличие от основного прибалтийского театра военных действий, активность сторон на фронте к северу от Ладожского озера в течение войны проявлялась главным образом в локальных приграничных стычках и разведывательно-диверсионных рейдах, от которых преимущественно страдало крестьянское население. Так, жители Лопского Селецкого погоста в 1742 г. сообщали Олонецкой воеводской канцелярии, что от неоднократных набегов шведских отрядов в погосте уничтожены три деревни, а в них «две часовни ... до основания разорены и выжжены все без остатку, крестьянский скот и всякая домовая их рухлядь вся пограблена и <...> из ста душ <...> шведами побито десять человек до смерти, а остальные от страху разбежались».

Аналогичные события имели место и в соседних Ругозерском, Шуезерском и Ребольском погостах. Как видно из доношения Новгородской губернской канцелярии в Сенат, в эти погосты в августе 1742 г. «пришел из Финляндии из Лексинского и Иломанского погостов финские обыватели двумя трактами до ста человек с ружьем» и в ряде селений «дворы <...> разорили и выжгли, и имения их крестьянские, и скот пограбили, свезли с собою в Финляндию». В свою очередь, полковник Виткович, руководивший одним из ответных рейдов на шведскую территорию, который был предпринят в декабре 1742 г. из деревни Лубосалмы Селецкого погоста, докладывал об итогах операции: «как хоромное строение до основания, також и хлеб, в скирдах рожь и прочую пашню около деревни и в

прочих местах разорено и живущих в тех деревнях обывателей шведских мужеского и женска полу робят, где что нашед, с их конями и скотом все забраны»⁷³.

В 1743 г. всем бедствиям и ужасам войны пришел конец. Русские войска, прикрываемые с моря эскадрой З.Д. Мишукова, развернули широкомасштабное наступление вдоль южного побережья Финляндии. Они овладели опорной крепостью шведов Фридрихсгамом, а затем в результате умелого маневра блокировали основные силы противника в районе Гельсингфорса. В августе 1742 г. шведская армия капитулировала, что предрешило оккупацию русскими войсками почти всей территории Финляндии. Заключенный по окончании войны в августе 1743 г. Абоский мирный договор не отразил результаты впечатляющих побед русского оружия. Россия приобрела лишь незначительную, хотя и стратегически важную территорию на юго-востоке Финляндии, близ реки Кюмень с городами-крепостями Вильманstrand, Фридрихсгам и Нейшлот. Гораздо более значительными стали уступки Швеции в династических вопросах. Зная о тесных связях Романовых с Гольштейн-Готторпами, риксдаг обещал избрать наследником престола Адольфа Фридриха Гольштейн-Готторпского, а императрица Елизавета Петровна вернула Швеции большую часть Финляндии.

В 1788 г., воспользовавшись отвлечением основных сил России на затяжную войну с Турцией, шведский король Густав III двинул войска на Петербург. Реваншистские планы шведов стали известны российскому правительству задолго до вторжения, поскольку русские располагали собственными агентами в руководстве сопредельной страны. Уже в 1786 г. Екатерина II, сообщая олонецкому и архангельскому генерал-губернатору Т.И. Тутолмину о военных приготовлениях Швеции, в частности, предписывала: «Состоящий в Олонецкой губернии Белозерский пехотный полк, по лучшему на месте благорассмотрению, расположить таким образом, дабы он, охраняя часть Олонецкой губернии противу Шведской Карелии и заводы, мог противустать всякому покушению в ту сторону»⁷⁴.

К числу благоприятных для русской стороны факторов следует также отнести разногласия в стане противника. Дворянская оппозиция, считая единоличное решение короля Густава III о нападении на Россию антиконституционным, организовала в Финляндии Аньяльскую унию, названную так по финскому местечку Аньяла. Офицеры-участники унии требовали от короля прекращения незаконной войны, возврата к конституционному правлению и начала переговоров с правительством Екатерины II. Они даже вступили в мирные контакты с русским правительством. Негативно относились к войне и финские крестьяне, из которых шведские власти пытались сформировать ополчение.

Авантюристический характер военных действий был слишком очевиден, а привлечение ополченцев к участию в длительных походах и кровопролитных боях могло оказать пагубное воздействие на крестьянское хозяйство.

И все же военное вторжение Швеции, даже ослабленной внутренними противоречиями, представляло серьезную угрозу для России. В первую очередь, для ее северных земель. Началось пополнение воинских частей, находящихся на территории Карелии. В частности, Белозерский пехотный полк был доукомплектован и приведен в состояние повышенной боевой готовности. Кроме того, по предложению Т.И. Тутолмина, направленному для утверждения в Санкт-Петербург в 1788 г., из бобылей Выборгской губернии, изъявивших желание поступить на военную службу, был сформирован Олонецкий егерский батальон «для закрытия обширных границ Олонецкой губернии». В дальнейшем, после участия в боевых действиях, этот батальон дислоцировался в Петрозаводске, его солдаты были привлечены к работам на Александровском заводе. Для пополнения российских вооруженных сил командование начало мобилизацию стрелков из числа местных жителей, «поощряя обещанием, что всякий из них», по окончании военной кампании, «в дома свои отпуск получит и никогда уже впредь лично в рекруты взят не будет».

В состав войск, привлеченных к военным действиям в 1788-1790 гг., входили, по данным Государственного Совета, егерский корпус, 12 мушкетерских полков, три карабинерных, два кирасирских, драгунский, гусарский и гренадерский полки, 1100 донских казаков и 1500 «башкирцев». Выполнение вспомогательных работ по обслуживанию действующей армии в прифронтовой полосе (перевозка провианта и военных грузов, расчистка дорог, содержание кордонов и пр.) вновь, как и в предшествующую войну, возлагалось на местное население. В пределах Олонецкого наместничества к таким работам особенно активно привлекались крестьяне Вокнаволоцкой, Колежемской, Летнерецкой, Нюхоцкой, Сороцкой, Шиженской, Шуерецкой волостей, Панозерского, Паданского, Ребольского и Ругозерского погостов⁷⁵.

Принятые правительством меры по организации отпора противнику быстро увенчались успехом. После того, как попытки шведского командования создать ополчение из финских крестьян провалились, военные действия на суше ограничились несколькими приграничными столкновениями. Главную неудачу шведы потерпели на море. В августе 1789 г. в бою при Роченсальме шведская эскадра была почти полностью уничтожена. 3 августа 1790 г. в финской деревне Вереле был заключен мирный договор, не внесший никаких территориальных изменений и лишь подтвердивший статьи Ништадтского мирного договора.

Многовековое российско-шведское противостояние завершилось небольшой победоносной войной 1808-1809 гг. Начиная кампанию, правительство Александра I учитывало рост сепаратистских настроений в Финляндии и стремилось к отторжению ее от Швеции. На этот раз военные действия не затронули территорию Карелии. Главными опорными базами для русских войск послужили ранее отвоеванные у Швеции крепости в юго-восточной Финляндии — Фридрихсгам, Вильманstrand и Нейшлот. Русская армия, численно превосходившая русские силы, которые придерживались оборонительной тактики, к концу 1808 г. заняла почти всю Финляндию, а затем перенесла боевые действия на территорию Швеции⁷⁶. Возникшая угроза Стокгольму вынудила короля Карла XIII начать переговоры с Россией, которые завершились 5 сентября 1809 г. во Фридрихсгаме подписанием мирного договора. По новому соглашению Финляндия отходила России на правах автономного великого княжества, что существенным образом меняло геополитическое положение Карелии. Бывшая граница со Швецией, откуда на протяжении многих веков на карельскую землю приходила война и разорение, становилась безопасной, мирной границей с автономным государством в составе Российской империи.

«НАСТУПАЮЩАЯ КРЕПОСТЬ» ПЕТРА I В БИТВЕ ПОД ПОЛТАВОЙ (К ИЗУЧЕНИЮ ИНЖЕНЕРНО-ФОРТИФИКАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БАТАЛИИ)

Именно исход Полтавской баталии 27 июня 1709 г., утрата Швецией своего наступательного потенциала – полный разгром и пленение армии Карла XII близ берегов Ворсклы и Днепра, предрешил ответ на главный для Петра I вопрос Великой Северной войны – Санкт-Петербургу, новой столице преобразованной России на берегах Балтики, быть!

Эпохальное событие для Восточной, Северной и Средней Европы – Полтавская битва, стоящая в ряду наиболее знаменитых баталий мировой военной истории, имеет очевидную исследовательскую перспективу. Многие обстоятельства этого столь памятного для народов нескольких сопредельных стран побоища до конца не выяснены и нуждаются в дополнительных изысканиях. Настоятельно требуется расширение документальной первоосновы: введенные в научный оборот источники не позволяют получить точный ответ на немалое число научно значимых вопросов. Задача данного исследования – изучение фортификационного искусства Петра I в ходе сближения русской армии со шведской во второй половине июня 1709 г.

На протяжении приблизительно двух лет (сентябрь 1707 – середина июня 1709 г.) Петр I последовательно, шаг за шагом воплощал свой стратегический замысел сокрушения шведского нашествия, используя отступательную тактику. На этом этапе царь создавал наиболее общие предпосылки для будущей победы. В июне 1709 г. Петр I, полагая условия для уничтожения шведской армии «малой кровью» подготовленными с большим запасом прочности, перешел к наступательной тактике, целью которой был решительный разгром противника в генеральной баталии.

Предпринятая Карлом XII осада Полтавской крепости (она была блокирована шведами 30 апреля 1709 г.) усугубила трудности его армии. Очевидно и другое следствие начатой осады – угроза возможного скорого падения крепости (запасы продовольствия и пороха истощились до предела) принудила Петра I к принятию действенных мер по ее спасению. Рядом последовательных действий и ударов шведские войска были сжаты в мае – середине июня 1709 г. в районе ближайших к Полтаве сел. Реальное положение шведов ярко обрисовано в письме главы российского внешнеполитического ведомства Г.И. Головкина, находившегося в царской ставке, послу в Копенгагене В.Л. Долгорукову, отправленном 10 июня 1709 г. из обоза близ Полтавы. Король, обозначивший, по словам Г.И. Головкина,

намерение «всеми силами крепость Полтаву добывать», многократно атаковал ее «приступом и подкопами», но постоянно был вынужден отступать «с великим уроном»⁷⁷. Полтавский же гарнизон, напротив, совершая частые вылазки против шведов, наносил им немалый урон. Расположение шведских войск было окружено «со всех сторон ... подъездами и партиями» россиян, беспрестанно тревожившими неприятеля. Г.И. Головкин подводил итог: «...неприятель есть паче от нас в осаде, нежели оная помянутая крепость от него, и вскоре чаем знатных действий над ним»⁷⁸.

Когда генеральный совет российской армии принял решение о начале наступательной фазы военных действий – вопрос, остающийся невыясненным из-за отрывочности имеющейся источниковой базы⁷⁹. Согласно тексту «Гистории Свейской войны», по решению военного совета с 16 июня 1709 г. начали сооружать новые апроши с правого берега Ворсклы к осажденной шведами Полтаве с целью установить непосредственное сообщение с крепостью, избежав при этом «генеральной баталии (яко зело опасного дела)»⁸⁰. Лишь после полного провала этой попытки по причине сложности ведения земляных работ в болотистой пойме реки и ответных фортификационных усилий шведов было принято принципиально иное решение. «Гистория Свейской войны» содержит лишь самую обобщенную формулировку резолюции: «...инаго способа нет о выручке города, только что перейти реку к неприятелю и дать главную баталию»⁸¹. Ее наиболее развернутое изложение, по сути дела, наиболее полно дано в письме Петра I коменданту Полтавской крепости полковнику А.С. Келину от 19 июня 1709 г.: «...покинув все шанцы (напротив Полтавы на левом берегу Ворсклы. – *П. К.*), пойдем со всем войском к Петровскому мосту (где уже наш пост еще четвертово дни занят и укреплен) и тамо, перешед и осмотрясь, пойдем ... на неприятеля искать со оным баталии и чтоб пробитца всем войском к городу»⁸².

По мере продвижения русских войск к лагерю дотоле непобедимого Карла XII, располагавшемуся у Полтавы, разработанный царем схематический план грядущей битвы воплощался в конкретных мероприятиях, принимавшихся сообразно рельефу местности и изменявшейся обстановке. Иными словами, шел целенаправленный поиск поля, в наибольшей степени подходившего для предстоявшей битвы, и неизменно проводилась его инженерная подготовка.

Важнейшее отличие полевой тактики Петра I – продвижение русской армии к неприятелю неизменно сопровождалось возведением полевых фортификационных сооружений. На шведскую армию неуклонно надвигалась «наступающая крепость».

Выдающийся русский военный историк А.К. Пузыревский так оценил этот вид боевого продвижения: «...в полевой фортификации Петр Великий обнаружил гениальную изобретательность и дал единственный в своем роде образец укрепленной наступательно-оборонительной позиции (Полтава)»⁸³.

Переход первых трех российских пехотных и нескольких кавалерийских полков во главе с генерал-поручиком К.Э. Ренне на «шведский» берег Ворсклы совершился в ночь с 15 на 16 июня у деревни Петровки (10–11 км севернее Полтавы)⁸⁴. На месте переправы были немедленно «несколько редут с линеею учинены»⁸⁵. Согласно дневнику Г. Адлерфельта, историографа походов Карла XII, неотлучно пребывавшего при королевской ставке, передовой русский отряд, едва переправившись в ночь с 15 на 16 июня на правый берег Ворсклы, еще «прежде, чем занялся новый день», соорудил земляную насыпь из семи бастионов (*un parapet de sept bastions*), за которыми и расположились войска. Россияне в тот день продолжали постоянно окапываться⁸⁶. Сообщив о совершенной несколькими тысячами русских драгун в ночь на 16 июня переправе через Ворсклу, А. Юлленкрук также отметил, что «неприятель окопал себя ретраншементами»⁸⁷. Утром 16 июня генерал-фельдмаршал К.Г. Реншельд передал королю тревожную новость: минувшей «ночью неприятель построил на поле перед Петровскою семь небольших редутов, обставил их пушками и занял пехотою»⁸⁸.

На созванном днем 16 июня военном совете шведские генералы посчитали, что наступать на русские фортификационные сооружения у Петровки опасно: путь к ним болотист. Вечером того же дня король одобрил это решение⁸⁹. К концу дня 16 июня, по Г. Адлерфельту, остальная часть передового российского отряда под командованием К.Э. Ренне перешла на правый берег Ворсклы и вступила «в свой новый лагерь» у Петровки⁹⁰. 17 июня, по наблюдению названного историографа Карла XII, неприятель продвинул свои земляные работы около Петровки ближе к расположению шведов⁹¹. 18-го числа русские перевели свои войска из Петровки «в новый ретраншемент» – вдоль Ворсклы возвели 17 редутов⁹², то есть укрепленный лагерь россиян все более и более продвигался в сторону шведов.

Основные силы российской армии беспрепятственно перешли по мосту и бродами на другой берег реки вечером 19-го и в ночь на 20 июня⁹³. На поле у деревни Семеновки (8 км до Полтавы) тогда же был насыпан укрепленный лагерь для размещения пехоты и артиллерии – ретраншемент, примыкавший флангами и тылом к крутоярм, обрывающимся в сторону Ворсклы. Даже спустя два столетия на этом поле шириною около 800 м, окруженном со всех сторон, кроме западной, обрывистыми спусками, именно на линии,

соединяющей их западные оконечности, сохранялась цепь малых и больших курганов – остатки укреплений армии Петра I⁹⁴.

Записи Г. Адлерфельта отражают процесс постоянного совершенствования русскими собственных укреплений. Так, 22 июня 1709 г. он пометил: «... неприятель продолжает беспрестанно окапываться». На следующий день Г. Адлерфельт записал: «... мы получили известие, что противник приступает еще ближе, постоянно возводя земляные оборонительные сооружения»⁹⁵. Важное с точки зрения фортификационного искусства наблюдение – итог обстоятельного изучения местности в начале XX в., осталось не замеченным исследователями. Оно отражено в 8-страничной краеведческой брошюре 1909 г.: в западном направлении от Семеновского лагеря по возвышенности севернее болотистой и овражистой лощины, где несколько ниже берет исток речка Побиванка, тянулись следы от насыпанной во время стоянки там русских войск линии редутов⁹⁶.

Поскольку нет оснований не доверять итогам проведенного к 200-летию юбилею битвы историко-топографического исследования местности, то налицо упущенный в трудах последующих поколений исследователей факт: укрепленная позиция близ Семеновки представляла собой сочетание ретраншемента, имевшего в тылу болотистую пойму Ворсклы, и линии редутов, вытянутой на запад. Линия этих насыпных сооружений была возведена именно на том месте, где по характеру местности единственно и можно было ожидать неприятельского наступления. Очевиден и другой вывод: новая позиция, которую русская армия заняла и обустроила ближе к расположению шведов 25 июня, повторила в основе своей предыдущую: ретраншемент – укрытие для пехоты и полевой артиллерии, примыкавший к откосам, шедшим к берегу Ворсклы, и линия редутов – прикрытие для расположения кавалерии на направлении вероятной атаки со стороны противника вдоль пересекавшей лощину большой дороги на Семеновку и дальше.

Последнее сообщение в дневнике Г. Адлерфельта, которому было суждено пасть сраженным пушечным выстрелом в разгар Полтавской битвы рядом с носилками короля, написано 25 июня: «... враг сделал великие передвижения, неуклонно приближаясь все более и более и строя земляные укрепления»⁹⁷. Что неприятель «укрепляет свою позицию окопами», можно было видеть и в подзорную трубу – по А. Юлленкруку, около полудня 25 июня об этом сообщили Карлу XII⁹⁸.

На поле будущей битвы, удаленное всего лишь на 5 км от валов осажденной шведами Полтавы, русская армия вышла 25 июня. Оценка избранного царем времени суток для осуществления этого марша на новую позицию добавляет немаловажные черты к портрету

Петра I-полководца. Выдвигая армию на 3 км ближе к расположению столь непредсказуемого противника, царь, что важно отметить, предусматривал как вариант развития событий – генеральную баталию в тот же день с выступившей навстречу россиянам армией Карла XII. О готовности Петра I к такому весьма вероятному последствию сближения российских войск в едва не непосредственное боевое соприкосновение с главными силами шведов свидетельствует содержание послания, написанного в исходе дня 25 июня 1709 г. главой внешнеполитического ведомства России Г.И. Головкиным, находившимся в царской ставке. Г.И. Головкин сообщал чрезвычайному российскому послу в Турции П.А. Толстому, что во втором часу того дня российские войска, построившись в боевые порядки, подошли на расстояние пушечной стрельбы к противнику и «желали с ним в бой вступить». Однако неприятель, по словам автора письма, занял сильные оборонительные позиции и не проявил склонности двинуть войска в бой⁹⁹. Когда Г.И. Головкин писал свое послание, россияне окапывались на новых позициях, а царь вместе с генералитетом осматривал место, «откуда бы удобнее отоковать»¹⁰⁰, то есть разрабатывал план продолжения наступательных действий. «И тако вскоре главной акции ожидать, в чем дай Вышний щастие» – подводил итог Г.И. Головкин¹⁰¹.

Текст «Гистории Свейской войны» содержит объяснение, почему передвижение русской армии произошло не ранним утром, но ближе «к вечеру». По мысли командования, это давало больше надежд, что шведы не смогут вынудить россиян «к главной баталии, прежде нежели транжамент будет учинен»¹⁰². Расчет состоял в том, чтобы соорудить земляной укрепленный лагерь со рвом, валом, реданами и угловыми бастионами, в котором бы разместились в безопасности регулярные пехотные полки и полевая артиллерия, а также линии редутов в проходе между лесами, ведущем к полю перед ретраншементом, где стали лагерем конные полки. Это намечалось сделать в течение предстоящих вечера и ночи – выбор этого времени суток не позволял шведам помешать возведению ни ретраншемента, ни редутов. Смелая идея постройки внушительного фортификационного комплекса в непосредственной близости от расположения главных сил армии Карла XII была обдумана заранее. Для быстроты его сооружения солдаты заготавливали фашины – перевязанные охапки ветвей и сучьев, необходимые для ускоренной насыпки валов, еще во время стоянки войск у Семеновки¹⁰³. Солдатам Семеновского гвардейского полка, к примеру, давали приказы вязать фашины 22–24 июня 1709 г. ежедневно¹⁰⁴. 25 июня 1709 г. Семеновский полк получил такой приказ: «К походу быть в готовности; взять с собою хлеба на сутки да на каждого человека по фашине; кирки и лопатки»¹⁰⁵.

А.Д. Меншиков оценивал произошедшее 25 июня передвижение и закрепление армии на новых позициях в написанном за день до битвы письме как сильный ход против шведов: «Вчерась обоз свой перенесли мы сюда и хотя ближе к неприятелю, только зело в удобном месте стали и траншемент построили, и чаем, что неприятель вскоре принужден будет место сие оставить и идти далее, когда надеемся ... с городом комуникацию свободную получить. В прочем у нас ... благополучно и опасности никакой нет, понеже ... наша армия вся здесь в совокуплении»¹⁰⁶. Новое местоположение укрепленного лагеря главных сил российской армии наилучшим образом отвечало и таким безусловным требованиям стоянки большого войска, как близость воды (Ворскла) и леса (у Яковцов). Фридрих II Великий, внимательно изучавший опыт Полтавской битвы¹⁰⁷, характеризовал необходимость расположения войска у источников воды и мест, откуда можно было доставлять дрова, как «главное правило, которое при всех лагерях наблюдать надлежит»¹⁰⁸.

Что более предпочтительным Петр I считал выжидательный вариант баталии со шведами – с опорой на собственные фортификационные сооружения, неоспоримо. Об этом свидетельствует собственноручное письмо царя А.С. Келину от 26 июня 1709 г.: «...ныне ... вам повелеваем, чтоб вы еще держались, хотя с великою нуждою, до половины июля и далее...»¹⁰⁹. Российский монарх, следовательно, за день до битвы допускал, что решительное столкновение двух армий, несмотря на их самое тесное сближение, может произойти даже через три и более недель. В отличие от своего венценосного соперника на поле брани Петру I было органически присуще стремление во всех случаях в наибольшей степени подготовить победу, снизить риск и влияние непредвиденных обстоятельств.

Совершенное 25 июня 1709 г. передвижение русских войск на расстояние часового марша-броска до лагеря шведской армии заставило Карла XII в тот же день перевести лагерь пехоты и кавалерии ближе к российским позициям и разместить на новом месте весь армейский обоз¹¹⁰ – явные приготовления к битве.

Что представлял собой ретраншемент, базовое российское укрепление, в котором Петр I, осторожный военачальник, посчитал безопасным разместить основные силы созданной столь великими трудами регулярной армии?

Согласно гравюре Я. Кайзера, выполненной, как представляется автору, по посланным за рубеж после одержанной победы в том же 1709 г. официальным российским чертежам¹¹¹, ретраншемент имел два угловых бастиона, полубастион и тринадцать реданов. Прodelанные автором измерения чертежей фортификационных сооружений на поле битвы 27 июня 1709 г., происходящих из бумаг военно-походной канцелярии Петра I, позволяют сделать некоторые

заклучения. Ретраншемент имел не трапецевидную, как обычно принято считать¹¹², но строго прямоугольную форму. Западная сторона, наиболее угрожаемая в случае прорыва неприятельской армии, являлась наиболее зауженной: только 0,66 протяженности южной. Она имела два бастиона на углах, а вал между ними был усилен тремя реданами. На гравюре Я. Кайзера и использованных при ее создании чертежах (их копиях, вариантах) из бумаг Петра I показаны на западной стороне лагеря четыре равноудаленных друг от друга выхода для войск. Следовательно, ретраншемент мог быстро стать из мощного средства обороны опорным плацдармом для перехода в наступление укрывавшихся в нем пехоты и артиллерии (это и произошло в ходе битвы). Наиболее протяженная южная сторона ретраншемента, отходившая под прямым углом от спускавшихся к Ворскле косогоров, «смотрела» на Полтавскую крепость, от которой ее отделял лесной массив, изрезанный глубокими оврагами. Южный вал ретраншемента имел полубастион на восточном краю – там, где начинался береговой обрыв. На западной оконечности южного фаса укрепленного лагеря выступал упоминавшийся угловой бастион, усиливали южную сторону ретраншемента шесть реданов. По всей длине южного фаса равномерно между реданами, бастионом и полубастионом размещались семь проходов для быстрого вывода полков в поле. Северная сторона ретраншемента составляла только 0,75 от длины южной: продлевать ее далее к Ворскле не имело смысла – она доходила до начала ниспадавшего к низменной пойме реки языка оврага. Северный фас лагеря располагал четырьмя выходами для войск¹¹³.

Открытый путь от нового укрепленного лагеря россиян до Полтавы простирался по полям подобием полукружия, огибающего с запада прорезанный глубокими оврагами лес, занимавший пространство между осажденной шведами крепостью и деревней Яковцы. Этот проход отграничивался другим лесом, лежавшим западнее и примыкавшим к селению Малые Будищи. Таким образом, единственный маршрут, по которому либо русская, либо шведская армии могли атаковать, представлял собой не слишком широкую прогалину между двумя лесными массивами. Иной путь к российскому ретраншементу – по дороге, шедшей от Полтавы через лес вдоль берега Ворсклы, совершенно исключался: узость места не позволяла ни шведам, ни россиянам развернуть боевые порядки армий для атаки. Петр I сумел наилучшим образом использовать эти особенности местности к выгоде россиян.

Поперек наиболее тесной части прохода по полям к месту стоянки лагерем русской кавалерии и ретраншементу, в котором укрывались пехота и артиллерия, царь 25 же июня распорядился отсыпать редуты – шесть замкнутых отдельных земляных фортификационных сооружений, внутри которых разместили пехоту и пушки. Вперед от середины поперечной

линии редутов тогда же, согласно замыслу монарха, были выдвинуты еще два редута, а в ночь накануне битвы перед ними начали возводить, но не успели закончить, еще два. Командовавший в день битвы Семеновским полком Б.И. Куракин, тогда гвардии подполковник, раскрыл в своем дневнике важную подробность: пехота занималась сооружением ретраншемента, кавалеристы – редуты. Регулярная конница расположилась за поперечной линией из шести редуты в линию: на правом крыле полки под началом Р.Х. Боура, на левом – К.Э. фон Ренне, посередине – И.К. Хейнске¹¹⁴.

Новейший исследователь В.А. Молтусов высказался против чрезмерности в положительной оценке замысла русского командования соорудить редуты. Он обосновывает такой взгляд: «Историки подпадают под влияние такого авторитета военного дела, как маршал Мориц Саксонский, с чьей легкой руки в русской историографии распространилась преувеличенная оценка редуты в Полтавском бою»¹¹⁵. Автору статьи, напротив, представляется, что оценка роли редуты Морицем Саксонским чрезвычайно глубокая, взвешенная и помогает дать непредвзятую оценку планов и действий двух венценосных полководцев. Знаменитый военачальник полагал (1732 г.): «Невозможно было наступать на московитскую пехоту, не взяв этих редуты, так как нельзя было ни оставить их позади, ни пройти между ними, не подвергаясь опасности быть уничтоженным их огнем»¹¹⁶.

По вполне традиционному мнению автора статьи, редуты призваны были, во-первых, дать возможность конным полкам опереть на них собственную боевую линию для встречи неприятеля в случае атаки с его стороны. Во-вторых, четыре вынесенных вперед редута, облегчали вероятность своевременно обнаружить в условиях ночной темноты выдвижение шведов с целью атаковать русские позиции. В-третьих, если доверять сведениям, приведенным историком П.Н. Крекшиным, который лично знал Петра I и, главное, использовал немало недошедших до наших дней первостепенных источников, царь также полагал, что четыре передовых редута «могут шведскую неприятельскую армию разрезать надвое»¹¹⁷. Редуты выполнили в день битвы все три перечисленные выше задачи.

Стоит обратить внимание на то, что чрезвычайная важность редуты, передовой позиции, в замысле предстоявшей баталии подчеркнута многочисленностью их гарнизонов: шесть пехотных полков, всего 4700 чел.¹¹⁸

Как свидетельство раздумий относительно того, какой рисунок следует придать линиям редуты в ведущем к полю перед российским укрепленным лагерем проходе между лесами, можно расценивать их конфигурацию, изображенную на упоминавшейся ранее официальной гравюре-плане Полтавской битвы, вышедшей из-под резца Я. Кайзера. На этой

гравюре показаны две, сходящиеся под острым углом линии редутов. Передовая линия редутов состоит только из трех и идет к крайнему справа редуту, ближнему к Малобудищенскому лесу¹¹⁹. Именно такое расположение редутов показано и на подготовительном чертеже для создания этой гравюры из личного собрания чертежей Петра I¹²⁰.

Согласно напечатанной по официальному русскому заказу в Нидерландах гравированному Я. Кайзером плану Полтавской битвы¹²¹ и подготовительному чертежу к нему из собственного собрания чертежей, рисунков и схем Петра I¹²², все десять редутов россиян, возведенных в проходе между лесами к полю перед русским ретраншементом, имели одинаковую квадратную форму и размеры, но шведы, участники баталии, именовали «большим шанцем» третий по счету из выдвинутой вперед линии из четырех русских редутов, если определять их порядок со стороны наступавших шведов¹²³. Именно его защитники сумели отразить три упорных шведских атаки, устроив неприятелю настоящую бойню. Оказалось, что без штурмовых лестниц (которых у шведов не было) любые попытки захватить этот редут обречены на провал¹²⁴. Свидетельства шведов-очевидцев несколько не противоречат военной целесообразности: логично было особым образом усилить именно передовой из восьми сооруженных первыми с вечера 25 и в ночь на 26 июня редуты. Именно он призван был, если бы наступление шведов последовало до возведения новых редуты, первым вступить в бой с наступавшим противником и расцечь его боевые порядки. В отечественной литературе названный факт постройки особо укрепленного передового редута, немаловажный с точки зрения военно-инженерного искусства, донныне не отмечен.

Не выдерживает критики сделанное недавно В.А. Молтусовым утверждение, что к северу от Яковцов, там где заканчивался лес и дорога от Полтавы по-над обрывом к пойме Ворсклы выходила на небольшое поле перед южным фасом русского земляного лагеря, имелось еще два редута – больших многоугольных шанца. Они изображены на ряде гравюр, сходно показывавших ход боевых действий и местность, где произошла битва¹²⁵. Однако на гравюрах этой группы имеется масса грубо противоречащих надежным и многочисленным источникам данных. Достаточно сказать, что русских редуты квадратной формы на ней показано только пять, причем в неожиданном месте – вдоль северного края Яковецкого леса; ретраншемент россиян изображен вытянутым вдоль косоголов, уходивших вниз к Ворскле, и имеет неправильное многоугольное начертание; армия же Карла XII, согласно этим гравюрам, атаквала не только через проход между Яковецким и Малобудищенским лесами,

но и вдоль поймы реки Ворсклы и т. д.¹²⁶ О существовании двух названных редутов нет сведений и в письменных источниках.

Важно отметить, что протяженность линии из шести поперечных редутов, в соответствии с чертежом из военно-походной канцелярии царя, строго равнялась длине южной стороны укрепленного лагеря пехоты и артиллерии¹²⁷. Не является ли это ключом к определению длины южной стороны и вообще всех размеров и общей площади ретраншемента? Данные и размышления о протяженности линии из шести поперечных редутов приводятся в литературе.

Среди собрания «Галереи Петра I» Библиотеки Российской Академии наук внимание автора статьи привлек подробный чертеж построенного 25 июня на месте будущей баталии ретраншемента, в котором показаны места расположения всех ставших в нем пехотных полков и обоза полевой артиллерии. К юго-западу от углового, также обращенного к юго-западу бастиона ретраншемента русской армии, на наиболее опасном для неприятельской атаки направлении, изображено невдалеке вытянутое в линию земляное укрепление из двух угловых редутов, вала с реданом посередине, открытое с тыла, – это сооружение еще не упоминалось в исторической литературе. Его протяженность, согласно чертежу, весьма значительна: 0,68 от длины западной, 0,46 – от южной стороны ретраншемента¹²⁸.

Было ли действительно возведено это сильное земляное укрепление?

Свидетельств его реального существования в источниках обнаружить не удастся. Напротив, такое фортификационное сооружение не показано ни на одной из многочисленных гравюр с видом битвы и не упоминается ни в одном из известных автору дневников и воспоминаний ее участников.

На взгляд автора, рассмотренный чертеж отражает существовавший у российского командования замысел совершенствования созданной на будущем поле битвы фортификационной системы, от которого либо отказались, либо просто не успели воплотить: баталия произошла на третьи сутки после перехода русской армии на новые позиции. Возведение описанного значительного земляного укрепления (редан и с его обоих краев валы, замыкаемые редутами) именно на наиболее угрожаемом направлении неприятельской атаки русского лагеря, как представляется, должно было еще более подорвать призрачные шансы шведов на успех такого наступления. В день битвы как раз с этой стороны генерал А.Л. Левенгаупт двинул в атаку на российский ретраншемент находившуюся под его командой часть шведских пехотных полков – попытка нападения была отражена массированным огнем артиллерии россиян.

Российский монарх, следовательно, как можно заключить, намечал насыпку новых земляных укреплений, на которые русская армия опиралась бы в случае баталии. Только в ночь с 26 на 27 июня начали возводить, но к началу битвы не успели закончить два передних редута – это общеизвестный факт из истории баталии.

Петру I, следовательно, удалось навязать противнику именно то поле битвы, которое россияне тщательно обследовали и на котором успели за 25–27 июня 1709 г. выполнить большие фортификационные работы. «Не делайте того, чего хочет неприятель, единственно потому что он хочет этого; избегайте поля битвы, которое он обозрел, изучил, и еще более, на котором он укрепился и окопался»¹²⁹, – это замечание, или «правило», Наполеона в полной мере соответствует и уроку, с блеском гениальности преподанному Петром I под Полтавой Карлу XII. В итоге, Полтавская битва от начала до конца протекала по плану Петра I – его оборонительному, наиболее выгодному для россиян сценарию, позволившему использовать возведенные полевые укрепления. Генерал-фельдмаршал Д. Кейт, служивший в России с 1727 по 1747 г., по словам прусского короля-полководца Фридриха II Великого, лично «обследовавший эту местность, ставшую столь знаменитой, был убежден, что даже если бы Карл XII располагал армией в сто тысяч человек, ему не удалось бы одержать верх над царем на этой позиции»¹³⁰.

РОССИЙСКО-НОРВЕЖСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ (КОНЕЦ XVIII - НАЧАЛО XX ВВ.)

Вопрос о российско-норвежских взаимоотношениях не раз затрагивался как в отечественной, так и зарубежной историографии.¹³¹ Перечень опубликованных исследований (правда, в основном в сборниках или прессе) уже такой, что может занять несколько десятков страниц. Отношения между русскими и норвежскими подданными и правительствами двух стран стоят во многих исследованиях на одном из центральных мест, что неудивительно: политика государства направляет развитие связей в экономике, политике и других областях.

В отношениях двух государств можно выделить торгово-промышленное взаимовлияние. Хотя это наиболее разработанное направление в советской историографии (исследования Т.А. Шрадер и др.), тем не менее, тема не является исчерпанной. Э. Ниemi в своей статье «Поморская торговля глазами норвежцев»¹³² указал на малоисследованные страницы истории торговли, высказав собственную точку зрения на хронологические рамки торговой деятельности поморов в Финмаркене. Само понятие «меновая торговля» требует отдельного изучения. Остаётся невыясненным множество вопросов. Следует ли включать сюда только морские торговые связи двух государств? Какая роль принадлежит иным торговым путям между Россией и Норвегией? При этом каковы территориальные рамки данного явления: Русский Север, европейский Север, весь Северо-Запад или только Архангельская губерния без Санкт-Петербурга? Слабо освещено значение России во внешнеэкономических связях Норвегии. Какое место в российско-норвежских торговых связях занимала Швеция?

Дальнейшей разработки, по нашему мнению, требует тема хозяйственной деятельности норвежцев на европейском Севере. В данной области было бы интересным оценить долю чисто норвежского капитала и смешанного (не только с российским, но и английским, шведским, немецким и др.) в различных отраслях экономики севера России. Важно также выяснить значение норвежских фирм, работавших в России, в собственно экономике Норвегии. Насколько распространённым являлось для норвежских предпринимателей вкладывать деньги в российскую экономику? В этом смысле разработки требует тема общественного мнения в Норвегии о России с хозяйственно-экономической точки зрения. В том числе к экономической сфере следует отнести деятельность шведско-норвежских консульств в северных городах России. На деле эти представительства

выполняли не только дипломатические, но и торговые функции. Но эта сторона их деятельности не получила должного отражения в историографии. Хотя и архивные материалы и публицистика рубежа XIX-XX вв. показывает, что шведско-норвежские консулы своей основной задачей видели защиту экономических интересов Норвегии: в торговле, фрахте судов, таможенной политике и др. Да и сами иностранные дипломаты зачастую по совместительству занимались предпринимательской деятельностью.

Не менее интересно развивалось дипломатическое сотрудничество. Российско-норвежские отношения стали причиной заключения нескольких межгосударственных договоров. Многие вопросы обсуждались на уровне правительств и в ряде случаев монархов двух стран. Необходимо, очевидно, проследить развитие законодательства о российско-норвежских отношениях. При этом не стоит ограничиваться чисто теоретическим анализом документов, но изучать применение их на практике. Поэтому темой исследования может стать деятельность центральных и местных властей Российской империи в области норвежского влияния на Севере (иначе говоря, эволюция «норвежской политики» российского государства на Русском Севере). Не является закрытой тема российско-норвежского разграничения 1826 г. Вопрос о Конвенции 1826 г. не раз затрагивался исследователями. На основе материалов Государственного архива Архангельской области (ГААО) данная проблема рассмотрена Р.А. Давыдовым в 1-й главе («Российско-норвежская граница и проблемы спорных территорий») кандидатской диссертации. Однако представляется необходимым продолжить изучение истории этого вопроса в свете привлечения источников из центральных архивов.

Своеобразным третьим, в какой-то мере объединяющим два предыдущих блока, направлением в исследованиях является тема русско-норвежских конфликтов. Данная проблема ставилась в печати.¹³³ Своё отражение проблемы в отношениях двух стран находили и в международных договорах, и отечественном законодательстве, и политике властей. Ещё в начале века предметом изучения для краеведов становились русско-норвежские конфликты на промыслах, границе, в торговле контрабандой, в ходе заселения норвежцами Мурман с середины XIX века. Малоисследованными до сих пор остаются конфликты в торговле, деятельности иностранных фирм на Русском Севере.

В 1815 г. после наполеоновских войн самыми отсталыми районами Шведско-норвежского королевства считались запад и север.¹³⁴ Но примерно с этого же времени началось целенаправленное экономическое развитие севера. Когда в 1858 г. российский генеральный консул в Норвегии Мехелин посетил Финмаркен, то был немало удивлён,

насколько оказалась развитой эта северная провинция.¹³⁵ Как же удалось подняться Северной Норвегии?

Основной отраслью хозяйства здесь два века назад являлось рыболовство. Между 1815 и 1830 гг. торговля треской и сельдью (как правило, со Швецией и Россией) удвоилась, в то же время экспорт древесины упал.¹³⁶ Основным импортёром норвежского леса оставалась Англия, однако британская тарифная политика никак не способствовала увеличению поставок древесины в западном направлении.¹³⁷

В северных поселениях периодически устраивались ярмарки, суда на островах загружались рыбой в сушёном, свежем и солёном виде, гагачьим пухом и продуктами морского промысла. Ярмарки обеспечили ежегодный праздник для обитателей отдаленных фьордов и островов, которые на лодках добирались до мест торговли своими товарами и изделиями кустарного промысла. А также зачастую найти пассию для заключения брака.¹³⁸ Причём правительство высоко оценивало социально-культурную значимость подобных торговых фестивалей, давая льготы и устанавливая низкие пошлины. Определённые налоговые льготы получали и бергенские и трондхеймские торговцы, поставлявшие на север мануфактурные товары (провода, парфюмерия, табак, одежда и т.п.).

Ещё в 1775 г. торговлю вразнос объявили незаконной. Впредь все коммерческие операции осуществлялись владельцами гостиниц, трактиров и др. заведений через специально созданные склады. Казначейское Постановление 1797 г. предоставляло привилегии шкиперам и другим торговцам, и так владельцев домов, сдающим комнаты внаём (большинство из них владели шхунами). Правительство, таким образом, создавало привилегированный класс торговцев, кто были уроженцы.

Цель состояла в том, чтобы гарантировать лучшее обеспечение питанием жителей Нурланда. Поставка зерна являлась кардинальным вопросом и в течение военных лет (1807-1814). Для многих поморов время блокады стало благоприятной порой для контрабандной торговли зерном и мукой. По норвежским источникам торговая деятельность российских рыболовных судов по побережью Финмаркена впервые обратило внимание датского правительства в 1749 г., когда и был сделан дипломатический доклад в Санкт-Петербург.¹³⁹ В 1769 г. Екатерина II приказала, чтобы все её подданные воздержались от тайной торговли и лова рыбы на норвежской территории. Это постановление, однако, не возымело никакого влияния в то время. Торговая компания Финмарка запретила жителям предоставлять какое-либо жильё российским рыбакам. После этого и стали в массовом порядке появляться знаменитые деревянные постройки, для которых поморы сплавляли лес из различных мест,

включая Архангельск.¹⁴⁰ В 1774 г. 1300 русских рыбаков промышляло в Финмаркене. В норвежской историографии описываются жалобы норвежцев на их поведение. В то же время торговля свежей рыбой (т.н. «русская торговля») оценивается положительно с точки зрения благотворного влияния на экономическое развитие севера Норвегии. В 1790 г. местные власти Финмаркена объявили, что их отношения с российскими шкиперами «хороши и безупречны».¹⁴¹

Сама область Финмарка исторически образовалась в 40-х годах XVIII столетия, когда местные органы управления переехали в Альту из крепости Варде (Vardehus). В 1787 г. Тромсё-амт объединился с Финмаркеном в Финмарк-амт. Впрочем, местные власти продолжали находиться в Альте до 1814 г. и только тогда переехали в Тромсё. В 1866 г. снова образовался Тромсё-амт и Финмарк с административным центром в Гаммерфёсте (после 1888 г. в Вадсё). Исторически эти северные районы Норвегии всегда являлись пограничными зонами общения с другими народами, в том числе и в деле торговли. Поэтому большое количество русских судов, как правило, небольшого водоизмещения в конце XVIII - начале XIX вв. никого уже не удивляло. Поморы заходили не только в традиционные Гаммерфёст и Варде, но появлялись в амтах Сандойя, Мейефьорда, Фагервика, Индрефьорда и других.¹⁴² По свидетельству амтмана Sommerfeldта в 1799 г. поморы торговали множеством товаров: овсом, парусиной, мылом, мёдом, мануфактурой и даже французскими винами, официально запрещёнными к ввозу в Россию. Треска шла по 24 шиллинга за вог (1 вог равен, примерно, 18 кг). В свою очередь русская мука пользовалась спросом не только в самой северной Норвегии, поступая через Трондхейм на юг. В 1807 г. торговец Есбенсен отправил партию русской муки в 7000 вогов в Копенгаген.¹⁴³

Но уже к 20-м гг. XIX в. российская торговля стала сталкиваться со всё более растущей конкуренцией со стороны других европейских морских держав. Незначительный спад наметился после наполеоновских войн, когда континентальная блокада, давшая мощный толчок для развития контрабандной торговли хлебом, завершилась. Корабли из Франции, Англии привозили соль, мануфактуру, бакалею и т.п., увозили традиционные для севера сушёную рыбу и рыбий жир. В 1819 г. к гавани Тромсё подошёл английский барк «Элиа», крупнейшее судно из бывавших здесь до этого. Забрав груз копчёной рыбы, барк ушёл в Средиземноморье, открыв, таким образом, южную торговлю для Северной Норвегии. Следовательно, менялась и номенклатура товаров в западной и южной торговле.

Хотя, конечно, в первой половине XIX в., несмотря ни на что, русское направление занимало главенствующее в торговой жизни Тромсё. В 20-е гг. Буде и Тромсё

экспортировали рыбы в 6 раз меньше, чем Гаммерфёст.¹⁴⁴ Причину такой диспропорции местные власти напрямую связывали с русской торговлей, а именно, отсутствия у районов Сеньи и Трумс привилегии свободной внешней торговли с Россией. В 1827 г. лорд-лейтенант Финмарка сообщил, что Тромсё, несмотря на трудные времена, успешно конкурировал с Буде и Гаммерфёстом, портами, в полной мере пользовавшимися льготами в налогообложении и уплате таможенных пошлин.¹⁴⁵ Правительство предложил и план мер для улучшения экономики региона. Во-первых, по примеру Буде, перестройка торговых заведений в центре города, во-вторых, введение хоть каких-нибудь льгот в деле русской торговли. Положение, когда товарами, предназначенными для Архангельска, приходилось торговать через бергенских посредников, действительно, раздражало торговцев и промышленников севера. Здесь вспоминается копенгагенская монополия 1729-1789 гг., когда ограничения по торговле зерном с поморами, не раз ставила районы современного Финмарка на грань голода.¹⁴⁶ Лорд-лейтенант Тромсё доказывал в своих посланиях, что северным жителям лучше знать, в чём более нуждается Россия.

Во время летнего лова рыбы торговля в Тромсё снижалась, это неудивительно: львиная часть коммерции находилась в руках норвежских промышленников. Впрочем, иностранные шкиперы при заходе в гавани Северной Норвегии также не брезговали меновой торговлей, в том числе и с русскими. Тот же лорд-лейтенант упоминает о Тромсё как о центре торговли мехом с Россией. Но что особенно странно, меха шли не из России в Европу, а в Россию. В частности, лисьи меха из Германии посылали через Берген, чтобы продать русским в Тромсё.¹⁴⁷

Решающее изменение в торговле с Россией произошло в 1828 г., когда после заключения торгового договора одиннадцать лет Тромсё находился на равных с городам Финмаркена - Вардё и Гаммерфёстом. Уже 1815 г. продукты питания из России могли беспошлинно доставляться в Тромсё, однако в следующем, 1816 г., главный предмет российского импорта - мука опять стал облагаться налогом. Молодой северный город нуждался в поставках русских зерна и муки, так что торговцы подали прошение о снижении пошлин, но без результата. Комиссия, назначенная для рассмотрения жалобы, исходила из общегосударственных интересов королевства: ведь норвежцы обязаны были платить в российских портах все сборы. Впрочем, комиссия дала рекомендации разрешить в определённые периоды, когда недостаток продовольствия ощущался особенно остро, некоторые послабления в импорте русского хлеба. Рекомендации реализовались в Торговом договоре, подписанном в Санкт-Петербурге в феврале 1828 г. Этим норвежское

правительство согласилось освободить от таможенных пошлин муку, зерно, пеньку, канаты, смолы и строительные материалы, импортировавшиеся из гаваней Белого моря к Финмаркену. Договор действовал шесть лет. Новый договор 1834 г., фактически подтверждал торговые льготы для русских товаров до 1839 г. В апреле 1838 года между Шведско-Норвежским королевством и Российской империей заключили новое соглашение: Финмаркен по-прежнему оставлял льготы в торговле с Россией, однако амты Сеньи и Тромсё лишались права свободной внешней торговли.¹⁴⁸ В это же время, во многом благодаря стараниям Англии (в частности, одного из пропагандистов этих идей британского вице-консула Д.Р. Кроу) стала возникать проблема т.н. «русской угрозы».¹⁴⁹ В какой-то мере в этой политической проблеме можно проследить и коммерческий интерес, ведь поморско-норвежская торговля являлась звеном в торговых отношений многих стран. Губернатор Финмаркена Оле Эдвард Бак посетил в 1840-1841 гг. Северную Россию. В своих отчётах губернатор, анализируя российско-норвежскую торговлю, указывал на смехотворность предположений английской прессы о том, что русские под видом торговли готовят захват незамерзающих гаваней Финмаркена, а скрывая под камуфляжем поморских шняк военные суда.¹⁵⁰

Годы свободной российской торговли (1828-1839) дали значительный толчок для развития Тромсё, его росту и преуспеванию. Численность населения города, увеличилась в 10 раз с 1807 и 1835 гг.

Влияние соседней Норвегии на Русский Север неоднозначно оценивалось современниками. С одной стороны в норвежцах видели положительный фактор для развития края. Особенно этот подход проявился на первых этапах колонизации Мурамана. Секретарь Статистического комитета П. Чубинский доказывал в 1864 г., что норвежские «предприимчивость и рациональные приёмы хозяйства оживили бы этот безлюдный край».¹⁵¹ С другой стороны, в 1871 г. губернатор заявил, что «норвежцы - самый вредный и дурной элемент местной колонизации».¹⁵² Темой переписки между архангельским губернатором и шведско-норвежским консулом стали конфликты между русскими и норвежскими колонистами. В 1870 г. губернатор предложил встретиться в Коле для обсуждения этой проблемы, а так же вопросов, касающихся незаконных промыслов в российских водах, с комиссаром от норвежских властей.¹⁵³ Однако правительство в Христиании ответило уклончиво, ссылаясь на необходимость консультаций со Стокгольмом и предложило встретиться с губернатором Финмаркена с тем однако, чтобы встреча не носила дипломатического характера и не обязывала «в чём-нибудь в будущем для норвежского

правительства».¹⁵⁴ Губернатор Н.А. Качалов в докладе 3 октября 1870 г. министру финансов отмечал, что поселенцы Мурмана как русские, так и норвежцы, «нисколько не думая о том, чтобы сделаться на самом деле прочными колонистами этой местности, задумали воспользоваться только выгодами, предоставленными правом беспошлинной торговли... и с этой целью устроили в некоторых из колоний и становищ небольшие лачуги, чтобы иметь только вид переселенцев... в этих лачугах заведены ими склады иностранных крепких напитков, которыми они спаивают рабочих людей и за бесценок приобретают производства промысла...».¹⁵⁵ Губернатор Н.П. Игнатьев утверждал в 1871 г.: «Пагубное влияние торговли норвежским ромом часто тормозит лучшие начинания переселенцев и подрывает их благосостояние, обогащая соседние округа Норвегии».¹⁵⁶ Пристав 5-го стана Кемского уезда в отчёте о командировке в навигацию 1873 г. по западной стороне Мурманского берега сделал вывод: «Пьянство со всеми безобразиями убивает промыслы».¹⁵⁷ На потребление в России рома в Норвегии работала целая промышленность. Помимо одиночных перекупщиков ром производили: в Вадсэ - 12 фирм, в том числе и русский консул (!), в Вардэ - 13, в Тромсё - 9, в Гаммерфёсте - 10.¹⁵⁸ Впрочем ромоторговлей занимались не одни норвежцы, но и русские: «была свобода продавать ром, и все занимались этим... местами занимались и женщины, местами торговали и ромом, и женским телом».¹⁵⁹

В конце 60-х гг. XIX в. чиновник Кемского уезда Поникаровский жаловался губернским властям на норвежцев, которые «вторгались в наши пределы на Мурманский берег для лова рыбы, водворения там контрабанды».¹⁶⁰ Жалобу довели до шведско-норвежского консула в Архангельске. В результате министерство внутренних дел в Христиании предписало финмаркенскому губернатору «распубликовать посредством объявлений, что норвежские рыбопромышленники ... только во время бури имеют право заходить в губы и заливы Мурманского берега и, что им строго воспрещено увозить с русского берега лесной материал ... и другие произведения края».¹⁶¹ Объявления действительно опубликовали, запретив норвежцам, кроме перечисленного устраивать на Мурмане рыбопромышленные заведения.¹⁶²

80-е гг. XIX - начало XX вв. - это правление императоров Александра III и Николая II. Их общий курс направлялся на ограничение иностранного влияния. В архангельской прессе начала XX века практически не встретить положительного отклика на деятельность норвежцев на Русском Севере. Первой о вреде норвежцев в деле колонизации в публицистике, по-видимому, поставила газета «Голос». В 1874 г. в ней сообщалось: «Норвежцы, поселившиеся на нашем берегу, вовсе не развивают местных промыслов, а

только увеличивают класс мироедов. Это преимущественно родственники норвежских купцов, служащие на Мурмане комиссионерами и главными факторами для сбыта норвежского рома и деле контрабандных операций. Другая часть состоит из бежавших преступников, признанных банкротами, разорившихся и ищущих лёгкой наживы аферистов, - вообще, людей, крайне сомнительных». Главная беда освоения полуострова, по мнению корреспондентов «Известий Архангельского общества изучения Русского Севера», заключалась в отсутствии определённой стратегии, системе в основании поселений, организации промыслов и проч. Этим активно пользуются иностранцы, которые «эксплуатируют природные богатства Мурмана..., доходя в последнее время почти до открытого хищничества».¹⁶³ Самая большая опасность в этом отношении - норвежские выходцы, «которые составляют тесно сплочённую и вытесняющую отсюда русского человека кучку».¹⁶⁴ На страницах журнала ставилась задача превращения Мурмана из места, «где русскому колонисту уже небезопасно» в процветающий край, т.к. «будущее этих берегов великое - это наша вторая Аляска, где затраченные деньги не пропадут, и если и будут потрачены, то к выгоде русского народа и его государства».¹⁶⁵

Составители «Статистических исследований Мурмана» (СПб., 1904 г.) указывали, что иностранная часть жителей полуострова всё более криминализировалась: здесь находили убежище скрывающиеся от правосудия преступники. В.Тихомиров в 1903 г. опубликовал своё исследование колонизации «Заботы о заселении Мурмана во второй половине прошлого столетия».¹⁶⁶ Главный вывод, который можно сделать из статьи, ставка на иностранцев в освоении русских земель - ошибка, ведущая к пагубным последствиям: самовольные поселения, конфликты из-за промыслов, контрабанда спиртными напитками низкого качества из Норвегии и проч. С. Постников в статье «К оживлению Мурманских промыслов»¹⁶⁷ называл колонизацию «мирным» завоеванием Мурмана норвежцами: «Прежде всего необходимо запретить доступ иностранцев-колонистов, взамен чего поощрять заселение Мурмана русскими».¹⁶⁸

Хотя массовая антинорвежская компания на страницах архангельских газет и журналов развернётся позже, в конце XIX - начале XX вв. В этот период резко обострилась проблема охраны наших промыслов от «иностраннных хищников». Другая проблема - конфликты между колонистами и лопарями, с которыми связана переписка между министерством внутренних дел и архангельским губернатором в 1912-1913 гг. По российско-норвежскому протоколу от 6/18 августа 1834 г. лопари сохранили право семужий промысел в Пазрецком и Ровдинском заливах, отошедших по разграничению 1826 г. к Норвегии. В

начале 80-х гг. XIX в. лопари Пазрецкого погоста «стали сталкиваться с пограничными норвежцами по торговым, промысловым и другим делам, преходя через это в бедствие». ¹⁶⁹ По жалобам уездного- исправника, норвежцы построив китобойный завод в Ровдинской губе (на русско-норвежской границе) и выбрасывая отходы производства в океан, уменьшили приход сёмги. Кольский исправник докладывал архангельскому губернатору, что русские лопари не в состоянии защищать свои интересы «по беспечности и неразвитости». ¹⁷⁰ Кроме того, на границе не предусматривался чиновник с русской стороны, в отличие от Норвегии, которая содержала ленсмана (станового пристава). ¹⁷¹ Впрочем, губернатор ответил колскому исправнику, что «лопари только должны быть благодарны норвежскому правительству, не воспреещающему им производить промыслы в пределах Норвегии, норвежцы на своей территории свободны заниматься всякими промыслами и устраивать заводы..., опасения же того, что сёмга не пойдёт в реку Паз гадательно и потому рассмотрению по существу не подлежит». ¹⁷² В 1906 г. норвежское правительство обратилось к России с предложением выкупить этих прав. ¹⁷³

Отрицательную оценку в отчётах местных чиновниках получала поморско-норвежская торговля. Согласно донесению Кольского исправника торговля жителей колонистов Мурман и Кольских горожан «состояла в пределах русских продуктов промыслов»: рыба свежая, солёная и сушёная, рыбий жир, дрова, лес, сало, ягоды. ¹⁷⁴ Из Норвегии ввозились товары: ром и другие напитки, чай, кофе, сахар, одежда, обувь, мануфактурные товары, уды, верёвки для промыслов, соль, бочки под сало и другие товары «на довольно значительную сумму». ¹⁷⁵ Поморы Кемского, Онежского, Архангельского и Мурманского уездов увозили в Норвегию, большей частью из Архангельска, муку, крупу, лес, смолу, верёвки, масло, а вывозили из Норвегии свежую и сушёную рыбу для Архангельска. Как считал исправник пограничный Мурман служил для норвежских городов местом сбыта значительного количества товаров, а получаемое сырьё - основа для многих предприятий, рыба и сало перепродаётся на европейские рынки, таким образом, торговля Норвегии с Мурманом более приносила прибыли норвежцам, а не русским. ¹⁷⁶

Напряжение в российско-норвежских отношениях на местном уровне сохранялось на протяжении начала XX в. Пожалуй, опасениями влияния со стороны Норвегии можно объяснить отказ губернатора политическим ссыльным селиться на Мурманском берегу. Подобное прошение подали в 1903 г. Алексей Петров и Яков Шпак, находящиеся под надзором полиции. ¹⁷⁷ Министр внутренних дел оставил решение вопроса на усмотрение гражданского губернатора, отклонившего впоследствии просьбу. ¹⁷⁸ К началу I мировой

войны в результате ограничительных мер норвежская колонизация Мурманского побережья практически была остановлена. По данным губернатора Н.В.Сосновского на Кольском полуострове в 1910 г. проживало 72 семей норвежцев (11,5% населения).¹⁷⁹ I мировая война значительно подорвала поморско-норвежскую торговлю. В 1915 г. министерство финансов «не нашло возможным разрешить вывоз продовольственных товаров из пределов Архангельской губернии в Норвегию».¹⁸⁰ Теперь с Мурмана на продажу могли везти только олени рога. В силу объективных экономических причин, а также под давлением местных властей губернии начался выезд норвежцев из России. Данный подход в отношении норвежцев показывают даже не столько дипломатические и государственно-правовые документы, сколько письма и записки местных и центральных властей, посвящённых различным вопросам. На дипломатическом уровне отношения двух государств носили скорее доброжелательный характер (в 1905 г. Россия полностью поддержала Норвегию в её конфликте со Швецией по поводу унии). Но архангельская администрация проявляла всё растущее недовольство иностранным влиянием на северных территориях. Речь шла об ущемлении геополитических интересов России на её собственной же территории. В периодической печати губернии начала века почти не встретить положительного отзыва о норвежских колонистах, зато очень много статей о том вреде, какой приносят иностранцы Мурману. В годы Первой мировой войны отношение к норвежцам оставалось настороженным, в материалах ГААО есть несколько дел о «шпионах-норвежцах». Не улучшились условия для норвежцев и после Октября 1917 г. и Гражданской войны в России.

СЕВЕРНЫЙ ПОХОД 1870 Г. И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СЕВЕРА РОССИИ

В Отчёте Императорского Русского Географического Общества за 1870г. в разделе «Исследования в северных морях и на берегах Лапландии» указано, что Великий князь Алексей Александрович совершил плавание по северным морям и из русских владений посетил Поморье (западный берег Белого моря), Новую Землю и Мурманский берег. И в этом же разделе была выражена надежда, что участие в Северном походе члена царской семьи будет способствовать началу нового периода в истории исследования русского севера, забытого со времён экспедиций Литке, Рейнеке и академика Бэра.¹⁸¹

Плавание проходило под руководством генерал-адъютанта К.Н. Посьета, члена Совета Географического Общества, и отчёт об этой экспедиции был представлен в Морское министерство, где был представлен материал «о посещении участниками похода и высочайшей особы ряда городов Северной Норвегии и Исландии».

В фондах Российского Государственного архива Военно-Морского Флота (РГАВМФ) хранится «Дело об отправлении за границу в плавание с Его Императорским Высочеством Великого князя Алексея Александровича корвета «Варяг», клипера «Жемчуг» и шхуны «Сектант».¹⁸²

В статье В.Г.Смирнова «Исследование Гольфстрима на корвете "Варяг". 1870»¹⁸³ впервые за последнее время были представлены научные результаты плавания экспедиции с участием члена царской семьи.

Краткое упоминание об этом походе встречаем в книге И.Ф.Ушакова «Кольская земля».¹⁸⁴

Подготовка к Северному походу началась в Петербурге, в Морском министерстве в феврале 1870 г. для плавания за границу с Великим князем по приказанию управляющего Морским министерством были подготовлены вышеуказанные военные суда¹⁸⁵ для похода в Ледовитом океане, в Белом и Баренцевом морях. Поскольку в планы министерства входило организовать проход членов экспедиции и Великого князя по водной системе от Петербурга до города Вытегра, а затем от Вытегры до Архангельска, были выделены два парохода и паровой баркас. 9 марта того же года вышел приказ о разрешении генерал-адъютанту К.Посьету командовать отрядом судов с поднятием на них своего флага. Великий князь Алексей шёл в составе команды в чине лейтенанта. Для исследовательских работ во время

плавания в водах Ледовитого океана в состав экипажа военно-морских судов были включены учёные-специалисты различных направлений, в том числе почётный академик Российской академии наук Миддендорф с сыном. В задачу учёных входило проводить сбор научного материала во время плавания в прибрежных водах, в просторах Ледовитого океана и на Новой Земле.

Русское правительство, обеспокоенное притязаниями Швеции на Шпицбергенский архипелаг, а также экономический подъём северных районов Норвегии, обратило взор на северное побережье Кольского полуострова. И, конечно, запланированная экспедиция в северные воды носила научный, политический и экономический характер.

29 апреля 1870 г. Александр II пригласил в Царское село участников экспедиции-учёных, руководство походом для обсуждения плана-посещения Новой Земли и зарубежных стран, об участии в плавании Великого князя.¹⁸⁶

Среди документов вышеуказанного дела хранится подробная программа похода, подписанная К.Посъетом. Помимо перехода водным путём из Петербурга в Архангельск по Мариинской системе, по реке Северная Двина, и далее до Новой Земли, входило посещение Северной Норвегии «для сравнения состояния российских и норвежских рыбных промыслов».¹⁸⁷ Дата отплытия участников экспедиции по водной системе намечалась на 2 июня, а три военных судна в конце мая вышли в Архангельск из Кронштадта с заходом в Киль, Берген и северные города Норвегии.¹⁸⁸ Расстояние между Петербургом и Архангельском в 2500 вёрст экспедиция преодолела за 3 недели. Во время перехода учёные проводили наблюдения. После посещения всех запланированных мест экспедиция Морского министерства в сентябре вернулась в Петербург 22 сентября император отметил прекрасное состояние флагамена экспедиции корвета «Варяг» и объявил монаршее благоволение Посъету, офицерам, гардемаринам, кондуктору корвета, а нижним чинам выдал по рублю на человека.¹⁸⁹

Научные результаты морского похода, в которые входили гидрографические, метеорологические и другие наблюдения, получили высокую оценку учёными русского Географического общества, но в задачу автора не входит останавливать внимание на этой стороне деятельности экспедиции.

Для нас представляет интерес другая часть этого похода- заходы военно-морских судов на Мурманское побережье, в гавани Северной Норвегии, в Исландию. Встречи Великого князя и команды с жителями Архангельска, Мурмана, а также пребывание их в Вадсё, Вардё и Хаммерфесте довольно подробно описаны в Архангельских губернских

ведомостях.¹⁹⁰ Лаконичные сведения о визите норвежских городов и Исландии читаем в публикации К.Посьета в Морском сборнике.¹⁹¹

Программа пребывания участников экспедиции на Российском Севере- в Белом море с заходами на Карельский берег в селения русских поморов, на Соловецкие острова и Архангельск была очень насыщена. В печати подробно описывается пребывание Великого князя и его свиты в Архангельске, который на протяжении 12 лет ни одним представителем царствующего дома не посещался. С 1 по 8 июля под «восторженное ликование» населения гости осматривали город и одаривали жителей подарками.

Визиту северных городов Норвегии верховные власти придавали большое значение. Уже 3 июня в Архангельских губернских ведомостях сообщалось об отъезде из города в Вардё шведско-норвежского консула Флейшера,¹⁹² который должен был встретить членов экспедиции в Норвегии и подготовить к этой встрече местные норвежские власти. В Архангельске на борт корвета «Варяг» был принят губернатор Архангельска Н.А. Качалов. В его задачу входило по прибытии судов на Мурман ознакомиться с состоянием русских промыслов, а также встретиться с представителями северо-норвежских властей в Норвегии для обсуждения проблем промысла в северных водах. Закончив визит в Архангельск экспедиция направилась в Белое море для знакомства с жизнью поморских городов (Кемь, Сума и др.), а также Соловецкого монастыря. В задачу похода входило сравнить условия жизни русских и норвежских моряков. Во время же захода на Новую Землю требовалось произвести различного рода наблюдения.

13 июля, воздвигнув крест на Новой Земле и тем самым, символично подчеркнув принадлежность этих островов России, суда направились к Мурману. 20 июля они бросили якорь в Екатерининской гавани. В тот же день Великий князь и свита посетили город Колу. Население восторженно встречало царскую особу. В город стеклись все жители ближайших становищ. Но сам город производил, по словам журналиста, удручающее впечатление, так как после бомбёжки его английскими судами во время Крымской войны, не был восстановлен. После знакомства с этим древним городом вся команда осмотрела становище Еретик.

В газетных статьях и в публикации К.Посьета отмечалось чрезвычайно низкое в социальном отношении положение поморов на Мурмане. Посетив Поморье на Белом море Посьет писал, что поморы везде - дома, на Мурмане и в Норвегии здоровые, умные и предприимчивые люди¹⁹³ и предлагал в отчёте различного рода усовершенствования в жизни промышленников, в том числе строительство одного или двух постоянных поселений на

Мурмане для поднятия экономики этого заброшенного края. Вот как описывал жизнь на Мурмане К.Посъет: «Мурман и Финмаркен схожи, разница в благосостоянии Становища на Мурмане-наскоро сколоченные, покрытые землёй избы, характер временного жилья, нет мысли о чистоте и порядке».¹⁹⁴ Более эмоционально об этом было написано в печати Архангельска: «Следует учиться у нашей соседки Норвегии, которая находится не лучшем против нашего Мурманского берега климатическом и почвенном положении, между тем города её растут, население видимо увеличивается и богатеет, тогда как этого у нас нет».¹⁹⁵

Каково же впечатление произвели города Северной Норвегии?

В Архангельских губернских ведомостях сообщалось, что 22 июля экспедиция прибыла в Вадсё. Великий князь, К.Н.Посъет, Архангельский губернатор и другие ее участники осматривали город. Они посетили китобойный пароход норвежца Фойна, ознакомились там с гарпуном новой конструкции. Затем побывали на заводе того же норвежца. Там наблюдали как вытапливался китовый жир. Было отмечено, что Фойн вылавливал китов в Варангерском фьорде. Далее в газете указывалось, что город Вадсё насчитывал 100 домов и там проживало около 1500 жителей: 500 норвежцев, 100 квендов (финнов) и лапландцев. Встречались также и русские подданные, поскольку на рейде города стояло до 200 русских судов.¹⁹⁶ По словам Посъета, команды поморских судов восторженно встречали Великого князя. Гости осмотрели город и посетили г Бег фьорд. Как было замечено К.Посъетом, это был один из уступленных Норвегии фьордов в 1826 г. при определении границы раздела между странами.¹⁹⁷

В обоих источниках писалось о русской деревянной церкви Святых Бориса и Глеба, которая, по словам К. Посъета, была «жалка и бедна». Она вызывала чувство огорчения состоянием греко-российских лопарей, видом самой церкви и ее прихода. В то же время сами норвежцы построили на берегах залива две хорошие каменные церкви. Офицерский состав экспедиции поддержал идею создания фонда на построение новой православной церкви вблизи Норвегии и единовременно собрал на эту цель 605 рублей.¹⁹⁸ Великий князь распорядился составить смету для строительства новой церкви, и, как было замечено в газете, сын Александра III впервые заинтересовался экономическим положением северного края России. Такое внимание к православной церкви XVI в. не случайно, так как расположенная на границе с Норвегией она была центром прихода православных саамов.

Далее путь российских судов лежал в город Вардё, куда они прибыли через 9 часов. 23 июля подход русской эскадры к городу ознаменовался 21 пушечным салютом с крепости Вардё. На это корвет «Варяг» ответил равным числом выстрелов.

24 июля в 10 часов утра прибывшие на борт корвета губернатор Финмаркена Гольмбое, шведско-норвежский консул в Архангельске Флейшер и командир норвежского канонерской лодки лейтенант Шмидт пригласили гостей осмотреть города. Посьет и свободные от вахты офицеры знакомились с городскими достопримечательностями - крепостью, с заводом по производству медицинского трескового жира. Гости интересовались системой управления городом и промыслами. Великий князь осматривал город инкогнито. В местной газете было подчёркнуто, что городские власти были чрезвычайно предупредительны, всё гостям показывалось с полной готовностью. Но помимо ознакомительной части визита была и деловая. В эти дни губернатор Архангельска и губернатор Финмаркена при участии шведско-норвежского консула в Архангельске обсуждали пограничные дела. Большое внимание было уделено охране прав поморов в Норвегии. Это вызывалось рядом причин.

Во-первых, прибывающие в северные города Норвегии большая часть поморов не знали с норвежских законов, касающихся плавания в норвежских водах и торговли, так как они не были изданы на русском языке. Во-вторых, поморы не были знакомы с размерами норвежских тарифов и других сборов, а отдавали столько, сколько с них требовали, не получая квитанции. В-третьих, охранять интересы русских должны были консульства - консул Генерального консульства в Христиании, вице-консулы в Тромсё, Хаммерфесте, Вардё и Вадсё. Генеральный консул в Христиании северные города Норвегии не посещал, не был знаком с коммерческими операциями поморов и не мог защищать их интересы. Вице-консулы в Северной Норвегии были норвежскими подданными. Вице-консул в Вардё занимал этот пост в течение 12 лет, был отмечен российским правительственным орденом Станислава III степени, но не знал ни русского языка, ни русско-норвежского, на котором поморы и норвежские рыбаки заключали торги. Нередко норвежские чиновники обращались с русскими довольно грубо, а защиты у консула получить поморы не могли. В-четвёртых, до того времени не существовало регулярного пароходного сообщения между Архангельском и Северной Норвегией.

Все эти важные вопросы для русского населения, приходившего на своих судах в Норвегию, обсуждались вышеуказанными должностными лицами в Вардё. В своём рапорте в Морское Министерство К.Н.Посьет возлагал надежды на эти переговоры в части развития русского северного рыбного и звериного промыслов.

Последний день пребывания в Вардё. 26 июля, Великий князь, К.Посьет и губернатор Качалов в сопровождении академика Миддерндорфа, командиров эскадры и других

офицеров прибыли на норвежскую канонерскую лодку. На её борту их встречали губернатор Финмаркена, шведско-норвежский консул в Архангельске, местный пастор, почётные граждане города и чиновники. Гостям показали прибрежные острова, а затем был организован пикник на одном из островов. Как отмечалось журналистом, очень красиво всё было обставлено национальными норвежскими флагами. Радужие и внимание со стороны норвежцев царило полное. 27 июля на корвете «Варяг» состоялся обед в честь дня рождения царствующей Императрицы. Внимательным хозяином являлся теперь уже сам Великий князь, а гостями были почётные жители Вардё. Во время обеда провозглашались тосты во здравие российской императрицы и шведско-норвежской королевы, которой 24 июля страна отмечала день рождения. 28 июля эскадра вышла в Хаммерфест.

Вардё произвёл положительное впечатление на русских. Об этом свидетельствуют статья в архангельской газете и публикация К.Посьета. В Вардё проживало до 1200 человек, в главной части города проходила удобная для проезда улица, а в центре стояла кирка. Здесь же располагались таможня, суд и училище. На нескольких заводах выделяли медицинский тресковый жир. В городе были удобные для судов пристани, складские помещения. Работал телеграф, больница. В гавани находилось на тот момент большое количество русских поморских и купеческих судов. Кроме того, К.Посьет отметил, что на деньги норвежского правительства проектировался волнорез стоимостью в 440 00 рублей. Такой же необходим был и на российской стороне.¹⁹⁹

После осмотра Хаммерфеста, где гостям, как писало в печати, «была оказана предупредительность, внимание, гостеприимство», губернатор Архангельска и журналисты на шхуне «Секстан» вышли в сторону России с целью более подробно ознакомиться со становищами на Мурмане. Корвет «Варяг» с основным составом экспедиции взял курс на Тромсё.

Хаммерфест произвёл на русских хорошее впечатление. В закрытой от ветров бухте отмечалось было большое количество русских судов. Город был хорошо обустроен, улицы вымощены, много салотопных заводов, торговых заведений. За городом власти организовали около озера место для прогулок горожан.

31 июля корвет и клипер бросили якорь в Тромсё, где, как писал К.Посьет, остановились, чтобы получить до ухода в Исландию сведения о военных новостях и пополнить запасы угля.²⁰⁰ Надо заметить, что все попытки автора статьи найти в местных газетах Тромсё, хранящихся в библиотеки его Университета, какие либо отклики связанные с пребыванием в 1870 г. в городе Великого князя были тщетны. Вероятно, как и в Вардё, он

находился инкогнито, а заходы российских военно-морских судов в Тромсё являлись делом обычным.

12 августа корвет «Варяг» подошёл к берегам Исландии, а 15 августа бросил якорь в Рейкьявике. Из описания пребывания экспедиции К. Посьтом можно заключить, что посещение этой страны носило сугубо ознакомительный характер.

В рапорте он описывал природу страны, долину Тингвалл, где на протяжении 1000 лет в течение 14 дней проходили собрания жителей Исландии для обсуждения злободневных вопросов, знакомит читателя с основными направлениями хозяйственной деятельности (рыбная ловля, овцеводство), а также видами экспорта (сухая треска, шерсть и др.)

21 августа суда снялись с якоря, прошли Немецкое море и 3 сентября прибыли в Копенгаген. 10 сентября корвет «Варяг» вернулся в Кронштадт.

Итак, Северная экспедиция благополучно закончилась. Обозревая её итоги, можно заключить следующее:

1. Научные результаты экспедиции были значительными, Основным из них являлось открытие течения Гольфстрим около западных берегов Новой Земли. Кроме того удалось собрать богатейший материал по гидрографии, метеорологии и другим наукам о Земле. Результаты высоко оценили как российские, так и зарубежные учёными и учёные.

2. Посещение экспедицией Мурманского побережья и Северной Норвегии в определённой степени отразилось на социально-экономическом положении севера России. Одной из задач визитов в эти районы было сравнение состояния российских и норвежских рыбных промыслов. Участие представителя императорской семьи, видных учёных России, а также пребывание на корвете «Варяг» архангельского губернатора привлекли внимание правящих кругов к судьбам русских промышленников. Переговоры руководства Архангельской губернии с норвежскими властями принесли определённые плоды.

Надо отметить, что сразу после визита «августейшей особы» на Мурмане, в сентябре 1870 г. торговцы и промышленники Севера - 31 человек во главе с кольским купцом М.А.Базарным окончательно сформировали «Товарищество Беломорско-Мурманского срочного пароходства». Работа по подготовке создания пароходной компании велась и ранее, в продвижении этого дела принимал участие губернатор Н.А.Качалов, который осенью 1870 г. с удовлетворением писал министру финансов: созданию «поморской компании, состоящей преимущественно из крестьян и мещан, которые добровольно и совершенно сознательно решились в первый раз соединить свои капиталы для устройства предприятия, служащего развитию края».²⁰¹ В Англии были заказаны два парохода «Великий князь

Алексей» и «Качалов», которые по линии Архангельск - Вардё в 1871 г. совершили восемь рейсов.²⁰² Через четыре года Товарищество разорилось, оба парохода потерпели аварии. В 1875 г. было создано новое «Товарищество Архангельского-Мурманского срочного пароходства».²⁰³ Начало движению пароходов между Архангельском и Норвегией было положено.

Немаловажным было и то, что уже в 1871 г. вышло в свет на русском языке издание с основными норвежскими законами относительно ловли рыбы и торговли русских в Норвегии, что дало возможность судовладельцам России вести торговые сношения и лов рыбы в соответствии с норвежскими законами. Через несколько лет, в 1883 г. был опубликован новый сборник норвежских законов.²⁰⁴

Поменялась и система работы консульств в Северной Норвегии. Если, как указывалось выше, консулами в Вардё, Хаммерфесте, Тромсё были норвежские подданные, то после 1870 г. различного рода отчёты о состоянии дел в Северной Норвегии как опубликованные, так и сохранившиеся в архивах, составлялись российскими консулами в Северной Норвегии - Д.Н.Островским, В.Березниковым.

В заключение необходимо принять во внимание точку зрения руководителя Северного похода действительного члена Русского Географического общества К.Н. Посьета, опубликованную в «Известиях Императорского Географического общества» как «Особое мнение об экспедиции в Северные моря». В этот период в Географическом обществе разрабатывался грандиозный проект экспедиции в глубь Ледовитого океана, на осуществление которого требовалось от правительства 200000 рублей. Выступая против этого проекта К.Н. Посьет писал следующее: «Посетив в прошедшем, 1870 году, северные берега России и Норвегии, и имев случай видеть на месте всю разность в состоянии промышленников тех и других берегов, я вновь убедился, что главною причиною этой разности есть полное знакомство Норвежцев с морем, из которого они добывают как необходимое своё пропитание, так и все свои излишки, в то же время, неведение Русских относительно своих вод, одинаково богатых и одинаково способных кормить их и весь наш Север....Наука и администрация у нас редко действуют соединённо, суммою своих сил и средств, как, например, в соседней нам, практичной Норвегии.....Если бы подобная экспедиция была снаряжена у нас несколько десятков лет назад, мы знали бы, например, Мурманский наш берег настолько, что при заключении договора в 1826 году, с Норвежцами, не отдали бы им всех трёх бухт богатых мойвой, обуславливающих успехи рыбной ловли в этом берегу». Далее К.Посьет предлагал вместо экспедиции в ледяные просторы изучить

Печорский край, создав там порт, и исследовать огромные северные пространства, береговые и водяные, как в естественном и экономическом, так и гидрографическом, метеорологическом и этнографическом отношениях.²⁰⁵ В приведённом мнении К.Посьета, безусловно, проявился его государственный подход к решению проблем Русского севера.

По завещанию К.Н.Посьета²⁰⁶ в 1899 г. в фонды Императорского Музея антропологии и этнографии поступило большое число интереснейших экспонатов, которые этот государственный деятель собирал во время посещения стран на различных континентах земного шара. Среди этих вещей в музее хранится деревянная норвежская пивная кружка, выполненная известным норвежским резчиком по дереву, деталь деревянной кровати с надписью на исландском языке и две фотографии, относящиеся к 1870 г. с видами Тромсё и Вардё. На последней запечатлены многочисленные русские суда в гавани этого города. Все эти экспонаты хранят память о Северном походе 1870 г.

Д. В. Митюрин

«ДЕЛО МАУЗЕРИСТОВ». ФАКТЫ И ГИПОТЕЗЫ

В Петербурге на Марсовом поле находится мемориал героев революции. Надпись на одной из плит сообщает, что под ней похоронены финские коммунары, убитые финнами-белогвардейцами в Петрограде летом 1920 г. На самом деле, подоплека этого преступления, судя по всему, не имела никакого отношения к «финнам-белогвардейцам» и была связана с борьбой фракций внутри действовавшей в эмиграции финской компартии.

Предпринимая попытку реконструировать давнюю трагедию, используем в качестве источника, прежде всего, сообщения советской периодической печати. Здесь следует отметить, что советские исследователи практически не касались данного эпизода. В финскую же историографию эти события вошли под не совсем точным названием «дело маузеристов» (на самом деле преступники были вооружены наганами).

Итак, все случилось 31 августа 1920 г. в доме №26-№28 по улице Красных Зорь (Каменоостровский проспект), где проходило очередное заседание финского рабочего клуба имени Куусинена. В 9 часов вечера к зданию подошли девять человек. Двое из них взяв в руки гранаты, остались у входа, а остальные поднялись на шестой этаж к квартире, где проходило собрание.

Юкка Рахья (брат сподвижника В.Н. Ленина - Эйно Рахья) только что закончил доклад о подъеме рабочего движения в Финляндии и вышел покурить в прихожую. Именно он и стал первой жертвой визитеров.

Вывхватив наганы, вошедшие застрелили его на месте, затем ворвались в зал и продолжили пальбу, выбирая в качестве мишеней «наиболее ответственных работников». Были убиты кассир военной организации Туомас Хюрскюмурто, секретарь военной организации Лиля Саволайнен, красный командир Юкка Виитасаари, бывший член финляндского революционного правительства (Совет народных уполномоченных) в 1918 г. и активный деятель КПФ Коста Линдквист, член ЦК КПФ журналист и литератор Вяйне Иоккинен, заведующий регистрационным отделом бывший рабочий-металлист Теодор Кеттунен и один из «заглянувших на огонек» рядовых коммунистов бывший булочник Юхо Сайнио.

Ранеными оказались десять человек - член ЦК КПФ К. М. Эвя, заведующий канцелярией Йохан Лехтинен, заведующий конспиративными квартирами Йохан Саватолейкунен, член коллегии бюро рабочих коллективов Йохан Вастен, секретарь бюро

Микка Виркки и члены партии Элис Суркаулис, Атто Лайне, Айно Петерсон, Сакеус Юриоя и Армас Паккинен (Паккинен, как и Сайнио, попал в число жертв совершенно случайно).

Вся бойня продолжалась пару минут. Убийцы вошли в такой раж, что продолжали стрелять в уже бесчувственные тела своих жертв. В конце концов, звуки выстрелов, а также вылетевший в окно стул, привлекли внимание милиции. Людей с пистолетами «стражи порядка» схватили уже на выходе из дома, причем никакого сопротивления террористы не оказали¹.

Весть о случившемся, за несколько часов облетела город. Никто не знал сути происшедшего. Сначала ходили слухи, будто преступление организовали братья Эйно и Юкка Рахья, которые, якобы, таким образом, решили завоевать прощение у финских белогвардейцев. Затем оказалось, что Юкка Рахья был в числе жертв, однако ситуацию это не прояснило. Все арестованные на месте преступления, оказались хотя и молодыми, но достаточно проверенными членами партии, хорошо проявившими себя и во время революционных событий 1918 г., и уже позже на подпольной работе в Финляндии.

Петроградским газетчикам потребовалась целая неделя, чтобы осмыслить происшествие и создать более менее благопристойную версию событий. На первый план пресса выдвинула идею «контрреволюционного заговора».

Так сообщение ВЧК гласило, что «Созданная по горячим следам для расследования дела комиссия под председательством товарища Дзержинского сразу же напала на хитро обдуманный план и тонко сплетенную нить заговора финских белогвардейцев. Пользуясь счетами личного характера, неизбежными в результате временного, но тяжелого поражения финской революции и неопытностью небольшой группы финской молодежи ловкая рука белогвардейского замысла сделала эту группу слепым орудием своих планов».²

В том же духе было выдержано и сообщение Петербургского комитета Российской коммунистической партии: «Наша скорбь и негодование увеличиваются еще тем, что белогвардейским провокаторам, вдохновлявшим и руководившим заговором, удалось использовать для своей гнусной цели лиц, формально состоявших в рядах коммунистической партии. Заговор направлен не только против ЦК и отдельных членов партии, он направлен против партии в целом и всего ее будущего, - провокаторы стремятся подрвать основы бытия партии – ее партийную дисциплину».³

Наконец, 11 сентября появилось подписанное Н. И. Бухариным, Э. Мейером (Германия), А. Руднянским (Венгрия) и секретарем М. Кобецким обращение Исполкома

Коминтерна. Признавая необходимость «дать оценку и объяснить» происшедшее коминтерновцы писали следующее: «Финляндская коммунистическая партия появилась после жестокого поражения Финляндской революции, раздавленной тяжелым ботфортом немецкого империализма и додушенной упорной, мстительной и кровавой финляндской буржуазией. Значительная часть отступивших товарищей осталась в России. Революционная финляндская эмиграция умела выделить талантливых вождей и заложила основу финляндской коммунистической партии. Но эмигрантская обстановка, тяжелые воспоминания о поражениях, неизбежный элемент разложения, столь свойственный всякой эмигрантщине, делали свое дело. Начался процесс гниения среди финляндских коммунистов. Посыпались обвинения, заподозрение и взаимное недоверие. Клеветническая кампания носила иногда прямо чудовищный характер. Против одного из братьев Рахья, старого революционера и члена ЦК, выдвигалось обвинение, что он хотел взорвать финские курсы. О других писали доносы, что они проваливают своих товарищей в Финляндии, третьих обвиняли в том, что они предали революцию в 1918 г., и в четвертых в том, что они неправильно расходовали деньги. Зловонные ручьи клеветы текли обильной рекой. Буржуазия разжигала эту борьбу. Буржуазия натравливала. Буржуазия готовила свое дело. Капиталистам выгодно, ведь, разстраивать пролетарский фронт, толкнуть рабочего против рабочего, дезорганизовать ряды трудящихся, смять, разрушить и выставить на посмешище пролетарскую дисциплину. Ей ведь, так выгодно пустить пролетарскую кровь. Неопытные, молодые, упорные, узколобые люди, думавшие, что они настоящие революционеры, попались на провокационную удочку. Они решили спасти революцию и выстрелили прямо в грудь этой революции».⁴

Похороны состоялись 12 сентября 1920 г. Тела погибших были выставлены для прощания в Георгиевском зале Дворца Искусств (Зимнего дворца). Собравшиеся пропели «коммунарам» «Вечную память» и «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Затем траурная процессия двинулась по проспекту 25 Октября (Невскому проспекту) и Садовой улице к Марсову полю на котором собралось около 100 тысяч человек. Над толпами колыхались плакаты «Подлый белый террор в Петербурге откликнется свержением буржуазии в Финляндии», «Через трупы товарищей финнов – вперед к коммунизму». Когда гробы опускали в могилу, пушки Петропавловской крепости дали прощальный залп. Затем состоялся траурный митинг.⁵

Согласно официальной хронике все выглядело торжественно и благопристойно. Однако за пышными словами угадывался и тайный смысл происшедшего. По рукам ходили

написанные обвиняемыми письма к Ленину и финским рабочим. Из этих документов было очевидно, что внутри КПФ, да и внутри ее «старшего брата» Российской коммунистической партии наметился, раскол между «заевшейся» партийной номенклатурой и рядовыми коммунистами.

Своеобразным отражением этого раскола стало опубликованное в партийной печати письмо ЦК РКП. В нем совершенно не упоминалось о петроградских событиях, однако констатировалось, что проблема «верхов» и «низов» действительно существует и является результатом не только «сравнительно широкого наплыва мало закаленных в партийной дисциплине молодых членов партии», но и «действительно неправильных и совершенно нетерпимых приемов работы, которые практикуют некоторые ответственные работники».⁶

17 сентября в Петрограде на Симбирской улице дома 22 прошел митинг финских коммунистов на котором присутствовал председатель Петросовета Г. Е. Зиновьев. На этом митинге обсуждалось, то самое злополучное письмо «маузеристов» Пааси и Хеглунда к Ленину. Свои действия убийцы мотивировали тем, что их жертвы были не большевиками, а меньшевиками, бежали в 1918 г. из Финляндии бросив своих товарищей и имели «буржуазное образование».

Зиновьев энергично защищал погибших: «Вздор, – сказал он.- Я хорошо знаю убитого Рахия, который никогда не был меньшевиком, он не был также и парламентарием. Да, наконец, если бы он и был парламентарием прежде, то это еще не значит, что его надобно убивать теперь, когда он стал всецело на коммунистическую платформу». По следующему пункту председатель Петросовета заверил, что погибшие «не бежали, но уехали из Финляндии по требованию коммунистической партии для того, чтобы спасти живые силы коммунизма. Обвинять Рахия в трусости – значит лгать или ничего не понимать. Рахия был одним из самых мужественных людей». Наконец, относительно «буржуазного образования» была сделана ссылка на образование В.И. Ленина и К. Либкнехта. Речь большевистского лидера закончилась следующим пассажем: «Пааси и Хеглунд в своем письме говорят “Да здравствует красный террор!”, но очевидно они здесь опять ничего не понимают. Мы объявили красный террор против буржуазии, да и то не сразу, а только в 1919 г., в первое же время мы щадили даже и царских генералов. Я буквально прихожу в ужас оттого, что у вас в партии колебались вынести осуждение этому убийству и отнеслись индифферентно к похоронам убитых».⁷

Как можно понять из выступления Зиновьева, отношение к теракту было далеко не однозначным и объяснялось это, прежде всего, явно не большевистским образом жизни

погибших «коммунаров». Пока рядовые партийцы боролись за выживание в голодном Петрограде, либо вели подпольную работу на своей Родине, их руководители наслаждались жизнью в Доме Советов (Бывшая гостиница «Астория»), прозванном в народе (за комфортные бытовые условия) «слезой социализма». Не удивительно, что и сами эти лидеры, завоевали в «низах» прозвище «господ-социалистов», став, в конце концов, мишенями для своих «младших товарищей». ⁸

Однако советские карательные органы продолжали настаивать на версии «белогвардейского заговора». 3 декабря было опубликовано еще одно сообщение ВЧК из которого следовало, что «тайные агенты буржуазии» проникли в круги эмиграции и начали обвинять членов ЦК КПФ в том, что они, якобы, работают на финских белогвардейцев. ВЧК «несмотря на явную вздорность, все же проверило эту информацию и убедилось в ее лживости. Однако ей поверили люди в личном отношении вполне безупречные – Пааси, Хеглунд, Паха и некоторые другие».

Далее делалась попытка оправдать «погорячившихся товарищей» и представить их искренне раскаявшимися в содеянном. Так приводились слова Хеглунда о том что «благодаря убийству, революции все же нанесен вред, и белогвардейцы получили известные основания для агитации против коммунистов». Стало известно также заявление Нюланда Сала «Я, признаю, - сказал он, - что мы допустили ошибку, не исчерпавши всех средств, не обратившись к ЦК партии коммунистов. Если этим убийством принесен большой ущерб делу революции, то я об этом сожалею, причем я понимаю, что я недостаточно разбираюсь в политике. Я допускаю, что, возможно, среди нас были еще товарищи, подобно мне плохо разбирающиеся в политике». ⁹

Однако среди арестованных по делу требовалось найти хотя бы одного или двух, из тех, кого можно было бы выставить в качестве агента финской разведки. И здесь вся тяжесть обвинений обрушивалась на члена ЦК КПФ Войтто Элоранта. Следует отметить, что сам он в произошедшем не участвовал, однако именно у него на квартире собирались накануне участники убийства, чтобы написать письма к Ленину и финским рабочим с объяснением своих действий. Заявление обвиняемого будто в этот момент он находился в другой комнате опровергалось свидетельством его «друга» Пюлканена, а также самим письмом, по содержанию и стилю которого нетрудно было убедиться, что оно было составлено никем иным как самим Элоранта.

Далее чекисты углубляясь в историю случившегося упоминали о том, что еще в 1905 г. арестованный был помощником создателя финской Красной гвардии капитана Кокка.

«Однако, хотя после поражения революции полицейские разыскивали Кокка по всей России и Европе, Элоранта они не тронули, хотя и знали о его местонахождении». Утверждалось, что именно тогда Элоранта стал сотрудничать с «царскими сатрапами». Припомнили ему и то, что в Россию он прибыл лишь в августе 1918 г. т. е. через два месяца после подавления финской революции. Где он находился все это время? Ответ давался простой – налаживал контакты с финскими белогвардейцами. Затем, по версии чекистов, уже в России, Элоранта «проник» в ряды КПФ для того, чтобы «разжигать раздоры внутри партии». Связь «со своими хозяевами» Элоранта поддерживал через другого обвиняемого Туоминена и его друзей, которые «для отвода глаз занимались контрабандой в нашу пользу».

10

Что в данном случае имели в виду чекисты непонятно, но очевидно, что Туоминен достаточно свободно сновал через границу и, видимо, делал это не без помощи советских пограничников. Единственным же свидетельством того, что терракт был задуман на территории Финляндии стала полученная ВЧК информация, будто за 3-4 недели до убийства на заседании одного из финских белогвардейских обществ высказывалась мысль о необходимости физической ликвидации руководителей КПФ.

Спустя 60 лет в Финляндии были опубликованы мемуары сына Войтто Элоранта. Автор книги (которому в 1920 г. было всего 10 лет) утверждал, что его отец весьма настойчиво добивался «прозрачности» партийного бюджета. Однако требования ревизии финансовой деятельности ЦК встречали резкое противодействие со стороны «господ-социалистов» – Сирола, Маннера, и особенно братьев Эйно и Юкка Рахья (последний из них, в воспоминаниях Элоранта-младшего предстает не только человеком наглым и высокомерным, но и настоящим садистом, способным поднять руку на маленького ребенка).

11

Очевидно, что борьба Войтто Элоранта за более справедливое распределение партийных средств, находила отклик в сердцах молодых коммунистов. В конце концов, среди них выделилось так называемое «анархическое крыло», члены которого решились на активные действия. Своими жертвами они избрали всех «господ-социалистов», однако из их числа 31 августа в клубе Кусинена находились лишь Ю. Рахья, В. Иоккинен и К. М. Эвя. И тогда гнев убийц обрушился на подвернувшихся под руку функционеров «среднего звена», большинство из которых, впрочем, также были приближены к партийной кассе...

Знал ли сам Элоранта насколько далеко готовы пойти «анархисты-коммунисты»? И если знал, то насколько он поддерживал, или наоборот противодействовал их замыслам?

Автор мемуаров писал, что его отец выступал исключительно за мирное разрешение конфликта. Но чекисты придерживались прямо противоположного мнения.

Во всяком случае, из 10 участников «дела» 8 были помилованы на том основании, что они «защищали пролетарскую революцию» (даже «связной белогвардейцев» Туоминен избежал наказания, стал одним из лидеров КПФ и лишь в 1939 г., находясь в Швеции изменил партии.¹²

К смерти приговорили только одного Элоранта. Правда, затем смертную казнь ему заменили пятилетним тюремным заключением. Но здесь в дело вмешалось финляндское правительство, попросившее о помиловании Элоранта. Подобная просьба окончательно поставила на нем клеймо «белогвардейца» и вскоре он был расстрелян. Все его подельники также не избежали подобной участи, но произошло это намного позже – в период сталинских репрессий.

Подводя аналитические итоги, следует констатировать, что руководство ВЧК заведомо пыталось оправдать непосредственных исполнителей терракта, ссылаясь на их «молодость», «горячность» и «чистоту помыслов». Возможно, дело заключалось в том, что они, время от времени, выполняли тайные разведывательные задания на территории Финляндии?

Весьма своеобразно толковался и вопрос о том, кто именно направлял руку преступников. Внутри КПФ в это время шла фактическая борьба. Любопытно, что на IV съезде партии (июль – август 1921 г.) Эйно Рахья заявил, что именно Куусинен был одним из организаторов побоища в партийном клубе.¹³ В действительности же Куусинен в это время находился на подпольной работе в Финляндии, а в Петрограде оставался один из его соратников – Туоминен. И именно он, согласно заявлению ЧК, поддерживал связь между Элоранта и финскими белогвардейцами. Но затем эта версия тихо исчезла. Туоминен отправился вскоре в Финляндию на нелегальную работу, а Куусинен, напротив вернулся в Россию и продолжил занимать лидирующее положение в компартии, войдя одновременно в руководство Коминтерна. Предпринятая тогда Эйно Рахья попытка обвинить в чем-то Куусинена в плоть до его причастности к гибели его брата осталась бездоказательной.

Преступление же, потрясшее весь Петроград, довольно быстро предали забвению, а единственными организаторами убийства стали считать мифических «финнов-белогвардейцев».

А.В. Репневский

«ЗИМНЯЯ ВОЙНА» В ПОЛИТИКЕ НОРВЕГИИ*

Военный конфликт СССР и Финляндии, развязанный в конце ноября 1939 г., самым тесным образом связан с историей Ленинграда. Можно сказать, что Ленинград и послужил неформальной причиной этих трагических событий, а с ними и неблагоприятной трансформации всего комплекса отношений СССР со странами Скандинавского полуострова.

Советско-финская война (ее часто называют «Зимней войной» или даже "Незнаменитой войной") самым кризисным образом отразилась на и без того уже прохладных советско-норвежских отношениях. Вопрос о политике Норвегии в рамках разгоревшегося конфликта не получил специального и подробного освещения в советской, да и в российской исторической литературе. Он занимал лишь периферийное место в исторических трудах общего характера (Смотри, например, книги А.М.Носкова, Е.М.Самотейкина, О.А.Ржешевского и О.Вехвиляйнена, М.И.Семиряги, А.С.Кана и других авторов и редакторов, где максимум несколько страниц отведено норвежской позиции в «Зимней войне»²⁰⁷). В каждой из этих работ приводятся любопытные факты, высказываются научные предположения, делаются некоторые выводы. Но все равно остается ощущение их недостаточной доказанности и глубины, ибо отечественных авторов в большей степени интересовали иные аспекты истории того бурного времени. Норвежская же позиция в этих трагических событиях рассматривалась лишь попутно в качестве третьестепенной составляющей²⁰⁸.

В относительно небольшом, но интересном сборнике научных статей под ответственной редакцией проф. В.Н. Барышникова «105 дней "зимней войны"», опубликованном в Санкт-Петербурге к 60-летию этого конфликта, представлена библиография отечественной литературы по истории проблемы. Перечень названных в ней трудов убедительно иллюстрирует отсутствие, как в СССР, так и в современной России специальных исследований формирования норвежской позиции в советско-финском конфликте осени 1939 - весны 1940 гг.²⁰⁹ Между тем, уже опубликованные дипломатические документы, дневники политических деятелей, отдельные страницы исторических монографий, статей и многочисленные еще неопубликованные материалы Архива Внешней политики РФ и Риксархива Норвегии говорят о большой активности государственной элиты Осло этого временного периода²¹⁰.

Подчеркивая необходимость произвести специальное исследование, надо иметь в виду и то, что 105 военных дней между СССР и Финляндией стали «лебединой песней» норвежского нейтралитета. 9 апреля 1940 г. фашистская Германия своей агрессией грубо его растоптала. А по окончании второй мировой войны Норвегия весьма быстро втянулась в НАТО и с тех пор уже не может считаться нейтральной страной.

Автор данной статьи ставит задачу систематизировать насколько это возможно разрозненные материалы отечественной литературы о характере деятельности Осло в попытках спасти свой нейтралитет, одновременно оказывая Финляндии ограниченную помощь в ее борьбе с СССР.

Информация эта концентрируется по нескольким направлениям. Первое связано с проявившимися опасениями норвежцев о возможном переносе русскими боевых действий с территории Финляндии на норвежские земли. В ту пору, как известно, СССР и Норвегия не имели общей сухопутной границы. Между нами лежала узкая полоса финских территорий. И именно в этом районе - западнее Мурманска и чуть юго-восточнее Петсамо СССР вел активные наступательные действия. Эти сражения норвежцы могли наблюдать непосредственно со своей территории.

Второе направление политики Осло, которое следует проанализировать подробнее, это сравнительная с другими западными странами степень норвежской помощи Финляндии и то, насколько эти действия соответствовали понятию «нейтралитет».

И третье направление, позиция Норвегии в Лиге наций. Роль Осло в исключении Советского Союза из состава членов этой организации 14 декабря 1939 г.

30 ноября 1939 г. между СССР и Финляндией начались широкомасштабные боевые действия. Все слои норвежского общества с глубоким волнением и растущим страхом перед СССР наблюдали за разворачиванием в относительной близости от своих границ военной кампании конца 1939 - начала 1940 гг. 105 дней норвежцы с тревогой наблюдали за битвой советского колосса с маленькой Финляндией. Норвежский историк-публицист Эгиль Даниельсон - человек весьма дружественно настроенный в отношении Советского Союза, отмечал в своей книге: «Серьезность положения, возникшего во время финской войны, подчеркивалась фактом распространения слухов, будто Советский Союз планирует нападение на Финмарк»²¹¹.

Страхи Норвегии перед Россией такого рода имели давнюю историю, хотя всегда оказывались неосновательны. Их следует отнести к типу исторически сложившейся фобии маленькой страны, каковой являлась Норвегия, перед своим огромным немного

таинственным восточным «русским медведем». Подобный страх перед Россией веками обитал, впрочем, и во всех западноевропейских государствах. А после свершения Великой Октябрьской социалистической революции в России он подпитывался еще и коминтерновской идеей разжигания мировой революции. (Специалистом по изучению специфически норвежских «страхов» перед Россией является известный современный норвежский историк проф. Й.П.Нильсен.²¹²).

Информация о возможности советского ультиматума или нападения на Финнмарк в связи с «зимней войной» исходила сразу из нескольких источников. Как и во времена императорской России, эти сообщения сводились к утверждениям о скорых притязаниях советских властей на незамерзающие фиорды Финмаркена. Норвежское правительство обязано было с этими источниками считаться. Особенно активно насаждали антисоветские настроения британские и финские власти²¹³, заинтересованные в том, чтобы Норвегия поскорее отказалась от своей официальной нейтралистской позиции. Об определенном испуге норвежского правительства и общественных кругов этой страны сообщал в НКВД СССР в своих регулярных докладах (так называемых «политинформациях») конца 1939 - начала 1940 гг. и посол в Норвегии Виктор Андреевич Плотников.²¹⁴ Так в одной из них Плотников отмечает, что «в настоящее время продвижение наших частей, в частности в районе Петсамо (движение наших танков и пехоты норвежцы имели возможность наблюдать со своей территории при занятии Салмляри) и в направлении Кеминяри (182 км от наших границ), вызвало нескрываемую тревогу в буржуазной норвежской прессе... Распространяются сведения о том, что Советский Союз не ограничится Финляндией и, как минимум, воспользуется шведской рудой и 2-3 портами в Северной Норвегии»²¹⁵.

Не на шутку встревоженное этой гипотетической угрозой норвежское правительство предприняло чрезвычайные меры. Советская историческая литература уделила изучению таких мер наибольшее внимание. Собранные и опубликованные ими данные о сосредоточении норвежских боевых частей на северо-востоке страны достаточны и достоверны. В Финнмарк были направлены лучшие отмобилизованные воинские части: все моторизированные артиллерийские батареи, противотанковые батареи, автомобильный взвод, развернуты полевые лазареты, передислоцированы две эскадрильи. В прибрежных районах Финнмаркена было сконцентрировано ядро норвежского ВМФ: броненосцы «Норге» и «Эйдсволь», сторожевые корабли «Ф.Нансен», «М.Сарс», «Кельт», дивизион подводных лодок, эскадрилья морской авиации²¹⁶.

Норвежский историк Мидгор указывает: «Осенью, когда завязывался конфликт между Россией и Финляндией, помимо уже отобилизованного батальона округа Варангер был мобилизован и Альтийский батальон. Затем, когда началась русско-финская война, правительство решило в январе 1940 года провести мобилизацию полевой бригады 6-ой дивизии. Это было сделано и бригада находилась под ружьем все время до 9 апреля 1940 года».²¹⁷ Для немилитаризированной страны эти оборонительные приготовления оказались беспрецедентны по масштабам. Обратим внимание и на то, что после 12 марта 1940 г. - даты подписания мирного договора между Финляндией и СССР отобилизованные норвежские войска так не были передислоцированы обратно в места обычного расквартирования. Они еще почти месяц продолжали стоять вблизи советских границ так, будто продолжали опасаться вторжения с востока. Было бы интересно выяснить причины этого «стояния». Ведь в результате норвежские вооруженные силы оказались серьезно ослаблены на направлениях основных ударов армии вермахта и буквально прозевали немецкую атаку 9 апреля 1940 г.

Норвегия очень боялась угрозы советского вторжения. Вот, например, что сообщал в февральские дни 1940 г., описывая поражение финнов в районе Каскамо, норвежский журналист Кьелланд, сотрудник газеты «Дагбладет». «Мы, свидетели русского молниеносного прорыва, стали на многое смотреть иначе. Даже люди, не имеющие никакого представления о военной технике, могут оценить силу Красной Армии, наступающей с фантастической быстротой, несмотря на то, что территория её продвижения была усеяна минами... Меня несколько не удивляет, что самыми рьяными агитаторами войны являются господа, давно вышедшие из призывного возраста. Возможно, они снизили бы тон, если бы представляли, что значит воевать против современной армии танков»²¹⁸. И далее заключает: «Самое разумное, что мы должны сделать, - "соблюдать строжайший нейтралитет"»²¹⁹.

Исследователи пишут о том, что совершенно незаслуженно несколько десятков устаревших советских танков, действовавших на самом севере Финляндии, превратились у Кьелланда в «современную армию танков». Правду говорят – «у страха глаза велики». Конечно, советская региональная пресса с удовлетворением перепечатывала подборки из подобных зарубежных статей, которые как-то сглаживали неприятные впечатления от первых советских поражений декабря 1939 г. под Ленинградом и в Карелии.

Документы, пресса и историческая литература тех лет с очевидностью показывают, что норвежское общественное мнение почти однозначно оценивало советское наступление на Финляндию, как агрессию, как несправедливую акцию. В этом смысле Государственному Совету (правительству) королевства и Стортингу, также осуждавшему действия СССР, было

достаточно легко найти опору в самых различных слоях населения. У части правых политиков Норвегии могло возникнуть желание использовать эту ситуацию, для открытой и прямой помощи Финляндии. От такой ошибки старался предостеречь соотечественников посланник Норвегии в Москве Э.Масенг. Он писал в МИД Норвегии 14 декабря 1939 г.: «Опасным заблуждением для норвежского народа было бы занять позицию, соответствующую его чувствам и симпатиям, и действовать в явном противоречии с пожеланиями и интересами Советского Союза. Это повлекло бы за собой серьезные последствия для нашей страны.»²²⁰ Подобной точки зрения придерживался и глава норвежского МИД К.Кут.

Важную информацию об отношении норвежцев к СССР в период «Зимней войны» даёт политинформация полпреда СССР в Норвегии А.В. Плотникова от 17 декабря 1939 г. А.В.Плотников рисует правдивую картину мощной антисоветской компании, развернувшейся здесь сразу же после начала конфликта. Он пишет: «Распространяются небылицы о сидящих на замке танкистах, прикованных внутри танков цепями за ноги, и красноармейцах, раздетых и раздутых, сражающихся без применения якобы элементарной военной техники. Наши оперативные военные сводки не печатаются».²²¹ «Арбейдерен» - орган коммунистической партии, освещавший события с просоветских позиций, подвергся полной обструкции со стороны остальной норвежской прессы. В адрес правительства раздалось требование закрыть этот «московский почтовый ящик».²²² Правда, Плотников пытался отыскать и более приятные для Москвы факты. Так он преувеличивал раскол в социал-демократической партии Норвегии по вопросу о том, за кого стоят простые рабочие Норвегии в этой войне, старательно подчеркивал, что «рабочий класс Норвегии не склонен идти за социал-демократическим руководством» и, мол, активно поддерживает «народное правительство Финляндии и СССР» (т.н. правительство О.В.Куусинена).²²³ Конечно отдельные примеры поддержки Советского Союза, организованной компартией Норвегии, найти было можно²²⁴. Однако массовость такой поддержки СССР в Норвегии была выдуманна, посол явно выдавал желаемое за действительное.

Впрочем, нагнетание антисоветской истерии в норвежской прессе также имело под собой незначительные основания. Например, в норвежских газетах периода «Зимней войны» мелькали сведения о многочисленных советских подводных лодках, курсировавших в опасной близости от норвежских берегов, хотя в ноябре-декабре 1939 г. только одна советская субмарина «Щ-402» выходила в район мыса Маккау-Варде. 12 и 14 января 1940 года трижды советские военные самолёты - по официальным сведениям случайно «из-за

исключительно неблагоприятных атмосферных условий» - нарушили норвежское воздушное пространство.²²⁵ Норвежский МИД заявил в связи с этим протест, а советский НКВД выразил сожаление по поводу случившегося.

Отмеченный рост разведывательной активности советских вооруженных сил вдоль восточных морских и сухопутных границ Норвегии в этот период вряд ли может считаться доказательством неких захватнических намерений СССР в отношении Северной Норвегии. Так же как и концентрация норвежских войск в этом районе вовсе не непреложный факт агрессивности Норвегии. Советские официальные документы того времени свидетельствуют, что при условии соблюдения Норвегией твердого нейтралитета ей со стороны СССР ничего не грозило²²⁶.

И все же антисоветски настроенная часть норвежского общества при плохо скрытом сочувствии правительственных кругов Осло решилась на оказание конкретной помощи финнам. Одним из убежденных противников СССР был, например, председатель норвежского стортинга Хамбро. Его умеренными оппонентами выступали премьер Ю.Нюгорсволл и Х.Кут. В дискуссиях умеренных и яро антикоммунистических политиков происходила сложная балансировка внешнеполитической игры Норвегии с тем, чтобы не увлечься и не выйти за пределы нейтралитета. Как проходила эта борьба, российские историки осведомлены пока слабо. Хотя главный вывод советского посланника о том, что норвежское правительство открыто «покровительствовало деятельности всех организаций, оказывающих в той или иной степени помощь белофиннам», вполне соответствуют действительности.²²⁷

В период советско-финской войны в Норвегии широко развернулась компания по сбору денежных средств, обмундирования, тёплых вещей, продовольствия и медикаментов. За 103 дня было собрано 2 млн. крон для покупки продовольствия и медикаментов. В январе 1940 г. норвежские профсоюзы отправили в Финляндию 100 тыс. крон²²⁸. Координацию компании помощи и передачи осуществляла созданная при содействии норвежского «Красного Креста» организация «Народная помощь».

Кроме того, по правительственным каналам из Норвегии в Финляндию передавалось стратегическое военное сырьё и материалы. Об этом неопровержимо свидетельствует сообщение от 14 декабря 1939 г. премьера Нюгордсволла на заседании Комитета по иностранным делам, хотя норвежский МИД впоследствии это отрицал. В Финляндию было послано безвозмездно 30 тонн сырой резины, годной для изготовления 300 тыс. противогазных масок, 11.500 тонн высокооктанового бензина. Финские солдаты получили

отличные ранцы из кожи, изготовленные в Норвегии. Министерство обороны в тайне послало в Финляндию из своих скромных арсеналов 12-орудийную артиллерийскую батарею.²²⁹ Транзитом через Норвегию шли поставки продовольствия для финской армии.

Всего за период войны норвежцы оказали помощь Финляндии на сумму - 80 млн. финских марок. Швеция, Италия, Франция, Англия, Бельгия, США и даже Венгрия произвели на эти цели куда большие затраты.²³⁰ Сумму эту нельзя назвать значительной, но и на последнем месте среди примерно полутора десятков стран оказывавших эту помощь Норвегия не была. В принципе, норвежская помощь Финляндии еще вписывалась в понятие дружественного нейтралитета, хотя и вызывала растущее раздражение Кремля. Тем более, что на все дипломатические демарши СССР²³¹ правительство Норвегии отвечало, что само якобы узнает обо всей антисоветской пропаганде и организации материальной поддержки Финляндии только из газет и не имеет к этому никакого отношения²³².

Более опасным и чреватым последствиями отступлением от нейтралистских позиций являлась работа по набору бойцов для Финляндии. 8-10 декабря 1939 г. в Осло был создан Комитет по вербовке добровольцев в финскую армию во главе с капитаном норвежской армии Орфлодом. Всего в Норвегии было развёрнуто около 20 вербовочных контор, не зная о деятельности которых норвежское правительство не могло. Руководил их работой майор норвежской армии Винге. Добровольцев зачисляли в так называемый «Норвежский легион», в идеале он должен был составить ядро добровольческой дивизии «стран группы Осло». Всего в Легион вступило более 700 человек,²³³ 200 из них успели прибыть в Финляндию. Общее же число добровольцев находившихся на территории Финляндии достигало 11 тыс. человек. Правда, большинство из них были плохо подготовлены и в боевых действиях участия принять не успели. Норвежское правительство запретило вступать в Легион кадровым офицерам и сверхсрочнослужащим, не желая ослаблять армию, но рядовым солдатам это делать не возбранялось.

Советский полпред В.А.Плотников особо отметил, что «по инициативе финской миссии в Осло организуются комитеты по вербовке добровольцев и снабжению их. Троцкисты, вроде Хокон Ли, налаживают связь норвежских комитетов по добровольцам со шведскими комитетами и для установления контактов часто выезжают в Гельсингфорс».²³⁴

Норвежский посол в Москве Э.О.Масенг, прекрасно разбиравшийся в конъюнктуре международных отношений, вынужден был выехать в Осло в самом начале января 1940 г. для того, чтобы предупредить правительство о том, что Норвегии не стоит заходить так далеко в своей помощи Финляндии.

Норвегия в это время находилась в крайне сложном международном положении - на стыке многих политических и военных противоречий великих держав. Великобритания и Франция под предлогом помощи Финляндии хотели высадить войска в Нарвике и установить контроль над железорудным районом Северной Швеции и, в целом, над Скандинавским полуостровом. Нажим на норвежское и шведское правительство был очень серьёзен. Англо-французам было очень выгодно превратить Скандинавию в место бойни, втянув в длительную войну СССР и Германию.

Германия тоже готовилась к захвату Норвегии и Швеции с их важными природными ресурсами и выгодным стратегическим положением в приполярной Европе, но одновременно требовала от Норвегии соблюдения строгого нейтралитета в финском вопросе. Норвежские дипломаты все время жаловались на то, что официальная позиция Германии в конфликте скорее просоветская, чем профинская.²³⁵ Есть сведения, что в период «Зимней войны» немецкие суда даже снабжали советские подводные лодки на Балтике горючим и продовольствием на заимообразной основе.²³⁶ Одновременно и финнам немцы оказали помощь на сумму до 35 млн. финских марок, то есть Берлин двурушничал²³⁷. Москва со своей стороны также оказывала давление на Осло, требуя прекратить всякую военную помощь Финляндии и придерживаться жесткого нейтралитета. Таким образом Норвегия оказалась, говоря образным литературным языком «между молотом и наковальней».

Вполне естественно, что в Кремле опасались высадки англичан и французов в норвежском Нарвике или в шведских портах. Планы такого транзита широко обсуждались как на дипломатическом уровне, так и в западной прессе. Норвежское же правительство решило не поддаваться на уговоры Парижа и Лондона и не пожелало пропустить в Финляндию войска и военные грузы через свою территорию. Однако Кремль не был уверен, в том, что Осло и Стокгольм надолго устоят перед внешним давлением англичан и французов. Этим, в частности, объясняется стремление И.В.Сталина, не считаясь с потерями, добиться быстрой и решительной военной победы над Финляндией. Он из совершенно верных стратегических соображений не хотел допустить интернационализации конфликта с Финляндией.

Предвидя протесты Москвы, норвежские власти заранее подстраховались. Уже 17 декабря 1939 года В.А.Плотников сообщал: «Враждебные демонстрации перед нашим полпредством в настоящее время прекращены в связи с арестом руководителей этих демонстраций, оказавшихся руководителями распущенной местной организации национального единения»²³⁸ (норвежских профашистов).

Международная обстановка вокруг Норвегии, формирование «Норвежского легиона», антисоветская шумиха в норвежской прессе послужили поводом для появления ноты НКВД СССР «К советско-норвежским отношениям»²³⁹ 5 января 1940 года полпред В.А.Плотников передал министру иностранных дел Норвегии Х.Куту этот документ, составленный в предельно жёстких выражениях. Советское правительство протестовало против какой бы то ни было помощи Финляндии, против антисоветской компании в норвежской печати и вербовки норвежцев для военных действий против Красной Армии. Эти действия, говорилось в ноте, «могут привести к нежелательным осложнениям и нарушить взаимоотношения между СССР и Норвегией». Норвегии в резкой форме было предложено откорректировать свой курс в истинно нейтралистские рамки и изолировать Финляндию. Реакция правящих норвежских кругов была быстрой - уже 6 января советский полпред получил ответ официального Осло. Норвежское правительство признало, что ряд лиц и газет разжигают антисоветскую истерию, но поступают так в рамках предоставленной им свободы слова. Отправка же оружия и сырья полностью отрицалась, хотя это и было ложью. Специальной нотой глава МИД королевства отвергал эти обвинения как беспочвенные.²⁴⁰ Однако советский демарш имел должные последствия: Норвегия от лозунга «Дело Финляндии - наше дело» перешла на более конструктивные рельсы миротворчества. В среде норвежских политических деятелей возобладала трезвая оценка положения Норвегии.

Министр иностранных дел Х.Кут проявил разумную, хотя, по мнению авторов «Истории Норвегии» под ответственной редакцией известного историка, А.В.Кана, «излишнюю» инициативу, так как миротворческие усилия ранее уже предприняла Швеция²⁴¹, и начал зондировать почву для заключения мира между Советским Союзом и Финляндией. 20 января 1940 года он написал финскому министру В.Таннеру письмо, в котором просил последнего обдумать вопрос о нейтрализации Финского и Ботнического заливов, чтобы затем поставить его в качестве основы для ведения будущих переговоров. 29 января Таннер дал ответ, поставив условием для заключения мира почётные условия для Финляндии. 1 февраля Х.Кут направил А.М.Коллонтай (советский полпред в Швеции) то же неофициальное предложение для передачи его советскому правительству. 11 февраля Х.Кут получил благожелательный ответ из Москвы. Он гласил: «Целью Советского Союза является не разгром Финляндии, а безопасность северо-западных границ СССР, которая требует некоторых изменений пограничной линии и решения вопроса о передаче Советскому Союзу базы Ханко»²⁴².

Хотя, предложение о посредничестве в переговорах было отвергнуто, но сам факт дружественной инициативы Осло и его заступничества за Финляндию положителен.

Внешняя политика СССР с конца лета 1939 г. практически по всем пунктам вызывала неприятие его арктического соседа. Норвегия была неприятно поражена пактом Молотов-Риббентроп, враждебно отнеслась к походу Красной Армии на Украину. Столь же неприязненно восприняла заключение Советским Союзом договоров с Эстонией, Латвией и Литвой, т.к. норвежцы прозорливо «считали это утратой их самостоятельности» и предвестником «более резких изменений в судьбе этих стран».²⁴³ После этого начало войны с Финляндией в Осло сочли продолжением политики восстановления территории бывшей имперской России.

В результате Норвегия поддержала исключение Советского Союза из состава Лиги Наций за агрессию против Финляндии. Решение это было принято на 20-й сессии Ассамблеи. 11 декабря 1939 г. был образован специальный Комитет по финляндскому вопросу под председательством де Матта. Сработал Комитет непривычно быстро для этой обычно медлительной организации. Уже 14 декабря по настоянию Бразилии и при поддержке других латиноамериканских стран практически без обсуждения проблемы СССР был исключен из Лиги Наций. Роль Норвегии в принятии этого решения обычно недооценивается. Между тем она была очень существенна, так как руководителем Лиги Наций в то время был убежденный противник СССР К.Хамбро. Хотя после этого акта министр Х.Кут в январе 1940 г. и пытался убедить Наркома В.М.Молотова, что в его стране «не имело места ничего такого, что могло бы привести к осложнению между этими двумя правительствами»,²⁴⁴ было очевидно, что холодные ветры политической вражды серьезно нарушили сложившиеся традиции добрососедства.²⁴⁵

Вряд ли следует возлагать вину за это на Норвегию, как это сделал посол В.А.Плотников в одном из своих аналитических донесений. Скорее, вина лежит на великих державах, включая СССР, которые в своей эгоистической политике готовы были жертвовать интересами народов малых государств и использовали их в качестве разменной монеты.

Что касается Норвегии и других скандинавских стран, то на исходе «Зимней войны» они тоже сделали для себя важные выводы. 27 февраля 1940 г. было опубликовано коммюнике министров иностранных дел Швеции, Норвегии и Дании. В нем было заявлено: «Конференция обсуждала вопросы, связанные с событиями в Финляндии. Министры иностранных дел подтвердили своё единство в проведении политики нейтралитета своих стран».²⁴⁶ 11 марта 1940 г. уже премьер-министр Норвегии Ньёгорсволл заявил, что

жизненным условием для Норвегии является необходимость жить в мире и согласии с другими странами. Нейтралитет Норвегии должен быть полным и безграничным.²⁴⁷ Вывод был всем хорош, но только абсолютно нереалистичен, ибо фашистская Германия не позволила Норвегии им воспользоваться. Нейтралитет оказался действенен только в отношениях с СССР.

В итоге рассмотрения темы убеждаемся, что российская историческая литература практически не уделила внимания таким ее аспектам как изучение механизма принятия наиболее ответственных решений властями Норвегии в период «Зимней войны», ходу дискуссий между разными лагерями политических деятелей Осло. Недостаточно выявлена роль Норвегии в выработке решения об исключении СССР из Лиги наций. Непонятно и то, насколько отвлекла «Зимняя война» внимание Норвегии от подготовки фашистской Германией действительного вторжения в ее пределы.

Эти и прочие неясности могут быть устранены либо внимательным прочтением и переводом для российской общественности собственно норвежских исследований либо самостоятельной дополнительной исследовательской разработкой темы. А до тех пор она не может считаться завершенной в научном отношении.

Д. А. Журавлев

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГРАЖДАНСКИХ И ВОЕННЫХ ОРГАНОВ ПРИ СОЗДАНИИ СИСТЕМЫ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В ЛЕНИНГРАДЕ ВО ВРЕМЯ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ

От уровня взаимодействия между гражданскими и военными органами во многом зависел результат общей работы по оказанию медицинской помощи раненым и больным в Ленинграде. Установление рабочих отношений между обеими сторонами позволяло также преодолевать проблемы, возникавшие при реализации тех параметров, которые содержались в документах, разработанных в предвоенный период, а также вызванные сложными обстоятельствами в ходе войны. Вместе с тем, формировавшаяся система взаимодействия имела и негативные стороны, что отражало не только сложности совместной деятельности различных ведомств, но и недостатки той работы, которая должна была осуществляться в предшествующий период по регламентации деятельности отдельных органов и сферы их разграничения.

Сотрудничество между гражданскими и военными органами проходило по двум основным направлениям: организация консультативной помощи, а также участие в проверках деятельности лечебных учреждений, и работа по организации медицинской помощи в городе. Объединения гражданских и военных представителей, создаваемые в рамках консультативной помощи, имели как временный характер, так и постоянный. Роль подобного взаимодействия была велика, так как в результате удавалось согласовывать наиболее важные вопросы, связанные с вопросами лечения раненых и больных на уровне города. При этом следует отметить, что вследствие своей специфики, компетенция подобных объединений, в которые входили гражданские и военные медики, не ограничивались рамками собственно лечебных вопросов, и, как правило, административные вопросы не затрагивались ими.

Для координации хирургической работы в лечебных учреждениях Ленинграда было создано консультативное бюро²⁴⁸, в состав которого входили представители военно-санитарной службы и Ленгорздравотдела²⁴⁹. П.А. Куприянов, являвшийся во время советско-финляндской войны хирургом-консультантом Северо-Западного фронта, впоследствии следующим образом определял задачи консультативного бюро: «Для обеспечения единства хирургов в лечебно-хирургических мероприятиях и установления единой точки зрения в ряде спорных вопросов и неустановившихся мнений в хирургии, а также для объединения взглядов представителей различных направлений и хирургических школ, СУ (Санитарного

управления – Д. Ж.) Фронта совместно с Ленгорздравотделом составило консультативное бюро, которое выделяло консультантов в каждый эвакуогоспиталь в Ленинграде для практической и научно-исследовательской работы»²⁵⁰. Наравне с этим существовала практика проведения консультаций для работников лечебных учреждений города со стороны как гражданских специалистов-медиков, так и военных, представлявших, прежде всего, Военно-медицинскую академию имени С.М. Кирова (ВМА)²⁵¹.

После начала боевых действий в городе был создан врачебный совет, включавший в себя представителей гражданского здравоохранения и военно-санитарной службы. Совет согласовывал различные вопросы, связанные с организацией медицинской помощи как на уровне руководящих органов, так и непосредственных исполнителей, вовлеченных в данный процесс²⁵². В целом, существование врачебного совета являлось положительным явлением для организации медицинской помощи в Ленинграде в период советско-финляндской войны, так как в результате решались актуальные проблемы, возникавшие в данное время.

Для проверки различных лечебных учреждений города, где оказывалась медицинская помощь военнослужащим, создавались специальные комиссии, в которые входили представители военных и гражданских органов. Наравне с выполнением контролирующей функции, данные комиссии способствовали также координации совместной деятельности обеих сторон, получая представление о реальной обстановке на местах, а также перспективах работы²⁵³.

Санитарное управление Красной Армии (СУ РККА), которое выполняло основные функции по организации медицинской помощи военнослужащим в городе, стремилось привлечь к работе в городе известных советских ученых-медиков²⁵⁴, таких, как Н.Н. Бурденко, В.С. Левит, Н.Н. Приоров, И.Г. Руфанов, А.Э. Рауэр. Для этой цели начальник СУ РККА Е.И. Смирнов обратился со специальным письмом в адрес наркома здравоохранения СССР Г.А. Митерева²⁵⁵, однако, насколько можно судить по имеющимся материалам, данное предложение не было реализовано в полной степени. Для повышения уровня медицинской помощи, оказываемой в развернутых лечебных учреждениях, активно привлекались ведущие специалисты Ленгорздравотдела, возглавлявшие крупные медицинские центры города – Мурин, Каневский, Кринский, Нейштадт, Ерхун, Фридман, Млечин и др.²⁵⁶ Кроме того, консультативную помощь оказывали представители военно-медицинских центров города, в первую очередь, ВМА. Такие специалисты как Лимберг, Львов, Энтин и другие, участвовали в разработке эффективных методов, в частности, лечения ранений челюсти и лица²⁵⁷.

Фронтовой эвакуационный пункт (ФЭП) 50, являвшийся центральным органом, руководившим лечебно-эвакуационной работой в городе и фронтовом районе в целом, был также базой подготовки медицинского персонала лечебных учреждений, развернутых, прежде всего, гражданским ведомством. Здесь проводились специальные занятия для врачей, призванных из запаса, целью которых являлось ознакомление со спецификой деятельности в военно-санитарных учреждениях. Занятия включали в себя ознакомление с навыками врачебно-экспертной работы, правилами внутреннего распорядка в военных госпиталях и прочим, однако эффективность данных мероприятий была невысокой, так как по признанию начальника ФЭП 50 И.М. Черняка, посещаемость занятий была низкой²⁵⁸. Впоследствии, возможно, учитывая полученный опыт, представители фронтового эвакуопункта проводили инструктаж в отдельных лечебных учреждениях, позволяя сориентироваться медицинскому составу в новых условиях работы.

Активное взаимодействие отмечалось также на уровне отдельных научно-исследовательских институтов и лечебных учреждений, где размещались военнослужащие. Ленинградский институт вакцин и сывороток снабжал необходимыми препаратами не только действующую армию, но и удовлетворял требования на сыворотки, которые поступали со стороны эвакуационных госпиталей, развернутых в Ленинграде, области, а также Карельской АССР. При этом был выработан механизм снабжения, который объяснялся частыми случаями завышения потребностей в сыворотке медицинскими формированиями. В данных условиях сам институт регулировал снабжение госпиталей сыворотками в зависимости от их реальной потребности, которая устанавливалась на местах, путем ознакомления с материалами конкретного лечебного учреждения, просмотра карточек раненых²⁵⁹.

В ходе боевых действий были установлены отношения между эвакуационными госпиталями и Институтом им. Лесгафта, специалисты которого оказывали консультативную помощь данным лечебным учреждениям в вопросах организации лечебной физкультуры²⁶⁰.

В данном случае, когда речь шла во многом о специфических вопросах, связанных с профессиональной сферой, взаимоотношения гражданских и военных органов имели ярко выраженный деловой характер. При этом обе стороны выражали заинтересованность во взаимодействии, так как подобный обмен опытом помогал решать актуальные вопросы, встававшие перед лечебными учреждениями в период боевых действий, приобретая необходимый опыт.

Иная ситуация складывалась при решении организационных вопросов. При этом определяющим фактором являлась система подчинения развернутых лечебных учреждений в

городе. Эвакуационные госпитали в Ленинграде имели различный статус, в том числе определенный степенью их подчинения тому или иному ведомству. Эвакуационные госпитали, развернутые Наркоматом здравоохранения и переданные в распоряжение Наркомата обороны, имели следующую систему подчинения:

- в оперативном отношении (загрузка, выписка, перевод из одного госпиталя в другой, работа врачебной помощи и внутренний распорядок) все эвакуационные госпитали Наркомата здравоохранения (НКЗ) подчинялись ФЭП;

- в вопросах лечебных, административно-хозяйственных и финансовых, госпитали подчинялись органам здравоохранения²⁶¹.

Однако в действительности подобное разграничение полномочий не всегда было возможным, что выражалось в нарушении определенного баланса и вмешательстве того или иного ведомства в сферу интересов другого. При этом подобная двойственность проявилась уже в предвоенный период. В ноябре 1939 г., в то время как формирования НКО уже приступили к развертыванию лечебных учреждений, госпитали НКЗ не имели соответствующих распоряжений о мобилизации²⁶², что отразилось на характере их работы. В период боевых действий обстановка еще более накалилась. При этом обе стороны в своих обращениях в вышестоящие инстанции пытались доказать свою правоту, выставляя в негативном свете противоположную сторону. И.М. Черняк следующим образом определял ситуацию в указанной сфере: «Положение, когда в систему ФЭП входили госпитали по линии наркомата обороны и по линии наркомата здравоохранения создавало...затруднения, не было четкости во взаимоотношениях между органами здравоохранения и нами. Это вносило неясность и неразбериху. В организационный период и в ходе войны эта неясность давала себя чувствовать»²⁶³. Отрицательные стороны подобной системы подчинения отмечал в послевоенный период также Е.И. Смирнов: «Двойственность подчинения сформированных Наркомздравом эвакуационных госпиталей создавала много недоразумений. В частности, заведующий Ленгорздравом в письменном виде предложил начальникам госпиталей не допускать в госпитали без соответствующего “мандата” за его подписью и подписью начальника Санитарного отдела Ленинградского военного округа, представителей фронтового эвакуационного пункта, которому эти госпитали подчинялись в оперативном отношении. До начала военных действий развернутые Наркомздравом госпитали отказывались принимать больных красноармейцев и лишь после настоятельных представлений Заведующий Ленгорздрава разрешил направлять больных военнослужащих в эвакуационные госпитали»²⁶⁴.

В отчете о работе ФЭП 50 в период боевых действий приводился следующий пример сотрудничества с гражданскими органами, характеризующий вместе с тем отношение к последним со стороны военных: «Горздравотдел даже путем “усиления” ответственными работниками пытался “установить порядок” в работе ФЭП. Достаточно сказать, что бывали случаи, когда ФЭП имел контроль со стороны одновременно проверяющих его 4 – 5 комиссий, не говоря уже об отдельных инспекциях различных служб Штаба округа»²⁶⁵. В том же документе описывается, хотя и односторонне, механизм урегулирования подобной негативной обстановки: «Решение этой задачи было найдено путем твердого и настойчивого наведения порядка самим ФЭПом, а именно в течение короткого времени госпиталя были проверены соответствующими специалистами, был установлен постоянный систематический контроль за работой госпиталей несмотря на явное нежелание со стороны Горздравотдела»²⁶⁶.

Характер подобного взаимодействия определялся наличием в городе развитой инфраструктуры здравоохранения, как лечебных учреждений, так и административной базы, входившей в подчинение НКЗ и Ленгорздравотдела. Последний активно апеллировал к вышестоящему органу в лице Ленсовета при возникновении конфликтной ситуации. Городские власти, выполняя поставленные задачи по укреплению обороноспособности Ленинграда, стремились при этом минимизировать степень вовлечения городских ресурсов в данный процесс, ориентируясь в большей степени на другие актуальные для этого времени проблемы. При этом в отчетах о проделанной работе они подчеркивали, что для оборонных нужд были переданы «все лучшие институты и клиники Ленинграда»²⁶⁷. С началом боевых действий, когда происходит крупная мобилизация наличных ресурсов Ленинграда, военное ведомство стремилось самостоятельно контролировать процесс оказания медицинской помощи военнослужащим в развернутых лечебных учреждениях. Как следует из изученных нами материалов, НКЗ не проявлял серьезных ответных шагов, вследствие чего военные органы стремились распространить принципы работы военных госпиталей на всю совокупность находившихся в их распоряжении лечебных учреждений.

Отмеченные обстоятельства обусловили механизмы взаимодействия между военными и гражданскими органами, что определялось также представлениями обеих сторон относительно форм оказания медицинской помощи военнослужащим в данных условиях.

Значительное влияние на формирование подобных отношений оказывало также отсутствие четких указаний относительно системы подчинения различных органов, что было связано с недостатками мобилизационного планирования в предвоенный период. С началом советско-финляндской войны выявилась неадекватность разработанных документов

реальным условиям работы, вследствие чего возникла необходимость в их корректировке, прежде всего, с учетом позиции военных органов. Это вызывало в отдельных случаях негативную реакцию со стороны представителей гражданских ведомств.

Органы военного ведомства после начала боевых действий приступившие к работе по формированию лечебных учреждений, стремились сосредоточить руководящие функции в своих руках. В послевоенный период И.М. Черняк следующим образом оценивал позицию руководимого им органа в отношении гражданского здравоохранения: «Лечебные учреждения НКЗ, укомплектованные врачами запаса, не имевшими опыта и знаний в вопросах военно-санитарной администрации, не могли установить должного для военно-санитарных учреждений порядка, почему нуждались в постоянном руководстве по установлению внутреннего распорядка, военно-медицинской экспертизы и документации при приеме, выписке и т.п.»²⁶⁸. Указанное доминирование военных органов происходило вследствие недостаточной активности гражданского здравоохранения при реализации норм, предусмотренных мобилизационными документами. В частности, в соответствии с утвержденным 13 марта 1939 г. НКЗ СССР «Временным руководством по разработке мобилизационных планов по эвакуационным госпиталям, формируемым НКЗ СССР», внутренний распорядок, объем прав и обязанностей должностных лиц госпиталя, а также порядок приема и выписки больных и раненых в военное время должен был устанавливаться особой инструкцией НКЗ СССР совместно с НКО²⁶⁹. Однако, серьезных шагов в указанном направлении со стороны гражданских органов предпринято не было, вследствие чего военное ведомство приняло на себя подавляющую часть обязанностей в данной сфере.

Военные органы, принявшие на себя функции контроля за лечебными учреждениями, негативно расценивали вмешательство городских властей в данный процесс. В частности, острую дискуссию вызвала в январе 1940 г. замена начальника эвакуационного госпиталя 2015 по указанию заведующего Ленгорздравотдела Л.А. Эмдина. Причиной подобного шага, по словам последнего, являлась плохая организация управления со стороны начальника этого госпиталя. Кроме того, особым отделом НКВД военных госпиталей была проведена проверка работы данного учреждения, в ходе которой вскрылись случаи неудовлетворительного поведения руководства ЭГ 2015. Подобное смещение, проведенное в одностороннем порядке, вызвало негативную реакцию со стороны Санитарного отдела ЛВО. Л.А. Эмдин в своем ответе на обращение последнего апеллировал к своим обязанностям по организации медицинского обслуживания военнослужащих, что давало ему право перемещать и

освобождать отдельных начальников госпиталей, «исходя из соображения укрепления руководства госпиталями»²⁷⁰.

Таким образом, несмотря на отчетливую обоюдovouгoдную необходимость в создании деловых взаимоотношений, как военные, так и гражданские органы проявляли стремление к односторонним путям решения возникших проблем. В обращении на имя председателя Ленсовета П.С. Попкова Л.А. Эмдин отрицательно отзывался о существовавшей практике мобилизации медицинского персонала лечебных учреждений гражданского здравоохранения. В частности, останавливаясь на кадровых проблемах в медицинской сфере Ленинграда, Л.А. Эмдин отмечал: «Горвоенкомат не ставит нас в известность о своих планах. Постоянное дергание больниц, поликлиник районов, без какой-либо согласованности создает исключительно напряженное состояние»²⁷¹.

Подобная ситуация наблюдалась не только в Ленинграде. Как отмечалось по результатам обследования организационной работы ряда эвакуационных пунктов и эвакуационных госпиталей бригадами Политуправления РККА в феврале 1940 г., «в ряде эвакуационных пунктов нет ясности во взаимоотношениях с гражданскими органами здравоохранения»²⁷². В некоторых военных округах представители военного ведомства, преодолевая препятствия со стороны гражданских властей, стремились, в частности организовать деятельность развернутых госпиталей по структуре обычных военных госпиталей. При этом взаимоотношения с данными лечебными учреждениями строились на основе действовавших уставов РККА и приказов НКО «в форме приказаний и прямых распоряжений». В то же время, гражданским органам отводилась контролирующая функция при расходовании кредитов, снабжении санитарно-хозяйственным имуществом и медикаментами в соответствии со сметой НКЗ²⁷³. В Ленинграде подобная система взаимодействия стала распространяться во второй половине боевых действий, когда острая необходимость расширения коечного фонда привела к сосредоточению основных функций в сфере лечебно-эвакуационного обеспечения в руках военно-санитарной службы.

Необходимо отметить, что, несмотря на оформление в конечном итоге системы взаимодействия гражданских и военных органов, направленной на обеспечение деятельности РККА, отмечались частые случаи разногласий, что было свойственно не только различным регионам, примыкавшим к театру военных действий, но и сферам деятельности²⁷⁴. Значительное число примеров, демонстрировавших несогласованность действий гражданских и военных органов, а также отдельные высказывания обеих сторон, свидетельствуют об отсутствии четких представлений относительно разграничения сфер их

полномочий в условиях боевых действий. В первую очередь это касалось конкретных форм взаимодействия между различными органами для эффективной работы при выполнении общей задачи. Один из руководящих работников военно-санитарной службы в послевоенный период следующим образом характеризовал подобное положение: «Подчиненные эвакогоспиталя НКЗ в военное время надо передавать НКО, Санитарному отделу в полное подчинение... Практика показала, что оперативного подчинения мы недопускаем. Горздравотдел мыслит одно, мы другое»²⁷⁵.

Отсутствие не только четко очерченного круга задач (при наличии общей, поставленной руководством страны – обеспечение военнослужащих квалифицированной медицинской помощью), но и сферы компетенции отдельных лечебных учреждений, развернутых НКЗ, приводили к частым нарушениям уставов РККА. Как следует из шифрограммы начальника Генерального штаба Б.М. Шапошникова начальникам штабов ряда военных округов, отмечались случаи несоблюдения «простых правил соблюдения секретности» со стороны работников лечебных учреждений, где оказывалась медицинская помощь военнослужащим. Это относилось в первую очередь к госпиталям, развернутым НКЗ, которым, в соответствии с указанием Генерального штаба, в последующем запрещалось «давать какие-либо сведения о характере поражений, загрузке госпиталей, движения раненых и больных гражданским органам, в том числе и органам Наркомздрава», ограничиваясь при этом информацией исключительно о койкоднях²⁷⁶ (т.е. данными о том, какое время находился раненый или больной в том или ином лечебном учреждении).

Одной из наиболее острых проблем при взаимодействии гражданских и военных органов являлось финансирование. Возникновение подобной проблемы было связано как с неадекватностью соответствующих документов, которые вступали в действие с началом войны, так и определялось неожиданным ходом боевой кампании и масштабами выполняемой работы.

Для перевозки раненых и больных в пределах города использовался пассажирский транспорт, который выделялся в оперативное распоряжение военного ведомства. Однако практически до конца войны оставался неразрешенным вопрос относительно оплаты данных перевозок. Транспортные организации Ленинграда, предоставлявшие подвижной состав для указанных целей, предъявляли ФЭП счета на возмещение расходов, в то время как представители военно-санитарной службы, по их словам, были не в состоянии оплатить их вследствие отсутствия необходимых средств, выделение которых не предусматривалось имевшимися указаниями²⁷⁷. Для разрешения данной ситуации потребовалось вмешательство

Е.И. Смирнова, который обратился к начальнику финансового отдела НКО за разъяснениями. В ответе последнего определялось, что оплату соответствующих перевозок эвакуопункт должен взять на себя²⁷⁸.

В связи с недостаточным количеством транспортных средств в распоряжении фронтового эвакуопункта, со стороны последнего предпринимались неоднократные обращения в адрес Ленсовета о выделении дополнительного числа автотранспорта для нужд санитарной эвакуации. Городские власти стремились удовлетворить данные заказы. Для указанных целей передавались машины, находившиеся в подчинении Ленсовета, организовывались стоянки для переданных автомобилей с их техническим обслуживанием во II-ом автобусном парке за счет средств Санитарного отдела (СО) ЛВО²⁷⁹. Вместе с тем, ФЭП приступил к использованию автобусов и за пределами города, где передвижение данного транспорта сопровождалось большей аварийностью и приводило к их частым поломкам. Вследствие этого, при очередном обращении со стороны СО ЛВО о предоставлении транспорта, начальник Автотранспортного управления Ленсовета предъявил обвинения в адрес военно-санитарной службы в отсутствии должной системы технического контроля за переданными транспортными средствами, а также отсутствии диспетчерской службы²⁸⁰. В развернувшейся дискуссии стороны предъявляли различные аргументы в свою защиту, в частности, представители ФЭП отвергали обвинения в свой адрес относительно неудовлетворительного использования машин, обвиняя в свою очередь городские власти в предоставлении автобусов, находившихся в непригодном техническом состоянии²⁸¹.

Отсутствие в первый период конструктивных отношений между ФЭП и автотранспортными организациями в сфере перевозки раненых и больных в пределах города, приводило в ряде случаев к жесткому, одностороннему решению возникавших проблем со стороны представителей военного ведомства. В начале декабря 1939 г. представителем санитарной службы на конечной станции были высажены все находившиеся в двух автобусах пассажиры, а транспорт был «мобилизован» для нужд санитарной эвакуации. Мотивация данного поступка была следующей: отсутствовала возможность провести распределение раненых, прибывших на военно-санитарном поезде и ожидавших отправления по лечебным учреждениям города в течение 6 часов²⁸². При этом следует отметить, что подобный случай произошел 4 декабря, когда только формировалась организация перевозки раненых и больных в лечебные учреждения города, а также намечались общие принципы взаимодействия с гражданскими органами. Вместе с тем, данный способ позволял выйти из

сложной ситуации, преодолевая при этом бюрократические препятствия и существовавшую несогласованность.

Наличие двойственности в подчинении и сопутствовавших ей негативных черт отмечалось также со стороны отдельных лечебных учреждений. В отчете о работе «оперативных коек» в больнице им. С. Перовской, в частности, указывалось: «Нам представляется крайне нежелательной и вредной для дела такая двойственность, в которой находились оперативные койки, несшие обязанности эвакогоспиталя, но не имевшие ни прав военно-лечебного учреждения, ни материального обеспечения военнослужащих. Подчиняясь в оперативной работе ФЭП 50, формально больница оставалась в зависимости от Горздравотдела, что не могло не сказаться на всей структуре госпиталя. Материальное и техническое снабжение, финансирование также очень страдало от этой двойственности. Перевязочный материал и спирт по линии Горздравотдела был урезан. Недостаток травматологической аппаратуры также пополнялся госпиталем самостоятельно без помощи Горздравотдела»²⁸³.

Для исправления подобного положения, как уже было отмечено выше, ФЭП 50 расширял свои функции в сфере организации медицинской помощи, используя при этом материальные источники. В результате, в 1940 г. происходили значительные изменения в сравнении с первым периодом боевых действий, когда согласно указанию Санитарного управления Северо-Западного фронта госпитали, развернутые НКО, НКЗ и «оперативные койки» были подчинены ФЭП только для оперативного использования коечного фонда²⁸⁴.

Отношения военных и гражданских органов с партийными структурами были более деловыми, причем это касалось как руководителей, так и нижестоящих работников, непосредственно осуществлявших отдельные мероприятия в лечебных учреждениях города. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что представители партийных органов входили в состав Военного совета (ВС) ЛВО в период боевых действий. В послевоенный период представитель санитарной службы ЛВО бригадврач Фролов в письме на имя члена ВС ЛВО корпусного комиссара А.Н. Мельникова отмечал особое значение помощи горкома ВКП (б) при развертывании коечной сети в Ленинграде, в том числе эвакуационных госпиталей в домах отдыха (в частности, на Кировских островах), в вопросах строительства железнодорожных веток, укомплектования медицинских формирований личным составом и пр. При этом давалась также высокая оценка решениям горкома, его влиянию на организацию лечебно-эвакуационного обеспечения Красной Армии в целом²⁸⁵. В послевоенный период и сами партийные руководители неоднократно подчеркивали свою

роль в организации системы медицинской помощи военнослужащим в Ленинграде²⁸⁶. Во многом именно партийные органы, в ряде случаев, согласно разработанным мобилизационным планам, составленным в предвоенный период, отчасти в соответствии с решениями вышестоящих инстанций, организовывали шефское движение в городе. Как отмечалось в «Кратких сведениях о работе госпиталей», составленных еще в ходе боевых действий, «наши госпитали находились и находятся в центре внимания Ленсовета и Горкома партии, которые повседневно управляют работой этих госпиталей и помогают повседневно. Районные комитеты Партии и Районные Советы в порядке шефства оборудовали наши госпитали сигнализацией, телефонной связью, украшениями и т.д.»²⁸⁷.

Таким образом, в условиях недостаточного уровня взаимодействия, в наиболее яркой форме выразившемся в первый период боевых действий, формировалась новая система отношений между теми органами, которые принимали участие в организации медицинской помощи военнослужащим. В значительной степени те принципы, которые сформировались по окончании войны, отличались от установленных в предшествующий период, что определялось воздействием реальной обстановки и, как следствие корректировок со стороны центральных и местных органов. Необходимо отметить, что наличие определенной системы, позволявшей в короткое время изменять деятельность лечебных учреждений в необходимом направлении, могло сохранить время и ресурсы и способствовать более эффективной работе. Вместе с тем, сформировавшаяся система взаимодействия между гражданскими и военными органами имела и ярко выраженные положительные стороны, что позволило решать целый ряд актуальных для данного времени проблем. В частности, отмеченное сотрудничество позволило сохранить относительно благополучную санитарно-эпидемическую обстановку в Ленинграде, не допустив вспышки сыпного тифа²⁸⁸, что удалось достичь путем введения жестких мер на транспортных магистралях²⁸⁹.

В. Г. Макуров

СОВЕТЫ КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Названная тема до настоящего времени в силу ряда причин не изучалась надлежащим образом и, соответственно, не получила должного отражения в отечественной исторической науке. Между тем, на наш взгляд, данная проблема представляет научный и практический интерес в связи с происходящими преобразованиями во всех сферах жизни Российской Федерации.

В итоге т.н. «зимней войны» 1939-1940 гг. в Москве был подписан 12 марта 1940 г. мирный договор, согласно которому граница СССР отодвигалась к северу от Ленинграда в сторону Финляндии на расстояние до 150 км. В состав территории СССР включались: Карельский перешеек с г. Выборгом (Виипури) и Выборгским заливом; северо-западное побережье Ладожского озера с городами Кексгольм (Приозерск), Сортавала, Суоярви; ряд островов в Финском заливе; территория в районе г. Куолаярви, часть полуостровов Рыбачий и Средний в Баренцевом море. Финляндия предоставляла Советскому Союзу в аренду сроком на 30 лет полуостров Ханко, прилегающие к нему острова и морскую территорию для создания там военно-морской базы. Советский Союз возвращал Финляндии район Петсамо (Печенга). Обе стороны обязались "взаимно воздерживаться от всякого нападения одна на другую и не заключать каких-либо союзов или участвовать в коалициях, направленных против одной из Договаривающихся Сторон"²⁹⁰.

Советское руководство отводило Карелии особую роль в складывающихся политических событиях того времени, учитывая ее пограничное расположение и национальный состав населения. VI сессия Верховного Совета СССР 31 марта 1940 г. приняла закон о преобразовании Карельской автономной республики (КАССР) в союзную Карело-Финскую ССР (КФССР)²⁹¹. В состав республики передавалась основная часть территории, отошедшей от Финляндии к СССР по мирному договору: Карельский перешеек (за исключением зоны, примыкавший непосредственно к Ленинграду), западное и северное побережье Ладожского озера, район западнее Кандалакши, ряд островов в Финском заливе. Летом 1940 г. здесь были образованы 7 новых районов — Выборгский, Кексгольмский, Куркиекский, Питкярантский, Сортавальский, Суоярвский, Яскинский и 3 сельсовета — Алакерттинский, Кайрольский, Куолаярвский, включенные в состав Кестеньгского района. Территория республики увеличилась до 185,8 тыс. кв. км²⁹².

В соответствии с решениями VI сессии Верховного Совета СССР внеочередная сессия Верховного Совета КАССР 13—15 апреля 1940 г. приняла закон о преобразовании Карельской АССР в Карело-Финскую ССР. Сессия утвердила также закон о выборах в высший орган власти и избрала конституционную комиссию, которой поручалось разработать проект новой конституции и внести его на рассмотрение первой сессии КФСР²⁹³.

Преобразование Карелии из автономной в союзную республику означало изменение ее государственно-правового статуса, расширение прав в области государственного, социально-экономического и культурного развития. Однако по действовавшей тогда Конституции СССР 1936 г. территория союзной республики не могла быть изменена без ее согласия. Для выделения территории КАССР из состава России и преобразования ее в Карело-Финскую ССР требовалось согласие Верховного Совета РСФСР, который данный вопрос не рассматривал и согласия на изменение своей территории не давал. Таким образом, оказалось, что Карельская АССР преобразована в Карело-Финскую ССР с нарушением соответствующих норм Конституции СССР и Конституции РСФСР. Это один из примеров того, когда в условиях функционирования советской административно-командной системы политические расчеты ставились выше законов. Впоследствии в июле 1956 г., Карелия вновь стала автономной республикой в составе РСФСР²⁹⁴.

16 июня 1940 г. состоялись выборы в Верховный Совет СССР и Верховный Совет Карело-Финской ССР. Выборы проводились по 133 избирательным округам на 1110 избирательных участках. В них, по сообщению центральной избирательной комиссии, приняли участие 495343 человека или 99,6% общего числа избирателей, 98,5% из которых проголосовали за "кандидатов блока коммунистов и беспартийных"²⁹⁵. Бюллетеней, признанных недействительными, оказалось 153, бюллетеней с зачеркнутыми фамилиями кандидатов – 7731²⁹⁶.

Как официально сообщалось в печати, в Верховный Совет СССР были избраны 26 депутатов. Среди них ветераны революционного рабочего движения О.В. Куусинен и А.П. Тайми, герой гражданской войны Т. Антикайнен, знатный лесоруб П.П. Готчиев, инженер-железнодорожник В.М. Виролайнен, передовые колхозницы А.А. Ключарева, Т.С. Викулина, партийные и советские руководители республики Г.Н. Куприянов, П.С. Прокконен, Н.А. Сорокин, И.И. Сюкияйнен, М.В. Горбачев, Герои Советского Союза И.Д. Папанин, И.П. Мазурук, К.А. Мерецков и другие²⁹⁷.

Депутатами Верховного Совета Карело-Финской ССР были избраны 133 человека, в том числе по партийности – 112 коммунистов или 84,2%; по социальному положению – 44 рабочих или 33,1%, 26 крестьян или 19,5%, 63 служащих и представителей интеллигенции или 47,4% (около половины из них находились на руководящей партийно-советской и хозяйственной работе); по уровню образования – 45 человек с высшим, 46 – со средним и незаконченным средним 42 – с начальным; по возрасту – 8 человек до 25 лет, 15 – от 25 до 30 лет, 33 – от 31 до 35 лет, 32 – от 36 до 40 лет, 45 – старше 40 лет; по полу – среди депутатов насчитывалось 21 женщина или 15,8%; по национальности – всего 10 национальностей, в том числе 71 русский, 45 карелов и финнов и 17 представителей других национальностей²⁹⁸.

Такие показатели характерны для того времени и предопределялись самим механизмом советской избирательной системы, условиями проведения выборов — их безальтернативностью и определенным контролем за их проведением, довыборной регламентацией состава депутатского корпуса по заданным критериям, главным из которых являлась идеологическая благонадежность граждан.

Тем не менее, депутатами Верховного Совета КФССР были избраны многие заслуженные люди, передовики и новаторы производства, представители интеллигенции, известные не только в республике, но и за ее пределами. Среди них: председатель Шелтозерского райисполкома И.В. Горбачев, новаторы лесозаготовительной промышленности А.В. Вапола, И.В. Гавруков, В.А. Вуорела, Е.Д. Непина, рабочий Онежских разработок диабаз Д.А. Сидоров, инженер Онежского завода А.Н. Брызгалов, врач П.В. Студитов, учителя Л.И. Леонтьева и Т.И. Вознесенская, художник В.Н. Попов и другие²⁹⁹.

Первая сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР, состоявшаяся 8—11 июля 1940 г., утвердила Конституцию КФССР, избрала председателя и президиум высшего органа власти, образовала правительство республики. Председателем Верховного Совета избрали Н.Н. Сорокина, председателем президиума в составе 11 депутатов, двух его заместителей и секретаря – О.В. Куусинена, председателем Совета Народных Комиссаров в составе 22 человек, в том числе трех его заместителей, утвердили П.С. Прокконена. На сессии избрали также постоянно действовавшие комиссию "законодательных предположений" из 11 депутатов во главе с М.К. Розенбергом и бюджетную комиссию из 11 депутатов во главе А.В. Егоровым³⁰⁰.

По сложившейся традиции все решения готовились сверху, точнее, по указанию высших партийных органов, и принимались единогласно, без каких-либо вопросов и дискуссий, что являлось отличительной закономерностью того времени. Очевидно, "для проведения партийной линии" в работе Верховного Совета его председателем был избран секретарь ЦК ВКП(б) республики Н.Н. Сорокин. Его заместителями стали: А.В. Морозина – карелка, член партии, прошедшая трудовой путь от рядовой колхозницы до председателя Виданского сельсовета Прионежского района; И.А. Пеухкури – финский рабочий, активный участник гражданской войны в Финляндии на стороне Красной гвардии, в 1929 г. прибывший в СССР и занимавший должность начальника отдела Петрозаводской лыжной фабрики³⁰¹.

В связи с преобразованием КАССР в КФССР перемены происходили и в других сферах общественно-политической и хозяйственной жизни. 24—27 апреля в Петрозаводске прошел I съезд КП(б) КФССР, который избрал первым секретарем ЦК КП(б) республики Г.Н. Куприянова³⁰². 1—3 июля состоялся I съезд комсомола КФССР, избравший первым секретарем ЦК ЛКСМ республики Ю.В. Андропова³⁰³. Партийно-советские руководители разных уровней входили в депутатский корпус, составляя около половины его состава.

Принятая Конституция содержала 11 глав (120 статей), определявшие основные атрибуты и принципы жизни республики, соответствовавшие основным положениям Конституции СССР: общественное и государственное устройство, высшие и местные органы государственной власти и управления, бюджет, суд и прокуратура, основные права и обязанности граждан, избирательная система, герб, флаг и столица, порядок изменения конституции³⁰⁴.

В Конституции провозглашалось, что Карело-Финская ССР является социалистическим государством рабочих и крестьян, ее политическую основу составляют Советы депутатов трудящихся, экономическую основу – социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства. В главе о государственном устройстве подчеркивалось, что КФССР добровольно объединяется с другими советскими республиками в единое союзное государство "в целях осуществления взаимопомощи по линии экономической и политической, равно как и по линии обороны, но при этом сохраняет за собой право свободного выхода из СССР" и что территория Карелии не может быть изменяема без согласия республики³⁰⁵.

В соответствии с принятой Конституцией высшим органом государственной власти единственным законодательным органом являлся Верховный Совет КФССР, который избирался сроком на 4 года по норме – один депутат на 5000 человек населения. Сессии

Верховного Совета предусматривалось собирать два раза в год, а в главе о государственном устройстве подчеркивалось, что КФССР добровольно объединяется с другими советскими республиками в единое союзное государство "в целях осуществления взаимопомощи по линии экономической и политической, равно как и по линии обороны, но при этом сохраняет за собой право свободного выхода из СССР" и что территория Карелии не может быть изменяема без согласия республики³⁰⁶.

Очевидно, представляют интерес статьи 10-й и 11-й глав, которые имеет смысл процитировать: Статья 117 гласила: "Государственный герб Карело-Финской Советской Социалистической Республики состоит из изображения серпа и молота, помещенных крест-накрест рукоятками книзу на фоне лучей солнца, в обрамлении хвои с левой стороны и колосьев ржи с правой стороны. В нижней части помещено изображение хвойного леса, реки и скал. На красной ленте – надписи на финском языке и русском языках: "Карело-Финская ССР" и "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!". Наверху герба расположена пятиконечная звезда"³⁰⁷. Статья 118. "Государственный флаг Карело-Финской Советской Социалистической Республики состоит из красного полотнища, в левом углу которого у древка наверху помещены золотые серп и молот и надпись: "Карело-Финская ССР" на финском и русском языках. Отношение ширины к длине 1:2"³⁰⁸.

Изменения Конституции Карело-Финской ССР могли производиться лишь по решению Верховного Совета, принятому большинством не менее двух третей голосов главного органа государственного органа власти республики³⁰⁹.

Сессия определила основные задачи советских органов в области национально-государственного и хозяйственно-культурного развития республики на ближайший период. Особое внимание обращалось на скорейшее проведение мероприятий по налаживанию нормальной жизни в новых районах, отошедших от Финляндии к СССР по условиям мирного договора от 12 марта 1940 г. Союзным руководством Карело-Финской ССР на восстановительные работы выделялось 300 млн. руб.; предусматривалось переселение в республику 40 тыс. семей колхозников из Белорусской и Украинской ССР, Мордовской, Татарской и Чувашской автономных республик, Вологодской, Калининской, Кировской, Пензенской, Рязанской, Смоленской и Тульской областей. Однако заселение и освоение новых территорий Карелии шло с большими затруднениями, о чем свидетельствуют многие докладные записки органов Наркомата внутренних дел партийно-советскому руководству республики. Так, в докладной записке НКВД КФССР от 6 сентября 1940 г. отмечалось, что дело с приемом переселенцев остается крайне неудовлетворительным, не хватает

автомобильного, тракторного и другого транспорта для перевозки людей, эшелоны поездов простаивают, плохо поставлено снабжение переселенцев товарами первой необходимости, прежде всего продовольственными, недостает жилья и т.д.³¹⁰

15 декабря 1940 г. состоялись выборы в городские, районные, поселковые и сельские советы депутатов трудящихся. При этом следует отметить, что избирательные кампании носили все более широкомасштабный характер. Если при выборах в Верховный Совет Карельской АССР в 1938 г. в работе избирательных комиссий принимало участие 4931 человек, при выборах в Верховный Совет СССР и Карело-Финской ССР в 1940 г. принимало участие в работе по выборам 10397 человек, то в выборах в местные органы власти только в работу избирательных комиссий вовлекалось более 35000 человек, не считая агитаторов, беседчиков, доверенных лиц и т.д.³¹¹

За предложенных кандидатов блока коммунистов и беспартийных проголосовало свыше 98% избирателей. В местные Советы было избрано 5500 депутатов, в том числе: в районные — 739; в городские районные — 152; в городские — 627; в поселковые — 247; в сельские — 3934. Всего на декабрь 1940 года имелось 29 районных, 12 городских, 12 поселковых и 291 сельских советов³¹².

К осени 1940 г. в новых районах начал функционировать аппарат партийно-советских и хозяйственных организаций, восстановлены частично или полностью большинство предприятий, организованы колхозы и машинно-тракторные станции, начали работать торговая сеть, школы, медицинские и культурно-просветительные учреждения. К концу 1940 г. на восстановленных предприятиях работали 15 тыс. рабочих, а в созданных колхозах — 32 тыс. человек. Общая численность населения новых районов достигала 188 тыс., а в целом по республике — 700 тыс. человек³¹³. Трудящиеся активно включились в созидательную трудовую и творческую деятельность.

Заметным событием в культурной жизни союзной республики стало открытие 1 сентября 1940 г. в Петрозаводске на базе педагогического института Карело-Финского государственного университета в составе факультетов: историко-филологического, физико-математического, биологического и географо-гидрогеологического³¹⁴.

22—25 декабря 1940 г. в Петрозаводске состоялся первый съезд писателей Карело-Финской ССР, который подвел итоги и наметил перспективы развития литературы в республике. Республиканская писательская организация к этому времени насчитывала 25 литераторов — прозаиков, поэтов, народных сказителей, создававших произведения на

русском, карельском и финском языках. Ответственным секретарем правления Союза писателей был избран начальник Управления по делам искусств, поэт А.М. Эйкия³¹⁵.

Таким образом, как внешнеполитические, так и внутривнутриполитические события в стране 1939—1940 гг. оказали значительное влияние на ход развития Карелии, изменили ее территорию и границы, численный состав населения, административно-государственное устройство, все сферы общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни Карельского края.

Вторая и последняя до Великой Отечественной войны сессия Верховного Совета состоялась 10–12 апреля 1941 г. Она утвердила отчет об исполнении государственного бюджета КФССР за 1940 г. (по доходам – 443696 тыс. рублей и по расходам – 382081 тыс. рублей) и представленный Советом Народных Комиссаров государственный бюджет на 1941 г. (по доходам – 505638 тыс. рублей и по расходам – 498244 тыс. рублей). Из общего бюджета в 1941 г. предусматривалось выделить на развитие народного хозяйства 268900 тыс. рублей или 54%, а на социально культурные нужды – 185500 тыс. рублей или 37,4% всех ассигнований³¹⁶.

Кроме того, вторая сессия избрала Верховный суд республики в составе 16 членов под председательством П.И. Мищенко и 217 народных заседателей, внесла некоторые изменения и дополнения в Конституцию Карело-Финской ССР, а также утвердила ряд указов Президиума Верховного Совета, связанных с изменениями в составе Президиума и Совета Народных Комиссаров КФССР³¹⁷.

Общественно-политическая жизнь республики приобретала мирные, созидательное развитие. Однако, данный процесс был нарушен нападением на СССР фашистской Германии и ее союзников в 1941 г. и началом Великой Отечественной войны.

Т. А. Базарова

КРЕПОСТЬ КРОНШЛОТ НА ШВЕДСКИХ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ПЛАНАХ НАЧАЛА XVIII В.

Основание крепости Кроншлот было вызвано необходимостью обороны отвоеванных у шведов невских берегов и строившегося Петербурга. Даже после закладки 16 мая 1703 г. Петербургской крепости, выход в Финский залив для русского флота оставался закрыт, поскольку его блокировала эскадра Г. фон Нумерса. Шведский адмирал отвел свои корабли на зимнюю стоянку в Выборг только 1 октября 1703 г., и уже несколько дней спустя, 10 октября, Петр I на яхте осмотрел устье Финского залива и остров Котлин³¹⁸. Именно тогда для контроля судоходного южного фарватера на отмели возле острова решили соорудить небольшой форт. Как только на заливе укрепился лед, солдаты полков Ф.С. Толбухина и П.И. Островского начали строить на острове деревянные срубы (ряжи), затем их спускали в полынью и заполняли камнями. На образовавшийся фундамент уложили бревенчатый настил, на котором в конце февраля 1704 г. начали возводить трехъярусную деревянную башню. Новый форт сооружали под контролем петербургского губернатора А.Д. Меншикова по присланной Петром I из Воронежа модели. Предположительно, непосредственным руководителем строительства стал Д. Трезини³¹⁹. 7 мая 1704 г. в присутствии Петра I башню освятил Новгородский митрополит Иов и «торжество в ней было тридневное». Тогда же безымянная крепость получила название Кроншлот, т.е. коронный замок³²⁰.

Как же выглядел форт Кроншлот в первые годы после основания? Чертежей и деревянной модели до наших дней не сохранилось, а письменные источники содержат весьма скудные сведения. Еще в середине XVIII в. первый историк Петербурга А.И. Богданов посетовал, что кронштатского крепостного строения «немалого бы описания воспоследовать быть могло, но достоверного известия достать негде»³²¹. Поденная записка и Походные журналы Петра I, переписка А.Д. Меншикова, Ф.М. Апраксина, Р.В. Брюса и К.И. Крюйса содержат сведения об обстоятельствах закладки, ходе строительстве и первых сражениях нового форта, но не об особенностях его конструкции. Иностранные современники описывают крепость весьма противоречиво. Немецкий путешественник Геркенс в 1710 г. написал, что Кроншлот имеет «вид круглой башни в три яруса, снизу доверху хорошо обеспеченной пушками»³²². Пленный швед Л.Ю. Эренмальм отметил, что «эта маленькая

крепость деревянная, восьмиугольная с орудиями, установленными в три этажа. На нижнем этаже 24-фунтовые, на среднем 12-фунтовые и на верхнем 9-фунтовые»³²³.

Нет единого мнения и у исследователей. В конце XIX в. один из авторитетнейших историков Петербурга П.Н. Петров написал, что на отмели возводилась пятигранная башня с двумя рядами амбразур для крепостной артиллерии³²⁴. Современные нам исследователи Розадеев, Сомина, Клещева, а также Раздолгин и Скориков, изучив копию чертежа Кроншлотской башни 1747 г., предположили, что в 1704 г. она выглядела также, и представляла в плане равносторонний десятигранник³²⁵. Их выводы можно поставить под сомнение, поскольку Кроншлот неоднократно перестраивался. В начале 1716 г. под руководством капитана Э. Лейна началось строительство «Нового Кроншлота», после которого облик башни существенно изменился. Возможно, к этому времени относятся шведские чертежи восьмиугольного Кроншлота, хранящиеся в Военном архиве (г. Стокгольм)³²⁶ и позже повторенные на дорожной карте Петербурга 1726 г.³²⁷ С иностранными свидетельствами о том, что первоначальная крепость была восьмигранной согласился П.А. Кротов. Гравюра немецкого мастера Г. Боденера-старшего помогла историку восстановить первоначальный облик Кроншлота и предположить, что изначально только два верхних яруса башни были вооружены артиллерией.³²⁸ Первые русские изображения Кроншлота (гравюра П.Пикарта 1704 г. и созданная на ее основе гравюра А.И. Ростовцева 1716 г.), надо полагать, донесли до нас облик модели, по которой строился деревянный форт.

Дополнительные сведения по ранней истории Кроншлота могут предоставить шведские военные карты и планы. Перед началом Северной войны шведское правительство обладало разнообразными чертежами невиской дельты и окрестностей, так как на протяжении всего XVII в. и начала XVIII в. проводились картографические съемки Ингерманландской провинции, составлялись пограничные, генеральные, дорожные и военные карты и чертежи. Гидрографическими съемками Невы, Финского залива и Ладожского озера в 1701–1703 годах руководил старший штурман Адмиралтейства Карл Эльдберг. Работы продолжались до тех пор, пока на Невские берега не вступили русские войска, а сам К. Эльдберг едва успел укрыться в Выборге. Наиболее известна его «Гидрографическая карта верхнего течения Невы...» 1701 г., содержащая точные промеры дельты Невы и части Финского залива³²⁹. Ее многочисленные копии ныне хранятся в архивах и библиотеках Петербурга и Стокгольма. Карта К. Эльдберга имела у шведского адмирала Г. Нумерса, который возглавлял контролировавшую Ладожское озеро и Финский залив шведскую эскадру³³⁰.

Сложности с точными картами испытывала сухопутная армия. Как известно, все землемерные планы незадолго до начала Северной войны из приграничных областей были вывезены в Стокгольм³³¹. Командование финляндской армии, силами которой велись военные действия в окрестностях Петербурга, не имело возможности ими воспользоваться, и было вынуждено спешно создавать новые. Несомненно, в первую очередь шведы стремились получить достоверную информацию об укреплениях Петербурга и Кроншлота. Для этого в распоряжение русских войск засылались шпионы, допрашивались пленные и перебежчики, расспрашивались местные жители. Некоторые из составленных в 1704–1708 гг. разведывательных чертежей невской дельты и острова Котлина с крепостью Кроншлот сохранились до наших дней. Поскольку шведская армия и флот наступали с севера, из Выборга, все военные чертежи имеют непривычную для нас ориентацию на юг.

Впервые шведы увидели Кроншлот в июле 1704 г., когда в невскую дельту пыталась с боем прорваться эскадра вице-адмирала Де Прю. Однако о создании связанных с этой военной операцией разведывательных чертежей сведений не сохранилось. Самое раннее из ныне известных изображений Кроншлота было сделано по приказу командующего сухопутной армией.

Создание рисунка приурочено ко времени наступления финляндской армии генерал-лейтенанта И.Г. Майделя на Петербург в июле 1704 г. После ухода Петра I с основной частью войск под Нарву, под началом петербургского обер-коменданта Р.В. Брюса осталось шесть полков пехоты и нерегулярная конница. Этим обстоятельством решил воспользоваться И.Г. Майдель. 12 июля его 8-тысячная армия подошла к берегу Невы. Предупрежденный разведывательным отрядом, Р.В. Брюс за одну ночь построил на Городском острове оборонительную линию с батареями и сосредоточил на Большой Неве весь имеющийся флот. После четырехчасовой артиллерийской дуэли И.Г. Майдель был вынужден отступить за р. Сестру, но уже 5 августа предпринял попытку высадки десанта возле Ниеншанца³³².

Во время подготовки августовского наступления, 21 июля 1704 г. И.Г. Майдель из полевого лагеря написал Комиссии по обороне в Стокгольм о результатах разведки. К своему докладу он приложил план Петербурга и рисунок крепости Кроншлот.

Шведский генерал сообщил комиссии: «вашему благосклонному вниманию предложен маленький чертеж укрепления, который неприятель заложил посреди фарватера на Ретусаари, благодаря которому он может защитить вход в Неву по эту сторону... Господин вице-адмирал, говорят, составил свое известие о том, что он на море наблюдал из

этого вооружения и пришел к выводу, что он определенно намеревается получить его, употребив все свои усилия и мощь»³³³.

Первый вид Кроншлота выполнен коричневой акварелью на обрывке листа. Перед нами трехъярусная восьмиугольная крепость, на нижнем ярусе нарисованы казармы. Фигурками людей показаны солдаты гарнизона. В отличие от гравюры Боденера, автор чертежа изобразил бойницы для артиллерии на трех ярусах: тринадцать на нижнем, восемь на среднем и четыре на верхнем. Однако, надо полагать, что эти числа условны. Едва ли шведам удалось подчитать точное количество бойниц. Судя по чертежу, летом 1704 г. высокая шатровая крыша еще не была достроена, поэтому флагшток с развевающимся на ветру флагом галерного флота (а не морских крепостей) находился на втором ярусе. Под башней помещена надпись: «Флаг крепостцы как и всех галер красный с белым полем в верхнем углу и голубым крестом в нем». Таким образом, в 1704 г. первые атаки противника отражала еще недостроенная крепость, первый комендант которой полковник Т.И. Трейден получил от Петра I приказ обороняться до последнего солдата.

В июне и июле 1705 г. две неудачные попытки прорваться к Петербургу через укрепления Кроншлота и о. Котлина предпринял адмирал К.Т. Анкершерн, под началом у которого было три эскадры. После июльской операции было сделано два рисунка³³⁴. На одном из них — «Чертеже десанта около Ретуссаари 1705 года 15 июля, а также как каким образом шведский флот тогда размещался» (*Afritning på descenten wid Retussari anno 1705 den 15 Julii Såsom ock Huru Den Swenska Flåttan låg då Rangerat*) — тушью и акварелью изображены шведские военные корабли возле северного берега Котлина (Ретусаари). Их названия перечислены в расположенной в правой части листа экспликации. На другом чертеже целиком показан о. Котлин, рядом с которым перспективным внемасштабным рисунком изображена высокая башня с развивающимся над ней флагом — крепость Кроншлот. Согласно рисунку, форт был трехъярусным, восьмиугольным с круглым куполом, на котором развевался флаг галерного флота.

Следующие разведывательные планы были составлены в 1706–1708 г. Это склеенные из нескольких листов бумаги длиной более полутора метров «Карта Петербурга и его окрестностей» (1706–1707 гг.) и «Карта Петербурга и его окрестностей, составленная по показаниям дезертиров и пленных», сделанная во время августовского похода 1708 г. генерала Г. Любеккера³³⁵. Судя по технике выполнения и почерку обе эти карты имели одного автора. В левой части чертежей изображен Петербург, а справа остров Котлин и Кроншлот. В отличие от предыдущего рисунка, крепость изображена условно, в виде

восьмигранника. Возле отмеченного пунктирной линией фарватера нарисованы плавучие рогатки. По свидетельству датского посланника Юста Юля, перед приходом эскадры Анкершерны К.И. Крюйс «приказал побросать ночью в море и поставить на якоря поперек фарватера известное количество свай, наподобие палисада»³³⁶. Потом преграждавшее фарватер между Кроншлотом и островом Котлином сооружение модифицировали. В декабре 1705 г. К.И. Крюйс запросил 1200 бревен «на машины или рогатки как под водой и плавающих на воде», к изготовлению которых он приступил в марте 1706 г.³³⁷

В заключение рассмотрим еще один фрагмент рукописного шведского плана, который хранится в Королевском военном архиве. Это «Краткий проект мест, а также формы укреплений и крепости, которые в это военное время основаны русскими в провинции Ингерманланд»³³⁸.

Отметим, что изображение укреплений острова Котлина во многом совпадает с увиденным на двух предыдущих планах. Более подробно автор рассматриваемого чертежа нарисовал форт Кроншлот, значительно увеличив его размеры по отношению к острову Котлину. На чертеже крепость не трехъярусная, а двухъярусная. Обычно Кроншлот изображали с одним флагом на вершине башни, а на этом плане мы видим целых два. В экспликации к чертежу говорится, что «Кроншлот стоит посреди фарватера, но снабжен рогатками, а также боном с железными цепями в фарватере, укрепленным на якорях от вторжения шведских кораблей». Показанные на плане сооружения не выходят за рамки 1706–1707 гг., однако помещенный в правой части листа текст о состоянии застройки и укреплений Петербурга и Кроншлота позволяет предположить, что этот чертеж мог быть выполнен позднее одним из вернувшихся на родину шведским военнопленным.

Кроншлот — это единственное из всех построенных по указам Петра I для обороны Петербурга крепостное сооружение, которое отразив все атаки противника, надежно преградило шведам путь в устье Невы. Первоначальная деревянная Кроншлотская башня, по-видимому, часто ремонтировалась и перестраивалась. Л.Ю. Эренмальм писал, что по рассказам морских офицеров, Кроншлот весной сильно страдал от льда и воды и появилось опасение «как бы вода не опрокинула возведенную в море крепость»³³⁹. Разведывательные чертежи помогают восстановить первоначальный облик Кроншлота (при этом уникальные сведения содержит рисунок недостроенной крепости). Дальнейшее исследование шведских планов позволит расширить наши знания как по истории военных действий в начале XVIII в., так и по истории строительства Кроншлота и застройки о. Котлина.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ РОССИЙСКО-ЕВРОПЕЙСКИХ СВЯЗЕЙ XVIII-XX ВЕКОВ НА ДНЕ ФИНСКОГО ЗАЛИВА

Петербург задумывался и создавался как морские ворота России в Европу – главный торговый центр на северном окончании древнего Каспийско-Балтийского транспортного коридора. Недаром первым крупным промышленным предприятием Петербурга была Адмиралтейская верфь, а затем - торговый порт. Фактически большая часть экономики города была ориентирована на обслуживание этих двух комплексов. Власти всемерно стимулировали внешнюю торговлю через Петербург, что обусловило быстрый и неуклонный рост числа торговых судов, приходящих в город из Европы.

Изучение статистики мореплавания показало, что на дне Финского залива в результате кораблекрушений должно находиться большое число торговых кораблей, погибших в результате штормов, воздействия луговых полей, навигационных ошибок и аварий. С 2002 г. в Петербурге наша компания при поддержке ОАО «Газпром» и при участии Института истории материальной культуры РАН реализует проект «Тайны затонувших кораблей», целью которого является выявление и постановка на государственный учет таких памятников. Результаты экспедиций оказались весьма успешными – найдено и обследовано большое число затонувших кораблей, которые позволяют более ясно представить картину внешних связей Петербурга за время его существования.

Наиболее старое из найденных судов относится к периоду возникновения Петербурга. Это корабль «Архангел Рафаил», построенный в Любеке в 1693 г. и погибший в декабре 1724 г. по пути из Петербурга в Любек. Это большое торговое судно длиной 28,5 м, шириной по бимсам 7,8 метров стоит на ровном киле и замыто в грунт как минимум на 4 м, а возможно, и больше. Корпус практически полностью сохранился и в случае проведения комплекса подводных раскопок Россия может получить редчайший образец кораблестроения конца XVII века, то есть культурно-исторический объект мирового уровня, подобных которому в Европе нет. По мнению экспертов, это, скорее всего, флейт (flute, fluit) – самый знаменитый тип североевропейских торговых судов, который произвел переворот в мировом судостроении. Они могли ходить круто к ветру, имели колоссальную грузопместимость, на них впервые появились составные мачты и столь привычный теперь штурвал. Хотя изобретены они были в Голландии, но в конце XVII в. их строили во многих городах Европы – в том числе с 1618 г. и в городе Любеке. Поскольку в мире сохранилось всего три неполных

комплекта чертежей флейтов, находка хорошо сохранившегося корпуса является довольно значимым успехом.

Здесь уместно напомнить, что XVII в. и первая половина XVIII в. были эпохой господства в Европе голландской школы купеческого судостроения. Любопытно, что изучение списков судов, посещавших Петербург в первые десятилетия его существования показало, что все суда независимо от государственной принадлежности, были построены по голландским образцам. Абсолютно все типы – гукер (gooker), гальот (galaiote), флейт (fluit, flute), билландер (billander), буер (boeier), буяс (booiisen), куфф (kuff), краер (kraaier), пинк (pink), барк (bark) были изобретены в Голландии и потом распространилась на всю Европу. Отметим, что суда под голландским флагом первыми появились в Петербурге и преобладали в Петербургской торговле до середины XVIII в.

Но маленькая Голландия не смогла удержать господство в торговле с Россией и с конца XVIII в. и в течении всего XIX в. более половины всех торговых судов, приходивших в Петербург составляли английские корабли. Естественно, что такое же соотношение дают и обнаруженные на дне жертвы кораблекрушений.

Из числа найденных наиболее характерными образцами английского судостроения являются два отлично сохранившихся корпуса. Первый принадлежит самому массовому типу приходивших в Петербург судов – английскому угольному бригу. До открытия месторождений в Донбассе именно они доставляли в столицу подавляющее большинство потреблявшегося в России каменного угля. Этот бриг назывался «Wandering Shepare» и погиб в 1864 г. на обратном пути из Петербурга. Двигаясь «в балласте», то есть без груза, он пробил себе днище о скалу, а затем затонул, примерно, в миле от места крушения. Хотя корпус сохранился очень хорошо, отсутствие груза снижает ценность находки.

Зато другой английский корабль – трехмачтовый парусник «Портисон» – погиб в мае 1850 г. по пути в Петербург. Он утонул в течение всего 30 минут, получив пробоину от удара плавучей льдины. Большая глубина в месте гибели, составляющая 62,5 м, обеспечила прекрасную сохранность корпуса, не поврежденного ни штормами, ни льдинами, ни вертикальными колебаниями воды при прохождении циклонов. Но это же обстоятельство существенно тормозит проведение исследований, поскольку водолазные погружения при таких условиях довольно сложны.

На сегодняшний момент водолазное обследование показало, что обнаруженный объект является трехмачтовым деревянным торговым судном, имеющим длину по палубе 38

м и ширину 7 м. Корпус стоит на ровном киле и частично замыт в грунт, возвышаясь над ним на 5 м. Корабль имеет характерный облик барка или баркентины середины XIX в.

Носовая часть еще построена с княвдигедом, на котором имеется резной орнамент. Носовая фигура, изображающая женщину в тунике и с лавровым венком на голове, упала на грунт и лежит рядом с бушпритом. За форштевнем находится небольшой полубак, оканчивающийся двумя крамболами. По всей длине корпуса по обоим бортам фальшборт выполнен в виде планширя шириной 30 см, закрепленного на открытых деревянных стойках высотой 90 см. С левого борта у крамбола висит рымом вниз зацепившийся лапой за палубу адмиралтейский якорь с металлическим штоком. В 8 метрах от форштевня располагается брашпиль с рамой, за которым возвышается часть фок-мачты диаметром 35 см. По бортам напротив нее имеются руслени с остатками вант и юферсами. Грот-мачта в месте излома имеет диаметр 40 см и лежит поперек корпуса, опираясь на грунт с правого борта. Кормовая часть корпуса затянута рыболовецкими сетями, но видно, что корма круглая, а между грот – и бизань – мачтами имеются остатки рубки.

Надо сказать, что голландское присутствие в русской внешней торговле сохранилось, в небольших объемах и осуществилось на мелких судах, примером которых может быть голландский куфф «Хенрика-Катарина», погибший в шторм в ноябре 1853 г. по пути в Петербург. Найденный нами корпус полностью соответствует конструкции куффа середины XIX в. Характерным признаком их является использование триселей, привязанных к гику и гафелю, вместо характерного для куффов XVIII века шпринтового парусного вооружения. В нашем случае деревянный корпус длиной 28 м и максимальной шириной 8 м стоит на ровном киле на глубине 20 м носом по курсу 130 градусов. Корпус, примерно, на 2,2-2,5 м замыт в плотный песчано-галечный грунт, над поверхностью которого на 2 м возвышаются снаружи оба борта. Набор выполнен из шпангоутов, торцы которых имеют сечение 13×15 см. Наружная обшивка имеет толщину 8 см. Судно имело круглый нос и круглую корму, но, в результате длительного пребывания в воде, металлические крепления сгнили, и в настоящий момент обшивка вышла из своих мест в форштевне и ахтерштевне. В носовой части сохранился брашпиль диаметром 0,5 м и длиной 6 м на четырехгранной металлической оси, расположенный в 5 м от форштевня. В 6,5 м за ним находится судовой насос, труба которого имеет наружный диаметр 25 см, а внутренний – 12 см. Палубный настил в центре корпуса рухнул вниз и лежит в трюме, который заполнен кирпичом размером 225×105×63 мм с маркировкой D. Ch. F. (в нашей коллекции имеется кирпич XIX в., найденный в Петербурге на берегу Большой Невки, с аналогичной маркировкой, в которой присутствует также

название Bornholm. Это позволяет думать, что судно шло с острова Борнхольм). В кормовой части сохранилась выгородка (стенка) каюты 5×4 м, внутри которой среди досок было обнаружено большое количество бутылок трех типов, предположительно из-под водки, пива и вина, а также фрагменты белой фаянсовой посуды с синим рисунком. В носовой части был обнаружен бушприт, а у левого борта корабля – два мачтовых дерева диаметром 30 см и гик с характерной для XIX в. конструкцией усов ракс-бугеля. Все пространство вдоль бортов завалено канатами, блоками сборной конструкции XIX в. и юферсами диаметром 40 см. В носу и корме было обнаружено два металлических штурвала, возможно использовавшихся для привода судовых систем.

Строительство Н.И. Путиловым знаменитого Морского канала и нового глубоководного порта, открытых в 1885 г. позволило резко увеличить тоннаж, приходявших в Петербург торговых судов. Выдающимся по сохранности памятником, относящимся к этому периоду является найденный нами шведско-норвежский³⁴⁰ барк «Эмблем», погибший на пути в Петербург в апреле 1899 г.

Корпус корабля был найден в указанном в рапортах районе, стоящим носом по курсу 87 градусов, на глубине, примерно, 40 м на ровном киле и замытым в грунт минимум на 2 м. Корабль сохранился практически полностью за исключением упавших мачт и утлегаря. Общая длина корпуса по данным гидролокатора 67–68 м, ширина по результатам обмера палубы – 11 м. Максимальное возвышение над грунтом на оконечности бушприта – 12,6 м. Корма заглублена в грунт, примерно, на 3 м больше, чем нос.

Корпус имеет архитектуру типичную для барков конца XIX в. В носу – форштевень с княвдигедом и бушпритом, зафиксированном в высоком полубаке. За полубаком – люк носового трюма и фок-мачта. За ней – однопалубная рубка высотой 1,8 м и площадью 4×8 м, где помещались камбуз и кубрик экипажа. Далее – люк центрального трюма, грот-мачта, шпиль, люк кормового трюма, ветряная мельница. В корме, поднятой на 1,8 м, – ют, где находились каюты офицеров и пассажиров. На палубе юта – бизань-мачта, световой люк в каюты, и в самой корме – штурвал диаметром 1200 мм, компас, лаг. Корма круглая. Вдоль бортов между баком и ютом идет фальшборт в виде планшира на открытых стойках. Глубина палубы бака – 29,5 м, глубина палубы под баком – 31,4 м, глубина палубы у фок-мачты – 31,8 м, глубина палубы у начала юта – 33,4 м, глубина палубы юта – 31,6 м. Высота стоек рамы ветряной мельницы над палубой – 5,2 м. По периметру кормовой надстройки сохранились бронзовые (?) иллюминаторы. На форштевне имеются латунные марки углубления, сделанные арабскими цифрами (снизу вверх: ш 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 0, 1, 2).

Фок-мачта упала на левый борт и лежит, упираясь одним концом на планширь, а другим – в грунт. Грот-мачта лежит вдоль палубы к корме, занимая часть юта. На гидроакустических картинках хорошо видны, лежащие на грунте вокруг корпуса стеньги и реи. Справа от форштевня в грунте лежит якорь. Вся палуба завалена тросами, рангоутом, блоками и судовым имуществом. Все три трюма открыты и практически до палубы заполнены грузом, судя по всему – в бочках.

Следует подчеркнуть, что сам барк представляет ценность как образец высшей ступени развития океанских парусных торговых судов.

Данные архивов и материалы подводных экспедиций убедительно свидетельствуют, что торговые суда скандинавских стран несмотря на их географическую близость к Петербургу являются исключительно редкими объектами на дне. Дело в том, что Швеция играла ничтожную роль в торговле с Россией. Зато в XVIII в. в результате трех, продолжавшихся в общей сложности 27 лет, на дне оказалось несколько сотен шведских военных судов, которые представляют собой крупнейшую в мире коллекцию.

Лежащие на дне финские торговые суда преимущественно представляют период второй половины XIX в. и первой половины XX в. Большинство таких объектов являются небольшими парусными судами каботажного плавания, доставлявшими в Петербург грузы из Финляндии или вывозившие из Петербурга закупленные из оптовых рынков столицы товары для розничной продажи в Великом княжестве. Любопытно, что наиболее часто встречающимся грузом из Финляндии являются гранитные блоки для строительства.

По мере проведения следующих экспедиций следует ожидать новых находок торговых судов на дне Финского залива, который, без сомнения, уже сейчас можно считать богатейшей археологической провинцией.

Ю. М. Попов

**РУССКИЙ ФЛОТ В ПЕРВУЮ КАМПАНИЮ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ
(СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ)**

Семилетняя война 1756-1763 гг. носила, как известно, ярко выраженный коалиционный характер: Франция, Австрия, Россия, Швеция, Испания, Саксония и с другой стороны – Англия, Пруссия, Португалия. Каким же образом происходило взаимодействие и противостояние между некоторыми из вышеперечисленных стран и Россией на Балтике?

Поскольку флот – инструмент внешней политики государства, то наиболее наглядно сложность и противоречивость этих отношений отразилась в действиях флота по выполнению возникавших и ставившихся ему задач в первую военную кампанию на Балтийском море. И хотя русско-прусская война нашла широкое и подробное освещение в отечественной историографии, но попытка ответа на поставленный вопрос была сделана только в нескольких работах, посвященных боевой деятельности русского балтийского флота в указанный период³⁴¹. Причем в качестве главного, общего для них, можно привести вывод, имеющий отношение к исследуемой проблеме и сформулированный в одной из последних работ на эту тему: «Пруссия не имела на Балтике военно-морских сил, но она заключила военный союз с Англией, флот которой мог появиться на Балтийском море. Поэтому первоочередной задачей русского флота стала оборона Балтийских проливов. От этого зависело выполнение ими других задач: осуществление блокады Пруссии и содействие своей наступающей армии...»³⁴² Но насколько соответствуют действительности эти утверждения?

Освещение рассматриваемой темы, а именно акцентирование внимания на происках Англии в отношении России, представляется однобоким; представляет интерес рассмотрение взаимоотношений и с другими странами региона. Надо дать ответ на вопрос: какой характер носили отношения между Россией и Швецией с момента основания Петербурга? Это, пожалуй, один из немногих случаев в рассматриваемое время, когда наши страны были союзниками в борьбе с общим врагом – с Пруссией. Но это обстоятельство настолько прочно забыто, что практически нигде нельзя найти упоминаний об этом, а тем более, о конкретных формах этого сотрудничества. Представляют интерес и формы сотрудничества с Польшей, так как успешное проведение первой кампании русского флота во многом было обязано дружественным отношениям между нашими странами в то время. Кроме того, блокада русским флотом прусского побережья затрагивала и торгово-экономические взаимоотношения других стран, и это тоже интересный аспект рассматриваемой темы.

Каким же образом проходила первая военная кампания для Балтийского флота в 1757 г.? Она началась 29 апреля, когда по именному высочайшему секретному указу от 17 апреля 1757 г.³⁴³ ревельская эскадра под командованием вице-адмирала В.Ф. Люиса вышла в море, и через несколько дней, 4 мая, прибыла в район Либавы³⁴⁴. В ее составе находилось шесть линейных кораблей и три фрегата. Частью сил эскадры должна была проводиться блокада с моря прусских городов Мемеля (ныне Клайпеда), Пиллау (ныне Балтийск) и Кенигсберга (ныне Калининград). Остальные силы флота должны были крейсировать у курляндского берега напротив Либавы, находясь в оперативном подчинении у главнокомандующего генерал-фельдмаршала С.Ф. Апраксина. По его приказу от 4 мая корабли эскадры, продолжая блокировать Мемель и Пиллау, должны были начать крейсировать вдоль всего восточно-прусского побережья, не допуская снабжения сил противника морским путем³⁴⁵. Командующий эскадрой для более надежной блокады вышеназванных городов 7 мая выделил в помощь кораблям и фрегаты.

Кронштадтской эскадре, после соответствующей подготовки, по указу Адмиралтейской коллегии от 30 мая 1757 г. было приказано с первым попутным ветром выйти в море³⁴⁶ для соединения с ревельской эскадрой. Утром 31 мая 12 кораблей, фрегат и брандер под командованием адмирала З.Д. Мишукова отправились в назначенный путь. И 19 июня, у Пиллау, обе эскадры соединились, а в командование объединенными силами вступил адмирал Мишуков. Флот продолжил блокаду прусского побережья³⁴⁷. В высочайшем указе от 12 июля 1757г. действиям флота была дана высокая оценка³⁴⁸. Сообщение о возможном появлении в ближайшее время английского флота на Балтике было передано 27 июня 1757 г. адмиралу Мишукову от посла России в Швеции графа Н.И. Панина³⁴⁹. В связи с этим фрегат “Архангел Михаил” стал нести дозорную службу в Зунде³⁵⁰. С небольшим перерывом он находился в этом проливе до 1 августа.

В связи с неясностью обстановки, нужно было оперативно решать весьма важную задачу, связанную с увеличением числа заболевших служителей на всех кораблях эскадры, иначе это грозило снижением боеспособности флота. На корабле “Святой Павел” 3 июля 1757 г. был собран консилиум флагманов, где и были рассмотрены назревшие проблемы и намечены пути их выполнения. Было решено перевести весь флот на рейд Данцига (Польша), оставив в море для выполнения задач по блокаде побережья и разведки четыре линейных корабля и один фрегат. После этого, найдя на берегу Вислы удобное место, следовало организовать там временный госпиталь, свезя туда для лечения всех больных. Такое решение давало флоту ряд преимуществ – корабли находились бы в одном месте, что

улучшало управление силами, здесь можно было быстро восполнять переменные грузы, в частности запасы воды. В связи с изменением ситуации, в полученном через некоторое время высочайшем рескрипте от 30.06.1757 г., Мишукову предписывалось "...остающиеся за распределением к блокадам прусских приморских городов корабли содержать при себе без разделения"³⁵¹. После получения этого рескрипта Мишуков ограничился практикой посылки в море отдельных отрядов кораблей, осуществлявших блокаду побережья, и постоянно менявшихся друг друга. Такое положение сохранялось до 29 июля.

При получении сведений о возможном появлении английского флота на Балтике, поскольку сил шведского флота могло быть недостаточно для успешного противодействия англичанам, то в высочайшем рескрипте от 15.07.1757 г. адмиралу Мишукову предписывалось с частью кораблей перейти к главной базе шведского флота Карлскруне и "ежели придется к вам от шведского двора требование, чтобы вы, для сопротивления входа английской эскадры... соединились с шведскою... и с оною согласно действовали"³⁵². Если необходимость в помощи отпадала, то Мишукову с кораблями следовало идти обратно и вновь принимать под свою команду весь флот, так как другая часть кораблей под командованием адмирала В.А. Мятлева должна была остаться и продолжить блокаду. По требованию русского правительства, сделанному еще во время отправления эскадры из Кронштадта, шведским двором были посланы указы в свои порты для оказания, в случае необходимости, помощи нашим кораблям³⁵³. После получения рескрипта и проведения 30 июля консилиума флагманов, началась деятельная подготовка к выполнению поставленных задач. И, наконец, в 3 часа дня 9 августа корабли адмирала Мишукова снялись с якорей и вышли в море³⁵⁴.

После того, как необходимость присутствия русских кораблей в шведских водах отпала, 26 августа приказом по эскадре был объявлено о следовании к ревельскому порту³⁵⁵. Убыв 27 августа с карлсгамского рейда³⁵⁶, 4 сентября адмирал Мишуков с семью линейными кораблями прибыл в Ревель. Здесь в это время уже шла активная подготовка ранее вернувшихся кораблей для продолжения блокады прусского побережья, в которую сразу же включился и З.Д. Мишуков³⁵⁷. И 11 сентября 1757 г. вновь сформированная эскадра вице-адмирала А.И. Полянского вышла в море, а вернулась обратно только 26 октября³⁵⁸. Все плавание эскадры и выполнение боевых задач по блокаде побережья проходило в суровых условиях наступавшей зимы – низких температур и длительных штормов. При возвращении, 16 октября, корабли попали в тяжелейший шторм. И только 26 октября, претерпев невероятные испытания, основная часть эскадры вошла в ревельскую гавань. Насколько

тяжелым было плавание, говорит тот факт, что с 11 сентября по 26 октября на кораблях умерло 77 человек, хотя все больные накануне выхода были отправлены в госпиталь³⁵⁹. Можно только удивляться мужеству людей, уходивших на этих кораблях в море, ведь условия их обитания в малоприспособленных для жизни условиях вызывают преклонение перед их памятью и делами, прославившими Россию.

Что касается так и не произошедшего появления английского флота в Балтийском море, то вероятность такого события была крайне мала, поскольку, во-первых, основные морские силы Англии были заняты в борьбе с Францией за колонии, что являлось для англичан самой главной задачей в этой войне; во-вторых, в планы Англии не входило и разрывать торговые отношения с Россией, хотя при осуществлении последней морской блокады прусских городов, часто возникали взаимные претензии. Поэтому угроза, исходившая от Англии как союзника Пруссии, для России носила, скорее, гипотетический характер, на что она и соответственно реагировала. Да и подоплека самого соглашения Англии и Пруссии, получившее название Вестминстерской конвенции 1756г., как представляется, являлась, по своей сути, большой провокацией – попыткой, и довольно удачной, обмана врагов Пруссии относительно планов ее поддержки со стороны англичан. Исходя из реакции правительства России на попытки запугать его возможностью нападения английского флота, оно не поддавалось на провокации – потому, что правильно поняло скрытые причины Вестминстерской конвенции. В отличие от тех задач, которые были приписаны задним числом Балтийскому флоту в вышеназванных работах, отсюда следует их переоценка, и на самом деле они выглядели следующим образом:

- главной, первоочередной, задачей флота в эту кампанию являлась не защита Балтийских проливов, а целеустремленное и настойчивое ведение блокады прусского побережья;
- осуществление транспортных перевозок в интересах армии;
- содействие армии во взятии приморских прусских крепостей;
- периодическая (в случае необходимости) дозорно-разведывательная служба одиночными судами пролива Зунд;
- оказание помощи шведскому флоту в случае просьбы со стороны шведского правительства.

Итак, балтийская политика России в это время базировалась на реальном знании складывавшейся конъюнктуры и была, вследствие этого, полностью свободна от авантюрных проявлений, что нашло отражение в успешных действиях русского флота.

М.А. Партала

РАДИОРАЗВЕДКА БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ (К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ)

Тема русской радиоразведки занимает важное место в истории Первой мировой войны на Балтийском море. Вместе с тем, уровень ее разработанности в отечественной военно-исторической литературе остается довольно низким. Особенно слабо, на наш взгляд, разработан начальный период деятельности радиоразведки, история ее создания.

Русский флот, вступая в Первую мировую войну, не имел в штабах командующих морскими силами Балтийского и Черного морей разведывательных органов в привычном для современного военного человека понимании. Их формирование, как в организационном, так и в профессиональном плане происходило уже на фоне начавшихся боевых действий, и в окончательном виде стало в значительной мере результатом служебной инициативы и творчества вовлеченных в этот процесс офицеров. В полной мере это справедливо и в отношении радиоразведки, зарождение которой на флоте, при отсутствии на тот момент координирующего разведоргана, объективно происходило внутри флотских структур, имевших на вооружении средства радиосвязи (а именно радиоприемные устройства) и отвечавших за их боевое применение.

Как известно, в Русском флоте до 1917 г. вопросы радиосвязи не были организационно объединены под единым руководством, а находились в ведении разных начальников.³⁶⁰ Средства корабельной радиосвязи находились в заведовании судовых минных специалистов, а общее руководство корабельной радиосвязью осуществлял 2-й (радиотелеграфный) флагманский минный офицер штаба командующего флотом. Береговые радиостанции флота входили в состав Службы связи флота, которую возглавлял начальник службы связи. Накануне войны эти должности на Балтийском флоте занимали, соответственно, старший лейтенант Иван Иванович Ренгартен и капитан 1 ранга Адриан Иванович Непенин. И.И. Ренгартен являлся признанным во флоте авторитетом в вопросах радио, одинаково хорошо разбиравшимся, как в технических, так и в

тактических аспектах применения средств радиосвязи. Что же касается А.И. Непенина, то последний, обладая прекрасными организаторскими способностями, умением подобрать нужных людей и нацелить их на выполнение новых задач, не имел специальной подготовки в вопросах радио. Более того, существуют свидетельства, что между Ренгартеном и Непениным имелась договоренность, по которой за Ренгартеном закреплялось общее руководство вопросами применения средств радиосвязи во флоте, включая и те вопросы, за которые отвечала Служба связи.³⁶¹ Поэтому, неудивительно, что первые шаги в области радиоразведки на Балтийском флоте были инициированы в штабе флота, а не в Службе связи (как считают многие авторы), и исходили они от 2-го (радиотелеграфного) флагманского минного офицера штаба Командующего флотом.

Вопрос об организации систематической радиоразведки на Балтийском театре впервые, в прямой постановке, был поднят еще предшественником И.И. Ренгартена на посту флагманского радиотелеграфного офицера старшим лейтенантом А.М. Щастным в Отчете Морских сил Балтийского моря за 1911 г.³⁶² Уже в зиму 1911-1912 гг. штабом Балтийского флота было организовано наблюдение за работой корабельных и береговых германских радиостанций с привлечением кораблей, зимующих в Либаве. Результаты наблюдений представлялись в штаб флота ежемесячно. В июне 1912 г. флагманским радиотелеграфным офицером И.И. Ренгартеном была выдвинута идея проведения специального разведывательного похода в районы боевой подготовки германского флота для сбора сведений об организации радиосвязи и технических характеристиках радиосредств германских кораблей. Для решения этой задачи был выбран крейсер «Богатырь», причем специально для него по проекту И.И. Ренгартена был разработан и изготовлен широкодиапазонный разведывательный приемник, который в целях секретности предполагалось установить отдельно от остальной радиоаппаратуры в кормовой рубке крейсера. По ряду причин этот разведывательный поход не состоялся, однако, определенная информация о радиосвязи германского флота была собрана во время заграничных плаваний русской эскадры в ходе кампаний 1912 и 1913 гг., в которых на всех кораблях по приказанию командующего было организовано наблюдение за работой иностранных радиостанций.³⁶³

Ведение радиоразведки отрабатывалось на Балтийском флоте и в ходе мероприятий боевой подготовки. На маневрах флота в 1912-1914 гг. разворачивалась полномасштабная «война в эфире», в ходе которой противоборствующие стороны практически без ограничений применяли радиосредства как для получения информации о «противнике», так и для создания радиопомех.³⁶⁴ Безусловного внимания заслуживает также направленность зимних занятий с корабельными радиотелеграфистами, которые проводились на кораблях эскадры Балтийского моря по распоряжению штаба флота в 1913 и 1914 гг. Пунктом первым в плане занятий, утвержденном командующим флотом адмиралом Н.О. Эссенем, была определена «тренировка нижних чинов телеграфистов в приеме иностранных радио».³⁶⁵

Таким образом, документы свидетельствуют, что на Балтийском флоте еще до начала первой мировой войны осуществлялась подготовка к ведению радиоразведки в военное время, и проводились отдельные мероприятия по сбору сведений о радиосвязи иностранных государств. Эта работа проводилась под руководством штаба флота с привлечением в первую очередь корабельных специалистов.

Вопрос обеспечения разведывательной информацией командования флота особенно остро встал в период Сараевского кризиса летом 1914 г. Отсутствие четко налаженного оперативного информирования командующего флотом и его штаба о военно-политической обстановке со стороны Морского генерального штаба (МГШ) существенно осложняло деятельность командования Балтийским флотом. В этих условиях особенно рельефно проявились достоинства радиоразведки. Именно благодаря ей командование флота получило первую информацию об убийстве австрийского наследника. Агентская радиограмма с сообщением о сараевских событиях была принята в ночь с 15 на 16 июня 1914 г. радиотелеграфистами крейсера «Паллада», о чем начальник штаба немедленно донес телеграммой командующему флотом.³⁶⁶ Примечательно, что именно эта телеграмма дала толчок к организации радиоразведки в Службе связи Балтийского флота. Пройдя при передаче через центральную станцию Южного района, она по принятой в Службе связи организации была в копии доложена ее начальнику – капитану 1 ранга А.И. Непенину. Реакция Непенина была быстрой. В тот же день он отправил телеграмму начальнику Южного района: «Обращаю внимание на проходящую

[телеграмму] от начальника штаба командующего флотом за № 118. Предписываю на будущее время на радиостанциях Гапсаль, Либав и Энгсэ во время передачи агентских телеграмм на свободном приемнике находиться старшине или опытному телеграфисту специально для приема агентских телеграмм».³⁶⁷ А 30 июня 1914 г. появился приказ начальника Службы связи № 390, которым назначалось суточное дежурство радиостанций по специальному расписанию «для подслушивания телеграмм агентских и иностранных радиостанций, особливо военных».³⁶⁸ Принятые радиогаммы предписывалось представлять начальнику Службы связи по воскресеньям. Особо важные надлежало докладывать немедленно в три адреса: начальнику Службы связи, начальнику штаба и командующему флотом.

Буквально в самом начале войны командованием Балтийского флота было принято решение об установке в Кильконде на о. Эзель первого разведывательного радиопеленгатора (РРП). Конструкцию этого РРП, известного историкам радиотехники как радиопеленгатор «компасного типа», разработал И.И. Ренгартен. РРП в Кильконде начал решать радиоразведывательные задачи 8 сентября 1914 г. Уже 12 октября приступил к работе второй РРП - в Гангэ (на северном побережье Финского залива), а 12 ноября – третий, у маяка Верхний Дагерорт (о. Даго). Позднее были установлены РРП в районе Виндавы, в Гапсале и в других местах Балтийского побережья.³⁶⁹

Особую роль в активизации радиоразведки на Балтийском флоте сыграла история с захватом германского крейсера «Магдебург», потерпевшего в ночь на 13 августа 1914 г. навигационную аварию у о. Оденсхольм в устье Финского залива. При захвате крейсера в руки русских моряков попали ценнейшие документы по радиосвязи германского флота, которые значительно упростили обработку радиоразведывательных материалов (РРМ). Достоянием наших радиоразведчиков стали два экземпляра «Сигнальной книги германского флота», секретные карты квадратов, радиотелеграфные журналы крейсера и ряд других важных документов.

Как известно, «Сигнальная книга германского флота» представляла собой трехбуквенный алфавитный словарный код. Для передачи особо важной информации, радиогаммы, составленные по «Сигнальной книге», дополнительно перешифровывались шифром простой замены, и уже в таком

виде передавались в эфир. В первые месяцы войны открытые (т.е., без перешифровки) радиogramмы составляли значительную часть германского радиообмена. Наличие в штабе флота «Сигнальной книги» позволило русскому командованию легко получить доступ к их содержанию. Разбор и обработку РРМ, как правило, производил сам И.И. Ренгартен. Имеются, однако, указания, что разбором перехваченных радиogramм, с учетом новизны и важности этого дела, интересовался и лично командующий флотом. В дневнике адмирала Н.О. Эссена имеется, например, такая запись за 6 ноября 1914 г.: «Разбирал германские телеграммы от 4 ноября и нашел одну незашифрованную, в которой указывалось на квадрат, в котором полудивизион [особого назначения] поставил мины заграждения (на параллели Мемеля) и было сочетание: «требуется немедленная помощь». Из разобранных позывных: «Аугсбург» и «Фридрих Карл» - по-видимому, дело идет о последнем».³⁷⁰ Спустя некоторое время были получены дополнительные сведения, подтвердившие гибель германского броненосного крейсера «Фридрих Карл» на российском минном заграждении.

Рассматривая в целом развитие радиоразведки на Балтийском флоте от начала войны до конца 1914 г., необходимо отметить, что все усилия в данной области были в этот период сосредоточены в штабе флота под общими руководством И.И. Ренгартена. К середине ноября 1914 г. И.И. Ренгартен разработал «Правила донесений о радиотелеграфировании неприятеля»³⁷¹ для береговых радио- и радиопеленгаторных станций. В документе, в частности, указывалось, что «все береговые радиостанции должны записывать принимаемые ими иностранные радио, как бы отрывочно они не принимались. Содержание таких радио должно быть через центральные станции представлено в Штаб Командующего флотом в возможно короткий срок». Результаты обработки РРМ, поступавших в штаб флота, И.И. Ренгартен обобщал в радиоразведывательных сводках, которые он составлял лично примерно раз в две недели (в основном для внутреннего пользования).

Что же касается А.И. Непенина, то он еще 13 июля 1914 г. был назначен начальником обороны Приморского фронта морской крепости Императора Петра Великого (с оставлением в должности начальника Службы связи).³⁷² Сосредоточив все усилия на этом новом, ответственном направлении работы, он временно (до весны 1915 г.) отошел от руководства специальной деятельностью

Службы связи, поручив это своему помощнику капитану 2 ранга М.П. Давыдову, которому приказом от 18 августа было предписано вступить в исполнение обязанностей начальника Службы связи.³⁷³

Внимательное изучение рабочих документов И.И. Ренгартена позволяет получить ряд важных дополнительных сведений о деятельности русской радиоразведки осенью 1914 г. Так, есть все основания утверждать, что уже в начале октября были найдены подходы к раскрытию действующих шифров германского флота, а во второй половине ноября полностью дешифрован общий шифр «гамма-альфа» (введенный в действие 7 октября 1914 г.), что позволило успешно снять перешифровку и начать читать значительную часть шифрованного радиообмена германского флота.

Расширение возможностей радиоразведки Балтийского флота по добыванию ценной разведывательной информации привело И.И. Ренгартена к решению инициировать вопрос о создании особой береговой радиостанции, которая бы специализировалась исключительно на задачах радиоразведки и, в первую очередь, на задачах шифрперехвата. Идея получила поддержку командующего флотом и руководства Морского генерального штаба.

На основании доклада МГШ, в феврале 1915 г. Морским министром было принято решение об организации в составе Южного района Службы связи Балтийского моря радиостанции особого назначения (РОН), на которую возлагалась задача ведения шифрперехвата, и где решено было сосредоточить всю дешифровальную работу по германскому флоту. По штату на РОН полагалось иметь трех офицеров и 50 нижних чинов.

Весной 1915 г. такая радиостанция была организована. Ее разместили в безлюдном месте на южном побережье Финского залива в районе мыса Шпитгамн. Приказом командующего флотом № 308 от 19 марта 1915 г., начальником РОН был назначен старший лейтенант П.А. Колокольцов.³⁷⁴ Помощниками к нему были назначены (сверх штата) лейтенант Д.П. Измалков, мичманы В.И. Марков, О.О. Проффен и прапорщик по механической части И.М. Ямченко.³⁷⁵ Позднее В.А. Колокольцова на посту начальника РОН сменил старший лейтенант В.П. Пржиленцкий,³⁷⁶ который и исполнял эту должность вплоть до упразднения РОН в 1917 г.

По оценке специалистов в области радиоразведки, РОН успешно решила все поставленные перед ней задачи и в полной мере оправдала возлагавшиеся на

нее надежды. Важно отметить, что командованию флота и руководству МГШ удалось привлечь к работе дешифровального бюро РОН не только лучшие силы Морского ведомства, но и ведущих специалистов-криптологов Министерства иностранных дел (Э. Феттерлейна, Ю. Павловича, Б. Орлова и др.). Кроме того, радиоразведчики русского флота наладили и в течение всей войны поддерживали тесный и весьма плодотворный контакт со своими английскими коллегами, обмениваясь самой конфиденциальной информацией по вопросам радиоразведки и криптоанализа.

К началу кампании 1915 г. радиоразведка Балтийского флота представляла собой уже достаточно хорошо функционирующий организм. Даже смена германским флотом в начале 1915 г. действующих шифрдокументов, а затем, в марте – радиопозывных, не привели к существенной потере развединформации. Большую роль в повышении эффективности радиоразведки сыграло создание уже в ходе войны в структуре штаба флота разведывательного отделения, во главе которого был поставлен флагманский радиотелеграфный офицер И.И. Ренгартен.³⁷⁷ Вместе с тем, значительно возросшие по сравнению с 1914 г. объемы добываемых РРМ потребовали уже весной 1915 г. учреждения специальной структуры, которая осуществляла бы их обработку. Условия походного штаба, в которых функционировало разведывательное отделение во главе с И.И. Ренгартеном, объективно не позволяли решать эту задачу на высоком уровне, затрудняли ведение и анализ разведывательной и радиоразведывательной обстановки (РО и РРО). Поэтому не удивительно, что когда в мае 1915 г. приказом командующего флотом было образовано временное оперативное отделение при начальнике Службы связи, на него, среди прочего, были возложены задачи по обработке РРМ и ведению РО.³⁷⁸ Согласно распределению обязанностей, утвержденному 10 октября 1915 г., часть офицеров оперативного отделения в прямой постановке отвечала за вопросы радиоразведки.³⁷⁹

В течение лета – осени 1915 г. на Балтийском флоте был принят целый ряд важных документов, касающихся радиоразведки: «Инструкция радиостанции особого назначения»,³⁸⁰ «Наставление для телеграфистов радиостанции особого назначения»,³⁸¹ «Инструкции радиопеленгаторам»³⁸² и др. (автором большинства этих документов был И.И. Ренгартен). В этот же период сложилась весьма эффективная система информационной работы, была

отработана структура разведывательных сводок, определены наиболее целесообразные формы и порядок доведения разведывательной информации до потребителей.

Успешному ведению радиоразведки способствовало совершенствование ее технических средств. В течение 1914-1915 гг. в русском флоте были разработаны и испытаны береговые РРП новых типов: с вращающейся антенной в виде рамки и с гониометрической антенной (системы Беллини и Този), которые обеспечивали более высокую точность пеленгования по сравнению с РРП системы И.И. Ренгартена. В конце 1915 – начале 1916 гг. РРП данных типов стали поступать на вооружение русского флота, заменив постепенно установленные ранее РРП «компасного типа». В начале 1916 г. на Балтийском флоте действовало 8 береговых РРП, в основном новых типов.

Таким образом, к концу 1915 г. следует считать завершившимся формирование радиоразведки Балтийского флота в том виде, в каком она действовала до 1917 г. и в каком известна по большинству свидетельств и воспоминаний современников. В течение лета–осени 1915 г. происходило постепенное перераспределение функций в области радиоразведки, и возрастание роли Службы связи в решении ее задач. Одновременно происходило и в повышение роли начальника Службы связи контр-адмирала А.И. Непенина, который, вернувшись в этот период к руководству оперативной стороной деятельности службы, основное внимание сосредоточил на вопросах обработки разведывательных материалов и на информационной работе, доведя их к 1916 г. до высокого уровня оперативности, четкости и наглядности.

ОПЕРАТИВНО-ТАКТИЧЕСКИЕ ИГРЫ КРАСНОЗНАМЕННОГО БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА В КОНЦЕ 1930-Х ГГ. (ИТОГИ И УРОКИ)

В отечественной военной литературе крайне мало говорится о боевой подготовке ВМФ накануне Великой Отечественной войны, и в частности, о таком ее важном аспекте, как оперативно-тактическая подготовка командно-начальствующего состава флота. Общеизвестно, что в результате репрессий 1937–1938 гг. и последовавшего за этим выдвигания на вышестоящие должности молодых командиров, повсеместным явлением стало падение общего уровня оперативной подготовки командного состава. На этот печальный факт обратил внимание нарком ВМФ СССР адмирал Н. Г. Кузнецов на сборе командующих флотов и флотилий 2–10 декабря 1940 г., подчеркнув в своем вступительном слове, что «самым слабым звеном ... мы считаем сейчас подготовку начальствующего состава, который не может еще в полной мере использовать и личный состав, подчиненный ему»³⁸³. И далее нарком ВМФ сделал совершенно неожиданное заявление: «Не было у нас такой системы, где мы могли бы высший начальствующий состав, прежде всего, оценивать, скажем, по его оперативно-тактической подготовке, по его умению руководить во время войны теми соединениями, которыми ему придется руководить»³⁸⁴.

Приводя такие странные доводы в оправдание слабой подготовленности комсостава на флотах, Н. Г. Кузнецов почему-то отметил, что одним из способов проверки в мирное время уровня подготовки командного состава ВМФ являлось проведение различных оперативно-тактических игр. Результаты этих оперативных игр, проводившихся ежегодно на каждом флоте в предвоенные годы, как правило, давали весьма объективную оценку состояния оперативной подготовки командного состава флота. Удивительно, но в разнообразной литературе, посвященной истории КБФ, почти ничего не говорится о том, какие же учебные мероприятия проводил флот в конце 1930-х годов. В первую очередь, это касается периода, последовавшего сразу же после начала массовых репрессий в армии и на флоте, т.е. с 1937 по 1939 гг. Даже в новейшем многотомном труде по истории Балтийского флота довольно лаконично говорится, что в 1930-х годах «на отрядных учениях, штабных тренировках, играх и учениях по боевому управлению командование и штабы отрабатывали организацию управления, на практике проверяли положения руководящих документов», но при этом кратко отмечается, что «непосредственной отработке вопросов управления силами в предвоенные годы на КБФ уделялось недостаточно внимания»³⁸⁵.

Между тем, не зная о том, какие же именно боевые задачи отрабатывались флотом накануне войны и, главное, насколько успешно они решались командованием флота, нельзя понять причину неуспешных действий КБФ в ходе войны с Финляндией зимой 1939–1940 гг. Попытаемся проследить на основе документальных материалов Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ), какие же общefлотские оперативно-тактические игры командно-начальствующего состава проводились на КБФ в 1937–1939 гг. и какие основные недостатки при этом наблюдались.

22 ноября 1936 г. начальник Генерального штаба РККА маршал А. И. Егоров направил начальнику Морских сил РККА флагману флота 1-го ранга В. М. Орлову директиву № 23529, где сообщил ему тему военной игры по оперативной подготовке командно-начальствующего состава Управления Морских сил РККА на 1937 г. В качестве таковой была обозначена «операция Краснознаменного Балтийского флота по захвату укрепленного района противника в устье Финского залива»³⁸⁶. Одновременно с этим, 20 ноября маршал А. И. Егоров утвердил перечень тем оперативных игр для комсостава КБФ на 1937 год. Всего в перечне фигурировало 3 игры (общefлотская, авиационная и тыловая), в том числе общefлотская на тему «Действия подводных лодок и воздушных сил на коммуникациях с целью не допустить питания противника морем через южные порты Балтийского моря и с целью срыва перевозок через порты Финского и Рижского заливов, с одновременным содействием флангам сухопутной армии на побережье Финского залива»³⁸⁷.

5 марта 1937 г., по заданию начальника Генерального штаба РККА маршала А. И. Егорова, на Краснознаменном Балтийском флоте была проведена общefлотская оперативная игра. Все тактические вопросы решались руководством по ходу игры. Основными задачами, которые решались на этой оперативной игре, были: 1) Проталкивание подлодок в Балтийское море в первый период войны; 2) Организация боевой работы подводных лодок дальнего и ближнего действия; 3) Изучение вариантов трасс для германских транспортов в военное время; 4) Самостоятельный удар тяжелой авиации по эскадре или конвою; 5) Совместный удар тяжелой авиации и подлодок³⁸⁸. Для выработки единства оперативного мышления комсостава, как отмечалось позже в отчете начальника штаба КБФ И. С. Исакова, «на разбор привлекались все флагманы и командиры, которые должны знать характер операций КБФ»³⁸⁹. Вся предварительная подготовка к игре (составление решений, расчетов, нанесение обстановки и развертывания) выполнялась играющими сторонами со 2 по 4 марта.

В результате проведения оперативной игры, командованием КБФ было сделано немало правильных выводов. Во-первых, обнаружилось, что оперативное взаимодействие

различных соединений отработано еще неудовлетворительно. Кроме того, части, приданные из других родов оружия, использовались зачастую для решения задач, непосредственно не подчиненных целям проводимой операции³⁹⁰. Во-вторых, крайне важным обстоятельством, сильно снижающим результативность действий сторон (в первую очередь, «красной»), являлось отсутствие систематического изучения обстановки на театре, из-за чего решения часто принимались без учета действий своего соседа и не соответствовали действительности. Более того, даже при решении задач разными силами (подлодки и авиация), преследующих одну и ту же цель, отсутствовал взаимный обмен информацией. В-третьих, выяснилось, что оформление документов производилось не по существовавшему наставлению, из-за чего в приказах не всегда ясно и четко ставились боевые задачи. Отмечалась также недостаточно хорошая работа воздушной разведки³⁹¹.

Анализ игры показывает, что почти все учебные задачи, поставленные на ней, так и не были решены. Особенно это касается совместных действий подводных лодок (ПЛ) и авиации, а также самостоятельных действий бомбардировочной авиации по нарушению неприятельских коммуникаций в море. Даже основная задача игры, ради которой, собственно, она и затевалась, – обеспечение прорыва ПЛ через противолодочный рубеж – осталась фактически нерешенной, из-за неграмотного руководства «красного» командования операцией. В итоге, в качестве рекомендации на будущее, было всего лишь предположено, что задача по проталкиванию «днем с боем ПЛ» можно осуществить лишь «при соотношении сил в море в нашу пользу, т.е. когда мы сильнее на воде»³⁹².

25 января 1938 г. только что назначенный нарком ВМФ армейский комиссар 1-го ранга П. А. Смирнов в своей директиве № 246172 подвел итоги оперативной подготовки комсостава ВМФ за прошедший год и пришел к совершенно неутешительным итогам. По мнению наркома, «оперативная подготовка командного состава и штабов, как показали итоги 1937 года, стоит на низком уровне и не отвечает современным требованиям планирования и ведения операций на море»³⁹³. Основные недостатки в организации и проведении мероприятий по оперативной подготовке командно-начальствующего состава флота, как считал П. А. Смирнов, сводились к следующему: 1) Отсутствие единства оперативных взглядов на методы ведения операций; 2) Слабые навыки в быстрой и правильной оценке обстановки; 3) Неуверенность и предвзятость в принятии решений на операцию; 4) Штабы не овладели методами и навыками оперативных расчетов³⁹⁴. С целью ликвидации этих отрицательных явлений, нарком ВМФ П. А. Смирнов приказал все военным советам флотов «считать оперативную подготовку высших командиров и штабов основной задачей всей

командирской подготовки на 1938 год». В качестве частных задач, Смирнов потребовал развивать гибкость оперативного мышления, смелость в принятии решений, уверенность, волю и настойчивость при их осуществлении, а также изучать оперативные взгляды вероятных противников и сам театр военных действий³⁹⁵.

Нарком ВМФ, со своей стороны, утвердил и перечень тем военных игр по оперативной подготовке командно-начальствующего состава КБФ на 1938 . Как обычно, было запланировано 3 игры, из них общефлотская на тему «Совместные с армией действия по овладению побережьем и шхерным районом восточной части Финского залива, с одновременными операциями по срыву перевозок противника в Балтийском море»³⁹⁶.

В период с 25 по 26 марта 1938 г. была проведена двухсторонняя оперативная игра, с участием ЛВО и КБФ. Тема игры была заявлена как «Совместные с армией действия по овладению побережьем и шхерным районом восточной части Финского залива с одновременными операциями по срыву перевозок противника в Балтийском море»³⁹⁷. В качестве частных учебных целей игры фигурировали: 1) Отработка взаимодействия с наступающим флангом армии и авиацией в условиях шхерного побережья; 2) Закрепление навыков организации и выполнения операции флота и ВВС на коммуникациях противников в Балтийском море; 3) Выявление необходимых средств для операции в шхерах; 4) Изучение шхерного района восточной части Финского залива. Вся подготовительная работа была выполнена играющими с 14 по 21 марта. Игра началась с докладов играющими своих решений, после чего производился розыгрыш узловых вопросов по фактическим действиям сторон³⁹⁸.

В результате проведения оперативной игры, ее руководством были сделаны следующие разочаровывающие выводы. Прежде всего, обнаружилось, что «учебные цели, поставленные на игре, в полной мере были не отработаны»³⁹⁹. Большинство командиров соединений и частей КБФ, за исключением командиров авиасоединений, «несмотря на достаточный срок, отведенный для подготовки к игре, подготовились плохо, решение задач до конца не продумали и не произвели необходимых тактических расчетов». Объяснялось это тем, что основная масса командиров «в таких играх участвовали впервые и навыка в работе не имели»⁴⁰⁰.

Многие недостатки, указанные в отчете начальника штаба флота В. Ф. Трибуца, были отмечены еще в прошлогодней игре, но значительного прогресса с того времени, видимо, так и не произошло. К примеру, вновь выяснилось, что «операция не была обеспечена разведкой – тральной, гидрографической, рельефа береговой черты, самого

плацдарма для высадки, на подходах к месту высадки»⁴⁰¹. Также указывалось на слабую проработку вопросов взаимодействия с армией и ВВС по овладению шхерным районом⁴⁰². На игре вдруг выявилось «отсутствие единых взглядов у подводников о методе преодоления противолодочных преград»⁴⁰³. В связи с этим непонятно, для чего тогда проводилась прошлогодняя оперативная игра, посвященная специально этому вопросу.

Организация командования всей операцией и боевое управление были признаны начальником штаба КБФ В. Ф. Трибуцем «нечеткой». В своем отчете он особо отметил, что «командующий эскадрой «красных» капитан 1-го ранга Н. Н. Несвицкий не возглавил руководство всей операцией и не организовал взаимодействие всех частей»⁴⁰⁴. В действиях многих командиров было замечено несоответствие принимаемых ими решений выполняемым задачам. Задачи в боевых приказах ставились зачастую неконкретно, отсутствовали навыки в правильной оценке сложившейся обстановки. Командирами всех уровней слабо проявлялась инициатива при выполнении поставленных задач⁴⁰⁵.

Как мы видим, решающего прорыва в деле боевой и оперативно-тактической подготовки личного состава в 1938 г. так и не было достигнуто. Более того, наметился процесс сильного ухудшения боевой подготовки флота (если не сказать, провал), связанный напрямую с прокатившимися по флоту массовыми репрессиями. За период с 1 мая 1937 г. по 15 мая 1938 г. из числа командно-начальствующего состава КБФ было уволено и арестовано 389 человек⁴⁰⁶. Всего же, по сведениям Военной прокуратуры КБФ, на Краснознаменном Балтийском флоте с 1 января 1937 г. по 31 декабря 1939 г. было осуждено 444 командира и политработника⁴⁰⁷. В результате репрессий, на Балтике с мая 1937 г. по май 1938 г. было обновлено 62 % командиров соединений, 77 % начальников штабов соединений, 31 % штабных специалистов, 32 % командиров надводных кораблей и 55 % командиров подлодок⁴⁰⁸.

Основываясь на неутешительных результатах боевой подготовки за 1938 г., новый нарком ВМФ командарм 1-го ранга М. П. Фриновский в своём приказе № 010 от 17 января 1939 г. отметил, что «оперативно-тактическая подготовка командного и начальствующего состава флота и авиации стоит на низком уровне»⁴⁰⁹. Развивая далее свою мысль, нарком потребовал особое внимание на оперативно-тактическую подготовку командного состава, а также подготовку штабов, обратив при этом особое внимание на командиров соединений⁴¹⁰.

17 января 1939 г. новый нарком ВМФ командарм 1-го ранга М. П. Фриновский утвердил «План учебных мероприятий по оперативно-тактической подготовке на 1939 год». Этот план, разработанный начальником Главного морского штаба ВМФ флагманом флота 2-

го ранга Л. М. Галлером, предусматривал проведение целого ряда разнообразных игр и учений, направленных на то, чтобы командиры соединений и частей Краснознаменного Балтийского флота получили опыт самостоятельного решения оперативных задач, поставленных командованием. Среди них фигурировала совместная оперативная игра ЛВО и КБФ, под руководством Военного совета ЛВО⁴¹¹.

Двухсторонняя оперативная игра на тему «Расширение операционной зоны КБФ в восточной части Финского залива с одновременным содействием флангам наступающей Красной армии» проводилась по приказу начальника Главного морского штаба в период с 26 по 28 марта 1939 г. Она была совместной, с привлечением двух представителей от штаба Ленинградского военного округа, которые предварительно согласовали вопросы своего участия с начальником штаба КБФ капитаном 1-го ранга А. П. Шергиным. Оперативная игра преследовала следующие учебные цели: «1) Тренировка в расчётах по операции захвата островов в восточной части Финского залива; 2) Отработка организации взаимодействия и боевого управления в операции и в захваченной зоне; 3) Производство расчётов и отработка организации по закреплению захваченной зоны; 4) Организация огневого содействия флангам наступающей Красной армии»⁴¹².

Подводя итоги состоявшейся оперативной игры, заместитель начальника штаба флота капитан 1-го ранга А. П. Шергин пришел к выводу, что «учебные цели, поставленные Главным морским штабом, в основном выполнены». Главным достижением игры было признано то, что она дала хорошую практику командирам и начальникам штабов соединений КБФ в оценке обстановки, принятии решения и разработке боевых оперативных документов. Был даже сделан вывод, что степень подготовки командного состава заметно повысилась⁴¹³. Однако здесь же было указано на самый крупный недостаток, сопутствующий всем играм и учениям КБФ, – плохо отработанное взаимодействие и боевое управление в сложной операции⁴¹⁴. Как недоработанные, были выделены следующие вопросы: 1) Борьба с инженерными сооружениями у мест высадки десанта; 2) Боевое управление в десантной операции; 3) Взаимодействие всех сил и средств, выполняющих эту сложную операцию; 4) Техника высадки и порядок подхода десанта⁴¹⁵.

Оценивая оперативные игры КБФ, проведенные в 1937–1939 гг., нельзя не заметить целый ряд серьезных пробелов при их проведении. Во-первых, в списке учебных задач флота отсутствовала операция по подавлению надводными кораблями КБФ береговых батарей противника. Во-вторых, не отрабатывалась такая задача, как уничтожение силами ВВС КБФ кораблей противника в море или в базах. В-третьих, в ходе игр не удавалось наладить четкое

взаимодействие разнородных сил флота при прорыве неприятельской минно-артиллерийской позиции или захвате островов в Финском заливе. Неудовлетворительно была поставлена разведка сил противника на театре, что приводило к плохому знанию сил и намерений противника. Все вышеизложенное приводило к тому, что оперативные игры Балтийского флота страдали большой долей упрощенчества и схематизма.

Как известно, лучшим способом проверки боевой подготовки личного состава являются военные действия. В данном случае, очень наглядный и, главное, своевременный урок был преподан Балтийскому флоту в ходе войны с Финляндией зимой 1939–1940 гг., во время которой обнаружилось сразу большое количество недостатков в области управления и боевой подготовки флота к войне. В своей директиве № 16015сс/ов от 14 февраля 1940 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов указал Военному совету КБФ, что «отрыв боевой подготовки флота в мирное время от оперативных задач привел к тому, что силы не были готовы решать задачи военного времени: корабли были не подготовлены к действиям против берега, уничтожению батарей, плаванию в шхерах...»⁴¹⁶. Кроме того, наркомом были отмечены неудовлетворительная разведывательная работа во всей системе штабов флота, плохое изучение театра военных действий и слабое внимание Военного совета флота за подготовкой командиров соединений, частей и кораблей⁴¹⁷. Для исправления сложившейся ситуации Кузнецов потребовал от военных советов флотов «усилить работу с командирами и военкомами соединений, воспитывая их в духе единого понимания оперативно-тактических задач, решаемых на театре»⁴¹⁸.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

*В. Е. Возгрин***ПРОБЛЕМА ГЕНОЦИДА В РОССИЙСКОЙ И СКАНДИНАВСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ**

10 декабря 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН одобрила Всеобщую декларацию прав человека. Наша страна не подписывала ее почти полвека, до 1991 г., когда впервые в истории Руси-России появился призрак открытого общества. Ранее провозгласить права на свободу мысли, совести, свободу убеждений и свободу передвижения мы не то, что не могли – нам никогда, ни при одном великом князе, царе или генсеке этого не позволяли наши *традиции*, плод нашей же *этнической психологии*. Собственно, и сейчас создание гражданского общества остается для нас одной из туманно видимых перспектив.

Определение этически-правовых норм в историческом контексте – занятие, требующее четкого понимания обусловленности поведенческих норм не только вечными нравственными заповедями (в нашем случае – христианскими), но и общим нравственным уровнем в конкретную историческую эпоху. Поэтому вряд ли мы вправе судить людей XVIII столетия, руководствуясь неписанными моральными нормами и узаконенными правовыми актами современного гражданского общества. И единственное, что может в этом смысле позволить себе исследователь, – это сравнивать между собой деяния личностей одной и той же эпохи. А также сопоставлять эти деяния с установившимися *к тому времени* общеевропейскими гуманистическими традициями и международно-правовыми нормами.

Неотъемлемой частью этих норм являлись, к примеру, такие свободы и права, как свобода выбора места жительства, свобода совести, право на жизнь, право на жилище. К ним относились и военно-правовые положения (о правах мирных жителей, интернированных иностранцев, о порядке обмена или выкупа пленных и т.д.). В Европе XVIII в. эти нормы, права и положения в принципе были более близки современным, чем принято думать. И, что важно подчеркнуть, – столь же остро несовместимы с практикой геноцида и теориями, допускающими его применение в тех или иных ситуациях.

Поскольку же в данном случае рассматривается петровская эпоха, то следует заметить, что у первого российского монарха Нового времени понятия о человеческих

правах и свободах были вполне средневековыми. Его называют западником, но он не был им. Он не заимствовал в Европе ничего из ее достижений в области гуманности. Его интересовали корабли, техника, военные и, отчасти, точные науки. И если бы они были лучше развиты в Турции, то можно с уверенностью сказать, что он снарядил бы Великое посольства (а затем слал молодых людей на обучение) в Стамбул, а не в Амстердам или Лондон. Причем с куда большей охотой, так как Россия с Турцией находились, по ряду признаков, в одной лодке. Европейские законодательные нормы, фиксирующие права личности, были для обоих авторитарных правителей, царя и султана, не то, чтобы ножом острым, но вообще непостижимы и абсолютно неприемлемы.

Это вещи общеизвестные, ведь петровский авторитаризм, его значение для российской экономики и социального развития народа достаточно хорошо изучены. Работ по этим темам – многие сотни. Гораздо меньше внимания уделяли российские и зарубежные ученые значению политического режима петровской России для ее внешней политики. И, наконец, совсем нет исследований, посвященных физическому и нравственному ущербу, который был причинен петровским режимом не великороссам, а соседним народам – прибалтам, украинцам, шведам. Хотя именно этот аспект истории эпохи ярче всего демонстрирует недостижимость европейских идеалов для Петра.⁴¹⁹ Поэтому потребуется привести некоторые *данные* по геноциду Северной войны, чему и посвящается основная часть излагаемого.

Прежде всего, видимо, следует коснуться практика геноцида в условиях военных действий и на оккупированной территории. Но вначале нужно, конечно, определиться с терминами. Понятием геноцид следует в данном случае понимать в соответствии с международным его смыслом. Согласно ряду положений ООН к акциям геноцида относится не только физическое истребление того или иного этноса. Согласно Ст. II Конвенции о предупреждении геноцида, это – «любые действия, совершенные с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, этническую или религиозную группу<...> в том числе насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую является преступлением. Причем независимо, в военное или мирное время он имел место».⁴²⁰

Заметим, что в здесь совершенно не рассматривается практика увода в рабство или физического уничтожения захваченных в плен комбатантов (офицерского и солдатского личного состава, а также партизан противника). Речь пойдет лишь о мирном гражданском населении. Кроме того, не будем касаться тягот и убытков, которое терпит местное

население при любой оккупации их территории или «обычном» прохождении через нее чужих войск. К примеру, Польша, отнюдь не являвшаяся противником России в Северной войне, была страшно разорена российским и иными войсками в предполтавский период Северной войны, когда на ее землях сражались войска иноземных монархов. Но это разорение, ставшее причиной высокой смертности среди мирных поляков, неправомерно считать актом геноцида уже потому, что оно не было предумышленным, не входило в задачи воюющих сторон и являлось лишь неизбежным следствием длительных постоев, маршей и военных операций.

Акции геноцида в начальный период войны проводились на всех захваченных территориях Прибалтики. Войска под командованием Б.П. Шереметева выжигали не только села, деревни, мельницы и мызы. Тактика выжженной земли предполагала уничтожение лесов, что лишало мирное население какой-то возможности отстроиться или хотя бы согреть свои хижины в зимние холода, – впоследствии от этого жестоко страдали сами оккупанты. То есть, шансов для коренного населения на выживание не оставалось никаких. Кроме того, значительная часть жителей без различия пола и возраста уводилась вглубь России с тем, чтобы впоследствии быть выставленной в качестве живого товара на невольничьих рынках Москвы или на юге, в Крыму или пограничных с ним регионах.

Например, Б.П. Шереметев разорив Дерптский уезд, взял 140 пленных шведов и отправил донесение: «А сколько чухны – нельзя определить, потому что черкасы (казаки – *В.В.*) по себе ее разобрали, я отнимать не велел, чтоб охочее были». Затем было полностью депортировано в Россию население Дерпта, Нарвы, Мариенбурга, Волмера и других городов. Число мирных жителей, угнанных в качестве «пленных» в 1700-1710 гг., измерялось многими тысячами жителей Лифляндии, а также карел и инкери. Уже в августе 1708, то есть, задолго до взятия Риги, фельдмаршал христиански благочестиво рапортовал: «<...>больше того быть стало невозможно<...> отяготились по премногу как ясырём, [так] и скотом<...> Чиню тебе известно, что всесильный Бог и пресвятая Богородица желание твое исполнили: больше того неприятельской земли разорять нечего».⁴²¹

Заметим, что казаки упомянуты здесь неслучайно – они даже среди других участников карательных акций выделялись своей необычайной алчностью и жестокостью. По мнению современного психолога доктора исторических наук Е.С. Сенинской, привлеченное к походам Северной войны казачество, в отличие от регулярной армии, не обладало даже жалкими рудиментами средневековой рыцарственности и благородства.⁴²² С этим нельзя согласиться, солдаты и офицеры регулярных полков тоже были хороши...

Вторым, по времени, объектом геноцида стала Украина в годы восточного похода Карла XII (1708-1709). Отходившие к югу русские войска выжигали территории, прежде всего, днепровского Правобережья. При этом уничтожались населенные пункты, запасы продуктов у населения и лесные массивы не только на пути шведов, но широкими (по 40-45 км) полосами справа и слева от их предполагаемого маршрута. Кроме того, сжигались города, заподозренные в поддержке казаков-сторонников Мазепы, а их жители подверглись тотальной ликвидации. Эти карательные меры стоили украинскому народу огромных жертв. Люди погибали не только от рук карателей, но и в результате ликвидации их жилья и запасов пищи в условиях необычайно морозной зимы 1708-1709 гг.

Шведский солдат Гассман записывал, как его полк пересекал широкую «ничью» полосу, установленную Андрусовским миром между Украиной и Польско-литовским государством. Эта местность была полностью разорена. Но и на другой стороне Днепра, на Левобережье буквально все, насколько хватало глаз, всё было сожжено отступавшими русскими войсками: «На 40 миль пути все деревни были сожжены, все съестные припасы и фураж испорчены, так что мы не нашли там ничего, кроме голой пустыни и лесных пространств, в которых [уже] погибло великое множество людей и бесчисленное количество лошадей и другого скота<...> Мы находились в опустошенной стране»⁴²³.

Наконец, уже на завершающей стадии войны, акции геноцида были отмечены в западной Финляндии (провинция Ёстерботтен) и особенно широко – на западном берегу Ботнического залива (провинции Сёдерманланд и Уппланд). Тактика была той же, что и в Прибалтике. Так же уводили мирных жителей в рабство, вывозилось государственное и частное движимое имущество, взрывами уничтожали рудники и взрывались заводы, а населенные пункты подвергались огненному уничтожению. Только в Швеции было дотла сожжено 8 городов и более 1300 замков, поместий, сел и хуторов. 100 000 голов крупного рогатого скота было забито и большей частью брошено на месте – одна галера вмещала лишь 35 туш. Трофеев было взято на 1 млн. серебряных талеров, а ущерб достиг 20 млн. Серьезные утраты понесла шведская и финская культура. В пламени пожаров погибла вся старинная архитектура упомянутых областей; из Або были вывезены в Россию уникальные сокровища культуры коренного народа – крупнейшие в Финляндии национальная библиотека и архив.⁴²⁴

Было бы ошибкой полагать, что все эти акции являлись результатом своеволия петровских военачальников, обогащавшихся за счет продажи угнанных пленных и других трофеев. Такого рода действия совершались в исполнение конкретных царских указов.

Такого, например: «<...> и для того извольте вы еще довольное время там побыть и как возможно земли разорить, или что иное знатное при Божией помощи учинить, дабы неприятелю пристанища и сикурсу своим чередом подать было не возможно».⁴²⁵ Высочайшие повеления такого рода касались не только Лифляндии. Их смысл сохранился в приказах по армиям и отрядам, проводившим упоминавшиеся акции геноцида на Украине, в городах и селах шведской береговой полосы.

В результате теперь уже встает вопрос о том, как проблема геноцида освещалась в собственно в скандинавской историографии?

Первые, появившиеся в Швеции печатные попытки осмыслить события не войны, а преследований мирного населения, в том числе уведенного в рабство, были сделаны еще до Ништадтского мира (1721). Прежде всего, вышли работы о рабстве и плене в России. Это прежде всего сочинение, вышедшее в Стокгольме в 1705 г., «Правдивый отчет о нехристианском и жестоком отношении московитов по отношению к взятым в плен высшим и младшим офицерам, слуг и подданных Его Величества Короля Швеции, а также их жен и детей<...>».⁴²⁶ Конкретно же о физическом истреблении местного населения и разнообразных видах насилия над ним рассказывает появившаяся через два года анонимная работа на шведском языке. Она получила название: «Выдержка из письма, отправленного из Штенау 20 июля 1707 г., об ужасающих поступках московитских калмыков и казаков». Стокгольм, 1707».⁴²⁷ Таких брошюр печаталось в Швеции в течение войны и позже довольно много. Некоторые издавались за рубежом. Так в 1725 г. появилась книга барона Курта Вреха «Правдивая и обстоятельная история пребывания шведских пленных в России и Сибири».⁴²⁸ Однако, нет необходимости приводить данные о всех их, поскольку они довольно однообразны. Собственно, это не исследовательские работы, а скорей источники, требующие изучения и сопоставления.

Первая научная работа, где, среди прочего, затрагивалась и интересующая нас тема, появилась весьма поздно, лишь в середине XIX в. Это труд Густафа Мальмстрёма «Политическая история Швеции от смерти Карла XII до раздела державы в 1772 г.».⁴²⁹ Как представляется, это лучшее по последовательности и подробности описание событий 1719 г. в Сёдерманланде и Уппланде. Здесь приведены все имена командиров войсковых частей и отрядов ополченцев из крестьян, горожан и шахтеров, поднявшихся на защиту своих жилищ. Однако, превосходя вышеназванные сочинения своей информативностью, работа Г. Мальмстрёма уступает им в глубине осмысления событий военных лет, их этической оценки. Здесь попросту отсутствуют какие-либо выводы о нравственном и, с точки зрения

международного права, преступном характере акций петровских войск на берегах Ботнического залива.

Но позднее прекращаются и такие попытки освещения темы геноцида на восточном побережье Швеции в конце Северной войны. Хотя, надо заметить, что смежная, то есть, совпадающая по месту и времени, но чисто военная история разрабатывалась довольно успешно.⁴³⁰ Это же можно сказать по отношению ко всему XX в. Поэтому сохраняет свою справедливость замечание, сделанное еще в 1934 г. крупнейшим специалистом по теме, шведским историком и библиографом Самюэлем Брингом: «Какого-то отражения в научных работах тема разорения шведских берегов не получила, – если не считать мелких заметок, появлявшихся в местных газетах и журналах и посвященных чисто локальной истории».⁴³¹

Что же касается освещения проблемы петровского геноцида в российской историографии, то здесь можно сказать, что это будет попыткой «описать того, чего нет».

Если не считать отдельных упоминаний в общих работах о военных преступлениях (далеко не всех!), но и в этом случае они не классифицируются как факты геноцида. Вряд ли можно объяснить это замалчивание важных для истории сведений обычным отсутствием информации. Она имеется, причем в виде публикаций. Русские люди, даже не служившие в армии Петра, видели, какими массами гонят вглубь России несчастных ижорских, лифляндских и шведских «ясырей», полумертвых от усталости и истощения, как ими торгуют на площадях городов и отправляют в рабство к бусурманам. Эти свидетельства в свое время фиксировались; они сохранились в различных письменных источниках.

Однако, как представляется, еще не обнаружено ни одного памятника петровской эпохи, где бы эта практика осуждалась. Лишь один современник Петра, православный патриарх Иерусалимский Досифей, окормлявший греческую и русскую общины в Турции, писал Петру об этом: «<...>шведы, хотя и еретики, но как емлют их к Москве, бывают православными и скоро и помалу (то есть, в Москве, рано или поздно принимают православие – В.В.) <...> Но имеют поволность некия [купцы] вывезти их в землю турскую <...> Не грех ли перед Богом, но и на свете великое безчестие, понеже не из которого христианского государства не привозят сюды продавать христиан, а из святых стран (то есть, Москвы – В.В.), [что и] признать непристойно. Надобно там, аще изволите повелеть, чтобы не вывозили христиан болше, [а в наказание] предложить ослушникам не ино, но смерть не отложную и будет великая честь и великая слава твоему царскому величеству».⁴³²

Следующий памятник, касающийся темы геноцида – «История государя Петра Великого», автором которого был петровский капитан и ученый Ф.И. Соймонов. Он первым

из современников Петра однозначно осудил геноцид. Касаясь разорения шведских берегов в конце Северной войны, Ф.И. Соймонов пишет о «страшных убийствах и кровопролитиях»,⁴³³ а также других репрессиях, совершавшихся русской армией по отношению к мирному населению Швеции. Но этот труд появился лишь через 60 лет после Лифляндского похода Шереметева. Почему так поздно? Почему до Ф.И. Соймонова в России вообще не выходили сколько-нибудь объективные работы по Петровской эпохе – лишь отдельные публикации источников да панегирические опусы?

Этому факту есть объяснение, причем весьма авторитетное, так как дал его один из крупных историков XVIII в. – Василий Никитич Татищев. Он писал, что доведению записанной истории до настоящего или даже недавнего (для него, для автора) времени мешает «не только многотрудное продолжение всякому к сочинению удобное, а наипаче, что в настоящей истории явятся многих знатных родов великие пороки, которые если писать, то их самих или их наследников подвигнут на злобу, а обойти оныя – погубить истину и ясность истории, или вину ту на судивших обратить, еже бы было с совестью не согласно. Того ради оное оставляю иным для сочинения».⁴³⁴ То есть, задача, стоявшая перед историком, не являлась слишком трудной. Источники имелись в изобилии. Неизмеримо сложнее были проблемы личностного и политического плана, имевшие прямое отношение к тематике и сюжетам исследований.

Но позже, когда подобные мотивы не могли уже сдерживать перо пишущих, какой-то оценки военной политики Петра так и не появилось – уже по иным причинам, разбору которых посвящена целая историографическая литература.

И лишь в самом конце XIX в. появляется книга генерал-лейтенанта П. Бобровского о захвате Ингрии, где приводилась долгожданная объективная информация – правда, ограниченная территорией лишь одной из всех земель, посещенных петровскими солдатами.

После победы при Гуммельсгофе (июль 1702) «<...>фельдмаршал, по старому обычаю, мог свободно разорять неприятельскую страну. <...>вся Лифляндия, за исключением местностей, прилежавших к Ревелю, Пернау, Риге, была разорена из конца в конец; богатые мызы лифляндских баронов обращены в развалины<...> Оставаясь у Гуммельсгофа трое суток, Шереметев послал ратных конных людей во все стороны жечь мызы и деревни; затем продвинулся к Дерпту, всё разоряя на своём пути. Кроме захваченных 12 000 латышей и чухны в Псков пригнано до 20 000 голов скота».⁴³⁵

Правда, военный историк избегает оценок этим акциям, и лишь однажды, на стр.15, называет действия Апраксина «варварскими»; о Б.П. Шереметеве же – ничего ни разу, даже

похожего. И еще одно, редчайшее для отечественной историографии замечание П. Бобровского, точнее цитата из депеши Шереметева: «<...> и русские мужики к нам неприятны<...> и [более] добры они к Шведам, нежели к нам». Речь идет об этнических русских (до войны – подданных шведской короны), с радостью встретивших приход российских войск, но вскоре разочаровавшиеся в новой оккупационной власти.

В те же годы появляются публикации источников о Северной войне (кроме уже упоминавшихся воспоминаний Гассмана),⁴³⁶ где приводятся многочисленные факты геноцида. Но они лишены даже самой общей и ни к чему не обязывающей оценки.

Н.И. Костомаров избегает конкретной сюжетики этого плана. Впрочем, он превосходно знал ее, поэтому его выводы, хоть и выглядят довольно общими (в них оценивается аморальность политики царя в целом), но они имеют твердую опору в фактах. Он писал: «Петр превосходил современных ему земных владык обширностью ума и неутомимым трудолюбием, но в нравственном отношении не лучше был многих из них; зато и общество, которое он хотел пересоздать, возникло не лучшим в сравнении с теми обществами, которыми управляли прочие Петровы современники <...> Все Петровские воспитанники, люди новой России, пережившие Петра, запутались в собственные козни, преследуя свои личные эгоистические виды, погибли на плахах или в ссылках, а русский общественный человек усваивал в своей совести, что можно делать всё, что полезно, хотя бы оно было и безнравственно, оправдываясь тем, что и другие народы то же делают <...>».

Слова насчет «других народов», понятно, не более, чем уступка патриотическим настроениям общества в военном 1915 г., когда писалась книга, так как далее историк все же ставит точки над «i», говоря, что в России петровской эпохи доминировал какой-то особый, «<...>деморализующий деспотизм, отразившийся зловредным влиянием на потомстве».⁴³⁷

Обратимся, наконец, к советской и постсоветской историографии. Из старых петроведов наиболее близко к теме подходили Е.В. Тарле и Б.С. Тельпуховский. Имеется в виду тема военных операций, но не геноцида, им сопутствовавшего. Последней как бы не существовало. Тарле мог вообще написать фундаментальный двухтомник о Крымской войне, ухитрившись ни словом не упомянуть о разорении и геноциде, которому те же казаки подвергали крымских татар, отчего Крым опустел: почти половина его коренного населения погибла, находясь в тылу русской армии, или эмигрировала по окончании войны.

Особняком стоит монография Х.Э. Палли.⁴³⁸ Этот глубокий исследователь создал фундаментальный свод об акциях геноцида в Эстляндии в 1701-1704 гг. Учитывая эпоху,

когда писалась монография, Хельдур Эвальдович совершил человеческий и научный подвиг, равного которому, по крайней мере, в обширном кругу специалистов по теме Северной войны, я назвать не могу. К сожалению, такие работы по территориям остальной Прибалтики, а хронологически – и об остальных годах эпохи бедствий в той же Эстляндии, пока отсутствуют.

Лишь отдельные упоминания о чудовищных репрессиях петровских войск против мирного населения на всей территории, охваченной войной, появляются в современных работах. Именно упоминания, в этом смысле показательна объемная работа Е.В. Анисимова, посвященная первым годам существования Петербурга. Здесь коренному населению невского региона, обреченного на исчезновение, уделено полторы строчки: «<...>войска Шереметева не только разоряли усадьбы, но и сжигали селенья и посевы, а людей и скот поголовно угоняли в Россию на продажу».⁴³⁹ Естественно, нравственную оценку этому представляется сделать самому читателю – при желании, конечно.

Несколько дальше зашел другой современный автор, хотя и он избегает оценки геноцида: «Быть может, о величии деяний Петра во внешней политике ничто не говорило столь красноречиво, как всеобщее ликование в Европе по поводу известия о его кончине (1725). Там явно устали от бешеной энергии “северного турка” и от постоянных опасений, что он вконец разрушит европейское равновесие, и без того уже, как казалось, подорванное русским господством на Балтике и недопустимо усилившимся влиянием в Польше и Германии<...> Петр заложил и укрепил основы стратегии, приведшей Россию к конфликтам с ее соперниками и придавшей ей агрессивный образ<...>».⁴⁴⁰

В результате, можно уже сейчас сделать определенные выводы.

Первый вывод заключается в том, что тема геноцида в начале XVIII в. практически не исследована ни в шведской, ни в российской историографии. Это объясняется довольно просто. Разорение восточного берега старой Швеции и депортация ее населения, при всей преступности этих акций – всего лишь *эпизод* в долгой истории королевства. Причем эпизод, который можно признать, в целом, не принесшим невозместимых утрат ни для народа, ни для его культуры или духовного мира, ни для государства. Поэтому тема и не является сверх-актуальной для далеких потомков того поколения, что стало жертвой геноцида. И лишь в последнее время пробудился интерес к этой важной теме.⁴⁴¹ Хотя для того, чтобы делать какие-то выводы о новом явлении в шведской историографии таких работ пока слишком мало.

Иной вывод напрашивается в отношении российских историков. Их молчание поразительно. Получается, что тема геноцида неактуальна для граждан страны, в истории которой его акты в петровскую эпоху были далеко не последними преступлениями такого рода. Общеизвестно, что замалчивать преступление – значит, провоцировать рецидивы. Тем не менее, у нас это молчание не прерывается с тех самых, петровских времён. Геноцид, практиковавшийся российской армией за рубежом и позже Северной войны (например, в Польше XIX в.) также не вызывал общественного возмущения. Более того, для основной массы нации и ныне не выглядят чем-то катастрофическим такие преступления по отношению к части населения самой России. Думаю, не нуждается в доказательствах простой факт: в XX, да и в XXI вв. нравственный закон здесь молчит, как и в петровскую эпоху.

Тем, кто с этим не согласен, полезно вспомнить эпизод из совсем недавней истории. При отступлении Красной армии из Крыма в годы Великой Отечественной войны, ее специальные части превращали полуостров в выжженную землю – не хуже, чем это было на Украине в 1708-1709 гг. или чуть позже – в Уппланде. Горели элеваторы, фуражные и продовольственные склады, в степной части взрывы разрушали артезианские колодцы, а в горах и на Южном берегу – прекрасные дворцы. Местному населению, обреченному на жизнь в условиях немецкой оккупации не было роздано ничего, что могло бы поддержать жизнь этих стариков, женщин и детей, лишенных всего, что скопили их предки и они сами. Все они были обречены на страшный голод, от него погибла чуть ли не треть мирного населения; от довоенных полутора миллионов в живых осталось едва 550 000 человек. И крымчане не увидели в этом преступлении против человечества ничего особенного.

Более того, когда 18 мая 1944 г. половину из них осудили на депортацию, вторая массово и добровольно помогала частям НКВД осуществлять этот геноцид. Причем, по свидетельству современников, эта, уцелевшая часть крымчан абсолютно не была подавлена происходившим. Напротив, повсюду царило приподнятое настроение, эйфория, как это бывало в ходе погромов. И так же, как во время погромов, массовым и абсолютно безнаказанным было мародерство в татарских домах – часто начало разграбления дедовских домов еще успевали увидеть жертвы, увозимые в страшную безвестность.

Что же касается Петра, то делать какие-то выводы можно, лишь осознав, что для него значило *отечество* (в контексте хотя бы его известной Полтавской речи). Он имел в виду великую ценность государства (и себя в нем), но отнюдь не народа, не подданных. Никакая цена не казалась слишком высокой, если речь шла о главной цели: Отечество

должно стать великим, а он лично – могучим государем. И он начал борьбу за величие ради величия, за мощь ради мощи. Не спорю, мощь может быть продуктивной – но здесь и этого не было. Власть больше тратила, чем добывала, не представляя поэтому ценности как таковая. Политика стала выражаться для Петра (и некоторых его коллег на тронах) в спортивных терминах «citius», «altius», «fortius»: «сильнее» (армия), «быстрее» (агрессия), «выше» (монарх). Политика войн и стала неким *монаршим спортом*. Этот вид спорта, естественно, не был любим западными народами, а в России он стал в послепетровских войнах просто губительным для мирного населения.

Между тем принцип правления ради всеобщей пользы был известен не только Западу. Петр, внимательно читавший произведения Ю. Крижанича, не мог не знать его слов: «Долг царя – сделать народ счастливым<...> Целью законодателя является утверждение всеобщего благополучия, пользы и чести народа». Тем не менее, царь запятнал благородное военное искусство кровью женщин и детей, а свое имя российского государя – славой крупнейшего торговца белыми рабами в Европе. И Северная война стала на нашем континенте первой грязной войной Нового времени.

Реакцией на такие рассуждения обычно бывает аргумент типа «Все хороши были, и Карл – не больший альтруист, чем Петр». В таких случаях имеет смысл вспомнить, что еще в 1976 г. философ и психолог Эрих Фромм поставил гамлетовский вопрос несколько по-иному: иметь или быть? Русский царь предпочитал «иметь», шведский король – «быть» тем, кем его поставил над народом Господь. И в этом – коренное отличие Петра от Карла XII. Петр не щадил свой народ ради собственных, личных достижений. А можно ли представить себе шведского короля в 1713-1714 гг., когда его армия оставляла Финляндию, отдающего приказ о разорении собственной страны, о выжигании имений своих баронов и крестьянских хуторов? Это совершенно немыслимо; такое было возможно лишь в России.

В этом, основном смысле своей деятельности Петр не был никаким реформатором. Он не реформировал привычные нравственные нормы российской действительности, нормы Александра Невского и Ивана Грозного. Он не поднял их до уровня западных соседей, до высоты протестантской этики «брата Карла». ⁴⁴² Что же касается научного определения этики Петра, ее типа, то эта научная проблема вообще ни в отечественной, ни в скандинавской историографии серьезно не разрабатывалась. Поэтому приводимое суждение на этот счет не может не быть весьма осторожным. Конечно, нравственность этого царя трудно назвать христианской; скорее всего, он был этическим индивидуалистом, ⁴⁴³ – если выбирать из самых мягких определений. Это же определение, за малыми исключениями, подходит к

петровским преемникам в Зимнем дворце, а потом в Кремле. О всех тех, для которых русский народ был либо дойной коровой либо пушечным мясом. А соседние нации или собственные инородцы считались у них вообще недочеловеками, жалеть которых было бы просто смешно, когда шла речь о собственных интересах.

Именно поэтому затронутые сюжеты, а также многие иные, касавшиеся преступных акций против больших и малых человеческих групп, заслуживают исследования, как любые белые пятна в истории, не только с чисто научными целями. Такие работы нужны не для шведов, украинцев, евреев, крымских татар и других потомков жертв былых массовых акций геноцида. Они нужны, прежде всего, основной массе граждан России, нуждающейся в духовном обновлении.

Можно выразить надежду, которая, возможно, прозвучит несколько утопически. Может быть, поколение, воспитанное на честных и объективных книгах о неоднозначных фактах и явлениях его истории, будет по-иному оценивать происходящее на его глазах. И в будущем для него станет немыслимым участие в таких акциях геноцида, как разрушение жилищ и природной среды обитания «ненаших», акции искусственного голода для «своих» и «чужих», и, наконец, депортации и зачистки по национальному признаку.

В.В. Цоффка

РОССИЙСКИЙ ЛИТЕРАТУРОВЕД ЭЙНО ГЕНРИХОВИЧ КАРХУ КАК УЧЕНЫЙ-ПУШКИНИСТ

Эйно Генрихович Карху – выдающийся российский ученый-литературовед, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки России и Карелии, «Почетный гражданин Республики Карелия». В 2003 г. общественность Республики Карелия отметила 80-летие со дня рождения ученого.

Его научные труды, книги и статьи стали основополагающими в изучении русско-финляндских литературных связей, карельского и ингерманландского фольклора, литературы Финляндии.

Э.Г. Карху написал 15 книг, среди которых «История литературы Финляндии» (в двух томах); «Финляндская литература и Россия» (тоже в двух томах, посвященная исследованию финско-русских литературных связей); «Очерки финской литературы начала XX века»; первый том «Истории литературы Карелии» («Карельский и ингерманландский фольклор»); «Достоевский и финская литература»; «Элиас Лённрот. Жизнь и творчество»; книга исследований и воспоминаний «Малые народы в потоке истории»... К юбилею великого русского поэта им была написана большая статья «Пушкин о финнах и финны о Пушкине»

⁴⁴⁴.

Особенность трудов Э.Г. Карху состоит в том, что литература относительно малой страны исследуется ученым в широком историко-культурном контексте и в русском, в частности.

...Э.Г. Карху родился в 1923 г. в Ленинградской области в семье ингерманландских крестьян. В семье было пятеро детей, из сыновей он был самым младшим. В школе, в которой он учился, был театр: «...помню в Повенце ⁴⁴⁵ в 10 классе ставили пьесы Чехова, меня просто обязали сыграть медведя в юмористической постановке» ⁴⁴⁶, - вспоминал ученый. («Karhu» на финском языке означает медведя). «Что-то было в нашем роду изначально связано с лесом, недаром же у нас такая лесная фамилия» ⁴⁴⁷. В этнографическом отношении культ медведя был преимущественно развит у северных народов, у лопарей и финнов. Медведь почитался особым зверем, так как обладал способностью стоять на задних ногах, как человек. Для первобытного дикаря он был царем леса на севере, как лев на юге. Поэтому все северные народы приписывали медведю человеческое происхождение,

некоторые – даже божественное. Медвежьи праздники были особенно популярны у лопарей и финнов.

Источником едва ли не самых ранних литературных впечатлений стали стихи и проза А.С. Пушкина. Еще в школьные годы русский поэт открыл для будущего ученого совершенно другой мир, мир высокой юношеской дружбы. В ссылке ему казалось, что есть иная жизнь, чем та, которой жили они, ингерманландские финны, его родные и соседи ⁴⁴⁸.

«Пушкин покори́л меня, очень подкупали его юношеские стихи», - признавался Карху в беседе с Е. Сойни ⁴⁴⁹. Русский поэт – одно из самых ранних, самых сильных и ярких литературных впечатлений будущего ученого. Пушкин явился для него носителем духовного света и радости. Для взрослого человека он стал поэтом нового времени, когда герой, читатель и сам поэт живут в одном времени и в одном обществе, и все они современники ⁴⁵⁰. Художественная прелесть пушкинской поэзии пленила ученого с отрочества.

Карху отмечает, что в 1825 г. в русской поэзии появляется особая финская тема ⁴⁵¹, связанная с именем Е.А. Баратынского и А.С. Пушкина. Он имеет в виду романтическую поэму «Руслан и Людмила» Пушкина, поэму с финским сюжетом и финскими собственными и этническими именами (Финн и Наина), которые своим волшебством воздействуют на развитие сюжета.

Для Карху как для ингерманландского финна особенно близка была поэма «Медный всадник» (1833), которую он называет одним из самых зрелых и глубоких произведений поэта ⁴⁵². Несмотря на то, что Пушкин создает в поэме образ Петра I как мифологического героя – демиурга, ученый считает Пушкина объективным историком, который не забывает в поэме и о чухонской предыстории северной столицы, подчеркивая ее гордую красоту.

В сознании русского читателя Финляндия долгое время ассоциировалась именно с пушкинскими стихами: «печальный пасынок природы». Характеристика финского рыболова оказалась очень устойчивой для русской литературы. Достаточно для этого заглянуть в переписку Я.К. Грота и П.А. Плетнёва.

Выявляя художественную контрастность поэмы, Карху показывает, как эта контрастность перерастает в трагический конфликт между государственностью и личностью, а в судьбе Евгения он видит и нечто от участи угро-финских, чухонских племен, обитавших в этих местах до постройки Санкт-Петербурга, - племен слишком слабых и робких перед суровой поступью истории.

Он видит, что трагический конфликт в поэме не дает положительного разрешения и что поэтому сама поэма до сих пор дает пищу для размышлений над самыми современными, самыми актуальными русскими вопросами.

Карху подчеркивает, что финская тема (ингерманландская в узком смысле слова) всегда была вполне живой и современной в русской литературе пушкинского и послепушкинского времени.

В книге о карельском и ингерманландском фольклоре ученый поднимает проблему взаимодействия фольклорной традиции и художественной литературы в творчестве основоположников национальных культур, имея в виду в России Пушкина и Арину Родионовну, а в Финляндии Э. Лённрота и «Калевалу» как художественное произведение, литературно оформленное на фольклорной основе ⁴⁵³.

В течение всего XIX в. считалось, что «Калевала» Э.Лённрота представляет собой произведение почти полностью тождественное собственно фольклору. XX в. подчеркнул особую роль составителя в организации фольклорного материала, собранного в Карелии и Ингерманландии, определил меру авторской переработки устного народного творчества. Немалая заслуга в этом деле принадлежит Э.Г. Карху.

Знакомство Пушкина с древними рунами Карелии о прошлом финского народа произошло, как нам представляется, очень рано. Напомним, что и Арина Родионовна была родом из Ингерманландии. Первым исследователем, который заговорил о знакомстве Пушкина с будущей «Калевалой», был Михаил Искрин ⁴⁵⁴, который истолковал пушкинские строки из «Евгения Онегина» (Глава вторая, строфа XVI)

Поэт в жару своих суждений
Читал, забывшись, между тем
Отрывки северных поэм
И снисходительный Евгений
Хоть их не много понимал,
Прилежно юноше внимал,-

как калевальские руны древней поэзии финнов и карел. Эта часть «Онегина» была написана в 1823 г., а опубликована в отрывках в альманахе «Северные цветы» за 1826 г.

Вопрос о знаковой роли Калевалы в национально-культурном самосознании народа, о функционировании «Калевалы» как литературного памятника, наконец, как о явлении, сопоставимом с явлением Пушкина в русской культуре, мы найдем в исследовании финского слависта Эрки Пеуранена «Kokonaan en kuole» («Нет, весь я не умру»): Aleksandr Puškinin elämä ja tuotantoa («Жизнь и творчество Александра Пушкина»), изданном Институтом Снельмана, № 9, Куопио, в 1989 г. ⁴⁵⁵ ... «Знал ли Пушкин поэзию Калевалы»? –

задается вопросом ученый. И дает неспешный, но позитивный ответ, хотя этот ответ, он сознается в этом, может быть принужденным, искусственным, надуманным. Посредником в этой передаче он считает Ф.Н. Глинку, «карелианизм» которого наверняка не остался незамеченным Пушкиным. Поэтому ученый рассматривает Пушкина и «Калевалу» как явления, которые во многих смыслах единообразны и параллельны.

«Смерть Пушкина и рождение «Калевалы» (а в данном случае перенос калевальских (т.е. изустных) рун в литературу означал их смерть как живущих в памяти, непрерывно изменяющихся феноменов) близки во времени. Пушкин и «Калевала» относятся к первым шагам двух, в европейском измерении весьма юных культур, наружу из своей национальной ограниченности, оба – краеугольные камни своих культур и для нас, читателей – «вечные спутники», к которым мы вновь и вновь обращаемся.

Из стихотворений Пушкина многие не переведены на финский язык. «Калевалу» перевели на русский язык в начале 1840-х г. Пока мы можем утешаться в нашей обездоленности по отношению к этой жемчужине мировой литературы: «Калевала» есть Пушкин у финнов» («Kalevala» on suomalaisten Puškin»).

...Интерес к Финляндии в 20-е гг. XIX в., по мысли ученого, был обусловлен общими задачами, которые встали перед русскими романтиками того времени, а именно: борьбой за национальную самобытность с осознанием того факта, что Россия – сосредоточение многообразных племен и народностей; открытием нового предмета поэзии, отличающегося богатством «местного колорита» и местной тематики, связанной с нерусскими национальностями России. (Речь идет о карельских поэмах Ф.Глинки «Дева карельских лесов» и «Карелия», о «Песни лопаря» В.Кюхельбекера, поэме Е.Баратынского «Эда») ⁴⁵⁶. С другой стороны, финнов привлекали те стороны Пушкинской поэзии, которые согласовывались с романтическими веяниями как они воспринимались в Финляндии: единство человека с природой, восточные мотивы, близкая к фольклору фантастика, фольклорность того или иного произведения ⁴⁵⁷.

Пушкин был близок финнам прежде всего как романтик, – ведь финская литература зарождалась и развивалась в XIX в., а именно: с 10-х по 70-е гг. XIX в., в русле романтизма, романтизма национального толка с его просветительской традицией.

По переписке Плетнёва с Гротом мы знаем, что Пушкин проявлял живой интерес к Финляндии и ее жителям; его интересовали подробности истории народа, частности его быта, дух языка, народные поверья, нравы, предрассудки и суеверия; памятники народной словесности.

Заслуга Грота и Плетнёва, по мысли Э.Г. Карху, состояла в том, что они оба были пропагандистами русской литературы в Финляндии, в частности произведений Пушкина.

В 1976 г. Карху выпустил книгу «Достоевский и финская литература», в которой показал, что русский реализм вошел в сознание финнов в едином историческом охвате – от Пушкина и Гоголя, с одной стороны, до Толстого и Достоевского, с другой ⁴⁵⁸.

В рассуждении об эпосах ученый исходил из слов Пушкина о важном влиянии их на отечественную литературу ⁴⁵⁹. Сопоставляя Пушкина и, к примеру, крупнейшего поэта Финляндии Эйно Лейно, ученый находит общим у них отношение к поэтическому дару, вдохновению, вере в бессмертие поэзии:

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется
Душа поэта встрепется,
Как пробудившийся орел.
(Пушкин «Поэт» (1827))

Герою петь надлежит как морю-
величественному, священному,
грозному – и нежному,
как тихая ночь над землей...
...Народы исчезнут –
не исчезнет мощь песни
Напетой в народную душу
(Эйно Лейно «Песнь Вяйнямёйнена»)

Таким образом, почти во всех своих работах: книгах, научных исследованиях и статьях, Пушкин остается для ученого носителем света и радости, идеалом и критерием художественного и эстетического вкуса, великим национальным поэтом России – поэтом мирового масштаба.

В одной из последних книг – «Малые народы в потоке истории» (1999), в которой рассматриваются этнокультурные и национальные проблемы, и рассказывается автобиография ученого, - Э.Г. Карху выступает ревностным поборником равноправия и взаимоуважения культур больших и малых народов.

Что касается большой статьи ученого «Пушкин о финнах и финны о Пушкине», опубликованной в 1999 г., то к этой теме ученый был подготовлен всеми своими предшествующими трудами.

Из пяти глав большой статьи мы бы хотели остановиться на последней, поскольку в ней идет речь о переводах Пушкина в Финляндии и вообще о рецепции творчества поэта в этой стране ⁴⁶⁰.

Ученый отмечает, что поэзию Пушкина начали переводить еще при жизни последнего, правда, сначала на шведский язык, т.к. тот оставался основным литературным языком в образованном финском обществе. В 1825 г. в Або (Турку) вышел шведский перевод романтической поэмы Пушкина «Кавказский пленник», которую перевел Ф.Платен. Переводчик владел русским языком, ибо во время русско-шведской войны 1808-1809 гг. попал в плен и был отправлен в Великий Устюг Вологодской губернии, где у него появился интерес к изучению русского языка.

В стихотворном предисловии к переводу Платен сравнивал Пушкина со шведским поэтом Э. Тегнером (1782-1846), автором поэмы «Швеция» (1811), «Саги о Фритиофе» (1818-1825) и нескольких стихотворений. Платен называл Пушкина и Тегнера двумя ярчайшими звездами по обе стороны Балтийского моря и Финляндии.

Интерес к пушкинской поэзии возрос в Финляндии ввиду того обстоятельства, что в стране стал преподаваться русский язык и русская словесность. Во второй половине 20-х гг. XIX в. в студенческих тетрадях Э. Лённрота находим два переписанных им на русском языке стихотворения – «Черная шаль» и «Утопленник». В 1836 г. поэт и критик Ф. Сигнеус опубликовал на шведском языке два своих перевода из пушкинских стихотворений – «Талисман» (1827) и «Цыгане» («Над лесистыми берегами...») (1830).

В 1841 г. Сигнеус и Рунеберг перевели, каждый в отдельности, стихотворение Пушкина «Ворон к ворону летит».

В том же году Я. Грот подарил своему студенту Ю.Лундалю томик стихов Пушкина для перевода по выбору: студент выбрал цикл «Песен западных славян» (перевод для газеты «Гельсингфорс Моргонблад»).

В Швеции в 1841 г. появился перевод повести Пушкина «Капитанская дочка» О.Мермана, который распространялся также и в Финляндии.

В газете «Гельсингфорс Моргонблад» печатались отрывки из «Бориса Годунова» (1847) и «Скупого рыцаря» (1849); в 1839 г. была опубликована статья о Пушкине (без подписи) в газете «Борго Гиднинг» (редактор Ю.Л.Рунеберг); в ней отмечались вершинные произведения поэта – «Борис Годунов» и «Евгений Онегин», говорилось, что Пушкин принадлежит к «величайшим поэтическим гениям нашего времени».

Только в 1876 г. на финском языке появился перевод «Капитанской дочки», который выполнил С. Суомалайнен.

Лишь те финские писатели, которые владели русским языком, понимали основополагающее значение для русской литературы деятельности Пушкина (напр. «Письма из России» Арвида Ярнефельта, опубликованные в финской печати в 1886 г.).

И все-таки Пушкин в финском восприятии до сих пор занимает только пятое место после мощного и непосредственного влияния на финскую литературу творчества Л.Толстого, Достоевского, Гоголя, Чехова. Причина тому – практическая неперевоодимость гениального поэта, трудность прочтения культурно-исторического контекста пушкинского времени. Финские литераторы ощущают необходимость переводить Пушкина заново, а финские слависты стремятся внушить своим читателям, что значит Пушкин для русских, для русской литературы и культуры.

О.А. Кривдина

**АРХИВ СЕМЬИ КЛОДТОВ ФОН ЮРГЕНСБУРГ
В ГОСУДАРСТВЕННОМ РУССКОМ МУЗЕЕ.
БИОГРАФИЯ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА КАРЛА ФЕДОРОВИЧА КЛОДТА (1765-1822)**

Исторически сложилось так, что архивные документы, принадлежавшие семье Клодтов фон Юргенсбург, поступили в Отдел рукописей Государственного Русского музея в 1955 г. от Т.М. Клодт-Осиповой⁴⁶¹.

«Родословная семьи Клодт фон Юргенсбург» (Stammtafel für Familien Clodt von Jürgensburg) была составлена в марте 1852 года на немецком языке⁴⁶². Однако имя составителя в текстах не указано. Именно из «Родословной» известно, что основоположником династии считается барон Иоганн Адольф Клодт фон Юргенсбург (Johann Adolph Clodt von Jürgensburg) шведский генерал - лейтенант, родившийся 5 августа 1650 г., попавший в плен, и умерший в Москве в 1720 г.

На гравюре А.Ф. Зубова «Торжественное вступление русских войск в Москву после Полтавской победы 21 декабря 1709 года»⁴⁶³, выполненной в 1710 г. в технике офорта и известной в единственном экземпляре, представлено «Шествие Царского Величества в Москву с Шведским под Полтавою пленом». Кроме возглавляемых императором Петром I русских войск здесь изображена вереница пленных шведских генералов, полковников и других воинских чинов, среди которых находился и барон Иоганн Адольф Клодт фон Юргенсбург. «Он был одним из храбрейших воинов своего времени, что доказывается, во-первых, милостивым приемом, сделанным ему в плену Петром Великим, а во-вторых, и тем, что Карл XII, также знаток храбрости, в самую бытность его в плену, назначил его своим посланником при Российском дворе и возвел (15 февраля 1714 г.) в баронское достоинство», - указано в архивных делах и в «Русском биографическом словаре»⁴⁶⁴.

Иоганн Адольф Клодт и его брат Густав Адольф являлись баронами Шведского королевства и женаты были на шведках. Эти сведения дали убедительное основание для выявления скандинавской ветви Клодтов. Доклад «О скандинавской ветви в родословной скульптора Петра Карловича Клодта фон Юргенсбурга (1805-1867)» был сделан мной в 2002 г. на научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы»⁴⁶⁵.

В «Родословной» указано, что «дворянский род Клодтов весьма древен. Он происходит из Италии, откуда уже распространился по Вестфалии, по Рейну и по Мозелю. В 1543 г. один из Клодтов переселился из Вестфалии в Лифляндию, и присоединил к фамилии

своей прозвище фон Юргенсбург, по имени одного из своих имений в Лифляндии»⁴⁶⁶. По другим источникам, в 1561 г. магистр Ордена фон Гален пожаловал это имение Иосту (Юосту) Клодту⁴⁶⁷.

В 1780 г. имение Юргенсбург, принадлежавшее всегда старшему в роде, перешло в постороннее владение. В эти годы одна из ветвей Клодтов переселилась в Россию, и члены семьи стали передавать «своим наследникам вместо достояния один только фамильный герб некогда богатых предков своих!»⁴⁶⁸. Их баронское достоинство с родовым гербом было признано в России 17 октября 1853 г.⁴⁶⁹ Щит герба увенчан шведской баронской короной и с двух краев рыцарскими шлемами. Подробное описание герба приведено мной в опубликованных в 2002 и 2003 г. статьях⁴⁷⁰.

Кроме того, основными источниками, указывающими нам исторические факты и события из жизни семейства Клодтов, являются документы, собранные, систематизированные, а также написанные самим сыном скульптора Петра Карловича Клодта - Михаилом Петровичем Клодтом, известным живописцем второй половины XIX века⁴⁷¹. Копия формулярного списка К.Ф. Клодта из Главного Штаба была выдана М.П. Клодту по его просьбе 31 августа 1912 г. Данный документ также хранится в отделе рукописей Государственного Русского музея⁴⁷².

Целью доклада является обращение к личности Карла (Густава) Федоровича Клодта - отца скульптора Петра Карловича Клодта, основанное на изучении его личных документов из отдела рукописей Государственного Русского музея. Эти архивные материалы не публиковались и дают подробное представление о военной деятельности и боевых заслугах генерал-майора К.Ф. Клодта⁴⁷³.

Карл Федорович родился 25 июля 1765 г. в родовом имении Ваалькюль близ Ревеля в семье отставного лейтенанта русской кавалерии Адольфа Фридриха Клодта – внука Иоганна Адольфа Клодта. В его формулярный список записано, что происходит он из Лифляндских дворян⁴⁷⁴. Имеются сведения, что учиться он начал в «Dohm-Schule» в Ревеле, а далее обучался дома под руководством известных учителей, один из которых – Федор Иванович Шуберт (1758-1825), в дальнейшем ставший астрономом, академиком и членом Петербургской Академии Наук⁴⁷⁵. Из архивных документов установлено, что Клодт знал русский, немецкий и французский языки, а также артиллерийскую науку⁴⁷⁶.

В военную службу Клодт вступил четырнадцатилетним юношей 4 февраля 1780 г. в чине сержанта в артиллерии⁴⁷⁷, и с этого времени начинается его беззаветная и доблестная деятельность на благо Отечества. Проследим четко по датам его повышения по службе. 10

мая 1786 г. он стал штык-юнкером в артиллерии. 7 декабря 1787 г. его перевели в Генеральный штаб поручиком, а 18 июня 1792 г. он становится капитаном. 16 февраля 1797 г. при императоре Павле I Клодт переведен в «Свиту Его Величества по квартирмейстерской части»⁴⁷⁸, и 17 ноября того же года он произведен в майоры. 8 апреля 1800 г. Клодт произведен в подполковники.

Уже при новом императоре Александре I он был пожалован 8 августа 1806 г. в чин полковника, о чем свидетельствует собственноручно подписанная императором грамота: «Известно и ведомо да будет каждому, что МЫ Барона Карла Клода фон Юргенсбурга, который НАМ Подполковником служил, для оказанной его к службе НАШЕЙ ревности и прилежности в НАШИ Полковники тысяща восемь сот шестого года Августа осьмого дня Всемилоостивейше пожаловали и учредили; яко же МЫ сим жалуем и учреждаем, повелевая всем НАШИМ помянутого Барона Карла Клода фон Юргенсбурга за НАШЕГО Полковника надлежащим образом признавать и почитать: напротив чего и МЫ надеемся, что он в сем ему от НАС Всемилоостивейше пожалованном новом чине так верно и прилежно поступать будет, как то верному и доброму Офицеру надлежит. Во свидетельство того МЫ сие Собственною НАШЕЮ рукою подписали и Государственною НАШЕЮ печатью укрепить повелели. Дан в Санктпетербурге лета 1806 сентября 6 дня»⁴⁷⁹.

Сведения о ранних годах службы Клодта удалось почерпнуть из формулярного списка. С 1783 г. по 20 апреля 1784 г. он находился в Польше в обсервационном корпусе. В 1789 г. был за Кубанью до Тамани. С 3 октября по 3 ноября 1790 г. снова за Кубанью до реки Чавкучь, и с 1791 по 1794 гг. состоял при Кубанском корпусе. Далее в формулярном списке читаем: «802 с 24 марта при съемке и сочинении карты части С.Петербургской губернии. 805 с 24 июня в резервном корпусе и при съемке Подолии и Очаковской степи, 806 года мая 26 был командирован в корпус Генерала от кавалерии барона Мейсндорфа, с коим 806 и 807 находился за границею в Молдавии и Безсарабии и при обложении крепости Измаила, где мая 26-го и июля 12-го был в сражениях под оною крепостию противу Турецких войск, за что награжден орденом Св. Владимира 4 степени с бантом»⁴⁸⁰.

В отделе рукописей Государственного Русского музея сохранилась наградная грамота К.Ф. Клодта орденом Св. Владимира 4-й степени, в которой записано: «В воздаяние отличной храбрости, оказанной вами в сражении 12-го Юня противу Турецкихъ войск подъ Измаиломъ, где вы с самого начала обложения войсками сей крепости до самого сего сражения употребляемы были при рекогносцировании и снятии ситуации около крепости подвергая себя частой опасности; во время же сражения находился при

Главногокомандовавшим, жалую вас Кавалером Ордена Святого равноапостольного Князя Владимира четвертой степени, коего знак у сего к вам доставляя повелеваю возложить на себя и носить по установлению в петлице с бантом, уверен будучи, что сие послужит вам поощрением к вящему продолжению усердной службы вашей, пребываю вам благосклонный Александръ»⁴⁸¹.

Скупые записи в документах дают представление о том, что в августе 1809 г. Клодт находился под командою генерал-лейтенанта Засса за Дунаем при взятии крепости Сакчи и Тулчи. Далее он уже при героической осаде и сдаче крепости Измаила, и с 20 мая 1810 г. он при корпусе Засса за Дунаем. При переправе через реку Дунай, у крепости Туртукая и занятии ее Клодт был удостоен Высочайшего благоволения. С 15-го июня он участвует в осаде крепости Рушука и при ее штурме, потом при осаде крепости Журжи. В августе он находится в Сербии, при занятии деревни Раковицы на правом берегу Дуная, и при обложении берегового укрепления, за что был пожалован орденом Св. Анны 2-й степени с алмазами.

Приводим текст наградной грамоты: «В воздаяние отличного усердия вашего к службе и мужества, оказанных вами в нынешнюю компанию противу Турок, в продолжении коей вы со времени перехода корпуса Генерала Лейтенанта Заса на правую сторону Дуная явили много ревности и знаний как в случае рекогносцировок, так и во время встречавшихся с неприятелем дел в распоряжении частей войск, где случилось быть вам отделенным, особенно же ознаменовали себя в сражении 2-го минувшего июля при вылазке из крепости Рушука назначением места и наставлениями командующим частями, кои всегда были полезны, жалую вас Кавалером Ордена Святыя Анны второго класса, коего знак у сего к вам препровождая, повелеваю возложить на себя и носить по установлению; уверен будучи, что сие послужит вам поощрением к вящему продолжению ревностной службы вашей, Пребываю вам Благосклонный Александръ»⁴⁸². Подписан документ 6 марта 1811 г. в Санкт-Петербурге.

В разделе формулярного списка о награждении Клодта чинами значится следующее: «За сделанную топографическую карту Валахии, Молдавии, часть Сербии и Бесарабии Всемилостивейше пожалован алмазный перстень в 600 руб. 807 мая 26.

За отличие в сражениях против турецких войск награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом 807 июля 12.

Пожалован орденом Св. Георгия 4 класса 809 нояб. 30
за отличную деятельность при занятии Турецкого укрепления берегов в Сербии,

за сие пожалован золотою шпагою с надписью за храбрость	810 Сент. 25
В сражении при Бородине, за что пожалован орденом Св. Анны 2 степени с алмазами	812 авгус. 5
В сражении при Бородине, за что получил Высочайшее благоволение	812 окт. 6
За отличие в сражении противу французских войск – при обложении и занятии крепости Шпандау за что награжден орденом Св. Владимира 3 степени	813 авгус. 26
За отличие в сражении генерал-майором	813 октяб. 6». ⁴⁸³

В отделе рукописей Государственного Русского музея сохранился документ, зафиксировавший факт пожалования Клодта чином генерал-майора 6 октября 1813 г. и выдачу грамоты 2 июня 1817 г. Прочитируем этот текст: «Известно и ведомо да будет каждому, что МЫ Барона Карла Клода Фон Юргенсбурга, который НАМ Полковником служил, за оказанную его в службе НАШЕЙ ревность и прилежность в НАШИ Генерал-Майоры тысяща восемь сот третьяго надесять года Октября шестого дня Всемиловейше пожаловали и учредили; яко же МЫ сим жалуем и учреждаем; повелевая всем НАШИМ подданным оного Барона Карла Клода Фон Юргенсбурга за НАШЕГО Генерал-Майора надлежащим образом признавать и почитать; и МЫ надеемся, что он в сем ему от НАС Всемиловейше пожалованном чине так верно и прилежно поступать будет, как то верному и доброму Офицеру надлежит. Во свидетельство чего МЫ сие Собственною НАШЕЮ рукою подписали и Государственною НАШЕЮ печатью укрепить повелели»⁴⁸⁴.

В архиве Государственного Русского музея находится и наградная грамота Клодта на орден Св. Анны 2-й степени с алмазными украшениями, выданная 14 августа 1818 г. в Санкт-Петербурге⁴⁸⁵.

Геройски отличившийся во многих сражениях против французских войск, барон К.Ф. Клодт, являясь генерал-майором, 16 марта 1817 г. был назначен начальником штаба Отдельного Сибирского корпуса. Тогда же ему было «Всемиловейше пожаловано на подъем 2000 р. асегнациями»⁴⁸⁶. Вместе с семьей – супругой Елисаветой Яковлевной (дочь статского советника фон Фреингольда) и сыновьями Владимиром, Петром, Константином, Александром и Борисом Клодт переехал из Санкт-Петербурга в Омск. Там семья увеличилась – родились сын Михаил и дочь Наталья⁴⁸⁷. 23 июля 1822 г. К.Ф. Клодт скончался и был исключен из списков «свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части»⁴⁸⁸.

Живописный портрет К.Ф. Клодта, написанный в мастерской Джорджа Доу в 1821 г., находится в Военной галерее 1812 г. в Зимнем дворце. Славу воинских подвигов К.Ф. Клодта

смог воплотить его сын – знаменитый скульптор П.К. Клодт, участвовавший в 1833 г. в создании шестерки коней для Нарвских триумфальных ворот в Петербурге. Ответственность и сложность этого официального заказа соединялась с чувством гордости за участие в создании памятника Славы героям, одним из которых был его отец. Перечень мест основных сражений русской гвардии: Бородино, Малоярославец, Кульм, Лейпциг тесно связан с героическим прошлым барона, генерал-майора Карла (Густава) Федоровича Клодта фон Юргенсбурга.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ О ФИНЛЯНДИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (1845-1910 гг.)

Русское общество «открыло» для себя Финляндию в конце 1830-х гг. в связи с более частым посещением её, в первую очередь, жителями Петербурга. И уже в 1840 г. Я.К. Грот, тогда ещё чиновник по особым поручениям при Статс-секретариате Великого княжества Финляндского, а в будущем известный языковед, переводчик, писатель, академик, высказал мысль об издании «Финляндского вестника» – политического и литературного журнала, материалы для которого черпались бы из газет, журналов и книг, вышедших в Скандинавии.⁴⁸⁹ Идею Я.К.Грота смог реализовать Ф.К.Дершау, отставной поручик, сын коменданта Або, долгое время живший в Финляндии. К.Ф.Дершау назвал своё издание «Финский вестник» и наметил его выход в свет в 1844 г. В программе этого «учёно-литературного» журнала в разделе «Северная словесность» издатель предполагал помещать как лучшие произведения русских авторов, так и романы, повести, рассказы самых замечательных писателей Швеции, Норвегии, Дании и Финляндии.⁴⁹⁰

Второй раздел программы – «Материалы Северной истории» предназначался для освещения исторических вопросов и «исторических доводов» могущих послужить, по словам Дершау, «к важным открытиям, в особенности, к пояснению истории России и Финляндии».⁴⁹¹

Первоначально журнал предполагалось издавать в Финляндии в Або, где, по мнению Дершау, он мог быть средством распространения русского языка. Но финляндский генерал-губернатор счёл необходимым, чтобы «Финский вестник» проходил цензуру в Петербурге, так как цензурный комитет в Финляндии учрежден для книг на финском и шведском языках.

7 октября 1843 г. Николай I разрешил издание «Финского вестника». Его резолюция гласила: «Согласен, но с самым строгим надзором цензуры».⁴⁹²

Вопреки планам, Ф.К.Дершау не удалось начать издание журнала в 1844 г. Не хватало средств и сотрудников. Я.К.Грот занял по отношению к Дершау «враждебную позицию»⁴⁹³ и препятствовал привлечению к сотрудничеству с ним финляндских литераторов и учёных. Всё же в 1844 г. Дершау удалось раздобыть средства и с 1845 г. начать издание «Финского вестника».

В 1845 г. вышло в свет 6 томов журнала, в следующем году ещё 6, в 1847 г. – ещё двенадцать. Известный литературовед Э. Карху считал, что в «Финском вестнике» печаталось «сравнительно много материалов о Финляндии».⁴⁹⁴ Например, в первом томе за

1845 г. были опубликованы очерк Ф.К.Дершау «Лалли. Финн XII столетия», легенда «О построении ресоской церкви», статья «Биргер-Ярл».

Также в первом томе появилась повесть Н.В.Кукольника, переведенная вскоре на финский язык – «Егор Иванович Сильвановский, или завоевание Финляндии при Петре Великом». В «Финском вестнике» была представлена русскому читателю повесть Снельмана «Любовь и любовь».

Осенью 1847 г. главное управление цензуры министерства просвещения разрешило Савельеву, известному ориенталисту, секретарю комитета иностранной цензуры, стать соредактором.⁴⁹⁵ Тогда же была удовлетворена просьба издателя о выпуске журнала в 1848 г. под новым названием «Северное обозрение» в связи с тем, что в издании широко представлены не только финская, но и более широко скандинавская темы.⁴⁹⁶

Через год, в 1848 г., Дершау из-за тяжелой болезни передал издание «Северного обозрения» коллежскому советнику Григорьеву, чиновнику особых поручений Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий.⁴⁹⁷ В 1849 г. титулярный советник Дерикер купил права на журнал; выпустив в свет 9 книг «Северного обозрения», он разорился и в апреле 1850 г. прекратил издание.⁴⁹⁸

Лишь через 39 лет в Петербурге была предпринята новая попытка издать газету, которая знакомила бы петербуржцев с различными сторонами жизни Финляндии – от торговли до спорта. В мае 1889 г. петербургский купец первой гильдии, инженер уроженец Финляндии Р.И.Рунсберг обратился в Главное управление по делам печати с прошением о разрешении выпускать газету «Финляндский вестник».⁴⁹⁹ Её редактором был намечен действительный статский советник В.И.Головин, бывший чиновник особых поручений при министр-статс-секретаре Великого княжества Финляндского.

Прошение Р.И.Рунсберга было отклонено. Цензура мотивировала это следующими соображениями: «Появление в Петербурге газеты, специально посвященной интересам Великого княжества, может лишь обострить и без того уже существующую агитацию некоторой части нашей журналистики против Финляндского управления и что избранный редактором проектируемого органа отставной действительный статский советник Головин, неучаствовавший в публицистике, известен в литературе лишь как переводчик немногих финских стихотворений».⁵⁰⁰

В октябре 1898 г. отставной штабс-капитан, уроженец Финляндии, К.Б.Гренгаген, тоже получил отказ в издании газеты «Финляндские отголоски», которую предполагалось издавать в Петербурге. Прошение было отклонено «ввиду того, что г. Гренгаген, окончивший

курс наук в юнкерском училище и совершенно неизвестный в публицистике и литературе, не отвечает требованиям, предъявленным к редакторам отечественных политических периодических изданий».⁵⁰¹

В начале XX века Финляндия стала хорошо знакома как место летнего отдыха. Дачники и туристы нуждались в рекламной информации. В связи с этим в 1905 г. кандидат права А.А. Саваневский предпринял издание «Финского листка объявлений», но оно просуществовало недолго. Первый номер вышел 1 апреля 1905 г. – последний – шестой 20 мая того же года. «Издание это, говорилось в первом номере, - вызывается стремлением облегчить петербургской публике ознакомление с дачной местностью в районе финляндской железной дороги, с местными курортами и другими лечебными заведениями, а также торговыми и промышленными предприятиями страны».⁵⁰² В этом листке объявлений печатались информация о ценах на железнодорожные билеты, объявления о продаже дач и квартир, адреса медицинского персонала на территории Финляндии, а также сведения о товарах и услугах. Тираж этой рекламной газеты доходил до 4-х тысяч экземпляров, она бесплатно раздавалась пассажирам, уезжающим из Петербурга в Финляндию.

В новых исторических условиях, после окончания первой русской революции, в период наступления правительства на автономию Финляндии, в Петербурге в 1908 г. появляется журнал «Финляндия». В монографии В.В. Шелохаева «Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии» подчеркивалось, что этот журнал издавался при поддержке финской либеральной буржуазии.⁵⁰³ Первый номер журнала «Финляндия» вышел в сентябре 1908 г. Его издателем и первым редактором был П.Гусев – человек неизвестный в литературных и политических кругах. Главное управление по делам печати знало его лишь как автора небольшого путеводителя по Финляндии.

В первом номере журнала на обложке было напечатано: «Журнал Финляндии, являясь органом внепартийным, ставит себе задачей сближение русского и финляндского обществ и посильное содействие развитию между ними добрых, дружественных отношений. Путь к достижению этой высокой задачи журнал видит в познании русским обществом политического, общественного и бытового устройства жизни этой нации и в полном, компетентном разъяснении тех вопросов, взаимных отношений, которые при одностороннем толковании, несомненно, порождают национальный антагонизм».

Статьи журнала обратили на себя внимание правительственного аппарата. В марте 1909 г. помощник управляющего делами Совета министров, обращаясь в Главное управление по делам печати, писал: «В конце минувшего года стал выходить в Петербурге журнал

“Финляндия”, направленный, как видно из его содержания, к распространению в русском обществе противогосударственной теории о существовании, будто бы отдельной от России финляндской государственности». ⁵⁰⁴ В конце своего обращения чиновник предлагал «приостановить» издание журнала, конфисковать вышедшие номера и возбудить против него судебные преследования. Но Главное управление по делам печати отказалось проводить репрессии против журнала, не устраивая в статьях «попытки к ниспровержению существующего государственного порядка». Цензурное ведомство даже подчёркивало, «что тон статей в журнале “Финляндия” менее резок, нежели в газетах “Речь”, “Русские ведомости” и даже в спокойном “Вестнике Европы”».

В мае 1909 г. изменился формат журнала, его объём увеличился, он стал выходить два раза в месяц. Это объясняется переходом журнала в руки кадетской партии. Вместо П. Гусева издателем стал Д.Д. Протопопов – член ЦК кадетов, редактировал преобразованный журнал В.А. Игельстрём – доцент Александровского университета в Гельсингфорсе, автор статей о Финляндии в Энциклопедическом словаре издателей Брокгауза и Эфрона. В журнале стали публиковать свои статьи 16 членов ЦК кадетской партии, среди них Муромцев, Родичев, Милюков, Шингарёв, Кокошкин. Появились публикации и финских общественных деятелей – Л. Мехелина, К. Игнациуса, А. Неовиуса, Чизениуса.

Член Совета Главного управления по делам печати Берендтс в своем докладе 26 июня 1909 г. подчеркивал, что П. Гусев «передал дело в руки лиц, более известных в литературном мире. Очевидно, ведение дела, - считал цензор, - было ему не по плечу». Далее Берендтс писал о П. Гусеве: «В прощальной статье в апрельском номере “К читателям” он жалуется на отсутствие широкого, тёплого приёма в обществе, объясняя это явление своей беспартийностью». Оценивая новый состав редакции и авторов, цензор подчеркивал: «Несомненно, что журнал имеет ныне штат более или менее серьёзных сотрудников. О беспартийности, конечно речи быть не может. Мы имеем дело с коалицией русских “кадетов” и финляндских свеноманов, или конституционалистов». ⁵⁰⁵

В пятом номере журнала “Финляндия” новая редакция, обращаясь к читателям, провозглашала: «Мы (русские сотрудники журнала) заявляем, что мы берёмся за перо для защиты законных прав Финляндии, движимые, в значительной степени, заботой о достоинстве и интересах России». ⁵⁰⁶

В июне 1909 г. цензура отмечала, что в критике правительственной политики журнал «держится в рамках приличия, нет ничего предосудительного». ⁵⁰⁷ Однако уже осенью указывала на статьи, «авторы которых в резких, возбуждающих вражду к правительству

выражениях осуждают направление правительственной политики по отношению к Финляндии.....».⁵⁰⁸

Нападки на правительственную политику усиливались по мере приближения времени голосования в Государственной Думе по Финляндскому вопросу.

28 мая 1910 г. в Государственной Думе был принят законопроект, ограничивающий права финляндского сейма, и в тот же день последовало обращение цензуры к Петербургскому градоначальнику по поводу резких нападок на правительство в №10 журнала «Финляндия». На другой день издание журнала было остановлено градоначальником на основании положения о чрезвычайной охране.⁵⁰⁹

Передав издание журнала «Финляндия» в руки Протопопова и Игельстрёма, П.Гусев стал редактором нового журнала – «Финляндского вестника политики, культуры, промышленности и торговли». Его первый номер вышел 30 сентября 1909 г., периодичность издания в 1909 г. была 2 раза в месяц. Появление нового журнала П.Гусев объяснил следующим образом: «За несколько последних месяцев политические события в Финляндии вызвали в массах столько новых настроений, что требуется более многосторонний, более внимательный и глубокий анализ для оценки психоза современного финляндского общества и народа. Беспристрастное освещение этих настроений с беспартийной точки зрения, по моему мнению, является настолько важным для получения вывода о финляндском народе, что факт существования уже одного журнала по финляндским вопросам не имеет в данном случае никакого значения. Чем больше мы будем иметь сведений о Финляндии, тем правильнее и справедливее будут отношения к ней».⁵¹⁰

Редактор обещал читателям, что журнал будет выходить при участии известных профессоров и писателей, но в основном статьи в издании принадлежали самому П.Гусеву.

В 1910 г. «Финляндский вестник» стал выходить в виде газеты. Гусев подчеркнул в подзаголовке, что это «первая в России газета по финляндским делам». Первый номер вышел 13 февраля 1910 г. В нем редактор писал: «Сейчас Финляндия переживает такое время, когда двухнедельное издание уже не имеет возможности своевременно и живо отображать быстро текущие события, отдельные моменты и настроения финляндской жизни. Интерес к финляндскому вопросу среди русского общества возрастает каждодневно, и в посильном стремлении служить удовлетворению этого интереса мы преобразовали наш журнал в газету, имеющую выходить пока еженедельно и обнимающую собою все стороны финляндской жизни».⁵¹¹

В своих публикациях Гусев призывал сохранить особое положение Финляндии в составе Российской империи. Редактор писал: «Финский народ надеется, что Государственная Дума не сможет утвердить смертный приговор Финляндской автономии».⁵¹² Но такой законопроект был принят, как мы уже отмечали, 28 мая 1910 г., а 17 июня 1910 г. утвержден царём.

Видимо, после этих событий интерес к Финляндии в русских политических кругах упал, и П.Гусев в октябре 1910 г. прекратил издание «Финляндского вестника», последний номер которого вышел в виде брошюры, а не в формате газетных листов.

Таким образом, с 1845 г. по 1917 г. в Петербурге на русском языке выходило всего лишь три периодических издания (не считая рекламного листка), которые ставили своей целью познакомить русского читателя с культурой, историей и особенностями политического устройства Финляндии. И если первое издание «Финский вестник» было литературным и возникло на волне модного интереса к Финляндии и Скандинавии, то журналы «Финляндия», «Финляндский вестник» были созданы для решения определенной политической задачи. Цензурное ведомство не позволило в конце XIX в. финляндским уроженцам издавать газеты, которые бы могли дать широкое представление о жизни Финляндии русскому читателю. В то же время с 1870 г. по 1917 г. финское население Петербурга и губернии имело свои печатные органы на родном языке, что позволяло или сохранить и развивать свою национальную культуру.

И.Н. Новикова

**ДОНЕСЕНИЯ ВОЕННЫХ АГЕНТОВ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
РОССИЙСКО-СКАНДИНАВСКИХ ОТНОШЕНИЙ
ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

С начала XIX в. великие европейские державы ввели в свои иностранные представительства институт военных агентов или, говоря современным языком, военных атташе. Россия не являлась в этом новом деле исключением. Российский институт военных агентов появился здесь практически одновременно с ему подобным из числа других великих держав. С 1857 г. в России начал свою работу также институт военно-морских агентов – официальных представителей государства за границей, в задачу которых входило сообщение сведений об иностранных военно-морских силах.⁵¹³ Военные агенты занимали по своему статусу и функциям промежуточное положение между карьерными дипломатами и офицерами. Как официальных представителей военного ведомства за рубежом, их называли «дипломатами в погонах». В иерархии рангов они заняли место вслед за временными поверенными, соответствуя уровню советника или первого секретаря миссии.⁵¹⁴

В общественном мнении существовало представление, что военный агент – это «официальный шпион», что не совсем соответствовало действительности.⁵¹⁵ Главная обязанность военного агента заключалась «во всестороннем изучении военного устройства и военного могущества тех государств, которые поручены их наблюдению, в сборе и обработке возможно полных, точных и своевременных сведений о вооруженных силах и средствах иностранных государств».⁵¹⁶ Причем изучение этих вопросов осуществлялось прежде всего на основе легальных, официальных источников информации. Военные агенты были также обязаны следить за прессой и представлять обзор печати государств аккредитации по военным вопросам, «в пределах необходимости» они должны были касаться и политических вопросов.

Особенностью нового периода развития института военных агентов в начале XX в. стало усиление общественно-политической составляющей в информационно-аналитических материалах, направляющихся ими в центральные военные ведомства, тогда как ранее их деятельность была во многом ограничена сбором военно-технических данных и передачей салонных сплетен.⁵¹⁷ Полезной, надо полагать, является попытка показать значение информационно-аналитической работы военных агентов для изучения российско-скандинавских отношений периода Первой мировой войны.

В воспоминаниях А.А. Игнатьева дана краткая, но точная характеристика роли и значения Скандинавии для интересов России в Европе. Тогдашний руководитель Генштаба Ф.Ф. Палицын перед вступлением Игнатьева на должность военного агента в Дании, Швеции и Норвегии, отметил: «А, впрочем, самое главное – это там», указав с присущей ему невозмутимостью на северный край висевшей на стене громадной карты Европы. «Да, да. Все будущее там!». ⁵¹⁸ И хотя эти слова руководителя Генерального штаба относились к 1908 г., значение Скандинавии для интересов России с началом Первой мировой войны не только не упало, наоборот, заметно возросло. Во-первых, возросло экономическое значение Скандинавских нейтралов. Война 1914-1918 г. стала первой тотальной войной. И победа в ней определялась не только военными успехами. Война испытывала на прочность экономический фундамент государств. Победить в этой войне была способна лишь та коалиция государств, которая лучше приспособилась к ее затяжному характеру и обладала большими экономическими ресурсами. В условиях ожесточенного военного противостояния скандинавские нейтралы взяли на себя роль перевалочных пунктов в экономическом обеспечении воюющих сторон. Они стали своего рода отдушиной, через которую воюющие государства могли получать необходимые для ведения войны материалы и стратегически важное сырье. Например, несмотря на разрыв экономических отношений, Россия, с помощью такого явления, как военная контрабанда, продолжала получать товары германского, а Германия – российского происхождения. Кроме того, через территорию скандинавских государств осуществлялся транзит грузов союзников. Во-вторых, Скандинавия приобрела особое значение как своего рода «окно» с мир противника. Скандинавские страны, также как и Швейцария – стали ключевым плацдармом тайной агентурной деятельности российской разведки против Германии. В данной связи Дания служила основной базой для секретных операций России против Германии. Наконец, возросло стратегическое и геополитическое значение скандинавских нейтралов для обеспечения безопасности российской столицы. Теоретически, на северном направлении Россию подстерегали три вида «угроз»: вступление Швеции в войну на сторону Германии, германский десант на финское побережье и восстание в Финляндии. В последнем случае финский сепаратизм создавал возможность интернационализации конфликта на Севере Европы через вмешательство шведов, за спиной которых могли стоять немцы.

В этих условиях должность военного агента в трех северных столицах рассматривалась руководителями военного ведомства как одна из ключевых с точки зрения получения информации о планах великих держав на европейском Севере и в Балтийском

регионе. Наряду с хорошими специалистами в своем прямом деле, военные агенты должны были обладать прекрасными аналитическими способностями и выполнять прогностическую функцию по отношению к развитию вверенного их глазам и ушам региона. Из простого «собирателя информации» военный агент становился ее обработчиком и в какой-то мере предсказателем возможного развития событий. Не случайно на этот пост назначались лица, близкие к скандинавским народам по происхождению и религии (лютеране), либо выходцы из северных губерний России, владевшие, как правило, скандинавскими языками.

В период Первой мировой войны военным агентом России в странах Скандинавии был полковник Дмитрий Леонтьевич Кандауров, военно-морским агентом капитан 1 ранга Владимир Арсеньевич Сташевский. С 1916 г. помощник Сташевского в Дании капитан 2 ранга Борис Сергеевич Безкровный стал военно-морским агентом в Дании, другой его помощник – старший лейтенант Павел Петрович фон Веймарн, занимался преимущественно Норвегией и находился в Христиании. Сташевский, Кандауров и Веймарн продолжали работать в Скандинавии и после прихода к власти правительства большевиков. Они были отправлены в отставку в 1918 г. Чуть раньше, в декабре 1917 г., за отказ вернуться в Россию был лишен чина и уволен из флота Б.С. Безкровный, ключевая фигура в русской военной разведке в Дании и северной Германии.

Центральным вопросом аналитической работы для военных атташе был вопрос о том, удастся ли Скандинавии сохранить нейтралитет в пожаре мировой войны. При этом особую тревогу на берегах Невы вызывала позиция Швеции. С 1908-1909 гг. в разработках Генерального морского штаба Швеция считалась потенциальным противником России в Балтийском регионе, но при этом российские военные аналитики рассматривали не столько самостоятельное выступление Швеции против России в случае военного конфликта на Балтике, сколько действия Швеции в союзе с Германией.⁵¹⁹ Российские «дипломаты в погонах» ожидали от Швеции в первые дни войны, как образно заметил В.А. Сташевский «всяких сюрпризов».⁵²⁰ Следует отметить, что Сташевский преувеличивал шведскую опасность для России. Он был уверен в том, что Швеция могла начать военные действия против России в любой момент, о чем старался поставить в известность начальника Морского Генерального штаба адмирала Александра Ивановича Русина.⁵²¹ Кто знает, может быть, мнение Сташевского принималось во внимание, когда было принято беспрецедентное решение – превентивная мера командующего Балтийском флотом адмирала Н.О. Эссена в первые дни войны отправить к острову Готланд эскадру Балтийского флота, которая была отозвана назад лишь в самый последний момент.⁵²²

Степень недоверия к позиции Стокгольма была действительно высокой на протяжении войны. Военно-морской агент сравнивал политику Швеции с «капризной женщиной, которая в любую минуту может изменить свое мнение в ту или другую сторону». Он был уверен в том, что шведские стремления к реваншу сдерживались исключительно только двумя людьми – премьер-министром Я. Хаммаршельдом и министром иностранных дел К.Валленбергом. «Умри сегодня эти два человека и завтра Швеция выступит против нас, несмотря на все выкрики социалистов»⁵²³, – утверждал он в одном из своих донесений.

Военный и военно-морской агенты довольно часто сообщали в Петроград, что вступление Швеции в войну против России практически неизбежно. И каждый раз в их запасе имелись веские аргументы в пользу такого вывода. Весной 1915 г. таким аргументом стала непроверенная информация о сотрудничестве между шведским и немецким генштабами.

В конце 1915-начале 1916 гг. сильным аргументом в пользу неизбежного русско-шведского конфликта стали сведения о военной подготовке в Германии финских добровольцев, чтобы использовать их затем с целью организации для восстания в Финляндии. Швеция в таком случае, не могла бы спать спокойно и пришла бы на помощь «истекающим кровью финнам». «Дипломаты в погонах» настолько устали находиться в состоянии перманентной тревоги за действия Швеции, что открытое вступление этой страны в войну они даже стали считать лучшим выходом, чем тревожное состояние угрожающей неопределенности. Такая позиция военных представителей была противоположной позиции российских дипломатов в Скандинавии и слабо согласовывалась с национальными интересами России.

Военные аналитики Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) обязаны были представлять в течение войны сценарии возможного развития событий на Севере Европы и, в зависимости от изменившихся условий, отвечать на вопрос центрального руководства: «придется ли Скандинавским странам стать участниками современной войны?»

В конце ноября 1916 г., например, из-за очередного германо-норвежского конфликта, в докладе ГУГШ высказывалось сомнение в том, что Скандинавские страны сохранят свой нейтралитет. Более того, в этом докладе содержалось положение, согласно которому конфликт Германии с Норвегией и как следствие – война между двумя странами и вступление Норвегии на стороне Антанты, выгодны для России.⁵²⁴ При этом доклад ГУГШ практически полностью воспроизводил аналитическую записку Кандаурова.⁵²⁵ Кандауров, а

вслед за ним и ГУГШ, полагали, что российское руководство должно, наконец, определить для себя, что важнее для Петрограда: «уступчивость ли Норвегии Германии, которая сводит почти к нулю английскую блокаду», или «неуступчивость Норвегии». Для военного агента и сотрудников Главного управления Генштаба был ближе второй вариант – «толкнуть Норвегию на войну с Германией». При этом предполагалось, что Англия окажет Норвегии необходимую помощь. Кандауров считал, что в случае германо-норвежского конфликта Швеция также не останется в стороне и, в отличие от Норвегии, выступит против России. Российско-шведская война была для него более приемлемым решением, чем постоянное опасение, что Швеция способна нанести удар в самое неподходящее время в спину российской армии.

Следствием очередной тревоги вокруг возможной эскалации конфликта на Севере Европы стало усиление российского военного присутствия в Финляндии. Если сравнить донесения дипломатических и военных представителей России в Скандинавии, то можно сделать вывод о том, что военные атташе были настроены более воинственно, чем дипломаты. Дипломаты, в силу своей профессии, искали возможности для мирного разрешения конфликта, военные представители империи наоборот, были приверженцами вооруженного способа разрешения конфликта.

В годы Первой мировой войны военным агентам пришлось заниматься не свойственной им и не предусмотренной старыми инструкциями деятельностью – а именно ведением информационной войны – борьбы за общественное мнение скандинавских нейтралов. Развитие демократических традиций в Северных странах привело к тому, что здесь общественное мнение превращалось в силу, реально, а не номинально воздействующую на процесс принятия решений. Борьба за эту силу со стороны противоборствующих коалиций хотя и была бескровной, тем не менее достаточно ожесточенной. Донесения военных агентов приоткрывают завесу секретности в таком сложном вопросе, как пропаганда и информационные войны в Скандинавии. Например, согласно параграфу 9, ст. 3 сметы ГУГШ для воздействия на общественное мнение скандинавов выделялся кредит в 100 тыс руб, из этой суммы военный агент регулярно получал средства⁵²⁶, необходимые для ведения пропаганды.

Не отставало от Главного управления Генштаба и руководство военно-морскими силами страны. Так, в секретной телеграмме от 24 декабря 1914 г. адмирал А. Русин просил Сташевского «осторожно, не подвергая себя риску, навести справки о возможности и условиях подкупа для помещения статей желательного нам направления шведских газет».⁵²⁷

Сташевский справился с этим поручением и сообщал спустя несколько недель о том, что ему удалось наладить отношения со вторым редактором газеты «Dagens Nyheter» доктором Карлгреном. Эта либеральная газета имела репутацию независимого и неподкупного издания. Однако ее редактор Карлгрен был готов за соответствующее вознаграждение принимать и печатать нужные статьи из России. От прямой формы взятки он отказался, но, как заметил Сташевский, «лишь облек ее в приличную форму – вознаграждение за переводы». В ходе дальнейших переговоров он просил присылать готовые статьи на шведском языке, подписывая их псевдонимом «молодой друг», но прибавил, что все же придется платить за напечатание, причем желательно помесечно». Военно-морской агент, в отличие от дипломатических представителей империи, был убежденным сторонником проверенного способа ведения информационной войны с Германией – подкупа газет, считая его «более надежным и устойчивым».⁵²⁸

Помощник Сташевского П. фон Веймарн придавал большое значение российской пропаганде в Норвегии. Он был убежден в том, что Норвегия из трех Скандинавских стран легче всего могла бы быть вовлечена в войну с Германией под давлением общественного мнения. Причем, такая война, по его мнению, была бы «на благо России». Веймарн не только мечтал об этом, но и отвечал на вопрос, что нужно сделать, чтобы война между Норвегией и Германией стала неизбежной. Поскольку молодой лейтенант был уверен в способности общественного мнения Норвегии потребовать от ее руководства решительных действий против Германии, он считал необходимым прежде всего воздействовать на норвежское общественное мнение. Помощник военно-морского агента был уверен, что если бы последовательная работа «по подготовке общественного мнения» Норвегии началась раньше, то можно было бы найти *casus belli* для втягивания Норвегии в войну с Германией на стороне Антанты.⁵²⁹

Как видим, в предложениях Веймарна прослеживается изрядная доля авантюризма и непонимание государственных интересов России, которые вряд ли заключались в том, чтобы превратить Скандинавию в еще один плацдарм для военных действий, скорее наоборот. России нужна была нейтральная Скандинавия, тихий уголок мира в бушующем пламени войны.

Наиболее слабым звеном русской военной аналитики являлось изучение экономических отношений. Как вспоминал граф Игнатьев, «в сущности о значении экономики в политике даже во время войны все наше поколение имело тогда самое слабое

понятие. Смехотворными и мелочными казались усердия французских дипломатов, стремившихся продвинуть на скандинавские рынки французский коньяк»⁵³⁰.

Тем не менее донесения военных агентов дают некоторое представление о масштабах военной контрабанды в Скандинавии. Это тем более важно, что о военной контрабанде почти ничего не говорили профессиональные дипломаты и торговые представители России. Донесения военных агентов, в частности, показывают, что перевозкой контрабанды занимались скандинавы, имевшие деловые отношения с российскими партнерами и русские, сотрудничавшие со скандинавскими предпринимателями. Однако в начале августа 1916 г. произошел неприятный инцидент. У одного «контрабандиста», некоего Захарченко, который вез из Парижа в дипломатической вализе лекарства для правительственных госпиталей, в пограничном пункте Хапаранда разорвалась посылка — и лекарства немецкого происхождения высыпались на пол перед изумленными таможенниками. Разразился скандал.⁵³¹

Не отставали от коммерсантов и российские военные агенты. К примеру, военно-морской агент Сташевский сообщал, что «широко занимается контрабандой». Он отправлял медикаменты и термометры немецкого происхождения в Россию. Еще дальше пошел Кандауров. С его помощью в Санкт-Петербург выехал шведский предприниматель Магнус Мейер, который с собой вез две корзины гранат, оклеенных дипломатическими бланками и печатями.⁵³² Время от времени Кандауров должен был проявлять и предпринимательские качества, правда, не всегда удачно. Он покупал бинокли в Швеции и Дании для Российской армии. Когда информация просочилась в шведские газеты, был большой переполох, но позднее выяснилось, что весь этот шум устроили конкуренты, у которых военный агент отказался купить бинокли по более высокой цене. Дело чуть было не дошло до отзыва Кандаурова.⁵³³ Тем не менее Кандаурову и его помощнику в Дании Потоцкому удалось к сентябрю 1916 г. приобрести в Швеции 2600 биноклей и 25 биноклей в Дании. На эти цели было израсходовано 577 628 крон.⁵³⁴

Донесения «дипломатов в погонах» также дают представление о масштабах размещения заказов военного и военно-морского ведомств в Скандинавии и транзите военных грузов. Военное ведомство заказывало в Швеции запчасти для автомобилей, станки, приборы, детали для аэропланов, специальную сталь, двигатели, стволы для винтовок, датчане и шведы предлагали нашим военным агентам отравляющие вещества и многое другое. Россия получала из Швеции даже подковы для лошадей. Осенью 1915 г. в Швеции было изготовлено 150 тыс заказанных ружейных стволов, которые вывозились в

компенсацию за вывоз зерна и бобов на 2 млн 500 тыс крон. Это была контрабанда, шведское правительство не могло дать согласие на ее вывоз, но смотрело сквозь пальцы на выгодную для страны сделку.⁵³⁵ Другой пример, шведский завод Гускварна изготовил первый заказ на 20 тыс черновых стволов к маю 1916 г. В качестве компенсации за ввоз этого дефицитного товара Россия отправляла заводу паклю.⁵³⁶ Статистику по военным поставкам мы также можем обнаружить и проанализировать, используя донесения военных агентов.⁵³⁷

В заключение можно отметить, что донесения военных агентов свидетельствуют о том, что они постепенно стали соперничать с дипломатами в степени информированности по наиболее острым проблемам внутривосточной жизни скандинавских стран. Более разнообразными стали каналы получения военными агентами информации. В «большую политику» оказались вовлеченными представители новых для традиционной дворянско-монархической дипломатии социальных слоев - крупные банкиры, предприниматели, общественные деятели. Это давало взаимодействующим с ними «дипломатам в погонах» возможность существенно расширить поле своей деятельности. Несмотря на отказ военного ведомства вмешиваться в политические вопросы, довольно отчетливо проявилось «стремление высших военных кругов к более полной информированности по проблемам международных отношений и общим задачам внешней политики России».⁵³⁸ Если сравнить степень влияния российских и немецких «дипломатов в погонах» на формирование и принятие решений по тому или иному военному и даже внешнеполитическому вопросу, то мнение немецких военных агентов оказывалось более весомым, чем их российских противников.

Донесения военных агентов являются важным источником для анализа русско-скандинавских отношений. Содержащаяся в них информация дополняет сведения дипломатических и торговых представителей России в Скандинавии, причем, в тех вопросах, которые освещались профессиональными дипломатами и торговыми представителями менее глубоко. При этом не следует забывать о том, что каждое донесение, каждый рапорт и аналитическая записка принадлежат перу конкретного человека, со своим сформировавшимся менталитетом, со всеми своими пристрастиями и эмоциями. Поэтому необходим критический подход к источнику, сопоставление его со множеством других не менее значимых документов.

Ю.В. Косов

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

Международные факторы играют существенную роль в жизни все большего числа регионов России¹. Особенно показателен в данном плане опыт северо-запада Российской Федерации, становящегося важным элементом системы трансграничного балтийского сотрудничества. Отсюда – актуальность теоретического обобщения этого опыта в рамках регионалистики, геополитики и глобалистики. Как известно, в последнее десятилетие в Балтийском регионе произошли заметные изменения. Окончание холодной войны позволило повысить политическую однородность региона: демократические государства имеют (или создают) однотипные хозяйственные системы на принципах рыночной экономики. Поскольку северо-запад России является частью названного региона, проблемы его развития следует рассматривать в контексте трансграничных региональных связей.

Балтийский регион в начале XXI в. ориентируется на Европейский Союз (ЕС). Одни государства (Швеция, Финляндия) уже входят в это объединение, другие (Польша, Эстония, Литва, Латвия) находятся на стадии присоединения к ЕС. Россия также стремится внести свой вклад в создание общеевропейского экономического пространства.

Данные изменения дали импульс региональной интеграции, которая еще в недавнем прошлом на северо-востоке Европы была немыслима. Одна из ее форм – *трансграничное региональное сотрудничество*. Основными субъектами такого сотрудничества являются *внутренние регионы* – области, губернии, уезды, крупные города. Между субъектами трансграничного регионального сотрудничества устанавливаются прямые связи, которые регулируются национальными законодательствами, соглашениями и договорами, заключенными центральными властями. Подобная форма сотрудничества имеет наилучшие перспективы именно в рамках определенного *международного геополитического региона*, так как территориальные образования внутри него относительно компактны в географическом измерении, их отличает высокий уровень экономической и политической однородности, развитые системы транспортных коммуникаций и связи. Для современного трансграничного регионального сотрудничества характерны следующие черты:

1. *Децентрализация сотрудничества*, обусловленная возникновением возможностей для проявления внутренними регионами большей самостоятельности в установлении и развитии внешних связей. Наиболее активно партнерство налаживается между внутренними

регионами соседних государств, входящих в состав одного международного геополитического региона. Участники трансграничного сотрудничества могут выбирать себе партнеров, методы и формы взаимодействия без излишней бюрократизации, которая имеет место при централизации подобных отношений. Такой подход позволяет оптимизировать связи с учетом конкретных возможностей и потребностей регионов, делать их более динамичными и эффективными.

Рассматриваемый вид сотрудничества особенно перспективен в Балтийском регионе. Ведь в XX в. данный регион был ареной двух мировых войн, затем здесь проходила граница между двумя главными военными блоками. В тех условиях взаимодействие между государствами, принадлежавшими к противостоящим политическим лагерям, реализовывалось при жестком контроле и регулировании со стороны центральных властей. После окончания холодной войны трансграничное региональное сотрудничество явилось для стран Балтики одним из наиболее действенных способов преодоления порожденных ею барьеров и препятствий, запретов и ограничений, оно ведет к установлению тесных связей между государствами-соседями, подготавливая почву для более глубокой их интеграции.

2. Трансграничные связи на региональном уровне охватывают *основные сферы жизнедеятельности государств*: политическую, экономическую, культурную, экологическую и др. Это обусловлено, прежде всего, тем, что в нем участвуют различные политические силы и социальные группы. Официальные власти нередко задают тон, формируя политические предпосылки и механизмы многонационального регионального сотрудничества, привлекая к нему представителей политических элит, крупного бизнеса, науки и культуры. Примером может служить взаимодействие так наз. "балтийской тройки" – крупнейших городов центральной зоны Балтийского моря – Санкт-Петербурга, Стокгольма и Хельсинки.

В региональном сотрудничестве ключевую роль играют экономические связи. Легче всего наладить трансграничный торговый обмен между сопредельными или близлежащими внутренними частями различных стран. Подобные обмены обычно имеют взаимовыгодный и взаимодополняющий характер, в них, наряду с крупными корпорациями, может принять участие средний и малый бизнес. Углубление трансграничных экономических связей во многих случаях сопровождается созданием соответствующих транспортных сетей и телекоммуникационных систем. Возникая на основе локальных структур внутренних регионов, они превращаются в трансграничную инфраструктуру международного геополитического региона. Большие перспективы трансграничное региональное

сотрудничество открывает в сферах высоких технологий, науки, освоения природных ресурсов.

3. Фундаментом трансграничного сотрудничества служат *исторические традиции и региональные связи*, которые складывались на протяжении столетий. Так, в Балтийском регионе попеременно доминировали различные державы: Дания (XVI в.), Швеция (XVII в.), а затем Российская империя (XVIII – XIX вв.). Страны Балтии имеют богатый опыт совместного исторического развития, в определенные периоды некоторые из них объединялись – часто насильственно, иногда добровольно – в рамках единого государственного образования. Таким образом, они могут опереться на накопленные традиции взаимодействия, преодолевая при этом негативные исторические стереотипы, сложившиеся в двухсторонних и многосторонних отношениях. На региональном уровне идет диалог культур – в целях их взаимообогащения, сохранения культурного многообразия народов.

4. Важной тенденцией развития трансграничных отношений является их *институционализация*. Речь идет о создании системы региональных международных организаций, дополняющих мировые политические институты. Так, с 1992 г. ведет активную работу Совет государств Балтийского моря, в деятельности которого участвует делегация Российской Федерации. В том же году был образован Союз балтийских городов, куда вошли 86 городов из 10 стран региона. С 1997 г. в Санкт-Петербурге открыто информационное бюро Совета министров северных стран.

Ключевое значение для трансграничного сотрудничества имеют выдвижение, формирование и реализация программ регионального развития. Применительно к Балтийскому региону наибольшую известность получила международная программа “Северное измерение”, инициатором которой выступила в 1997 г. Финляндия. Данная программа призвана создать благоприятные условия для участия в международных региональных отношениях всех стран региона. По мнению ведущего специалиста в области международного регионального развития и безопасности, профессора Кёльнского университета В. Вессельса, «инициатива Северного измерения должна рассматриваться как способ для дополнительного расширения представлений о внешней политике. Она привлекает внимание к региону, который был вне зоны интересов общего сотрудничества для большинства входящих в него государств»².

Один из главных принципов «Северного измерения» – «позитивная взаимозависимость». Предполагается, что расширение на его основе связей между

государствами региона будет способствовать стабильности и устойчивому развитию, обеспечению региональной интеграции, формированию общерегиональных интересов. Конечно, экономические и политические противоречия, симпатии и антипатии, исторические обиды и сожаления об упущенных выгодах вряд ли исчезнут полностью. Однако высокий уровень взаимозависимости может сыграть важную роль в предупреждении открытых конфликтов и прямых столкновений между странами региона.

Участникам программы «Северное измерение» еще предстоит найти способы достижения такого уровня взаимозависимости. Тем не менее, сама она приобретает в наши дни вполне конкретные очертания. В рамках «Северного измерения» расширяется экспорт российского сырья и энергоносителей в страны ЕС. Тем самым наша страна оказывается все больше привязана к европейским рынкам сбыта, что ведет к усилению ее зависимости от Евросоюза. Однако не следует забывать и об обратной стороне медали. Многие эксперты указывают на все большую зависимость ЕС от поставок нефти, газа, леса и других видов сырья из России. Иными словами, роль нашей страны в обеспечении энергетической, сырьевой и, в конечном счете, экономической безопасности ЕС неуклонно возрастает. В свою очередь, экономическая стабильность РФ все больше определяется устойчивостью ее связей с Европейским Союзом, особенно в рамках «Северного измерения».

Многие приоритетные проекты этой программы, которые только обсуждаются или уже реализуются, ориентированы на решение проблем в области энергетической безопасности их участников. В числе таких проектов назовем:

- создание Балтийской нефтепроводной системы (BOPS), которая она должна соединить сеть нефтепроводов России с рынками ЕС через финский порт Порвоо и российский порт Приморск;
- строительство североевропейского газопровода для подачи газа из России в континентальную Европу;
- освоение Штокмановского газоконденсатного месторождения в Баренцевом море (пятого по мощности газового месторождения в мире);
- сооружение Балтийской электропередающей системы (BALTEL) с целью создания в регионе единого рынка электроэнергии.

В трансграничном региональном сотрудничестве у партнеров России из ЕС отчетливо просматривается ориентация на наши сырьевые ресурсы, основное внимание они уделяют разработке нефтегазовых и минеральных месторождений, лесных запасов и т.д. Следовательно, особое значение приобретают проблемы развития транспортной

инфраструктуры, природоохранной деятельности, ядерной безопасности. При этом перед российской стороной стоят серьезные задачи по обеспечению собственных национальных интересов с учетом всего комплекса потребностей и возможностей развития северо-запада РФ (прежде всего в сфере высоких технологий).

Внешние связи России с государствами зоны Балтийского моря можно рассматривать на нескольких уровнях: глобальном, региональном, субрегиональном, а также на уровне внутренних регионов и областей страны.

На *глобальном* уровне все эти субъекты международных отношений тесно связаны в контексте мировых геополитических процессов. Особенно заметной такая взаимосвязь стала в процессе расширения НАТО на Восток, который создал немало проблем в регионе.

Говоря о *региональном* уровне, прежде всего целесообразно обратиться к историческому опыту геополитического развития Европы. Европейское пространство принято делить на три геополитических региона: Западную, Центральную и Восточную Европу. Западная Европа простирается между Атлантикой и Рейном; Центральная – от Рейна на западе до границ стран СНГ на востоке и Балкан на юге. К Восточной Европе относят европейскую территорию постсоветских государств.

В XX в. одним из наиболее проблемных в геополитическом плане регионов была Центральная Европа. Она не раз «исчезала» с геополитической карты, а ее земли включались в состав либо Западной, либо Восточной Европы. В связи с этим некоторые геополитики называли ее «приливно-отливными землями» геополитических процессов. «Исчезновение» Центральной Европы началось после распада Австро-Венгрии в 1918 г., а затем аннексии Германией Австрии и Чехословакии в 1938 г. В 1939 – 1940 гг. регион был поделен между Германией и СССР. Вторая мировая война привела к новому разделу Центральной Европы – между Востоком и Западом (в соответствии с Ялтинско-Потсдамскими соглашениями). Как геополитическая реальность рассматриваемый регион возродился в конце 1980-х – начале 1990-х годов после крушения тоталитарных режимов. Эти радикальные трансформации европейского геополитического пространства во многом определяли и определяют геополитическую ситуацию в Балтийском регионе.

Субрегиональный уровень отражает прежде всего внешние связи России в рамках региона. По заявлению министра иностранных дел РФ И.С.Иванова, «приоритетное внимание российская сторона намерена уделять укреплению экономической составляющей балтийского сотрудничества, созданию условий для реализации масштабных инвестиционных проектов».

Четвертый уровень связан с *трансграничным сотрудничеством* внутренних регионов, отдельных областей, губерний, округов и воеводств, входящих в состав стран региона, которое осуществляется децентрализованно, напрямую.

Сотрудничество между Россией и государствами Балтики имеет глубокие геополитические основания. Его объективный, естественный характер должен проявиться во всемерном расширении и углублении трансграничных связей. Особую роль в этом процессе призван сыграть северо-запад России, занимающий чрезвычайно выгодное положение для трансграничной активности и обладающий значительным промышленным и ресурсным потенциалом.

Подводя итог, можно констатировать, что северо-запад России превращается в органическую часть системы международных региональных отношений в зоне Балтийского моря. Развитие в регионе трансграничных связей – проявление процесса глобализации, весьма активно идущего в региональном измерении на северо-востоке Европы. Региональное трансграничное взаимодействие в регионе охватывает все основные сферы жизни – от политики до экономики, от культуры до экологии. В этих условиях перед Российской Федерацией стоит серьезная задача по обеспечению активного и эффективного участия всех ее субъектов в децентрализованном региональном международном сотрудничестве. Решение этой задачи требует новых теоретических подходов и инновационных практических действий.

А.В. Лазарев

ЛЕНИНГРАДСКОЕ РАДИО В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1939-1940 ГГ.

Роль советского радио в предвоенные годы сложно преувеличить. Создаваемые средствами радиожурналистики и радиоискусства звуковые и художественные образы играют огромную роль в формировании социальной психологии, морально-нравственных критериев и этических норм общества. Особенность передачи и восприятия радиоинформации сделали этот коммуникативный канал особенно привлекательным для партийно-государственной власти.⁵³⁹ К тому же из средств массовой информации (СМИ), кроме радио, имелась только периодическая печать.

С момента организации массового радиовещания в СССР (образование в 1924 г. Акционерного общества «Радиопередача») советское радио прошло долгий путь от вполне самостоятельной до полностью зависимой от государства структуры. В 1933 г. был образован Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию (ВРК) при СНК СССР, деятельность которого полностью контролировалась и финансировалась государством, а принадлежность приемно-передающих средств Наркомату связи СССР была оформлена законодательно. Под таким названием Комитет просуществовал до 1946 г. В результате монополизации всех средств и каналов радиовещания, включая и технические, государство приобрело мощное информационное орудие, которое использовалось в пропаганде и манипуляции массовым сознанием. О силе этого орудия можно судить по технической базе: накануне Великой Отечественной войны число радиовещательных станций составляло 90 штук, радиоприемных точек – 6975200, в том числе радиоприемников – 1122500, трансляционных радиоточек – 5852700.⁵⁴⁰ Такая мощная, разветвленная приемная сеть обеспечивала советскому радиовещанию многомиллионную аудиторию, включавшую в себя различные социальные и профессиональные категории слушателей.

Цензура радио осуществлялась со стороны Главного управления по делам литературы и издательств (Главлит). Он был создан изначально как идеологический орган, в целях объединения всех видов цензуры для борьбы с идеологическими противниками. С 1922 г. Положение о цензуре перерассматривалось неоднократно. Главлит переходил из одного подчинения в другое, постепенно распространяя политическую цензуру на все новые и новые сферы общественной жизни. Должность начальника Главлита с 1938 по 1946 гг. занимал Садчиков Н.Г. (Уполномоченный СНК СССР по охране военных тайн в печати).

В Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб) находятся документы Ленинградского комитета по радиовещанию и телевидению (фонд 293) и Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Ленинградском городском и областном советах депутатов трудящихся «Леноблгорлита» (фонд 359). Однако, документальных материалов в них за довоенный период сохранилось крайне мало. Это объясняется тем, что в первые дни Великой Отечественной войны Управлением государственными архивами (УГА) НКВД СССР были проведены необходимые мероприятия по подготовке эвакуации документов государственных и ведомственных архивов. 2 июля 1941 г. его распоряжением в ряде ведомств, находящихся на территории, объявленной на военном положении, были созданы экспертные комиссии по выделению и уничтожению архивных документов, «не подлежащих дальнейшему хранению». 3 июля 1941 г. в Радиокомитете была образована комиссия для проверки, отбора и уничтожения архивных материалов по 1941 г. включительно.⁵⁴¹ Таким образом, из Ленинградского комитета по радиовещанию и телевидению в августе и сентябре 1941 г. были выделены в макулатуру документальные материалы в количестве 42,675 единиц, в том числе: материалы Управления делами за 1929-1940 гг. — 14,595 единиц (среди них протоколы производственных и редакционных совещаний, годовые планы и отчеты и т.д.); материалы микрофонной библиотеки за 1929-1940 гг. — 27,766 единиц (передачи политвещания, литературно-драматического, музыкального и детского вещания) и других отделов.⁵⁴² Из порядка 33 отделов, секторов и редакций, имевшихся на 1940 г., документы частично сохранились по шести из них (Планово-финансовый отдел, Бухгалтерия, Редакция литературно-драматического вещания, Редакция музыкального вещания, Редакция вещания для детей и юношества, Редакция политического вещания).⁵⁴³ В фонде Управления по охране военных и государственных тайн за 1939-1940 гг. сохранилось всего 3 дела (сметы, штатное расписание и годовые отчеты).⁵⁴⁴

Тем не менее, из сохранившихся документов видно, что практически каждая передача, выходившая в период с ноября 1939 г. по март 1940 г., затрагивала тему войны с Финляндией. Война коснулась не только содержания радиопередач, но вмешалась и в сам процесс вещания. Комитет не сумел выполнить план за 1940 г., так как, в связи с войной, некоторые станции Ленинградской области вообще не работали, а некоторые работали частично, что и послужило причиной общего невыполнения плана, причем особенно отразилось на иновещании (вещание за границу на иностранных языках), дублировании и местной трансляции.⁵⁴⁵

Весь представленный материал содержит официальную версию событий и переполнен газетными штампами. Все передачи без исключения (независимо от принадлежности к какой-либо определенной редакции) были исправлены и одобрены цензурой Леноблгорлита, причем если речь шла о сугубо политической передаче, то использовались цитаты из газеты «Ленинградская правда», со ссылками на номер.⁵⁴⁶ На всех документах имеется печать Леноблгорлита с указанием фамилии цензора. Начальником Леноблгорлита на тот момент являлся Долматов А.С. Общее же количество сотрудников составляло к началу 1940 г. 202 человек. При этом 45 из них (порядка 19 процентов) было мобилизовано в Красную армию в сентябре 1939 г. и затем участвовало в советско-финляндской войне.⁵⁴⁷ Общее же число мобилизованных из Комитета по радиовещанию неизвестно.

В ходе войны по радио по крайней мере дважды звучали передачи «Писатели на фронте» (14.12.39 и 23.02.40 гг.). В них, в частности, говорилось: «Не закончены пьесы, отложены сценария, недописаны строки стихов для сборника – писатели объявили себя мобилизованными и отдали себя в распоряжение Политуправления Ленинградского Военного Округа».⁵⁴⁸ И далее отмечалось, что «с первых дней борьбы большую работу ведут в действующей Красной Армии писатели Николай Тихонов, Александр Прокофьев, Виссарион Саянов, Павленко, Твардовский, Вашенцев, Сурков, Гитович, Лифшиц, Бялик и многие другие. Работают во флоте наши товарищи: Вишневский, Лебедев-Кумач, Лавренев, Соболев, Зонин. В пограничных частях – Шаповалов».⁵⁴⁹

Писатели проводили большую культурно-просветительскую работу среди бойцов: читали лекции, участвовали в создании боевых листов частей и кораблей, вели литературную правку материала, организовывали выставки и конкурсы боевых листов и так далее. В центральных военных изданиях писателями помещено много статей, очерков, походных дневников, песен, стихов. Главная задача, кроме моральной поддержки, стоявшая перед писателем, заключалась в ведении мощной пропагандистской работы среди бойцов. Представленный ими материал в газетах и на радио должен был отвечать единственному требованию: чтобы он «поднимал мужество бойцов».⁵⁵⁰

Радиопередачи особо подчеркивали важность ведения войны с целью обеспечения безопасности Ленинграда и отмечали заслуги в этом Красной армии.⁵⁵¹ Вместе с тем велись передачи и для населения Финляндии, а также солдат финской армии. Звучало на финском языке, в частности, обращение: «Трудящиеся Финляндии! Вы имеете возможность завоевать такую же радостную жизнь и для своих детей! Ускорьте осуществление этой возможности! Дружно поддерживайте свое народное правительство во главе с Отто Куусинен! Пользуйтесь помощью, которую дает вам наша Красная Армия! Громите и уничтожайте палачей из шайки Маннергейма – Таннера! Полным разгромом врагов вы добьетесь счастливого будущего и для себя и для своих детей!».⁵⁵² Все это точь-в-точь повторяло содержание советской пропаганды в то время.

Учитывая созданную государством монополию на радиовещание и жесткую систему контролирующих органов, результаты этой работы были уже изначально запрограммированы на успех. Введенная с февраля 1937 г. единая сетка вещания предусматривала в первую очередь трансляцию обязательных и рекомендуемых передач Центрального вещания. Роль областного вещания определялась как подсобная. Областным комитетам в общей сетке отводилось в день не более 2-3 часов.

Таким образом, все внешние и внутрисполитические события могли рассматриваться только в одном единственном ключе, даже без намека на какие-либо отклонения. Вот как оценивали радио сами ее работники: «Сила и особенность советского радиовещания в том, что оно является могучим средством большевистской агитации, средством пропаганды советского искусства; сила и заслуга его в том, что оно тесно связано с самыми широкими массами трудящихся и воспитывает эти массы в духе преданности своей любимой родине, в духе коммунизма».⁵⁵³

Такая линия в условиях войны являлась весьма эффективной. СМИ были нацелены на то, чтобы обеспечить нормальную работу тыла во время ведения боевых действий. О результативности такой работы говорит тот факт, что в период Зимней войны Ленинград жил своей обычной жизнью. Отмечалось лишь незначительное ухудшение криминальной обстановки, что отчасти было связано с введением светомаскировки в городе.

М. Б. Марьевский

ДАТСКАЯ ПРЕССА О СОВЕТСКО-ФИНСКОЙ ВОЙНЕ 1939-1940 ГГ.

Практически с самого начала Второй мировой войны скандинавские страны оказались в зоне интересов великих держав - Германии, Великобритании и Советского Союза. Подобный интерес был обусловлен важным стратегическим положением Скандинавского полуострова, а также сельскохозяйственной и производственной базой этого региона.

Страны Северной Европы провозгласили в такой ситуации политику нейтралитета, что наиболее соответствовало их собственным интересам, но это не совсем устраивало великие державы. Было совершенно ясно, что рано или поздно этот регион может оказаться в зоне интересов Германии или Великобритании, а также Советского Союза. Первым проявлением этого стал дипломатический кризис, а затем и война между Финляндией и СССР, возникшая в ноябре 1939 г.

Естественно, такое развитие событий не могло не привлекать повышенное внимание в Скандинавии. Здесь оно выражалось не только вследствие существовавшего «северного» единства стран данного региона, но и в силу появившейся опасности повторения аналогичного сценария в отношении остальных малых Северной Европы. Проявление такого внимания нашло тогда свое отражение в органах массовой информации и особенно в периодической печати Скандинавии. Это позволяет в современных условиях проанализировать на основе публиковавшихся в ней сведений общественно-политическую обстановку в североевропейском регионе в ходе советско-финляндской войны. Несомненный интерес в данном случае представляют материалы датской прессы. Заметим при этом, что в Дании особо реагировали на обострение военной обстановки. Там понимали, что для нее тоже могли возникнуть проблемы из-за существующих территориальных претензий, исходящих со стороны Германии (Северный Шлезвиг). Германо-датские противоречия также могли тогда привести к военному конфликту.

Конкретно, наиболее интересными для исследования являются те датские периодические издания, выражавшие интересы трех различных политических направлений. Это консервативная газета «Берлингске Тиденде» («Berlingske Tidende»), которая являлась популярной среди достаточно широких слоев населения страны, а также печатный орган коммунистов «Арбайдсблэдет» («Arbejdsbladet») и резко противоположной к ней газета датских нацистов «Фэдреландет» («Fædrelandet»).

Наиболее подробно развитие событий освещалось в данном случае на страницах газеты «Берлингске Тиденде». У нее в Хельсинки был собственный корреспондент - Й. Баст, который с началом кризиса в отношениях между СССР и Финляндией почти ежедневно направлял в Копенгаген соответствующие материалы, где сообщал о международном положении, складывающемся вокруг Финляндии, а также об общественных настроениях и экономической ситуации в этой стране. Причем репортажи Й. Баста содержали массу подробной информации о повседневной жизни предвоенной Финляндии. Их автор, выражал большие симпатии к финскому населению, посвятил свои статьи проявлению финского патриотизма, который, по его мнению, выражался, в частности, как в пожертвованиях населения на нужды армии, так и в массовом мужестве и самообладании всех жителей страны.

Почти каждый день в «Берлингске» давался большой репортаж о ситуации, царивший в Финляндии. Обычно он печатался на первой полосе пезеты. В нем подробно освещались советско-финские переговоры в Москве. Одновременно публиковались мнения политиков, приводились официальные заявления и дипломатические ноты, а также сведения, получаемые из Финского информационного бюро и сообщений ТАСС. При этом «Берлингске» подвергала критике политику СССР, хотя эта критика носила достаточно сдержанный характер. В ней прежде всего указывалось лишь только на неправомерность советских требований.

В газете кроме того много внимания уделялось реакции на сложившуюся ситуацию на Севере Европы в других скандинавских странах. Сообщалось, например, о том, что многие шведы уже готовы чуть ли не стать добровольцами, чтобы участвовать на стороне Финляндии в войне против СССР. Более того несколько позже в газете был помещен большой и репортаж со встречи общественного объединения «Norden» («Север»), где наряду с обсуждениями вопросов связанных с языком и культурном наследии начали выражать откровенную моральную поддержку финскому народу.⁵⁵⁴

Вместе с тем в газете помещали одновременно и материалы, содержащие официальные взгляды государственных деятелей скандинавских стран. В частности был опубликован репортаж о прошедшей 18-19 октября в Стокгольме встрече скандинавских монархов и финского президента. Тогда в итоговом коммюнике об этой встрече было отмечено, что скандинавские страны и Финляндия «требуют от других стран уважения к своему суверенитету и нейтралитету». Критики же от части подвергалось лишь министерство иностранных дел Дании, которое, как отмечалось в газете, проводя политику

«контролируемого нейтралитета», шло по линии умолчания складывающейся ситуации вокруг Финляндии.

В целом ход советско-финляндских переговоров в Москве осенью 1939 г. освещался в «Берлинске» достаточно подробно. Этому уделялось гораздо больше внимания, нежели чем, скажем, оккупации немецкими войсками Польши.

Конкретно, в связи с последовавшим из Москвы осенью 1939 г. обращением к финскому правительству направить в СССР делегацию для переговоров, газета явно выражала определенную озабоченность складывающейся ситуацией. Хотя одновременно следовали и оптимистические сообщения. Так, в частности, была помещена информация об обращении М.И. Калинина к президенту США Ф. Рузвельту. В ней, цитировалось советское заверение, что СССР «будет уважать договор с Финляндией, и нынешние переговоры ведутся в соответствии с договором от 21.12.1917 г. (т.е. в соответствии с декретом от 12/31 декабря о признании независимости Финляндии Советской Россией – *М.М.*)».⁵⁵⁵ Оптимистичным, как считала газета, было и то, что они начались с «сенсационных изменений», поскольку проходили в формате «два надвое» без переводчиков и секретарей. По мнению газеты, подобная интимность исключала диктат со стороны СССР.⁵⁵⁶

Весьма позитивно также оценивался газетой еще и то, что наблюдались определенные симпатии немецкого населения к финнам. Причем это происходило, как отмечалось, несмотря на то, что «Берлин друг Москвы».

В этом отношении, безусловно, интересно сравнить эти материалы со сведениями, которые приводятся отражали позицию СССР и, естественно, основывались на информации, поступающей из советских газет «Правда» и «Известия». О самих советско-финляндских переговорах материалов было не много и в них, разумеется, весьма критически оценивалась линия финского руководства. Уже первая небольшая заметка, посвященная началу переговоров, была помещена лишь на третьей полосе газеты. Она была достаточно сухо озаглавлена - «Финляндия взвешивает».⁵⁵⁷ Этим в редакции «Арбайдсблэдет» стремились очевидно подчеркнуть, что Финляндии все же следует учесть позицию советского руководства в момент начинающихся переговоров.

При освещении же советско-финляндских переговоров «Арбайдсблэдет» пыталась дать представление о советской позиции, перепечатывая из «Правды» материал, раскрывавший оценку «советской мирной политики, которая обеспечивает безопасность малым странам в регионе (имеются в виду Прибалтийские страны и Финляндия – *М.М.*)».⁵⁵⁸ Далее, 15 октября публикуется еще одна большая статья известного датского писателя М.

Андерсена Нексе. В ней жестко критикуются стандарты западной демократии, ссылаясь при этом на факт содержания под арестом одного из лидеров финских коммунистов Тойво Антикайнена. Это Нексе расценивал, как поворот в Финляндии в сторону нацизма.⁵⁵⁹

Иными словами в отличие от «Берлингске» газета «Арбайдсблэдет» с явно противоположных позиций рассматривала ход проходивших переговоров. Такой же подход наблюдался и в информации относительно переговоров на высшем уровне представителей стран Северной Европы. Стокгольмская встреча дала коммунистической газете лишь к изображению ее лишь в сатирическом плане. Ход же переговоров в Москве оценивался, как весьма позитивный.

Затем с момента срыва московских переговоров советско-финляндским отношениям в «Арбайдсблэдет» уделяется значительно больше внимания. В газете в отношении Финляндии публикуются материалы крайне критического содержания. В них проводится мысль о «нарастающей угрозе» Советскому Союзу со стороны территории Финляндии. При этом разоблачается финское правительство и проводившаяся им внешняя политика, сорвавшая, по мнению газеты, мирные переговоры.⁵⁶⁰ Требования же СССР по отношению к Финляндии представлялись при этом как весьма справедливые и подчеркивалось, что финский народ поддерживает СССР и считает, что советские предложения выполнимы. Иными словами, оценивая эти публикации можно было почувствовать явно неблагоприятные перспективы в развитии советско-финляндских отношений.

К такому же заключению поводят читателя и публикации газеты «Берлингске». Но оценка хода развития событий здесь серьезно отличается от позиции «Арбайдсблэдет». Материалы, печатающиеся в «Берлингске», к концу переговоров несли характер весьма тревожных сообщений. В них указывалось, что в СССР расширяется антифинская пропаганда. Вместе с тем сразу же после срыва переговоров в газете появилась перепечатка материалов из «Правды», в которой отмечалось, что «пролетариат Финляндии на стороне Советов» и народ недоволен «военной кликой».⁵⁶¹ Были еще и сообщения о наблюдавшейся концентрации войск с обеих сторон, о советских учениях, о радио-войне между СССР и Финляндией и т.д. Здесь же помещались статьи и заметки датских корреспондентов, которые писали, что в Финляндии наблюдалось национальное единение и проявление всеобщего патриотизма. По оценкам авторов материалов, в целом ухудшалась внутренняя ситуация в стране. Это выражалось, как отмечалось газетой, в росте цен на товары широкого потребления и в проявлявшихся трудностях с продовольствием, а также проявлялось в области общественной безопасности.⁵⁶²

Весьма характерно освещение указанных событий и в прогермански настроенной фашистской газете «Фэдреландет». В отличие от «Берлингске» и «Арбайдсблэдет», она не была как-то обеспокоена складывающейся напряженной обстановкой на Севере Европы. В ее материалах чувствовалось лишь твердая вера в то, что Гитлер не даст уйти Скандинавии (и особенно Дании) из сферы германских интересов. Газета гораздо больше писала о немецких победах в Восточной Европе, об экономическом росте в рейхе и о новых немецких перспективах, нежели чем о возможной войне между Финляндией и СССР. Тон же тех небольших заметок, которые помещались в газете в октябре-ноябре 1939 г. отчасти менялся – от определенной поддержки Советского Союза до проявление критики его.

Таким образом неоднозначность оценок развивавшихся событий на Севере Европы говорило о том, что и в дальнейшем, уже в ходе самой советско-финляндской войны в отражении датской прессы будет существенно отличаться.

Хотя показательно, что само начало войны 30 ноября 1939 г. явилось все же в целом неожиданным для органов массовой информации Дании. «Берлингске», в частности, помимо публикации речи Молотова и репортажей из Хельсинки, приводило главным образом реакцию других государств. Речь шла о том, что «Ватикан призывает Финляндию бороться», а «Америка готова стать посредником на переговорах о мирном урегулировании конфликта».⁵⁶³ Газета «Арбайдсблэдет» ограничилась же лишь сообщением, что «терпение СССР иссякло и если финская военная клика хочет войны, то ее дни будут сочтены».⁵⁶⁴ В ней также, исходя из решений Коминтерна, усиленно пропагандировались революционные идеи, которые уже начали воплощаться в жизнь в Финляндии, показателем чего явилось образование «народного правительства».⁵⁶⁵

Уже 2 декабря 1939г. газета приводит для своих читателей обращение компартии Финляндии к населению «За свободную демократическую народную республику», в котором вся вина за войну возлагалась на действовавшее в Хельсинки правительство. Тогда же «Арбайдсблэдет» свидетельствовала о «нарастающей революционной ситуации в Финляндии» ссылаясь на плохое экономическое положение рабочих, а также на существующую «антидемократическую систему в целом».⁵⁶⁶ В свою очередь газета публиковала ряд материалов об образовании «народного правительства» и его деятельности, а также об успехах советских войск. Ни об ожесточенных боях, ни о потерях Красной армии, ни о бомбардировках советской авиацией гражданских объектов в тылу Финляндии, естественно, в газете не писалось.⁵⁶⁷ Зато о «кризисе белофинского правительства», публикации «Арбайдсблэдет» появлялись чуть ли ни до самого конца «зимней войны».⁵⁶⁸

В профашистской «Фэдреландет» начало войны вообще не нашло своего отражения. Лишь в первых числах декабря 1939 г. на ее страницах начали появляться сообщения о боевых действиях на финском фронте. Характерным при этом было то, что нацистский орган весьма позитивно оценивал действия финнов. Писалось, в частности, что они последние «борются за справедливость». Прогерманская газета достаточно цинично даже заявляла, что советская армия начинают терпеть поражения, поскольку она «направила свои бомбардировки против женщин, детей и стариков» (!!!). Многократно указывалось на «огромные потери» Красной Армии и подчеркивался героизм финских войск.⁵⁶⁹

В числе материалов позитивного характера о Финляндии газета сообщала, что ею исправно выплачиваются долги другим странам, несмотря на тяжелую войну. Поощрительно писалось также о желании датских добровольцев, поддержать Финляндию.⁵⁷⁰ Что касается Третьего рейха, то в целом «Фэдреландет» приводила только ту информация, которая была лишь в пользу Германии и старалась не касаться ее отношения к советско-финляндской войне.

Наиболее же полное освещение хода боевых действий содержалось на страницах «Берлингске Тиденде». В каждом ее номере сообщалось об обстановке на фронте, о потерях сторон, о состоянии советской армии, а так же о положении финского населения в тылу. 1 января 1940 г. газета подробно сообщала «о победе финских войск у Суомусальми» и о том, что якобы в ряде мест они ведут бои на территории противника. При этом по мере развития боевых действий в газете все же стали все чаще мелькать сообщения о потерянных финских территориях, о полумиллионе финских беженцев, вынужденных покинуть свои родные места в результате советского наступления, об эвакуации финских детей в Данию, о боях у Выборга. Утрата этого города финскими войсками квалифицировалась в газете не иначе, как «потеря для всей Европы».

Характерно, что подобные статьи в какой-то степени перекликались и с материалами пронацистской «Фэдреландет», которая в феврале 1940 г. писала о «варварстве русских», об убийстве мирных жителей, осквернении церквей и т.п.⁵⁷¹ Для сравнения заметим, что о варварских действиях немцев в Польше газета в свое время не сказала ни слова.

Но вернемся еще к публикациям «Берлингске». В ней довольно много содержалось материалов о стремлении Дании оказать помощь Финляндии. Так, 3 января, она писала о массовых заявках от датских добровольцев и отмечалось, что датский представитель специально вылетел в Финляндию для установления контактов и решения практических вопросов, связанных с действием добровольцев (но пока еще в финском тылу).⁵⁷²

«Берлингске» в связи с войной ввела ряд специальных рубрик, посвященных Финляндии, где рассказывалось о славных страницах ее истории и современном развитии. В период с января по март 1940 г. газета стала регулярно писать о повседневной жизни финнов в военной обстановке, о их гуманизме финнов. Отмечалось, в частности, проявление благородства в отношении «несчастливых, полуголодных красноармейцев, которых принудили участвовать в этой ужасной войне». Тем самым формировалось в Дании соответствующее общественное мнение.

Постоянно также в газете приводились объявления различных благотворительных организаций, занятых сбором средств в поддержку Финляндии. Среди них назывались Датский Красный Крест, обществ «Норден» и «Финландйельпен». Сама газета тоже собирала средства в помощь финнам. В целом, по данным газеты, в январе различными организациями было собрано около 3 млн. крон. На эти деньги закупались машины «скорой помощи», медикаменты, питание и одежда для «братского народа». «Берлингске» с большим одобрением поддерживала заявление председателя Нобелевского комитета мира С. Хедина о том, что Премию Мира за 1939 и 1940 гг. необходимо вручить Финскому Красному Кресту.

Газета широко освещала начавшийся отъезд в Финляндию в качестве добровольцев врачей, медсестёр, военных лётчиков, железнодорожников, священников. В общей сложности, по данным «Берлингске», туда выехало около 900 военных и 1000 гражданских лиц. Но желающих, как отмечала газета, было гораздо больше. По ее данным, в числе записавшихся было 13 000 добровольцев. Кроме того, как сообщала газета, в Дании был организован приём финских эвакуированных детей, которые нашли приют в датских семьях.⁵⁷³ Весьма в тепло также «Берлингске» написала о том, что даже королевская семья дала благотворительный бал с целью сбора средств для финских детей.

Вес это явно не совпадало с публикациями на военные темы в «Арбайдсблэдет». В ней проявление помощи Финляндии обычно критиковалась. Так, в номере за 28 декабря была напечатана сатирическая статья против «использования средств рабочих для вооружения финских эксплуататоров». Более того, критикуя тех датчан, которые оказывали Финляндии поддержку, газеты ссылались на тот факт, что в отличие от них рабочие Англии «более сознательны и бойкотируют помощь Финляндии. Их девиз – “Нет оружию для Маннергейма!”».⁵⁷⁴ Подобным образом газета пыталась помешать организации активной помощи Финляндии.

В датских газетах также различными были акценты в оценке самого внешнеполитического фона, складывающегося в связи с «зимней войной». Так газета

«Берлингске» очень восторженно сообщала, например, о заявлении главы шведского МИДа, в котором выражалась солидарность с финским народом и озабоченность судьбой малых наций в современной ситуации.⁵⁷⁵ Она также весьма много внимания уделила посещению Германии бывшего президента Финляндии П.Э. Свинхувуда.⁵⁷⁶ Показательно при этом, что в здесь газета оказалась в одном ряду профашистской «Фэдреландет», которая также тепло писала о «мирных инициативах Германии».⁵⁷⁷ Вообще же в «Берлингске» значительно больше было материалов относившихся к вопросам о мирном урегулировании войны. Они, касались прежде поиска как возможного посредника между СССР и Финляндией. В этом деле газета все же отдавала свой приоритет не Германии, а Швеции.

Что же касается «Арбайдсблэдет», то она наоборот, уделяла больше внимания стремлению скандинавских государств избежать конфронтации по финской проблеме с СССР, обращая внимание, скажем, 8 марта на факт отказа Норвегии вступить в войну на стороне Финляндии, учитывая протесты рабочих.⁵⁷⁸ С осуждением 10 марта газета также писала о планах Франции и Англии помешать миру между СССР и Финляндией, отмечая, что «милитаристы показывают свои истинные лица».⁵⁷⁹

Любопытным при этом было то, «Фэдреландет» в целом давала немало материалов внешнеполитического характера, но показательным являлся тот факт, что о помощи Финляндии газета писала достаточно позитивно. При этом однако она стремилась предупредить Финляндию, что та «может оказаться ”троянским конём”», намекая на возможную перспективу ее военного союза с противниками Германии по Второй мировой войне - Англию и Францию. Весьма примечательным также стала ее статья, опубликованная 25 февраля, где речь шла о посреднических усилиях Норвегии и Швеции. Обе эти страны рассматривались газетой не иначе как простые пособники США.⁵⁸⁰

Внешнеполитические оценки со стороны датской прессы относительно советско-финляндской войны также имели свое своеобразие. «Берлингске» квалифицировало случившееся как трагедию для Финляндии, перечислив при этом понесенные финнами потери.⁵⁸¹ Затем же, в последующих мартовских номерах газеты, рассказывалось уже о восстановлении Финляндии и продолжающейся датской помощи, а также о возможных сценариях развития событий на Севере Европы.

«Фэдреландет», оценивая заключение мира, назвало это «поражением Англии и США» и «победой линии Рим-Берлин-Стокгольм, спасшей мир на Севере». Об условиях мира ничего при этом не сообщалось.⁵⁸² Лишь на следующий день «Фэдреландет» все же опубликовала эти условия, указав при этом, что они тяжелы и для финнов, и для Финляндии.

Здесь же газета привела речь финского министра иностранных дел В. Таннера, в которой он говорил о единстве финнов, о сплочённости нации как в тот момент, так и в будущем.⁵⁸³

Единственная в данном случае газета, которая полностью поддержала заключение мира в Москве, была «Арбайдсблэдет». Она отметила, что его заключение она всесторонне приветствует. О потерях Финляндии ничего не было сказано, но подчеркнуто одновременно, что мир является «ещё одной победой советской миролюбивой политики», ударом по «милитаристам» и гарантией безопасности на Балтике.

Как видно из анализа датской печати, отношение в ней к «зимней войне» было различным. Каждая газета давала оценку событиям, исходя из интересов своей политической ориентации. При этом позиция «Берлингске Тиденде» отражала господствовавшие во многом настроения как в Дании, так и в Скандинавии в целом. Примечательным при этом являлся тот факт, что ее оценки войны нередко совпадали со взглядами нацистской газеты «Фэдреландет» и это было весьма показательным, если иметь в виду последующие затем события в начале апреля 1940 г. Более того, в рассмотренных материалах пронацистской газеты, можно заметить нюансы внешнеполитической стратегии гитлеровцев в отношении СССР, которые объективно не собирались долго сохранять пакт Молотова-Риббентропа, подписанного 23 августа 1939 г.

Что же касается материалов коммунистической газеты «Арбайдсблэдет», то ее слабостью являлся то, что она фактически полностью оказалась во власти информации, которая поступала из Советского Союза. В результате освещение «зимней войны» страдало однобокостью и находилась полностью в русле направленности советской пропаганды.

Н. И. Барышников

ПРЕЗИДЕНТЫ ФИНЛЯНДИИ Ю.К. ПААСИКИВИ И У.К. КЕККОНЕН ОБ ОЦЕНКЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЛЕНИНГРАДА

Существовала ли серьезная военная опасность для Ленинграда в связи с его географическим положением в условиях назревания Второй мировой войны? Этот вопрос находится уже давно в центре внимания историков и политиков. Очевидно, однако, что когда у исследователя наблюдается стремление отбросить какие-либо конъектурные наслоения и заметна тенденция проследить развитие предшествующих войне событий, то дается совершенно четкий ответ: да, такая опасность существовала. Более того, очевидно, что забота по обеспечению безопасности города на Неве была естественна с самого момента его основания. Заметим как сказал об этом президент Финляндии У.К. Кекконен в 1958 г., будучи в Ленинграде: «У советской же стороны существует необходимость обеспечить безопасность Ленинграда. Следовательно, интересы безопасности Финляндии и Советского Союза сталкиваются здесь друг с другом. Это проблема вековой давности».⁵⁸⁴

Уже при основании столицы России у входа в Финский залив Петр I сразу же проявил особое внимание к ее безопасности с моря и со стороны Карельского перешейка. После взятия русскими войсками в боях со шведской армией Выборга в 1710 г. он писал, что «крепкая подушка Санкт-Петербургу устроена» и столица получила «конечное безопасение».⁵⁸⁵ Новая граница со Швецией, в состав которой входила Финляндия, была установлена по Ништадтскому миру в 1721 г. севернее Выборга и далее на восток к Ладожскому озеру. Современную российско-финляндскую границу, проходящую приблизительно по этому же рубежу, часто называют именно «границей Петра Великого».

Из сравнительно недавно обнаруженных в Москве и уже опубликованных архивных материалов более четко видно, почему правительство Советского Союза в обстановке начавшейся 1 сентября 1939 г. Второй мировой войны обратилось к руководству Финляндии с предложением обсудить беспокоивший его вопрос относительно усиления безопасности Ленинграда с моря и со стороны Карельского перешейка. В силу того, что процесс проходивших в Москве переговоров с финляндской делегацией по этому вопросу в октябре-ноябре 1939 г., довольно подробно описан,⁵⁸⁶ коснемся конкретно того, как И.В. Сталин впоследствии, 17 апреля 1940 г. говорил относительно предпринятой Советским Союзом войны с Финляндией в конце ноября 1939 г. К его объяснению сути произошедшего должно

быть приковано особое внимание. Ведь сделанная им оценка тех событий не была известна исследователям ни в России, ни в Финляндии почти в течение полувека.⁵⁸⁷

Прежде всего И.В. Сталин опроверг существовавшее официальное утверждение советской стороны, что Финляндия побудила СССР своими «пограничными провокациями» к вступлению в войну против нее. Им было совершенно категорично сказано, что решение начать военные действия с Финляндией принималось в силу того, что не удалось договориться с финским правительством на переговорах в Москве относительно обеспечения безопасности Ленинграда. «Невозможно было обойтись без войны, - сказал Сталин. - Война была необходима, та как мирные переговоры с Финляндией не дали результатов, а безопасность Ленинграда надо было обеспечить, безусловно, ибо безопасность его есть безопасность нашего Отечества. Не только потому, что Ленинград представляет процентов 30-35 оборонной промышленности нашей страны и, стало быть, от ценности и сохранности Ленинграда зависит судьба нашей страны, но и потому, что Ленинград есть вторая столица нашей страны».⁵⁸⁸

Далее Сталин указывал, что нельзя было откладывать начало военных действий, учитывая благоприятную обстановку, поскольку развернулась вооруженная борьба на западе между Германией и англо-французскими союзниками. «...Когда же, - говорил он, - решать вопрос о Ленинграде, если не в таких условиях... Было бы большой глупостью, политической близорукостью упускать момент и не попытаться поскорее, пока идет там война на западе, поставить и решить вопрос о безопасности Ленинграда».⁵⁸⁹

Таким образом, из сказанного Сталиным сразу после войны на закрытом заседании в Кремле, где рассматривались с руководящим военным командованием ее итоги, четко прослеживается какова была цель финской кампании. Решалась проблема, связанная с обеспечением безопасности Ленинграда. В результате на основе заключенного 12 марта 1940 г. мирного договора были выдвинуты на несколько десятков километров передовые форпосты обороны на море и на Карельском перешейке с возвращением приблизительно к т.н. «границе Петра Великого».

Как известно, Ю.К. Паасикиви, возглавлявший финскую делегацию на переговорах в Москве осенью 1939 г., считал возможным мирно договориться с Советским Союзом на основе компромиссного подхода к реализации предложений, касавшихся проблемы безопасности Ленинграда. Однако его позиция не получила поддержки в Хельсинки. Особенно решительным противником компромиссов с Советским Союзом был министр

иностранных дел Э. Эркко. Не случайно, когда развернулась война, то Паасикиви назвал ее «войной Эркко».

В последующем, после окончания Второй мировой войны Ю. К. Паасикиви, ставший премьер-министром, а затем президентом Финляндии, неоднократно в своих публичных выступлениях заявлял о допущенной ошибке финского правительства, отвергнувшего категорически советские предложения. Впервые такое признание он сделал на пресс-конференции в Хельсинки в декабре 1945 г. Вспоминая о переговорах с В.М. Молотовым весной 1944 г., когда вопрос конкретно касался последствий войн между СССР и Финляндией, Ю.К. Паасикиви описал беседу так: «Я, конечно, заметил, что не мы начали войну 1939 года. На это Молотов ответил: но почему же вы не приняли те умеренные предложения, которые вам тогда сделал Сталин? В этом отношении он был прав, так как это была политическая ошибка (выделено мною – Н. Б.) с нашей стороны...».⁵⁹⁰

Своей лично ошибкой Паасикиви считал то, что еще в 1920 г., возглавляя финскую делегацию при подписании в Тарту мирного договора Финляндии с советским государством, настойчиво добивался того, чтобы была установлена граница на Карельском перешейке непосредственно по реке Сестре, т.е. совсем близко от недавней столицы России. Критикуя эту свою позицию в то время он говорил, что такой рубеж был пригоден «в качестве границы между различными территориями одного и того же государства, но она не подходила в качестве границы между двумя суверенными государствами, потому что проходи слишком близко от города Ленинграда».⁵⁹¹

Заметим особо и то, что уже в сложной обстановке 1939 г. Паасикиви исходил из того, как следовало гораздо лучше понимать указанное выше обстоятельство. «Я тогда, - говорил он, - придерживался мнения, что сдержанные и умеренные требования Сталина, особенно в отношении Карельского перешейка, следовало бы принять. Более мудрой политикой было бы следующее заявление: мы согласимся на установление границы по Карельскому перешейку вплоть до линии Суванто-Сумма, отдадим половину Карельского перешейка – что было кстати, минимальным требованием советских военных, как сказал Сталин. В этом выражалась бы государственная мудрость, но ее у нас, в том числе и у меня, не хватило. Поэтому я покорно признаю, что и я причастен к роковым политическим ошибкам, которые свидетельствуют об отсутствии дальновидности».⁵⁹²

Что касалось решения проблемы усиления безопасности Ленинграда с моря, то Паасикиви считал возможным и здесь пойти на компромисс, когда финское правительство заявило категорически об отказе от аренды Советским Союзом части полуострова Ханко. По

мнению Паасикиви, следовало со вниманием отнестись к тому, что затем предлагал Сталин, указав на наличие восточнее Ханко трех островов – Хермансё, Коё и Хястё-Бусё и спросил: может ли Финляндия передать их вместо Ханко в аренду.⁵⁹³ Но финское правительство, которому было доложено об этом из Москвы участниками переговоров, ответило отказом. Следует отметить здесь и то, что еще до того К.Г. Маннергейм, выражая взгляды военного руководства, считал допустимым «предложить остров Юссаре вместо Ханко».⁵⁹⁴

Паасикиви, анализируя позицию занятую финским руководством, вновь и вновь выражал осуждение ее. «Со стороны такого небольшого государства безумное повторение огромному государству "нет" завело дело в тупик», - писал он.⁵⁹⁵ Повторяя неоднократно, что в подходе к вопросу, который ставил Советский Союз относительно безопасности Ленинграда, отсутствие дальновидности у финского политического руководства, Паасикиви всякий раз критиковал в этой связи и себя. «Не было этой дальновидности и у меня, - заявлял он публично. – Поэтому я хочу сказать, что отнюдь не считаю себя свободным от ошибок, как это думают о себе многие другие, в том числе, очевидно и господа журналисты...».⁵⁹⁶

Вместе с тем, когда Паасикиви говорил о проявлении Сталиным заинтересованности в компромиссе в ходе переговоров с Финляндией, чтобы добиться достижения безопасности Ленинграда, он был не одинок в таком представлении. Другой финский деятель – лидер Социал-демократической партии Финляндии В. Таннер также отмечал это, участвуя в переговорах в Москве. «По своему поведению Сталин, - писал он впоследствии, - нам казалось, что он действительно заинтересован в соглашении. Не напрасно же он посвятил так много своих вечеров делам маленькой Финляндии. Более того, он пытался найти компромиссы...».⁵⁹⁷

Исторический опыт печального прошлого ставил перед дальновидными руководителями финляндского государства неизменно необходимость учитывать в своей внешней политике заботу восточного соседа о безопасности Ленинграда – Санкт-Петербурга. В этом отношении у Ю.К. Паасикиви оказался достойный преемник У.К. Кекконен, находившийся на посту президента четверть века (с 1956 по 1981 гг.). Отмечая заслуги этих двух выдающихся государственных деятелей Финляндии, Мауно Койвисто, ставший президентом страны уже после У. К. Кекконена, сказал следующее: «Мы во многом должны быть благодарны умению как Ю. К. Паасикиви, так и Урхо Кекконена видеть ясно, что является важным в международной обстановке, а что носит переходящий характер».⁵⁹⁸

Именно такой подход проводился У.К. Кекконеном конкретно при оценке значимости проблемы обеспечения безопасности Ленинграда в контексте ее решения во взаимосвязи с безопасностью Финляндии, о чем уже отмечалось ранее. Но для осознания этого, отмечал Кекконен, потребовалось немало времени. «надо было пройти через ужасные страдания, прежде чем мы смогли прийти к выводу, что самая лучшая гарантия безопасности в отношениях между Финляндией и Советским Союзом – это добрососедство, основанное на взаимном доверии, что включает в себя также уважение самобытной жизни другой страны». При этом Кекконен добавляет, что «Финляндия и Ленинград нашли друг друга на новой почве – на непоколебимой почве взаимного доверия, уважения и сотрудничества».⁵⁹⁹

Уже сразу после выхода Финляндии из войны с Советским Союзом Кекконен считал необходимым признать ошибочность проводившейся прежде политики. В выступлении по радио 29 сентября 1944 г. он сказал: «Результаты, к которым привела эта война, свидетельствуют о том, что наша политика в последнее время была ошибочной».⁶⁰⁰

Размышляя относительно мемуаров профессора Э. Линкомиеса,⁶⁰¹ являвшегося премьер-министром Финляндии в последние годы войны, У. К. Кекконен пишет: «Ну, а если бы Финляндия в 1939 году приняла минимальные требования Советского Союза и отдала полосу перешейка и определенные острова в Финском заливе, получив взамен часть Реболы и Поросозера? Линкомиес выражает уверенность в том, что если бы правительство Финляндии захотело, то оно смогло бы склонить парламент и народ Финляндии к этому. И что же было тогда?». И Кекконен заключает о том, что удалось бы может быть достигнуть договоренности с СССР о безопасности или заключить договор о дружбе и взаимопомощи. Им высказывалось предложение о возможности в данном случае еще получить когда-нибудь «более точные сведения из архивов». В целом же, считал он «основной причиной войн – в той мере, насколько дела зависели от нас, - являлось то, что Финляндия в годы мира не сумела по-деловому наладить свои отношения с соседями, и прежде всего с государством, от которого она только что отделилась... У нас есть все основания говорить о "мире упущенных возможностей до 1939 года"».⁶⁰²

Такой подход Ю.К. Паасикиви и У. К. Кекконена к вопросу, связанному с решением проблемы обеспечения безопасности Ленинграда и причины вооруженной конфронтации между СССР и Финляндией в конце 1939 г., вызвал явное раздражение у некоторых финских историков. Они сдерживали себя пока действовал советско-финляндский договор о Дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Также непозволительно было выступать с нападками на тот большой вклад, который внесло в дело мира осуществление линии Паасикиви-Кекконена.

Но после развала Советского Союза положение существенно изменилось. В финской историографии заметно возобладала тенденция, направленная на осуществление взглядов и практической деятельности выдающихся государственных руководителей Финляндии Ю. К. Паасикиви и У. К. Кекконена. Особенно в этом отношении проявили себя Т. Вихавайнен и Х. Рауткаллио, сосредоточившие много усилий в публикациях на исторические темы, чтобы попытаться дискредитировать У.К. Кекконена и его вклад в развитие дружественных отношений с восточным соседом Финляндии.⁶⁰³ К такого рода авторам прямо можно бы было отнести, очевидно, полезный совет, данный самим Кекконеном, исходящим из исторического прошлого: «Мы должны были научиться понимать внешнюю политику, а именно ее важнейший аспект – нашу восточную политику, и отказаться от эмоционального политиканства».⁶⁰⁴

Мауно Койвисто, заявивший при вступлении на пост президента страны, что решительно осудил спекуляции тех, кто в пропагандистских целях стал жонглировать термином «финляндизация», имея цель дискредитировать дружественную восточному соседу политику. «Термин ”финляндизация”, насколько я понимаю, - заявил он, - манипулируют как дубинкой, отнюдь не для того, чтобы дать действительное представление о внешней политике Финляндии».⁶⁰⁵ Сказанное можно считать весьма авторитетным и весьма важным суждением, имеющим прямое отношение к публикации Т. Вихавайнена, представленной в качестве «краткой истории финляндизации»,⁶⁰⁶ чтобы извратить внешнеполитическую деятельность У. К. Кекконена.

Что касается Х. Рауткаллио, то в изданной им в 2002 г. книге «Виновность нации. В зимнюю войну 1939-1940 гг.»⁶⁰⁷, предпринята попытка опровергнуть утверждение об ошибочности позиции финского руководства, когда с советской стороны выдвигался перед Хельсинки вопрос относительно решения проблемы безопасности Ленинграда. Естественно, требуется особое рассмотрение положения этой публикации, ставившей задачу свести на нет утверждение Ю. К. Паасикиви, что события 1939-1940 гг. были «войной Эркко» и отказаться от критического осмысления финской стороной уроков той политики, которая привела страну к «зимней войне».

Из сказанного следует, что анализ позиции президентов Ю. К. Паасикиви и У. К. Кекконена в их оценке проблемы безопасности Ленинграда весьма актуален, поскольку затрагивает столь важный вопрос истории, не утративший своей значимости и в современных условиях. В вопросе же о важности стабильности существующей российско-финляндской границы полезно воспользоваться пожеланием, высказанным М. Койвисто при изложении

своей позиции: «У нас есть разного рода говоруны, которые хлопочут о разных делах. Но время от времени нужно также констатировать, что с Россией у нас нет спорных вопросов, касающихся границ, и мы не желаем их поднимать».⁶⁰⁸

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

A. Hamfelt

HISTORY AND PRESENT-DAY DEVELOPMENT OF COOPERATION BETWEEN UPPSALA UNIVERSITY AND RUSSIA

Uppsala University, founded in 1477, was the first university in Scandinavia.

The initiative in this matter came from the Primate of the Catholic Church of Sweden, Archbishop Jakob Ulvsson of Uppsala. The new University was small, having at most 50 students and a handful of professors.

Today the number of students, which was about 5,000 in the 1950s, has increased dramatically. Reaching some 20,000 students before stabilising at a somewhat lower level in the 60s, a new expansion has taken place in the 90s, with more than 30,000 students involved in undergraduate education.

So far eight Nobel prizes have been awarded to scholars of Uppsala University. Traditionally Nobel laureates give lectures at Uppsala University. For instance in the year 2000 Nobel laureate Zhores I. Alferov, director of the renowned Ioffa Institute of Russian Academy of Sciences, S:t Petersburg gave a lecture on the topic "Semiconductor Heterostructures: New Physics and New Technology."

Alfred Nobel, himself, was studying chemistry in S:t Petersburg and was doing experimentation in order to get a fuse and black powder to ignite nitro-glycerin. He received an honorary doctorate from Uppsala University in 1893.

From the historical period the most famous scholars of Uppsala University are Olof Rudbeck, Carl Linnaeus, and Anders Celsius.

During the 1660s and 70s the University was dominated by Olof Rudbeck. Originally trained as a physician, Rudbeck was an extremely versatile scholar and was a person who enjoyed exercising power. Among his achievements is the remarkable anatomical theatre which he had erected on top of the Gustavianum, the then new university building. Today this edifice houses a museum of the history of science and ideas - Museum Gustavianum.

Carl Linnaeus, the botanist who became a professor at Uppsala in 1741 after studying there and in Holland, is the name that dominates the 18th century. Because of him, many students from all over Europe came to Uppsala. He sent his own students on research expeditions to various parts of

the world, e.g. Japan, South Africa, and Australia. Thus, by the middle of the 18th century, there was a flowering of the natural sciences at Uppsala. Also deserving mention in addition to Linnaeus are such scholars as Anders Berch, the economist, Anders Celsius, the astronomer who constructed the most widely used thermometer, and Torbern Bergman, the chemist.

Women have been allowed to study at the University starting in the 1870s. However, it was a long and hard struggle for these women to achieve equal recognition in their studies and academic careers. The first woman in Scandinavia to receive a PhD was the historian Ellen Fries, who received her degree in Uppsala in 1883.

The University boasted many prominent scholars during the late 19th and early 20th century. Some of them became Nobel laureates e.g., Manne Siegbahn in physics (1924) and [The Svedberg](#) in chemistry (1926).

The Russian Academy of Sciences was founded on a western model in 1725 and outstanding foreign scientists were attracted to St Petersburg.

At the time of Linnaeus the Swedish natural sciences were highly respected and several Swedish scientists worked at the academy. Carl Linnaeus had extensive correspondence with Catharine the Great. Catharine sent plants and trees to Linnaeus. If you come to Uppsala I can show you one of these trees – a Siberian Listvinitsa – that grows at Hammarby, Linnaeus summer villa outside Uppsala.

The natural historian Erik Laxman (1737-96) and astronomer Anders Johan Lexell (1740-84), both Swedish Finns, were ordinary members of the Russian Academy of Sciences, while Carl Linnaeus and Per Vilhelm Wargentin, the secretary of the Royal Swedish Academy of Science (1717-83), were honorary members (as was, incidentally, Gustaf III (1746-92), if on other grounds). Several Russian botanists worked in Uppsala with Linnaeus and some of the leading representatives of Russian science, including the great polymath Michail Lomonosov (1711-65), were elected to the Swedish sister academy.

Laxman travelled to China and Mongolia and collected plants, animals and minerals that Linnaeus was prepared to “kiss his feet” to share. As assistant to Euler the Elder (1707-83), Lexell made important contributions to mathematical astronomy and even had a comet named after him.

The astronomer Anders Celsius concluded that the temperature of the boiling point of water is reliable as a fixed point, but only in combination with a defined barometric pressure. The thermometer Celsius used for the abovementioned experiments most probably has got lost, but another of Celsius’ thermometers is still kept at Uppsala University. This is one of two

thermometers which the French astronomer, Joseph-Nicolas de L'Isle, sent from St Petersburg to Anders Celsius in 1737.

Scandinavian scientists paid high tribute to the high quality of editions published by the Russian Academy of Sciences. In 1770 Per Vilhelm Wargentin, the secretary of the Swedish Academy of Sciences, acknowledged in his letter to the Russian Academy the modesty of the works published by the Swedish Academy in comparison to the Russian ones, and promised to send Swedish work to St Petersburg.

Many translations of the Danish Swedish Academy works were published in an academic anthology of works "Essays and Translations" and in Technical magazine. These works touched upon almost all fields of sciences and reflected the state of Scandinavian science, technical science and humanities of the 1760s - 90s.

In the 19th century contacts between Russian and Scandinavian scientists broadened and changed their character. For example, Russian and Scandinavian scientists worked together on measuring the meridian arc on the territory of Russia and Spitzbergen. The results of this long-term outstanding research were published in the Academy editions in Russia and Sweden, and were highly appreciated by scientists of all countries.

And it is in the field of astronomy that many Swedes made particularly important contributions. The observatory at Pulkovo outside St Petersburg was inaugurated in 1839 and soon became one of the best in the world. Several Swedish scientists worked there in the second half of the 19th century. Best-known of these was Magnus Nyrén (1837-1921), who worked at the observatory for 40 years until his retirement in 1908, for the last 20 years as deputy director.

Nyrén's superior for many years was Oskar Backlund (1846-1916), who, like Lexell, worked on mathematical calculations of the movements of comets. Backlund was elected to the Russian Academy of Sciences and even ennobled for his services to science. Backlund was director of the Pulkovo observatory from 1895 until his death in 1916. He had arrived in Pulkovo in 1878, shortly after Bernhard Hasselberg, who was in Pulkovo between 1872 and 1889, when he got a post as physicist at the Swedish Academy of Sciences.

Hasselberg's stay in Pulkovo was important because he picked up skills in astronomical photography and spectroscopy that simply did not exist in Sweden at the time: the Russian observatory was very well furnished with resources for the latest astronomical technologies.

Several other Swedish astronomers also worked in Pulkovo for longer or shorter periods of time. Replacing the Celsius observatory, the so called Old Observatory was built in Uppsala during the years 1844-1852, through the efforts of astronomy professor [Gustaf Svanberg](#). It was

inaugurated in the summer of 1853 in the presence of, among others, Wilhelm [Struve](#) from the Pulkovo observatory. The astronomer and geodesist Daniel Lindhagen who worked for Struve in the Donau - North Cape measurement, received his education both in Uppsala and at the Pulkovo observatory.

The Mittag-Leffler Institute was founded in 1916 by Gösta Mittag-Leffler and was incorporated in the Swedish Royal Academy of Sciences in 1919. Mittag-Leffler studied mathematics at Uppsala University where he received his Ph.D. in 1872 for a thesis on analytic function theory. He subsequently obtained a professorship in Helsinki. After a few years there he returned to Stockholm as the first professor of the new university. Mittag-Leffler was a close friend of Sofija Kovalevskaya, the famous mathematician from S:t Petersburg who made invaluable contributions to the theory of differential equations.

In 1883 Mittag-Leffler offered Sofija Kovalevskaya a professorship at the University of Stockholm. This was the first appointment anywhere of a woman as a professor. An extraordinary woman, Sofia Kovalevskaya was not only a great mathematician, but also a writer and advocate of women's rights in the 19th century. It was her struggle to obtain the best education available which began to open doors at universities to women. In addition, her ground-breaking work in mathematics made her male counterparts reconsider their notions of women's inferiority to men in such scientific areas.

Another notable scientist of Scandinavian descent is the father of cybernetics in the Soviet Union Axel Berg. First a submarine officer in Tsar's fleet he became during Soviet time professor of the Radio Technical Faculty of S:t Petersburg Electrotechnical University, later admiral and full member of Russian Academy of Sciences. One can easily imagine what it meant defending and disseminating of a "reactionary pseudo-science" at those times in the Soviet Union! Nevertheless, the best Russian scientists of those times like Axel Berg, future Nobel laureate Leonid Kantorovich, Andrey Kolmogorov, Alexey Lyapunov stood up for the defence of a newborn science. Just because of their common efforts and fearless struggle cybernetics, and later computer science acquired the proper standing in Russia.

Present-day cooperation between Uppsala University and Russia abounds. The contacts with groups in S:t Petersburg are particularly intense. Most notable is the cooperation in physical science, theoretical physics and mathematics. The Uppsala physicist and founder of spectroscopy Anders Jonas Ångström (1814-74) who gave name to the [angstrom](#) unit used for measuring the size of atoms, has also given name to the Ångström laboratory of Uppsala university. This laboratory accommodates most of the physics, astronomy and materials science departments. It collaborates

with the Ioffe Institute, S:t Petersburg Nuclear Physical Institute and Steklov Mathematical Institute on topics such as nanotechnologies and quantum mechanics and with S:t Petersburg State University on materials chemistry.

Professor Oleg Viro from S:t Petersburg Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences, has a full professorship at the Department of Mathematics, Uppsala University. His field of research is topology.

In the humanities, social sciences and law there are also extensive contacts with S:t Petersburg. For instance, the Department of History, Uppsala University, has a Professor emeritus Alexander Kan from S:t Petersburg. The Department of Business Studies, Uppsala University, cooperates with St. Petersburg State University of Economics and Finance in fields such as management and business administration. The Department of East European Studies and S:t Petersburg State University of Technology have joint projects in political science, law, and sociology. The Faculty of Law, Uppsala University, and St Petersburg State University have projects in EC/EU-Law, Company Law, Civil Law, Law Philosophy, and International Law.

Special mention should be made of The Baltic University Programme, a higher education network of 180 universities and other institutes of higher learning throughout the Baltic Sea region. The programme was initiated and is coordinated by a secretariat at Uppsala University. Main financing partners are the Swedish governmental funds for cooperation with Central and Eastern Europe as well as several of the participating universities.

The programme focuses on questions of sustainable development, environmental protection, and democracy in the Baltic Sea region. The aim is to support the key role that universities play in a democratic, peaceful and sustainable development. This is achieved by developing university courses and participation in projects in cooperation with authorities, municipalities and others. University research is a key resource e.g. for improving the environmental situation, and develop technology important in the economic life of a country.

This leads to the concluding part of a my talk: My own department's research profile and connections with S:t Petersburg institutions and finally a proposal from Uppsala University for cooperation on ecological problems.

One of the most important research topics of the department of Information Science, Uppsala University, is constraint technology and here we cooperate for instance with S:t Petersburg Institute for Informatics and Automation of the Russian Academy of Sciences and we are also initiating cooperation with S:t Petersburg State University.

Constraint technology has attracted a great interest during the last years. This new technology provides powerful and flexible methods for finding optimal ways of using available resources while satisfying all the constraints. This is of great economical interest for the Baltic countries that need to stay competitive within the global economy. This technology has been successfully applied to problems in areas as wide as transport logistics, resource allocation, scheduling, etc.

A very important area of application for constraint technology could be ecological problems. For instance, in ecology one could develop decision support systems that would help allocating industrial plants satisfying the existing needs while minimising pollution.

Currently the ecological problems in the Baltic region are becoming increasingly severe. However, present attempts to solve them are concentrated mostly around some local problems to minimise pollution. But ecological problems know no boundaries. All ecological problems are interdependent. Therefore it is time to concentrate on a global optimization approach rather than local minimisation of pollution. For such global optimisation problems constraint technology is very well suited.

Currently the Department of Information Science, Uppsala University, collaborates with a number of centres of excellence in constraint technology. For instance the University of Montpellier II in France, the universities of York and Essex in the UK, the Cork Constraint Computation Centre in Ireland, the University of Bologna in Italy, etc.

To handle ecological problems effectively we have to combine competencies, knowledge and resources from the whole Baltic region. By organising the proposed network we significantly increase the potential for Baltic countries to overcome this problem. Therefore we invite specialists from different fields of activities to participate in this network.

ОБРАЗ ПЕТЕРБУРГА В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ В 1920-1930-е гг.

Образ страны, города, политического деятеля в современных условиях является неотъемлемым элементом общественно-политического института, которые имеет важное практическое значение. Он является краеугольным камнем стереотипов массового сознания. Американский публицист и исследователь У. Липпман определил стереотипы как «упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценностные позиции и права».⁶⁰⁹

От представлений, формирующихся в соответствии законами рационалистического мышления, которые принято называть образами, стереотипы отличаются отсутствием обратной связи с реальностью, что позволяет их расценивать в качестве мифов массового сознания. Они выполняют важную функцию в организации человеческого сознания, способствуя селекции и структурированию информации. Роль стереотипов зависит от личного опыта и интеллектуального потенциала личности. Чем больше жизненный опыт, чем выше развита культура мышления, тем меньше человек склонен оперировать в своем сознании стереотипами.

В тех областях, где личный практический опыт невелик, уровень знаний носит слишком поверхностный характер процесс мышления сводится к воспроизводству стереотипов. Значение стереотипов возрастает в кризисные эпохи, когда мозг не справляется с информацией, поступающей извне.⁶¹⁰ Таким образом, образ определяет содержание стереотипов массового сознания относительно того или иного общественно-политического института.

Необходимость формирования положительно имиджа страны и Санкт-Петербурга для привлечения инвестиций и развития туризма стала очевидной в условиях становления рыночных отношений. На уровне городской администрации, руководства страны соответствующие попытки предпринимались в первой половине 90-х гг., накануне 300-летия города. Укладывается в рамки этого направления и последнее решение городских властей о привлечении иностранных специализированных фирм к созданию имиджа Петербурга как мирового туристического центра. Вместе с тем образ города во внешнем мире существует давно, он изменяется под влиянием множества факторов и по разным направлениям.

В рамках этнических и внешнеполитических стереотипов обычно образ города формируется в неразрывной связи с образом страны. В отношении Петербурга эта взаимосвязь проявляется в специфической функции, миссии города, приданной ему Петром с момента основания: город, открывающий Европу России, и город, открывающий Европе Россию.

В начале двадцатых годов, во многом благодаря усилиям Антанты, Россия оказалась закрытой для Европы. Блокада страны, объявленная в 1919 г., гражданская война и разруха рисовали мрачный, холодный, вымирающий город. Такой образ Петрограда складывался в те годы в скандинавских странах не только под влиянием впечатлений эмигрантов и кратких телеграфных сообщений. Он удачно накладывался на образ декадентского Петербурга, возникший в эпоху «серебряного века». Холодный город, не только благодаря климату, но и бюрократизму императорской России, звенящему серебру инея на бледных стенах дворцов и особняков, построенных в архитектурных стилях рассчитанных на мягкий средиземноморский климат с пышной зеленью парков. Сухой, официальный образ военной столицы великой державы, подчеркнутый ритмом регулярных парков и стройной симметрией классических колоннад. Загадочный, мистический образ города эпохи «северного модерна», окутанного флером белых ночей и сезонных туманов, оказавшегося в переломную эпоху перед лицом катастрофы.

Описанная Г. Уэллсом, мрачная картина вымирающего города в октябре 1921 г. по своему содержанию легко вписывалась в структуру стереотипа, складывавшего в предшествующую эпоху. Образ Петрограда, созданный популярным писателем, оказался узнаваемым и широко распространенным, включая скандинавские страны. Символы гибнущего мира, охваченного революционной страстью, соответствовали ощущению краха либерально-демократической эпохи, высвобождения человеческой энергии, подавленной чуждой ей культурой, новой варварской еще цивилизацией в шпенглеровском понимании её.

Этот образ оказался преобладающим в общественном сознании большинства скандинавских стран до середины 20-х гг. Но затем он стал меняться. В основе трансформации образа Петрограда лежали как объективные, так и субъективные факторы. Стабилизация экономической и политической системы СССР в условиях НЭПа, переход к индустриализации соответствовали представлениям о тенденциях развития Западной цивилизации. В этих условиях для интеллектуальной элиты западных стран революция в России воспринималась как грандиозный эксперимент большевиков, направленный на то, чтобы приобщить гигантскую восточную страну к рационалистическим ценностям Запада.⁶¹¹

В своей внешней политике, опираясь на стремление деятелей мировой культуры к восстановлению связей с представителями культуры России, Советское правительство добивалось изменения общественного мнения в странах Западной Европы и Северной Америки в пользу отмены блокады и установления дипломатических отношений с СССР. Успех этой политики в середине 20-х годов создал определенную традицию, которая требовала подтверждения правильности избранного руководителями страны курса «широким признанием мировой прогрессивной общественностью». И в дальнейшем политическое руководство СССР, а теперь и России уделяло и уделяет большое внимание формированию своего позитивного имиджа в глазах мирового общественного мнения. При этом они не всегда учитывают, что в конечном итоге этот имидж неотделим от внешнеполитического образа страны. Петроград – Ленинград периода между двумя мировыми войнами успешно вписывался в образ страны, как город революций, открывший эпоху движения к новой цивилизации, преодолевающую историческую пропасть между Западом и Востоком.

В этом контексте город представал как крупный индустриальный и научный центр, локомотив, тянущий за собой Россию к высотам научно-технического и промышленного прогресса. Наиболее эффективно этот образ подтверждался деятельностью Российской Академии Наук (РАН), находившейся до 1934 г. в Ленинграде. Не случайно события в России, получившие первый общий положительный отклик в Скандинавских странах, были связаны с празднованием в 1925 г. 200-летия Академии. В них приняли участие 130 ученых из 21 страны мира.⁶¹²

Неизменно большое внимание международной научной общественности привлекали исследования советских географов. В то время географические и этнографические экспедиции сохраняли для общественности романтическую окраску, а их открытия - оттенок сенсации для прессы. Всеобщее внимание привлекло участие ледокола «Красин» в спасении экспедиции итальянца Э. Нобиле в Арктике.

Весь мир был взволнован мужеством членов экспедиции О.Ю. Шмидта на пароходе «Челюскин» и широкомасштабной операцией по их спасению, в которой приняли участие не только советские летчики, но и авиаторы с Аляски. Наконец, организация дрейфующей станции «СССР-1» - все это создало нашей стране славу крупнейшей арктической державы.

Укреплению авторитета советских географов способствовало их участие в международном сотрудничестве. Начавшись в 1921 г. по инициативе Ф. Нансена совместными работами на Шпицбергене оно достигло своего пика к 1933 г. в рамках проведения Международного полярного года (1932 - 1933 г.) была осуществлена программа

исследований, включавшая наблюдения атмосферного электричества и радиоактивности, океанографические, метеорологические, аэрологические работы, горные исследования. Научные работы были проведены на прибрежных станциях и в 15 морских экспедициях. Впервые ледокол «Сибиряков» за одну навигацию прошел Северный морской путь.

С 1933 г. Ледниковая комиссия Географического общества СССР включается в работу Международной ледниковой комиссии, объединявшей исследователей Арктики и Антарктики.⁶¹³ Более того, СССР становится одним из крупных международных научных центров в этой области. После закрытия в Германии (из-за недостатка средств) международного журнала «Арктика» с августа 1933 г. издание было возобновлено на русском, английском и немецком языках Арктическим институтом в Ленинграде.⁶¹⁴

В 30-е годы в Ленинграде проводились международные встречи географов: 4-я Балтийская гидрологическая конференция (1933 г.) и Балтийская геодезическая конференция (1934 г.). В гидрологической конференции приняли участие 400 ученых из Германии, Швеции, Дании, Польши, Финляндии, Латвии, Литвы, Эстонии и г. Данцинга.

Международной конференции почвоведов и приуроченное к ней празднование 10-летия организации. Советские ученые приняли участие также в работе Международной конференции почвоведов в Копенгагене и Берлине в июле-августе 1933 г. После Парижской конференции в 1933 г. советская делегация приняла участие в работе Мирового энергетического конгресса, открывшегося в Копенгагене, продолжавшего работу в Стокгольме и Осло. На нем рассматривались вопросы электрификации на железнодорожном транспорте и в промышленности. Ученые нашей делегации подготовили 12 докладов. Одновременно с конгрессом состоялся пленум Международной комиссии по большим плотинам. На нем выступал академик И.Г. Александров. На пленуме от СССР было представлено 5 докладов, которые вызвали большой интерес у участников конгресса и пленума. Работа международных научных форумов в области энергетики в 1933 г. и отклики на нее в зарубежной печати показали, что научно-технические разработки в СССР в ряде областей вышли на мировой уровень.⁶¹⁵

Большим авторитетом пользовалась советская школа физиологов во главе с И.П. Павловым, участвовавшим почти во всех физиологических конгрессах. Павлов посетил ведущие научные центры Англии, США, Дании, Швейцарии, Италии и других стран.

Успехом формирования такого образа явилось признание Ленинграда крупнейшим центром страны, преодолевшей к середине 30-х гг. культурную пропасть и ставшей одной из ведущих просвещенных и научных держав мира. Признанием этого прогресса стали слова

видного историка президента Академии наук Норвегии, вскоре ставшего министром иностранных дел, Хальфдена Кута. В 1934 г., он заявил: «Буржуазия говорит о широкой культуре, а в России ведется колоссальная работа для того, чтобы культура и искусство стали достоянием народа».⁶¹⁶

Однако этот позитивный образ города не мог в полной мере преодолеть негативное отношение в скандинавских странах к массовым политическим и социальным репрессиям, потрясшим СССР. В массовом общественном сознании скандинавских стран международный авторитет СССР существенно был поколеблен в начале 30-х гг.⁶¹⁷ Поэтому для активизации внешней политики страны потребовалось в дальнейшем существенное дополнение внешнеполитического стереотипа СССР новым образным рядом.

В середине 30-х годов внешняя политика СССР стала диктоваться обстоятельствами, вызванными ростом угрозы фашизма и новой мировой войны. В это время советское внешнеполитическое ведомство стремилось получить поддержку у мировой общественности усилиям СССР в Лиге наций по созданию системы коллективной безопасности в Европе. В этих условиях Ленинград был важным элементом формирования образа страны - наследницы классических традиций русской культуры, неотъемлемой части европейской цивилизации, противостоящих вандализму нацизма.

Концепция преемственности российской и советской государственности была реализована в произведениях советских писателей, таких, например, как роман А. Толстого «Петр I», и вышедшем в 1937 г. на широкий экран скандинавских стран одноименном фильме киностудии «Ленфильм». Она представляла Петербург, как символ России, ведомой выдающимся лидером, по пути прогресса и приобщения к европейской цивилизации. Важным фактором того времени был и образ великой военной державы, способной переломить ход войны и победить трудного соперника.

В качестве свидетельства вклада России в развитие культуры Европы были продемонстрированы очевидные успехи советского театрального искусства в условиях театрального кризиса, охватившего заданные страны в середине 30-х гг. Для иностранных театралов были организованы театральные фестивали в Москве. С 1935 г. они были организованы и в Ленинграде. В программу были включены симфонические концерты в Ленинградской филармонии из произведений С. Прокофьева, Д. Шостаковича, Н. Мясковского, выступления Д. Ойстраха, спектакли Кировского театра «Лебединое озеро» П. Чайковского и «Бахчисарайский фонтан» Б. Асафьева, Малого оперного театра и ТЮЗа.⁶¹⁸

В 1936 г. в ходе театрального фестиваля можно было познакомиться с театрами не только из Москвы и Ленинграда, но и Украины, и Грузии. На фестиваль прибыли более 500 любителей театра из США, Франции, Чехословакии, Голландии и Скандинавских стран. Среди них - известный актер Скандинавии Г. Экман. В Ленинграде шли спектакли Государственного украинского театра им. Т. Шевченко «Гибель эскадры» А. Корнейчука, ТЮЗа - «Тимошкин рудник» Л. Макарьева, Малого оперного театра «Тихий Дон» И. Дзержинского и в Кировском театре - балет «Бахчисарайский фонтан» Б. Асафьева.⁶¹⁹ Так образ Ленинграда был дополнен представлением о нем, как центре многонациональной культуры, противостоящей национальной ограниченности нацистской культуры.

В 1937 г. в скандинавских странах прошли «Пушкинские дни», которые на основе новых для того времени открытий пушкиноведов демонстрировали творчества поэтического гения с движением декабристов. Тем самым советская культура демонстрировала себя как продолжатель демократических традиций русской культуры. А столица «жандарма Европы» наделялся образом колыбели российского революционного движения, получила почетное звание «города трех революций».⁶²⁰

Тенденция к расширению культурных связей получила развитие в 1936 г. В апреле этого года А.М. Коллонтай писала о том, что среди «радикальной интеллигенции Швеции, несомненно, намечается усиливающийся рост симпатий к СССР. Это сказывается в составе групп туристов, едущих в Союз (технические и научные силы, студенчество, общественные и коммунальные деятели и пр.), в тоне прессы, в закреплении общества культурных связей».⁶²¹ В 1936 г. общество организовало выставку, посвященную охране материнства и детства в СССР, приняло делегацию советских врачей. По сообщениям А.М. Коллонтай, «Шведско-русское общество» с большим успехом провело «Пушкинские дни». Были прочитаны доклады о М. Горьком и А.С. Пушкине, также по инициативе общества в прессе были опубликованы статьи о творчестве великого русского поэта.⁶²² С большим интересом следила общественность Швеции за советской экспедицией на Северный полюс, другими достижениями Советского общества. Показательно, что, когда Шведско-русское общество организовало 6 сентября 1937 г. выступление советского электротехника проф. Г. Графтио о советских гидростанциях, пришло необычайно много народа: деятели науки и техники, директора предприятий и госучреждений, специалисты по электрификации и гидравлическим сооружениям. В 1938 г. общество организовало выставку, посвященную М. Горькому.⁶²³

Со второй половины 30-х гг. внимание членов общества культурного сближения все больше привлекает внешнеполитическая деятельность Советского государства. Отражением

настроений того времени явилась мысль, высказанная известным шведским социал-демократическим публицистом, ставшая крылатой фразой: «Как не вертись, факт остается фактом, что в настоящее время малые народы живут под защитой советских штыков».⁶²⁴ Скандинавская общественность с глубокой симпатией относилась к антифашистской направленности советского искусства. Так, с большим интересом был встречен просмотр советского фильма «Профессор Мамлок», устроенный по инициативе общества в декабре 1938 г. Присутствовавшие на просмотре зрители бурными аплодисментами встречали сюжеты, где нацистам «приходилось туго».⁶²⁵ Таким образом, благодаря развитию культурных связей с СССР росли антифашистские настроения среди зарубежной общественности.

Большой успех у посетителей выставки имела демонстрация советских фильмов, которые не шли в прокате.⁶²⁶ Члены общества читали доклады об СССР перед широкой аудиторией. Со вниманием были встречены в Норвегии статьи известного норвежского писателя Нурдаля Грига о театральной жизни в СССР и журналиста Арне Эстведта о советской музыке. Общество установило контакты с Институтом сравнительного изучения культур, академическими и студенческими организациями, крупными издательствами и журналами Норвегии, медицинскими, педагогическими и архитектурными организациями.⁶²⁷ Норвежско-советское общество организовало поездку представителей скандинавского искусства на театральную неделю в Москву (июнь, 1933 г.). В состав группы вошли Х. Серенсен, режиссер и актриса Агнес Мовинкель, поставившая на норвежской сцене «Ингу» Глебова, директор Центрального театра Отто, редактора ряда журналов, а также известные шведские актрисы Паулина Бруниус и Молли Фаустман.⁶²⁸ Возросший объем культурных связей позволил Норвежско-советскому обществу в 1934 г. на высоком уровне провести несколько тематических вечеров, посвященных советскому искусству и положению художников в нашей стране, рассказу о советских женщинах, о личных впечатлениях от посещения СССР. Вечера проходили с демонстрацией советских фильмов, вызывая интерес у жителей норвежской столицы.⁶²⁹ В волнующее событие вылился вечер, организованный в Осло и посвященный памяти А.С. Пушкина 11 февраля 1937 г., в университетской библиотеке столицы открылась выставка, посвященная русскому поэту, которая действовала в течение 6 недель и пользовалась популярностью у посетителей. Вечером 11 февраля в Актовом зале университета состоялось собрание общественности. На нем присутствовал министр иностранных дел Х. Кут, деятели науки и искусства. Был прочтен пролог о гибели Пушкина, воспевавший поэта-борца за свободу народа, написанный специально для этого

вечера Н. Григом. Здесь же читались отрывки из произведений А.С. Пушкина, лекция о его эпохе. С серьезным докладом о творчестве А.С. Пушкина выступил литературный критик Э. Краг. Пушкинской теме была посвящена передача норвежского радио.⁶³⁰

Деятельность обществ культурного сближения с СССР в Скандинавских странах свидетельствовала о глубокой заинтересованности значительной части интеллигенции в развитии и укреплении культурных связей с нашей страной. В орбиту их деятельности было вовлечено немало влиятельных политических деятелей, которые высоко оценивали советскую инициативу по созданию системы коллективной безопасности в Европе. Но при этом они предпочитали не проявлять самостоятельности, излишне доверяясь ведущим державам и рассчитывая остаться в стороне от грядущих потрясений.

Для многих участников культурного сотрудничества с СССР пассивное отношение к совместной политической борьбе против угрозы войны определялась представлением о своей национальной культуре как части западной цивилизации. Они не считали возможным действовать вопреки внешнеполитическому курсу ведущих западноевропейских государств даже тогда, когда считали его неэффективным, опасаясь остаться вне рамок западного общества. Другим сдерживающим фактором в интеллектуальной среде было распространенное представление о необходимости удержаться от двух крайностей: фашизма и социализма. Эти представления подогревались, по мнению показывает, что не антикоммунизм был основой отчужденности значительной части интеллигенции европейских стран. Фашизм отвергался ею по самой своей сути. Созидательные тенденции в СССР всегда встречали поддержку и понимание интеллигенции, но непреодолимый моральный барьер на пути политического сотрудничества возводила репрессивная практика сталинизма. Пропаганда в данном случае не играла существенной роли, ибо в интеллектуальных кругах уже тогда против нее сложился достаточно стойкий иммунитет. Общее мнение о советском искусстве, утвердившееся и в Скандинавии, наиболее ясно выразил французский писатель Эжен Даби в майском номере журнала «Эроп»: «Это искусство не стремится ни ослепить, ни обмануть, ни даже убедить. Оно искренно в своих изысканиях, это мощное чарующее молодостью и здоровьем искусство».⁶³¹ В 1934 г. выставки советского изобразительного искусства прошли также в Финляндии, Швеции, Эстонии, Дании, В 1936 г. выставки советской графики устраивались в Норвегии, Польше, Франции, Великобритании и Дании. В 1937 - 1938 гг. они прошли в Брюсселе, Лондоне, Осло и других городах Норвегии. Успехом пользовались советские книжные выставки: детской книги (1934 г., Чехословакия, США); (1936 г. Норвегия, Дания).

Значительное влияние на общественное сознание в скандинавских странах, как и во всем мире, оказал социальный прогресс в СССР. Изучение и использование советского опыта в социальной сфере послужило началом формирования современных систем социального обеспечения в скандинавских странах. Так, большим вниманием была встречены советские выставки посвященные развитию здравоохранения, школьного образования, художественного воспитания молодежи и организации пенсионного обеспечения и курортного лечения, градостроительства.⁶³²

В исследуемый период традиционный образ Петербурга в общественном сознании скандинавских стран дополнили новые черты. Чиновный образ военной столицы приобрел более мягкие черты. Утрата городом столичных функций способствовала утверждению представлений о городе как интеллектуальном и индустриальном центре стремительно развивающегося государства. Конечно, не было утрачено ощущение настороженности, вызывавшееся грозной мощью огромной страны, впитавшей в себя черты западной и восточной цивилизаций. Но город прочно утвердился в массовом сознании в качестве крупнейшего центра мировой культуры и науки, находившегося в определенном противопоставлении официальной советской столице.

Л.И. Харченко

ФИННЫ И РУССКИЕ ГЛАЗАМИ ДРУГ ДРУГА

Формирование компетенции межкультурного общения связано с желанием понять чужую культуру, с толерантным отношением к инокультурным особенностям.

Для осознания своего опыта межкультурного общения финским учащимся было предложено зафиксировать свои впечатления о пребывании в России, сделав акцент на критических ситуациях, т.е. таких ситуациях, когда что-то показалось им странным, необычным, непонятным, беспокоящим. Приведем примеры из работ финских студентов:

1. Русские люди всегда хотят ухаживать за гостями очень хорошо. Они думают, что так гостям удобно. Когда я была в гостях у моих хороших друзей, они ночью почистили мои ботинки. Когда мы завтракали, обедали, пили чай и т.д., мне надо было только сидеть и есть, как в ресторане. Они ухаживали за мной так хорошо, как в гостинице. Это было, конечно, удобно, но это меня также беспокоило. Странно сказать, но они были слишком доброжелательны.

2. Когда я находилась с визитом в школе, там я удивлялась отношениям между учителями и школьниками. Связи между ними были хорошие, но я не понимала, как учителя могли так сильно оценивать школьников: они хвалили талантливых и ругали плохих. В Финляндии это невозможно, или лучше сказать, что это ненормально. Учителям надо относиться к школьникам как к равным.

3. У меня не было таких трудных ситуаций в общении. Но могу сказать, что часто даже учителя так быстро и интенсивно говорят, что невозможно ничего понять и вдруг - вопрос. И если финская студентка говорит «Что? Не поняла». Тогда учитель начинает говорить еще больше и быстрее, интенсивнее. И после этого не знаешь, что делать. Только сидеть тихо. Вот почему финны паникуют, когда надо неожиданно отвечать или когда ситуация – сюрприз. Финны любят знать, что будет в следующий момент, любят медленно говорить и долго думать.

В приведенных работах финских студентов обнаруживается умение осознать и анализировать критическую ситуацию, которая может быть одной из причин культурного шока при изучении русского языка в условиях языковой среды. Как следует из работ, больше всего финнов беспокоят следующие ситуации:

- когда они делают покупки и встречают невежливость и недоброжелательность продавцов;
- когда русские быстро и много говорят;

- если русские хозяева бывают слишком назойливы;
- если встречаются случаи невоспитанности, например, показывают на них пальцем на улице;
- проявления недостаточной демократичности по отношению к женщине;
- случаи излишней авторитарности в отношениях педагогов и учащихся.

В сочинениях российских школьников также описываются критические ситуации, которые вызвали удивление или психологический дискомфорт. Приведем фрагменты работ петербургских школьников:

1. Когда я была в Финляндии на стажировке, я очень уставала от их ритма жизни, потому что редко можно было встретить финна, который куда-то спешит, нервничает или через каждые пять минут смотрит на часы. Россия живет сутками, а Финляндия только днем, ночью она «умирает». У нас в транспорте молодые люди уступают свое место старшим, даже старики уступают старикам. А в Финляндии это считают за дикость, уступаешь место – значит оскорбляешь, так как ты подчеркиваешь свое превосходство над тем человеком, которому уступаешь место.

2. В финской школе ребята одеваются как попало, у нас и девочки, и мальчики стараются одеться так, чтобы было приятно смотреть. Я как-то пришла в школу в Финляндии в белом пиджаке, мой вид произвел фурор – на меня показывали пальцем, у них так нарядно не принято одеваться.

3. По сравнению с финскими учителями, русские – гуманнейшие люди, так как могут войти в положение ученика. Финская учебная система – это строгий порядок посещаемости, образцовый порядок в расписании занятий, которые планируются на весь год. Если у ученика больше семи пропусков занятий, то считается, что он не прослушал курс, даже если он не присутствовал по уважительной причине.

В Финляндии почти всегда знаешь, что произойдет завтра и нет никаких неожиданностей, а в России все делается спонтанно – «уом Россию не понять...»

Работы петербургских учащихся позволяют выделить следующий круг критических ситуаций:

- размеренный ритм жизни, ее упорядоченность;
- отношения со старшими;
- манера одеваться;
- коммуникативная закрытость;
- ситуации, которые не соответствуют стереотипным представлениям.

Кроме того, учащимся было предложено использовать жанры путевые заметки и эссе. Важную композиционную роль выполняет в путевых заметках описание природы, местности, окружающей обстановки, внешности человека, рассуждения об увиденном. Эссе отличаются такие признаки, как неограниченность тем, индивидуальный авторский подход к освещению их, свободная композиция, фрагментарность, небольшой объем, отсутствие необходимости всестороннего раскрытия темы. Свободная композиция и неограниченность тематики позволяют отразить индивидуальное восприятие увиденного и провести сопоставительный анализ по различным уровням межкультурной коммуникации.

Приведем примеры нескольких работ в жанре путевых заметок:

1.«Пейзажи начали меняться сразу после пересечения границы, стали появляться старые, дряхлые дома, тогда я подумал, какой ужас!»

2.«Выборг казался грустным, обветшалым, застывшим. Пригороды Петербурга были действительно восхитительны. Такие весенние лиственные леса, красивые домики, неухоженные, напоминающие дачи. При всех домах имелись сады, в которых росли яблони. Не могу описать, насколько красивые».

3.«Грандиозно увидеть своими глазами все те памятники, о которых столько слышал. Метро – это действительно испытание, очереди в своей школьной столовой не чувствует уже никто».

После поездки в Петербург все финские учащиеся считали, что их предварительные представления о России довольно мало отвечали действительности. Один из учащихся следующим образом рассказывает о соответствии своих представлений с действительностью: « У меня было представление, что в Петербурге очень грязно и люди довольно плохо одеты, но оказалось, что люди там одеты хорошо и город тоже чистый. Я предполагал, что в Петербурге все ужасно, но все оказалось по-другому. В Финляндии жалуются по поводу каждого дела. В России все же дела обстоят хуже, чем в Финляндии, но не так уж плохо, как я думал».

Другой учащийся пишет: «Петербург - действительно интересный город, там много достопримечательностей и много людей, туда можно поехать без страха, это не какое-нибудь мрачное место, которое никогда не посещают или посещают только тогда, когда необходимо. От поездки остались приятные воспоминания, и прежде всего, я увидел своими глазами, насколько не прав был в отношении многих вещей»

Применительно к воспоминаниям иностранцев о пребывании в России существует понятие этнотекста, которое определяется как речь представителей лингвокультурной

общности о своем и чужом культурном ареале. Роль этнотекста сводится к психологической подготовке к вхождению в чужую культуру.

Таким образом, работы учащихся, которые можно рассматривать как этнотекст о России, свидетельствуют об изменении имевшихся стереотипов относительно страны изучаемого языка.

Кроме того, нами был проведен анализ письменных работ учащихся школы № 204 Санкт-Петербурга с углубленным изучением финского языка.

Учащимся 204 школы, которые посещали Финляндию, было предложено написать сочинение на тему: «Мои впечатления о Финляндии». Было проанализировано 45 сочинений. Во всех работах отмечается, что Россия и Финляндия – это страны с разными культурами. При описании национально-культурного своеобразия наблюдается подключение механизмов этнического самосознания, идет сравнение России и Финляндии, русских и финнов.

При анализе сочинений можно отметить, что сопоставление идет по таким параметрам, как национальный характер, национальная психология, стереотипы восприятия финнов.

Учащиеся пишут, что на первый взгляд, финны – очень замкнутые, скрытные, необщительные люди, но «когда они развеселятся, становятся веселыми и доброжелательными». Доброжелательность и гостеприимство отмечается всеми без исключения школьниками, которые проживали в финских семьях, где к ним относились как к равноправным членам семьи. Хозяин дома обычно сдержан и немногословен, но если он чувствует доверие к гостю, то он готов предоставить ему все самое лучшее, что имеет. Одна из школьниц отмечает, что различие наших культур ярко проявляется в том, как мы встречаем гостей. Обычное финское гостеприимство ограничивается чашкой кофе и кофейной булочкой, а в русской семье «было бы куплено много разных продуктов, приготовлено что-нибудь экзотическое, что-то такое, что свалило бы гостей наповал. В доме была бы идеальная чистота и порядок, и сами Вы выглядели бы как королева, сошедшая с трона. И, может быть, у Вас была бы припрятана дорогая бутылочка вина».

Школьники отмечают умение финнов более рационально планировать бюджет семьи: «Финны больше заботятся о ведении домашнего хозяйства, разумно тратят деньги, не купят ничего лишнего».

Финны дарят подарки, любят получать их, но ни ценность подарка, ни значение в хозяйстве не важны. Финны реже дарят цветы, чем русские, что, вероятно, можно объяснить их меньшей эмоциональностью.

Существующий стереотип относительно угрюмости и психологической подавленности жителей Суоми («Русские – самые добродушные и щедрые люди, а финны – полная противоположность, они жадные, скучные, неоригинальные, северные...Если в характере нет радости, авантюризма – жить надо в Финляндии») был отмечен лишь в одном сочинении, практически он опровергается во всех работах.

Все финские города просты, имеют, как правило, линейную планировку, удобны, чисты и приятны. «В центре города природа похожа на лес: рябина, даже земляника. Фонари освещают аккуратные домики золотисто-романтическим светом, маленькие ресторанчики привлекают запахом чего-то вкусенького».

Русские школьники отмечают, что им было легче общаться с финнами в маленьких курортных городках, например, в г.Савонлинна, куда часто приезжают русские и эстонские ребята на летние заработки собирать клубнику. В Турку, например, «люди более холодные, не очень открытые, никуда не хотят тебя приглашать, тут у всех свой круг друзей, другой образ жизни». А в центральной Финляндии, например, г. Миккели, образ жизни больше похож на русский, люди гораздо добрее, доброжелательнее, религиознее, «много болтают, никогда не говорят ничего точно».

Учащиеся пишут, что интересы русских и финских школьников во многом совпадают: «Мы слушаем одну музыку, интересуемся одними проблемами, увлечения тоже одинаковые», однако поведение финских ребят на уроке значительно отличается от поведения русских. Там любой может встать во время занятий, выйти без предупреждения. Финский учитель не позволяет себе повысить голос на ученика, а ученик, обращаясь к учителю, говорит: «Ты можешь мне помочь?» такое обращение сближает учителя и ученика.

Работы петербургских школьников свидетельствуют о том, что образовательный туризм в Финляндии помог разрушить имеющиеся негативные стереотипы. Так, одна ученица, например, пишет: «Чем больше я изучаю финский язык, чем больше знакомлюсь с культурой Финляндии, тем интереснее с каждым разом мне приезжать в эту страну».

В.Г. Бурков

ШВЕДСКАЯ ГЕРАЛЬДИКА ПЕТЕРБУРГА, А ТАКЖЕ ГОРОДОВ И НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Издревле современная территория Ленинградской области и Санкт-Петербурга занимала важное место в торгово-экономических и культурных связях Прибалтики. Здесь проходил древний путь «из варяг в греки», формировались и развивались взаимоотношения представителей различных культур, традиций и верований, проходили ожесточенные сражения за верховенство в этом стратегически значимом регионе. С XIII по XVIII вв. основная борьба за обладание этой территорией шла между Швецией и Россией. Приневье и Приладожье неоднократно переходили из рук в руки. Строились и разрушались крепости, города и села, создавались и исчезали различные административно-территориальные образования в составе двух противоборствующих государств. Все это получило должное геральдическое отображение, позволяющее более ярко и образно представить события тех лет, ощутить взаимосвязь времен.

Первоначальные гербовые определения административных делений, городов, крепостей и населенных пунктов, связанных с современной территорией Ленинградской области и Санкт-Петербурга появились в XV-XVII вв. Они имеют шведское происхождение, так как в допетровской России геральдических эмблем фактически не существовало. Одним из первых подобных символов был герб г. Выборга. Еще в 1293 г. правитель Швеции маршал Торкель Кнутссон (опекун малолетнего короля Биргера) во главе большого войска вторгся в пределы карельских земель, и оценив важное военно-стратегическое положение места, где впадает западный рукав реки Вуоксы в Финский залив, на небольшом острове Линнансаари (Воловий остров), начинает строительство каменного замка, названного Выборгом¹.

Выборгский замок на долгие годы становится главным форпостом Швеции на востоке, а впоследствии вторым по значению после Або² городом шведской Финляндии, центром большого административного округа – Выборгского лена. В 1403 г., когда по Указу шведского короля Эрика XIII Выборг официально получает статус города, появляется первая городская печать с изображением буквы «W» и трех корон над ней, заимствованных из государственного герба Швеции.³ В середине XV в. гербовый щит г. Выборга был разделен по горизонтали (пересеченный щит). В верхней его части располагались три короны, а в

нижней – буква «W». Над щитом помещались поддерживающие его два ангела (херувима), что символизировало изначальную святость этого места.⁴

После окончания Северной войны 1700-1721 гг. и подписания Ништадтского мира 1721г. г Выборг перешел к России. 8 марта 1730 г. последовал Указ Правительствующего Сената Военной коллегии об утверждении гербов для целого ряда городов и земель Российской империи, в том числе и герб г. Выборга:⁵ «... по старому: какой прислан из Выборга: на лазоревом поле внизу литера W, поперек полоса золотая, над нею три короны, а сверху два ангела с крыльями, в одеянии красном, крылья у одного лазоревыя, а у другого желтыя». Этот герб был воспроизведен и на печати Выборгской крепости в середине 18 в.⁶ 4 октября 1788 г. (с пометкой – «старый герб») шведский герб г. Выборга был подтвержден Указом Екатерины II и имел следующее описание: «Щит разделен на две части: в верхней в красном поле три золотые короны; в нижней в голубом поле золотая литера W; над щитом два ангела».⁷

С окончанием русско-шведской войны 1808-1809 гг. и подписания Фридрихсгамского мира 1809 г. г. Выборг вошел в состав Великого княжества Финляндского и с 1811 г. стал центром восстановленной Выборгской губернии.⁸ В основе ее герба стал герб г. Выборга: «Щит пересеченный: в верхней, червленой части три золотые короны: 1 и 2. В нижней, лазуревой части, золотая литера «W». Щит увенчан золотой короной». Таким образом губернский герб содержал в себе основные элементы шведского Выборгского городского герба: три золотые короны в красном поле (правда, расположенные не в один ряд по горизонтали, а в виде треугольника) и золотую букву «W» на синем поле. Городской же герб, по Указу от 2 октября 1817 г. был изменен. На новом городском гербе, в синем щите в виде картуша, была изображена Выборгская крепость со стороны Финского залива, над ней золотая буква «W» Вверху, над щитом, находилась трехбашенная каменная золотая корона. То есть, из старого шведского Выборгского городского герба была взята только золотая буква «W». В период, когда г. Выборг входил в состав Финляндии (1917-1940, 1941-1944 гг.) его гербом был герб 1817 г., а Выборгской губернии – шведский герб Карелии.⁹

В 1940-1941 гг., в составе Карело-Финской СССР, а затем, в 1944-1993 гг., в составе Ленинградской области, г.Выборг официально утвержденного герба не имел (хотя неофициально использовался герб 1817 г., но с надписью по-русски: «Выборг»). 20 января 1993 г. Выборгским городским Советом народных депутатов был утвержден в качестве современного герба города герб 1788 г. (фактически повторявшим основные элементы шведского Выборгского герба XV в.). В 1994 г. были внесены некоторые изменения в

Положение о гербе г. Выборга и сегодняшнее его описание выглядит следующим образом: «Герб города Выборга представляет собой изображение щита, разделенного на две части. Щит пересечен узким золотым поясом. В верхней части герба на красном (червленом) поле изображены три золотые короны в пояс, в нижней части на голубом (лазорево) поле – изображена золотая буква (литера) «W», над щитом изображены два ангела в пояс – щитодержатели, возникающие из-за главы щита, в красных (червленых) одеждах с золотыми перевязями накрест и с крыльями. Крылья у правого ангела – лазоревые (голубые), у левого – золотые (желтые)». Автором эталона герба г. Выборга является В.П. Димов. Он также придумал талисман и эмблему города – «Сову с литерой W на голове. В основании «Совы» дано слово «Выборг» на трех языках: русском, шведском и финском.¹⁰

Другим городом Ленинградской области, имеющим шведские геральдические корни является г. Приозерск (древнерусское название – Корела, карельское – Кякисальми – «Кукушкин пролив», шведское – Кексгольм – «Кукушкин остров»). Появление первого герба города связано с событиями Ливонской войны 1558-1583 гг., когда шведы захватили его, переименовали в Кексгольм и образовали Кексгольмскую провинцию, получившую статус герцогства.¹¹ Кексгольмский герб 1580 г. представлял собой геральдический синий щит французского типа с изображением белой горящей крепости у водной протоки. Вверху щита симметрично располагались два золотых ядра, объятые пламенем. Герб был украшен герцогской короной. Изображение воды (белые волнистые полосы на синем фоне) в нижней части щита показывало, что крепость стоит на возвышении и окружена рвом, наполненным водой. «Пылающие ядра» означали способ поджога деревянной крепости путем стрельбы по ней предварительно раскаленными пушечными ядрами. Этот герб был дарован шведским королем Юханом III и действовал до подписания Тявзинского договора 1595 г., когда Кексгольм (Корела) с уездом вновь перешли к России. По Выборгскому договору 1609 г. в обмен на военную помощь в борьбе с Тушинским лагерем Россия передала шведам Корелу с уездом¹². В 1611 г. Кексгольмская провинция в составе Шведского королевства получила графское достоинство и новый герб: синий щит испанского типа с изображением белой кирпичной крепости над водой. Вверху щита располагались два золотых ядра объятые пламенем. Над щитом была графская корона. Таким образом основные элементы герба 1580 г. были сохранены.¹³

После подписания Ништадтского мира 1721 г. Кексгольм вошел в состав Российской империи, став центром провинции, а затем уезда Выборгской губернии. 8 марта 1730 г. был утвержден новый герб Кексгольма: «Остров зеленый, кругом вода белая; на острове ворота с

башнями кирпичные; поле синее. Над воротами Имя Императорского Величества, Петра Великого». Как видно из этого описания герб города был похож на старый шведский герб. Одновременно на городской печати Кексгольма появляется изображение шведского герба Карелии 1562 г.: в верхней части на красном поле две руки в латах, держащие шпаги, а в нижней части, на голубом поле, журавль, держащий в лапе камень. 4 октября 1788 г. Екатерина II утвердила этот герб с небольшими изменениями (шпаги были заменены на мечи, журавль – на цаплю): «Щит разделен на две части: в верхней, в красном поле, в серебряных латах две руки, держащие вверх мечи; в нижней, в голубом поле, серебряная цапля, держащая в лапе золотой камень». Рисунок этого герба был дан и на печати Кексгольмской крепости.¹⁴

В 1811 г. Кексгольм был присоединен к Великому княжеству Финляндскому и в 1892 г. появилось магистратское описание городского герба: «На верхнем голубом поле друг против друга две руки, сжимающие мечи золотого цвета. На нижнем красном поле серебряного цвета журавль, держащий в правой лапе голубое ядро».¹⁵ Этот герб город имел будучи в составе Финляндии в 1917-1944 гг.¹⁶ Герб Приозерска советского периода¹⁷ был утвержден в 1969 г. и он не был связан с предшествующими геральдическими традициями.¹⁸ 25 июня 1988 г. сессия городского Совета народных депутатов приняла решение о восстановлении старого кексгольмского герба 1788 г.: «червлёный (красный) и лазоревый (синий, голубой) щит пересечен. Вверху – две обращенные друг к другу отвлеченные руки в серебряных латах и с такими же мечами; внизу – обращенный влево серебряный журавль, держащий в лапе золотой камень». Так, основные элементы шведского герба Карелии 1562 г. вновь были закреплены в современном гербе г.Приозерска.

С событиями Ливонской войны связано появление еще двух первых гербов населенных пунктов Ленинградской области – это гербы Копорья и Ивангорода.

Копорская крепость была заложена немецкими рыцарями в 1240 г. в ходе их экспансии против Новгорода и Пскова на землях Копорского погоста Водской пятины. Однако, уже в 1241 г. она была взята и разрушена новгородцами. На ее месте они построили новую крепость. В 1581 г. шведские войска захватили ее и именно тогда появился первый известный нам герб Копорья в виде щита, разделенного на четыре части с изображением красных кирпичных стен на синем фоне (в первой и четвертой части гербового щита) и двух красных стен, пробитых четырьмя ядрами (во второй и в третьей части щита). Сверху щита, над золотой главой, помещалась герцогская корона. По Столбовскому миру 1617 г. Копорье стало центром шведского лена Каприо. В начале XVIII в., в ходе Северной войны Копорье

вновь стало русским и было пожаловано светлейшему князю А.Д.Меншикову. 8 марта 1730 г. был утвержден новый герб Копорья: «камень белый, над ним облако; поле лазоревое». Других гербов в истории Копорья не было. Сейчас это село – центр Копорской волости Ломоносовского района Ленинградской области.

В 1581 г. появился и первый шведский герб Ивангорода – древней крепости, заложенной еще в 1492 г. по повелению Ивана III. Он представлял собой геральдический щит испанского типа под герцогской жемчужной короной с изображением речного золотого потока, по обеим сторонам которого были изображены серебряные крепостные стены; в верхнем углу, на красном фоне – золотой крест, а в нижнем – три ядра.¹⁹ По Столбовскому договору 1617 г. Ивангород был присоединен к Швеции, получил статус самоуправляемого города и ему был дан другой герб в виде рассеченного щита. В левой его части, по косой линии, была изображена крепостная стена с прямоугольными зубцами, а на нижней, лицевой поверхности были изображены два ядра в декоративном обрамлении, а снизу – круглая крепостная башня с примыкающими к ней стенами и проездными воротами. В 1648 г. в связи с острой конкуренцией между нарвскими и ивангородскими купцами Ивангород был лишен собственного герба и статуса самостоятельного города и вошел в состав г. Нарва.

В ходе Северной войны Ивангород вновь стал российским и 8 марта 1730 г. ему был дан новый русский герб: «город белый на зеленой земле; вверху поле лазоревое, на нем орел двоголавый летящий; в устах у орла Имя Царя Ивана Васильевича». Однако, этот герб действовал недолго, так как в 1775 г. Ивангород вошел в состав г. Нарва. После распада СССР, в 1996 г. было принято решение о возвращении Ивангороду его исторического герба 1730 г. и в 1997 г. городское собрание утвердило геральдическое описание Ивангородского герба: «В лазоревом (синем, голубом) поле черный двуглавый орел с золотыми клювами и лапами, держащий в клювах серебряную ленту с надписью черными литерами: «Царь Иоанн Васильевич». Внизу на зеленой земле с серебряной волнистой оконечностью три серебряные башни без зубцов, из которых средняя выше, и две боковые имеют червлёные (красные) остроконечные кровли; башни соединены серебряными зубчатыми стенами, из-за которых видны два шпиля (по сторонам от средней башни) и два дома (по сторонам от шпилей) с серебряными стенами и червлёными кровлями». В соответствии с этим описанием, которое не имеет никаких шведских геральдических корней, в июне 1998 г. в качестве герба был утвержден рисунок, предложенный мэром Ивангорода П.В.Григорьевым.²⁰

Другим населенным пунктом исследуемого региона, отмеченным шведским геральдическим знаком, был город Ниеншанц. Как шведская крепость он был заложен в 1611

г. на левом берегу реки Охты, при впадении ее в Неву. Эту крепость, получившую в 1632 г. статус города и герб, можно назвать предшественницей Санкт-Петербурга. В 1642 г. Ниеншанц становится административным центром шведской провинции Ингерманландия. Герб города представлял собой синий испанский щит с двумя белыми косыми полосами (перевязями), на котором был изображен золотой коронованный, стоящий на задних лапах, лев с мечом в правой лапе. Щит был увенчан золотой короной, украшенной двумя синими и тремя красными драгоценными камнями в основании и алмазами в верхней части короны. В ходе Северной войны 1 мая 1703 г. Ниеншанц был взят русскими войсками и после постройки Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге укрепления города были срыты. Шведский же герб г. Ниеншанца так же, как и другие геральдические эмблемы городов и населенных пунктов Ленинградской области и Санкт-Петербурга напоминают нам о древней истории нашего края.

Е.А. Балашов

РУССКИЙ ДАЧНЫЙ ПОСЕЛОК КЕЛЛОМЯКИ

Первые столичные дачники начали осваивать северное побережье Финского залива во второй половине XIX в., когда в связи с появлением Финляндской железной дороги в юго-восточной части Великого княжества Финляндского стали возникать новые русские поселения. В 1890 г. был создан Дачный комитет, который резервировал земли для продажи иностранцам. Приобретение участка иностранцем требовало разрешения Финляндского Сената. Прошения на покупку дачных участков в окрестностях Терийоки поступили из 12 стран, больше всего заявок было подано из Германии. Среди покупателей Российской империи были представители Грузии и Урала, но большинство, разумеется, являлись петербуржцами. Продажей участков ведал лесничий Эрнстрём. Желавших приобрести дачный участок и среди местного финского населения оказалось немало, но русские покупатели оказывались в привилегированном положении, так как своим жителям финские власти часто отказывали, подозревая их в спекуляции. Иностранцы же платили значительно более высокие налоги на владение недвижимостью, чем финны. В 1890 г. и 1903 г. вышли постановления, которые уравнивали в правах россиян и финнов, что создало предпосылки для более активного освоения русскими финских территорий.

В конце XIX в. Дачный комитет выделил для продажи участки в Келломаки. Схему застройки составлял служивший в Выборгской губернской землеустроительной конторе помощник землемера Элиас Аугуст Пипониус. Планировка территории была выполнена в продольно-поперечном порядке и большинство улиц пересекались под прямыми углами.

Название Келломаки тесно связано с историей строительства Финляндской железной дороги. Прежде место это было совершенно незаселенным и называлось «Хирвисуо», что в переводе с финского означает «Лосиное болото», так как рядом со строящимся железнодорожным полотном находилось одноименное болотце. Поблизости располагался небольшой холм, на котором был установлен медный колокол, извещавший рабочих о перерыве на обед, о начале и окончании смены. Строители прозвали это место «Колокольной горкой», по-фински — «Келломаки». Когда в 1901 г. здесь появилась платформа, то она получила такое же название. 1 мая 1903 г. платформа Келломаки превратилась в станцию.⁶³³ В том же году выборгский предприниматель Халленберг основал в Келломаки завод по производству торфяной подстилки. Сырье добывалось с двух болот, одно из которых

находилось рядом с поселком и получило название «Заводское болото» (Тэхтаансуо). При заводе было также основано лесопильное отделение, а позднее и мельница.

Поскольку население в Келломаки было преимущественно русским, то и улицы поселка носили русские названия. Некоторые из них даже сохранились до настоящего времени, например, улицы Морская, Озерная, Горная, Большой проспект.

Пик дачной жизни пришелся на 1914 г. К этому времени в Келломаки имелось более 400 участков, на которых размещались дачи, похожие на миниатюрные деревянные дворцы, утопавшие в зелени роскошных парков, устроенных на европейский манер. Некоторые виллы имели электрическое освещение, источником тока обычно служила домашняя электростанция. Роскошные особняки русских господ, украшенные деревянной резьбой, устремляли ввысь свои причудливые башенки и шпили, сверкали разноцветными стеклышками веранд и удивляли прохожих своим величием. Отдельные здания были построены по проектам известных петербургских архитекторов. Уникальным в своем роде сооружением был особняк действительного статского советника архитектора Гавриила Васильевича Барановского — автора знаменитого Елисеевского магазина на Невском проспекте. На берегу залива стояла изумительная по своей архитектуре дача Придворного ювелира Карла Фаберже. К сожалению, оба этих здания теперь утрачены безвозвратно.

Среди дачевладельцев были банкиры, купцы, фабриканты, артисты, врачи, владельцы модных магазинов и мастерских. Их особняки размещались на самых дорогих участках между железной дорогой и побережьем. Эта часть поселка получила тогда местное название «Морская сторона». Дачи подешевле строились к северу от станции, на так называемой «Лесной стороне».

Известный врач-логопед Августин Карлович Рейхе основал на своей даче детское лечебное учреждение — «Санаторию для заик».

В 1908 г. в поселке построили православную церковь Святого Духа, которая в 1917 г. погибла от пожара. Некоторое время после этого на одной из дач действовала небольшая домашняя церковь. Уже в то время на краю поселка возле дороги на озеро Хаукиярви (Щучье) появилось и небольшое русское кладбище.

В 1909 г. начала действовать четырехклассная русская школа. После убийства премьер-министра Столыпина школа стала носить его имя. Двухэтажное здание из красного кирпича вмещало 300 учеников.⁶³⁴ В 1917 г. в поселке открылась также и финская народная школа.

В Келломяках находилась пожарная команда, организованная на добровольных началах. Пожарники пользовались особыми льготами в виде освобождения от налогов. Поэтому силами пожарных часто устраивались различные культурно-массовые и спортивные мероприятия, средства от которых поступали в кассу пожарной команды. В непосредственной близости от пожарного депо находилась открытая площадка, на которой устроили летний театр Ритц.

В 1914 г. между станциями Келломяки и Куоккала построили небольшой полустанок Канерва. В переводе с финского языка слово «kanerva» означает «вереск». Название это вполне подходило для данной местности, где вересковые заросли буквально покрывали все свободные пространства. Полустанок Канерва обеспечивал более удобное сообщение русским владельцам новых дач на этом участке. Когда же численность дачников резко снизилась, полустанок прекратил свое существование.

Дачная жизнь в поселке шла своим чередом. Вечерами в парках зажигалась иллюминация, по праздничным дням устраивались фейерверки. А утреннее чаепитие происходило по обыкновению на верандах, остекленных витражными окнами с множеством разноцветных стеклышек, создающих в солнечный день неповторимую игру желтых, красных, зеленых и синих огней на белоснежной скатерти обеденного стола. Владельцы дач были людьми состоятельными.⁶³⁵

В августе 1914 г. грянула мировая война, и дачники стали разъезжаться. Появляться на побережье Финского залива стало небезопасным. В окрестностях Терийоки разместились русские воинские подразделения. Дачное строительство было свернуто, летние виллы и пансионаты опустели. Немногие дачи остались обитаемыми в это время.

Революционные события 1917 г. заставили многих представителей имущего класса покинуть Петроград. Поток беженцев шел в основном через Финляндию, ставшую к тому времени независимой. Таким образом, владельцы дач вернулись к своим летним резиденциям уже в качестве эмигрантов. Некоторые, не задерживаясь в Финляндии, отправились во Францию, Италию, Германию или в другие государства западной Европы, и только небольшая часть русской колонии осталась постоянно жить в Келломяки. В 1918 г. многие пустые дачи были заняты расквартировавшимися в них немецкими подразделениями дивизии фон дер Гольца. Последние, отправляясь назад в Германию, прихватили с собой изрядное количество добра из брошенных дач. Бесхозные здания через несколько лет перешли в собственность финляндского государства. Отдельные дома передавались безвозмездно финским семьям, нуждавшимся в жилье.

В 1920-е гг. в Келломяки начали распродавать на аукционах бывшую русскую недвижимость. Брошенных зданий в поселке насчитывалось около восьми сотен. Большую часть из них продали, а 200 зданий были перевезены в поселок Ярвенпяа под Хельсинки. Многие бывшие русские дачи и в настоящее время украшают некоторые города Финляндии. Две сотни зданий все же остались на прежних местах, так как имели своих хозяев. На положении эмигрантов в Келломяках продолжали жить до 1939 г. купцы И. Алексеев и А. Бателът, бывший владелец шляпных магазинов Г. Сандин, а также Забелин, Поммер, А. Репольт, Ф. Энгестрем, И. Серин, А. Шамонина. В начале 1920-х гг. в Келломяки размещался филиал эмигрантской организации «Особый комитет по ведению русских дел в Финляндии», которая ставила своей целью восстановление монархии в России. По данным на 1929 г. в Келломяки проживало 199 эмигрантов. В их числе были и беженцы из Кронштадта, оставшиеся в Финляндии.

После Гражданской войны 1918 г. в Келломяки был размещен полк, переведенный из Кексгольма. В 1920 г. он был преобразован в 1-й самокатный батальон, который затем переименовали в 1-й егерский и передислоцировали в Терийоки. После этого в бывшей русской школе в Келломяки вплоть до самого начала советско-финляндской войны 1939-1940 гг. размещалась особая саперная рота.

В период независимости Финляндии в Келломяки появились две ткацкие мастерские, одну из которых организовал Отто Ауэр. Он много лет являлся генеральным консулом Финляндии в Ленинграде, но жил в Келломяки. О. Ауэр купил там много пустых дач и в самой большой из них основал ткацкое производство.⁶³⁶

Культурная жизнь поселка сосредоточилась тогда в помещении пожарной команды, где ставились любительские спектакли.

С середины 1920-х гг. стала оказываться государственная поддержка местным предпринимателям, стремившимся к возрождению курорта. Обветшавшие бесхозные дачи обрели новых владельцев, которые принялись приводить их в порядок. В Келломяки опять начали приезжать отдыхающие. Песчаные пляжи финского взморья вновь оживлялись в пору купального сезона. Бывшую дачу Фаберже оборудовали под салон, где устраивались выставки мебели. С каждым годом расширялась сеть мелких гостиниц и пансионатов на побережье. Перед войной в этот отдаленный уголок Финляндии приезжали на отдых гости из стран Северной Европы, Англии, Франции и Германии.

Осенью 1939 г. в Москве проходили советско-финляндские переговоры, на которых обсуждался вопрос об изменении границы и возможности ее смещении к северо-западу от

Ленинграда. 23 октября финская делегация выразила готовность передать СССР так называемый Куоккальский выступ. В этом случае линия предполагаемой границы прошла бы как раз через Келломяки. Советская сторона настаивала на передаче значительно большей территории, переговоры однако прервались.

Еще во время переговоров финские власти провели эвакуацию гражданского населения из приграничной полосы. В Келломяки тогда насчитывалось 167 семей, среди которых были также эмигранты и беженцы из России. Жителей поселка Келломяки, как впрочем и из других соседних деревень, расквартировали в Ярвенпяя. Многие из них проживают там и по сей день.

Ранним утром 30 ноября 1939 г. на приграничные селения Куоккала, Келломяки и Терийоки обрушился шквал огня. После получасовой артподготовки части 70-й стрелковой дивизии перешли советско-финляндскую границу в районе Белоострова и начали быстрое продвижение к Терийоки. В середине дня в штабе финской армии получили сообщение о том, что поселок Келломяки сдан и горит. Занимавший оборону 1-й егерский батальон терийокского гарнизона под командованием подполковника Карху был вынужден отступить сразу после прорыва передового рубежа в районе озера Хаукиярви (Щучье). Поселок Келломяки красноармейцы заняли фактически без боя. В целом жилой фонд поселка, по рассказам очевидцев, мало пострадал и требовал лишь косметического ремонта. Полностью был уничтожен прямым попаданием снаряда особняк Барановского, несколько зданий в районе станции и на береговом уступе также получили серьезные повреждения. Из прежних жителей в Келломяки остался в то время лишь старик Иван Егорович Серин с дочерью.

В первые дни войны части Красной армии успешно продвигались вперед, но вскоре ситуация изменилась. Их наступление было приостановлено на главном оборонительном рубеже финнов - «линии Маннергейма». Когда в феврале 1940 г. она была прорвана, то войска подошли вплотную к Выборгу. 13 марта советско-финляндская война окончилась. Поселок Келломяки, находившийся в глубоком тылу, до конца войны оставался закрытой зоной. В одном из зданий разместился полевой госпиталь, куда привозили раненых с линии фронта. Не всем из них посчастливилось выжить. Умерших от ран хоронили неподалеку в братской могиле. Сейчас в этом месте находится памятник.

К лету 1940 г. в Келломяки прибыли первые советские переселенцы из Ленинграда. К сожалению, об этом кратковременном периоде советской истории сохранилось крайне мало сведений.

22 июня 1941 г. гитлеровские войска вторглись на советскую территорию. Финляндия вступила в войну против СССР чуть позднее, 26 июня, а активные боевые действия предприняла в середине июля. Занимавшие оборону на Карельском перешейке части 23-й армии были вынуждены отступать. Эвакуация советского населения проводилась стихийно, без какой-либо предварительной подготовки. Терийоки, Келломяки и Куоккала последние беженцы оставили за день до прихода финских войск.

С сентября 1941 г. по начало июня 1944 г. поселок Келломяки оказался вновь в распоряжении финской армии. В этом районе дислоцировались части 10-й пехотной дивизии. Кроме военных в поселке в этот период никто не жил. Гражданским лицам въезд в прифронтовую полосу был запрещен.

Мало кто знает, что у финнов в Келломяки находилась секретная батарея дальнобойных орудий Дурляхера. Уве Энkvист в своей книге «*Itsenäisen Suomen rannikkotykit 1918-1998*» пишет о ней следующее: «Во время войны-продолжения в декабре 1941 года было решено разместить в Келломяки одно 10-дюймовое орудие “для стрельбы по фортам Кронштадта”. Четвертого июля 1942 года морским силам был дан приказ сделать батарею трехорудийной. С Катаялуото и Рюсякари в июле 1942 года перевезли по одному орудию с каждого форта в Келломяки. Постройка батареи в Келломяках оказалась совершеннейшей ошибкой, потому что она находилась непосредственно за передним краем, и батарея в период позиционной войны смогла сделать лишь один пробный выстрел. Во время общего наступления русских батарея в Келломяки успела сделать лишь три десятка выстрелов, ее пришлось уничтожить, когда враг угрожал району расположения батареи».⁶³⁷

Батарея в Келломяках могла обстреливать и окраины Ленинграда (например, район Коломяги), если бы Маннергейм принял соответствующее решение.

9 июня 1944 г. начался мощный артобстрел финских передовых позиций на линии фронта. Огнем советской артиллерии был практически полностью уничтожен поселок Раяйоки (ныне восточная часть пос. Солнечное), наполовину снесен поселок Куоккала, и частично пострадал поселок Келломяки. На следующий день 109-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Н.А. Трушкина заняла железнодорожную станцию Келломяки, вытеснив финские войска с передовых рубежей. Через 10 дней был занят Выборг, а в Келломяки вновь разместился полевой госпиталь. На табличке братского захоронения появились имена умерших от ран...

Летом 1945 г. в Келломяки вновь начали прибывать советские переселенцы. Некоторые дачи были уже заняты военными и их семьями. Распределение жилья шло по

разнарядке, серьезных разногласий по вопросам предоставления домов не отмечалось, споры решались в законном порядке. Численность новых жителей поселка Келломаки постепенно увеличивалась. 14 октября 1945 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление «О постройке дач для действительных членов Академии Наук СССР». Под новое строительство на месте лесного массива был отведен участок земли к западу от станции. Там предписывалось построить 25 дач и передать их «безвозмездно в личную собственность» членам Академии Наук. Стандартные дома изготовлялись в Финляндии в счет репараций, перевозились и собирались уже на месте.

В 1948 г. было принято решение о переименовании поселка Келломаки в Комарово. Параллельно шел процесс переименования улиц поселка. Чуть более десятка улиц сохранило свои старые русские названия, 10 улиц получили названия по природным, географическим и местным признакам, а свыше 20 улиц поселка были переименованы в соответствии с идеологическими установками, господствовавшими в советской стране. На этом закончилась история поселка Келломаки и началась история Комарово.

Г. С. Усыскин

УСАДЬБА «ВАЗА» В КУОККОЛА, КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК

В начале XX в. в поселке Куоккала на опушке соснового леса стоял приметный дом с мезонином и высокой башней. За невысоким забором – обычный двор с хозяйственными постройками и полу заросшим прудом. По соседству было совсем немного строений: главная дачная местность располагалась по другую сторону железной дороги, за станцией и ближе к морю.

Дача с мезонином и башней носила несколько своеобразное название – «Ваза». Принадлежала она выходцу из Швеции Эдуарду Энгстрему. В память города Ваза, откуда Энгстрем был родом, он и назвал свою дачу. Жена Энгстрема была человеком сочувствовавшим революции. Звали ее Руфь Георгиевна, а известна она была в поселке как «мадам Наво».

В конце февраля 1906 г., после выступления на одном из партийных собраний в Петербурге, В.И.Ленин узнал, что охранка сумела выследить его и вот-вот может арестовать. Прямо с собрания, не заезжая домой, Владимир Ильич выехал в Куоккокулу на дачу «Ваза». Там в это время жила семья Г.Д.Лейтейзена. Гаврии Давидович Лейтейзен был профессиональным революционером, к нему с уважением и доверием относился Владимир Ильич Ленин. Аресты, тюрьмы, эмиграция не помешали ему достойно воспитать троих детей.

Мне удалось в 60-е гг. попросить Цецилию Гавриловну Лейтейзен написать воспоминания о той давней поре. Вот что она поведала: «Бревенчатая, в снегах дача. Если подняться на крыльцо и войти на дачу, то попадешь в маленький коридор. Направо – дверь в комнату Ивана Ивановича (Ленина), налево – дверь в комнаты, где живем мы, то есть семья Г.Д.Лейтейзена (Линдова). Конец коридора упирается в лестницу. Которая ведет в мезонин, где поселились Александр Александрович и Наталья Богдановна Богдановы.

Этот коридор для меня, моей младшей сестры Маруси и для старшего брата Мориса – запретная зона. Мама не позволяет нам здесь шуметь. Иван Ванович работает, работает, говорит она нам, нельзя ему мешать. Мы поднимаемся и играем не в коридоре, а в нашей большой комнате, где стоит широкий диван и даже есть кресло-качалка. Но запрет нам в тягость. Дверь Ивана Ивановича притягивает нас, как магнит. Иногда нам удастся, ускользнув от надзора, открыть дверь и войти, тогда нам открывается такая картина: стол,

заваленный книгами и бумагами, Иван Иванович сидит за столом и пишет. Обернувшись, он видит непрошенных гостей, улыбается и вступает в беседу. Это именно то, что нам нужно. Но – увы! – появляется мама и уводит нас.

Мы очень любили разговаривать с Иваном Ивановичем, и много времени спустя после того, как уехали из Куоккалы, на все годы сохранилось у нас яркое воспоминание о том, как хорошо и весело было с ним. Но в ту памятную куоккальскую зиму мы еще не знали, что у Ивана Ивановича есть и другое имя: Владимир Ильич Ленин.

Итак, с утра, а точнее целый день, Иван Иванович работал в своей комнате и для нас был недосягаем. Но наше время наступало перед обедом. Как только мама говорила: «Обед готов, зовите Ивана Ивановича», - мы втроем стремглав мчались к его комнате, и перед самой дверью начинался невообразимый шум. Дело в том, что каждый хотел сам постучать. Тогда Иван Иванович – какая уж тут работа! – выходил к нам и, разобравшись в чем дело, предлагал нам стучаться по очереди. Мы сразу успокаивались.

Иван Иванович входил к себе в комнату, один из нас стучался, Иван Иванович выходил, затем снова скрывался за дверью, стучал второй из нас, и так три раза. В заключение, вполне довольные, мы все трое вели Ивана Ивановича к столу.

Надо сказать, что когда дети Г.Д.Лейтейзена выросли, они стали активными бойцами Советской власти. Цецилия Гавриловна в грозовой 1918 г. вступила в ряды большевистской партии, а Морис окончил Военно-воздушную академию.

В ту же пору мне удалось познакомиться и с дочерью хозяев дачи Ваза – Дизой Эдуардовной Милановой. Это было в Москве. Жила она в Хавско-Шаболовском переулке, позже его переименовали в улицу Лестева. Познакомила меня Диза Эдуардовна с письмом Корнея Ивановича Чуковского, которое оказалось важным для дальнейших поисков. Письмо небольшое, но чрезвычайно любопытное для изучения истории дачи «Ваза».

Вот что он писал 23 июня 1948 г.: «Простите, уважаемая Диза Эдуардовна, что так поздно отвечаю на Ваше письмо. Оно задержалось на городской квартире; я живу все лето под Москвой.

Я очень хорошо помню Вашу матушку, «мадам Наво». Она одно время давала уроки английского языка моим детям. Помню хорошо дачу «Ваза» - против станции, по правую сторону железнодорожного полотна (если ехать из Ленинграда). Когда в 1907 или 1908 году я приехал в Куоккалу и поселился в Лутахенде, мне говорили шепотом, что на даче «Ваза» скрывались большевики. Какие большевики, я не знал.

В 1916 году в октябре Куоккалу посетил Горький. Он сказал мне и художнику Гржебину, сопровождавшему его, что здесь (и он указал по ту сторону рельсов) жил Владимир Ильич.

Я тогда не подумал, что Алексей Максимович имеет в виду «виллу Ваза», так как мне именно о ней говорили, что там жили большевики. Но жест Алексея Максимовича был так неопределенен и широк, что считать его точным указанием адреса нельзя.

Очень бы хотелось увидеть карточку «мадам Наво»... Как помнится, у дачи были высокие ворота и красивая надпись. А «мадам Наво» не скрывала своих политических симпатий и в обывательской среде про нее говорили с опаской и неприязнью «Эта большевичка» и сторонились ее».

В конце августа 1969 г. произошло знаменательное событие. На участок дачи «Ваза» приехала Диза Эдуардовна Миланова вместе со своей дочерью – Эльной Эйольфовной. Они отдыхали в пансионате «Дюны». В этот день удалось осмотреть весь участок метр за метром. Нашлась даже часть основания фундамента – здоровенный валун. Он спрятался под дровяным сарайчиком, как будто его специально замаскировали.

Приглядевшись к высаженным стройным елям, Диза Эдуардовна показала границу их участка с соседним. Хозяином был некий Хякля. Почти полтора часа ходили вдоль и поперек, совсем, похоже, замучались Милановы. Можно сказать, что эта встреча с Дизой Эдуардовной, да и ее поездка в край далекого детства оказалась последней. Весной следующего года ее не стало.

Семейную эстафету подхватила ее дочь Эльна Эйольфовна Миланова. Она настойчиво продолжала заниматься всем кругом вопросов, связанных с дачей «Ваза», приезжая из Москвы на Карельский перешеек.

Вот что она рассказала мне в один из своих приездов на Карельский перешеек: «Я знала о даче «Ваза» с самого раннего детства. Мне было известно, что дача принадлежала деду и что там продолжительное время скрывался В.И.Ленин. Не жил как дачник, а именно скрывался.

Мне мама рассказывала, что дача «Ваза» была построена в самом начале века по желанию, проекту и чертежам деда. Постройка единственная в своем роде. А пока не было дачи, мама с родителями жила в квартире над лавкой. Бабушка ведала хозяйством и лавкой, а дедушка служил в речном пароходстве главным бухгалтером. Бел он переговоры на нескольких европейских языках: английском, шведском, немецком. Финском, знал немного французский.

Поселились на даче где-то в 1902 или 1903 гг. Позже сделали кирпичную пристройку специально для библиотеки. Были они с бабушкой великими книжниками. Если планировкой дома занимался дед, то внутреннее убранство – дело рук бабушки. Она была хорошей художницей, рисовальщицей. Хорошо вышивала, рукодельничала. Эскизы мебели выполнены были бабушкой. Она тяготела в выборе стиля к древней готике.

По ее рисункам сделали большой гарнитур: необъятных размеров готического типа буфет. После отъезда из Финляндии его оставили на даче «Ваза», такую громадину невозможно оказалось вывезти. В центре столовой стоял огромный стол. К нему сделали 12 стульев. И весь этот гарнитур покрыли несмывающейся зеленой краской. А в спальне комод был белый.

Был там и сервировочный стол и три стула, комод, шахматный столик, за которым Владимир Ильич играл в шахматы с Александром Александровичем Богдановым, жившим тогда на даче. Шахматный столик был с секретом, с потайными ящичками, на которые и сейчас никто не обратит внимание. Крышку надо повернуть под определенным углом и тогда откроется доступ к ящикам.

Откуда пошло название – дача «Ваза»? Правильней говорить – Васа, город на севере Финляндии. По семейному преданию наш род пошел из этого города. У деда было шесть братьев, он был самым младшим. С родней у него сложились плохие отношения. Брак с моей бабушкой был принят в штыки. Бабка была англичанкой, дочерью английского консула, урожденная Принц. Ее семья тоже считала себя родовойтой. Брак с каким-то шведом для них казался браком кошки с собакой.

Бабушка плохо говорила по-русски и по-фински, только по-английски. Так до конца и не изучила эти языки. Любила и изучала Шекспира. Была литературно образованной, преподавала английский.

Почему Руфь Георгиевну называла «мадам Наво»? Происходит это слово от единственного числа латинского глагола «наваре». «Наво» значит – тружусь рьяно! Рьяно трудиться было первой заповедью бабушки. «Мадам Наво» была известна в среде русской революционной интеллигенции, жившей в то время в Куоккале. Она не скрывала своих симпатий и помогала переправлять из России в Финляндию русских революционеров. Ее хорошо знали Репин, Горький, Леонид Андреев и другие прогрессивные русские интеллигенты.

Не случайно Лейтейзен снимал дачу у «мадам Наво», а потом в этом доме на первом этаже поселился и Владимир Ильич Ленин.

В 1916 г. дом пришлось продать некоему Загрунскому. С 1918 г. он фактически остался без владельца и постепенно разрушился. Дядя Генрих, мамин брат, писал, что в 1929 году видел дачу с провалившейся крышей, в 1939 году. Когда он приезжал в Куоккалу последний раз, от «Вазы» оставались развалины.

На дачу «Ваза» приезжал обширный круг людей. Это Л.Б.Красин, С.А.Тер-Петросян (легендарный Камо), М.Н.Лыдов, В.В.Воровский, Е.Д.Стасова, В.Д.Бонч-Бруевич, А.В.Луначарский, П.Г.Дауге, И.А.Саммер, Я.А.Берзинь, А.Г.Шлихтер, Р.Люксембург, представители из Нижнего Новгорода, из Иванова-Вознесенска, рабочие Путиловского и Сестрорецкого заводов, рабочие-депутаты Государственной Думы.

Почти два года прожил Владимир Ильич Ленин на даче «Ваза». В этот период 1906 и 1907 гг. он много работал. С утра и до позднего вечера писал брошюры, листовки, воззвания, резолюции, статьи для большевистских изданий. Нередко он засиживался за столом всю ночь, успевал сделать целую брошюру. А днем – встречи, совещания, беседы, почти непрерывно происходившие на даче «Ваза». Каждого из приезжавших Владимир Ильич буквально засыпал вопросами о деятельности местной организации, о боевых выступлениях.

На даче «Ваза» В.И.Ленин написал более ста статей и заметок, в том числе «Уроки Московского восстания», «Пересмотр аграрной программы рабочей партии», «Выборы в Петербурге и лицемерие 31 меньшевика», а также проекты резолюций партийных съездов и конференций.

Новый, 1907 г. Владимир Ильич встречал в кругу близких ему людей на даче «Ваза». «Новый год я встречала очень хорошо со Шкуркой (так ласково и в шутку называли в семье В.И.Ленина) – писала Мария Ильинична своей старшей сестре в Самару. Была большая компания. Было весело. Шкурка был такой милый, ласковый; не было обычных пожеланий на новый год, которых я так не люблю, было много народу и много шуму».

После третьеиюньского государственного переворота 1907 г., наступления жесточайшей реакции пребывание В.И.Ленина в Куоккале стало небезопасным. 20 ноября 1907 г. он уехал из Куоккалы в глубь Финляндии, а затем и в эмиграцию.

На даче «ваза» еще некоторое время оставалась Надежда Константиновна. «Мы с Натальей Богдановой, - вспоминала она, - «чистились», разбирали всякие архивы, отбирали ценное. Отдавали это прятать финским товарищам, а остальное жгли. Жгли так усердно, что однажды с удивлением увидела, что снег вокруг нашей «Вазы» усеян пеплом. Впрочем, если бы нагрянули жандармы, они все же нашли бы, вероятно, чем поживиться: уж очень большие

залежи накопились в «Вазе». Пришлось предпринимать специальные меры предосторожности».

В 1965 г. Д.Э.Миланова передала в Ленинградский филиал Музея В.И.Ленина сохранившуюся у них мебель. Эти реликвии экспонировались ранее в музее.

Что же стало с памятным участком? В 1940 г. дача сгорела. Долгие десятилетия местом, где находилась дача «ваза» считали совсем другой участок. Только в 1965 г. Д.Э. Миланова уточнила место нахождения дачи «ваза» и передала Музею В.И.Ленина подлинную фотографию дачи.

В июне 1967 г. юные следопыты города Зеленогорска пришли на этот участок дачи. Расчистили его, привезли земли, разбили сквер. Новый сквер засеяли травой, дорожки посыпали песком. В центре участка установили временный щит. Дело в том, что здесь предполагали построить поселковую библиотеку, а в специально выделенной комнате оформить выставку, посвященную истории дачи «Вазы».

К 1970 г. план участка поменяли и решили строить просто дом с исторической экспозицией. Соорудили большой и высокий фундамент для будущего строения. Потом фундамент забросили. Почему? Приняли другой план. Решили создать на этом месте архитектурный комплекс из многих гранитных блоков. А в центре гранитная основа-рама в форме перевернутой буквы «П».

Сестрорецкий райсовет заказал горельеф «Ленин с соратниками» для памятной стелы. Скульптор Л.Лазарев успешно выполнил основную работу. По его модели опытные мастера отлили горельеф в шесть квадратных метров из бронзы. Люди, запечатленные в металле, хорошо нам всем знакомы – Ленин, Крупская и другие соратники вождя по революционной борьбе.

К июню 1991 г. отношение к вождю изменилось, стелу решили не возводить. Ненужным оказался и горельеф. Его отказались забирать и оплачивать. А предприятие потратило большие деньги. Как мне стало позже известно этот горельеф приобрел для себя один иностранный предприниматель.

А что же с самим участком? Можно сказать, что к марту 2004 г. стало все выглядеть так. Две большие гранитные стелы у входа размазаны черной краской. Такие своеобразные «граффити». В центре участка два больших металлических контейнера для мусора. Вокруг разбросан разный хлам. Одним словом – помойка. Гранитная рама для барельефа еще цела и служит «фоном» для мусорной свалки.

Знают ли жители соседних домов об этом историческом месте. Думаю, что да, знают. Неужели администрация Приморского района махнула рукой на столь памятное для нас прошлое? Теперь пора уже спросить с тех, кто отвечает за порядок в районе, как долго это будет продолжаться?

С.Е. Ивлева

**СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ НА СТРАНИЦАХ РУССКИХ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ ЖУРНАЛОВ 30-50-Х ГОДОВ XIX ВЕКА («ЖИВОПИСНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ», «ЖИВОПИСНЫЙ СБОРНИК»)**

Русские иллюстрированные журналы или, по определению словаря Брокгауза и Ефрона, «периодические издания, выходящие через большие, чем газета промежутки времени»⁶³⁸ явление до сих пор еще не достаточно изученное. Иллюстрированные журналы 30 – 50 годов XIX века в России представляли собой совершенно особый раздел печатной графики, в некотором роде экспериментальную лабораторию. В журналах шли активные и целенаправленные поиски наилучшего композиционного построения печатной страницы, гармоничного сочетания в ней текста и иллюстраций. Многие находки в области художественного оформления, часто впервые примененные в иллюстрированных журналах, в дальнейшем широко использовались и в графическом оформлении книг.

В журналах опробовались многие новинки в технике иллюстрирования. Именно в них начали активно применять гравюру на дереве, как самую передовую и органичную для полиграфического производства иллюстрационную печатную технику. Издатели журналов сумели привлечь для сотрудничества лучших русских ксилографов. Кроме того, иллюстрированные журналы были важной частью культурной жизни России, представляли значительный литературный и научно – познавательный интерес. На их страницах русский читатель, часто впервые, знакомился с неизвестными странами, узнавал о знаменитых памятниках родного отечества, о соседях, ближних и дальних. И обо всем этом он мог не только прочесть, но благодаря иллюстрациям, получал наглядное представление о прочитанном.

Выходившее в Москве «Живописное обозрение» и петербургский «Живописный сборник» представляли характерный и любопытный пример таких журналов. Между выходом первого номера «Живописного обозрения» в 1835 и «Живописного сборника» в 1850 году пролегло 15 лет. Первый - «Живописное обозрение» - открывал в России эпоху иллюстрированных журналов. Во многом, благодаря второму – «Живописному сборнику» - иллюстрированный журнал, как тип издания, приобрел в России художественно и содержательно завершенный облик.

«Живописное обозрение» и «Живописный сборник» были журналами энциклопедического характера, где описание путешествий, рассказы о быте и обычаях народов мира и российских земель соседствовали с жизнеописанием знаменитых деятелей,

статьями об искусстве, литературными опытами. Именно в этих журналах, благодаря неизменному интересу их издателей к теме путешествий, рассказы о странах Северной Европы, соседях России, присутствовали постоянно.

Необходимо отметить, что эта тема не была главной на их страницах. Северная Европа упоминалась не так часто как всегда интересная для русского читателя Германия, Франция или романтическая Испания. Но по характеру изложения, рассказы о странах Северной Европе, помещенные в журналах, всегда отличались добротностью и дружелюбной соседской заинтересованностью.

«Живописное обозрение»⁶³⁹ - первый в России научно – популярный иллюстрированный журнал энциклопедического характера с «географическим» разделом выходил в Москве с 1835 по 1844 гг. Журнал появился почти одновременно с подобными зарубежными иллюстрированными журналами: «Pfenning Magazin» в Германии (1833) «Magazin pittoresque» во Франции (1833) и, что особенно важно, с практически аналогичным по структуре и содержанию английским журналом «Penny Magazine» (1832). Официальным издателем «Живописного обозрения» стал опытный московский типограф Август Иванович Рене – Семен. Но фактическим организатором журнала, его негласным руководителем, создателем концепции, редактором литературной части и автором большинства статей был известный литератор Николай Алексеевич Полевой.⁶⁴⁰

В плане художественного оформления и в системе литературного построения «Живописное обозрение», во многом, ориентировалось на «Penny Magazine», о чем редакция и сообщила читателям во введении, предваряющем первый выпуск «Живописного обозрения» за 1835 год. Но при этом уточнила, что журнал намерен творчески переработать издательский опыт англичан: «Наше «Живописное обозрение» будет выбор всего лучшего и приспособленного к русской публике из Penny Magazine и других сего рода изданий. <...> Описания наши будут не переводимы, но составляемы нами, сообразно понятиям и образованию русских читателей».⁶⁴¹ Первым и самым объемным разделом «Живописного обозрения» стал - «география и история». Туда в качестве подпунктов входили: «общие географические очерки», «страны, государства, области», «народы». В этих разделах и излагались сведения, касающиеся Северной Европы. Нужно заметить, что особой любовью издателей пользовались необычные этнические группы населения стран этого региона. Описания их жизни и быта, в основном, этнографического характера, изложенные в форме занимательного рассказа, составляли значительную долю «скандинавских» страниц журнала. Текст сопровождали иллюстрации – полиטיפажи (гравюры на дереве), размещенные в листе

набора, сочетавшие этнографическую достоверность изображения с живостью самого сюжета.

Так в статье, посвященной лапландцам, жителям северных округов Швеции, Норвегии и Финляндии перед читателем представала сцена повседневной жизни необычного северного народа: «...вот шалаш лапландский, вот и эти сыны севера и стада их. Посмотрите, как любитесь северный красавец на своего рогатого друга, пока его красивая ловкая подруга доит молоко...»⁶⁴². Текст сопровождался иллюстрацией – политипажем, изображающий всех описанных персонажей. Статью «Гренландия» дополняло изображение гренландца «...в своей байдарке промышляющего тюленей среди льдистых, бурных вод моря...».⁶⁴³ Не были забыты «Живописным обозрением» и выходцы из стран Северной Европы, обитавшие в России. Доброжелательной заинтересованностью отличалась одна из самых ярких статей журнала, посвященная финнам, живущим под Петербургом. «Не далеко ходить. Под самым Петербургом рассеян престранный и презанимательный народ...чухонцы...особое поколение великого финского племени». «Кто они? - вопрошал автор статьи, ...откуда? Отчего так сильна характерность этого поколения почти неизменная посреди одной из просвещеннейших частей Российского государства...».⁶⁴⁴ Статью сопровождала забавная иллюстрация – политипаж «Чухонцы, играющие в карты» на которую редакция особо обращала внимание читателей. Снятый с натуры рисунок академика Карла Ивановича Рабуса⁶⁴⁵ гравировал «... молодой англичанин г. Элуалль... с недавнего времени поселившийся в Петербурге...».⁶⁴⁶

Надо заметить, что опытный типограф Август Семен располагал самыми широкими связями в кругах английских и французских полиграфистов. Он имел возможность большую часть иллюстраций приобретать в Англии и во Франции и приобретать в качестве готовых клише, специальных отливок, снятых с резанных на дереве гравюр. Уже в России, в процессе издания очередного выпуска «Живописного обозрения» иллюстрации соединялась в наборном листе с текстом редакционных статей. Упомянутая гравюра – иллюстрация с рисунка Рабуса - была одной из немногих в журнале, определенно гравированных в России.

В «Живописном обозрении» помещались и более традиционные статьи с описанием стран Севера Европы. Обширная статья «Норвегия и ее жители» выходила частями в нескольких номерах за разные годы. Статью сопровождали иллюстрации - виды Норвегии и типы ее жителей - гравированные в лондонских мастерских. Статьи о Стокгольме и Копенгагене были приурочены к визиту в Швецию и Данию цесаревича Александра Николаевича. Иллюстрацию с видом стокгольмской набережной редакция сопровождала пояснением в тексте: «...Стокгольм и другие посещенные... столицы европейские...

получают для нас в связи с его [цесаревича] визитом новую занимательность». И, притворяя следующий очерк, сообщала: «Вот одна из причин, которая заставляет нас обратиться в следующем листе к Копенгагену...». ⁶⁴⁷ Обширную статью «Копенгаген» сопровождали иллюстрации-политипажи с видами датской столицы. Помещен был и вид знаменитой обсерватории в Копенгагене. «Круглая комната на верху башни была местом наблюдений славного астронома Тихо – Браге. По стенам развешены портреты Птолемея, Коперника, Ньютона и других славных астрономов. В башне помещается также известный большой глобус Тихо – Браге...» - узнавал из статьи заинтересованный читатель. ⁶⁴⁸

«Живописное обозрение» выходило почти 10 лет и за это время сумело сообщить своим читателям много полезного и нового о природе, искусстве, замечательных людях. Но все же, одной из главных заслуг журнала было постоянное присутствие на его страницах статей о разных странах, Севера Европы в том числе, и сочетание литературных текстов с иллюстрациями.

Журнал «Живописный сборник» выходил около 5 лет с перерывами (в 1850, 1852-1853, 1857-1858 гг.), в Петербурге. ⁶⁴⁹ Первые три года «Живописный сборник», оправдывая часть своего названия «сборник», выходил один раз в год отдельной книгой.

Его издатель, известный в петербургском книжном мире потомственный типограф Адольф Плюшар (сын Александра Плюшара и издатель «Энциклопедического лексикона») мыслил «Живописный сборник» серьезным по содержанию. Кроме того, он задумал его и как издание высокого художественного качества, которое «...заключая в себе ряд статей самых занимательных и разнообразных, в то же время отличалось бы возможным наружным изяществом». ⁶⁵⁰ В силу разных обстоятельств Плюшар прервал издание в 1853 г. и в 1857 г., совместно с Вильгельмом Генкелем, возобновил его уже как ежемесячный журнал. Задачей воссозданного издания стало отразить «...замечательное из области искусств, наук, промышленности нравов и бытописания всех времен и народов». ⁶⁵¹ В описании народов и стран издатели и дальше решили придерживаться строгого энциклопедического изложения, сопровождая текст иллюстрациями.

В предисловии к № 1 за 1857 г. (первый номер возобновленного журнала) издатели особо подчеркивали, что «...для иллюстрации отечественных сюжетов» были приглашены известные граверы и художники: Л.Серяков, Г.Гогенфельден, М.Микешин. Прелюдией к скандинавской теме стали в журнале очерки о прибалтийских губерниях России. Еще в книге за 1853 г. были помещены материалы о Курляндии и Лифляндии, в №3 журнала за 1857 г. – очерки о Эстляндии. «Мы приложили все старания и труды чтобы придать возможную

верность описанию...» - сообщалось в редакционном предисловии. Очерки содержали описание эстонских городов, исторические, статистические и даже климатические заметки. Но наибольшее внимание было уделено этнографии, обычаям и суевериям населения Эстляндии. Текст сопровождался иллюстрациями - гравюрами с рисунков уроженца Остзейских мест (Лифляндии) академика Василия (Вильгельма) Федоровича Тимма.

В 1858 г. на страницах «Живописного сборника...» была напечатана самая серьезная работа о странах Северной Европы – очерки «Финляндия и финляндцы». Как сообщалось в предисловии, очерки были составлены по самым новым источникам. Первый из очерков предварялся забавным вступлением: «...в царствование Императора Александра I Финляндия оставалась неведомой страной «terra incognita» для остальной России. Русский, посетивший хотя бы Выборг, рассказывал о нем, как путешественники рассказывают о Гонолулу или Тамбукту. С распространением пароходов в портах Балтийского моря, только ленивый не ездит из Петербурга в Гельсингфорс. И дешево, и удобно, и весело».⁶⁵² Главным источником рассказов о Финляндии стала для «Сборника...» книга известного путешественника, князя Эммануила Михайловича Голицына⁶⁵³ «Финляндия».⁶⁵⁴ Очень основательное двухтомное сочинение князя, члена Русского и корреспондента Парижского географических обществ, вышло в Париже в 1852 г. на французском языке. Книга была своеобразным «дневником путешествия», которое в 1848 г. Эммануил Голицын совершил по Финляндии. Пространные очерки, которые печатались в трех номерах «Живописного сборника...» впервые на русском языке излагали содержание книги князя. И хотя сочинение Э. Голицына указывалось как основной источник, «...за которым мы намерены следовать при обозрении Финляндии» в очерках было много разнообразных сведений, сообщенных и помимо книги. Выдержки из «путевого дневника» Голицына дополнялись комментариями редакции, касающихся истории, статистики, административного устройства, нравов и быта жителей. Очерки сопровождалась иллюстрациями в тексте. «Водопад Аэмма», «Крепость Нейшлот», «Купальный дом в Гельсингфорсе», «Город Выборг» «Город Торнео» - известная и неизвестная Финляндия предстала перед читателями «Живописного сборника». Виды Финляндии с рисунков Фримана гравировал Бедом. Иллюстрации – полноразмерные живописно располагались почти на каждой наборной странице и предоставляли читателям «Живописного сборника» возможность увидеть те места, о которых они прочитали.

И «Живописное обозрение» и «Живописный сборник» последовательно и добросовестно знакомили россиян «...со всем замечательным, что есть в мире», сопровождая

рассказы иллюстрациями. Яркие «скандинавские страницы» журнала и сейчас интересны любознательному читателю.

**ВАСИЛЕОСТРОВСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ А.Д. МЕНШИКОВА – ПЕРВЫЕ
ПЕТЕРБУРГСКИЕ «ДВОРЦЫ БРАКОСОЧЕТАНИЯ» (ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ
СКАНДИНАВСКИХ ИСТОЧНИКОВ)**

18 октября 1702 г., еще до основания крепости на Заячьем острове, и даже до завоевания Ниеншанца русскими войсками, А.Д. Меншиков стал Ингерманландским губернатором⁶⁵⁵. Со взятием 1 мая 1703 г. крепости Ниеншанц (переименованной царем в Шлотбург)⁶⁵⁶, дельта Невы также перешла в ведение А.Д. Меншикова, как и основанная 16 мая 1703 г. на Заячьем острове крепость Санкт-Питербурх и создаваемый вокруг нее город⁶⁵⁷. Губернатор края – А.Д. Меншиков с самого основания Петербурга руководил ходом строительных работ в крепости и на других объектах, контролировал присылку туда работных и мастеровых людей, поставку провианта и строительных материалов и т.д.⁶⁵⁸

Петр I доверял А.Д. Меншикову, как никому из своих приближенных, и поэтому губернатор не только управлял Петербургом и губернией, но и решал вопросы, выходящие за пределы его полномочий. Таким образом, в петербургской резиденции А.Д. Меншикова на Васильевском острове решались не только административные вопросы, но и дела государственной важности.

Когда же А.Д. Меншиков стал создавать свою резиденцию на Васильевском острове? Первый, пока еще деревянный, дом там начали строить в июне 1704 г., а завершили лишь к 1710 г.⁶⁵⁹ Датский посланник при русском дворе Юст Юль присутствовал на пиру в доме светлейшего князя уже 10 июля (29 июня по ст. ст.) 1710 г.⁶⁶⁰ Однако окончательная отделка дома была закончена только к октябрю этого года⁶⁶¹. Первое упоминание о прорытом к дому канале встречается в «Записках» Ю. Юля под 11 июля (30 июня по ст. ст.) 1710 г.: «В этот день у князя Меншикова было большое собрание, состоящее как из мужчин, так и из женщин. Тут все присутствующие без различия пола и состояния вынуждены были прыгнуть в канал, вырытый князем на его счет у его дом, и простоять там два часа кряду, выпивая заздравные чаши. Одни только царевны были пощажены»⁶⁶².

По-видимому, первым официальным мероприятием, состоявшимся в деревянном доме А.Д. Меншикова на Васильевском острове, стала свадьба будущей российской императрицы, а тогда еще царевны Анны Иоанновны (дочери царя Ивана V и племянницы Петра I) с племянником прусского короля герцогом Курляндским Фридрихом-Вильгельмом, состоявшаяся 31 октября 1710 г. Эта свадьба была важным государственным событием, укрепляющим династические связи между Россией и Западной Европой. Следует особо

отметить, что со времен Московской России впервые русскую принцессу выдавали замуж за представителя западноевропейского царствующего дома.

Об этой свадьбе есть короткая запись в «Походном журнале»: «Оной брак был в доме светлейшего князя Меншикова, и венчал их Хутынской архимандрит Феодосий в полотняной церкви, которая поставлена была тут же, в доме светлейшего князя в хоромаш»⁶⁶³. Согласно Ю. Юлю, на свадьбу были приглашены вместе с женами «все живущие в Петербурге, до флотских лейтенантов включительно»⁶⁶⁴. Молодые с царем, а вслед за ними и гости проследовали на 40 шлюпках к дому А.Д. Меншикова, который встречал их на пристани. Венчание состоялось в часовне, находившейся «во дворе князя Меншикова», затем все прошли в «свадебную залу», где «трапезничали» и танцевали «до 11 часов ночи». После этого новобрачные удалились спать в специально отведенное помещение в доме светлейшего князя. На следующий день пир в доме А.Д. Меншикова продолжался с 2 часов дня⁶⁶⁵.

Ю.Юль отмечает, что первый день свадьбы был устроен на деньги Петра I, а второй – на средства А.Д. Меншикова⁶⁶⁶. Таким образом, если в первый день губернатор лишь предоставлял свои хоромы для царской свадьбы, хозяином которой был Петр I, то хозяином второго свадебного дня был уже А.Д. Меншиков⁶⁶⁷.

С осени 1711 г. деревянные хоромы на Васильевском острове утратили свое назначение главной резиденции петербургского губернатора, поскольку рядом, ближе к Неве был возведен его каменный дворец, который с первых лет своего существования имел официальное назначение. Строительство каменного дворца А.Д. Меншикова на Васильевском острове, началось в августе 1710 г.; и 1 октября 1711 г. в нем уже отмечалось новоселье⁶⁶⁸.

19 февраля 1712 г. состоялось бракосочетание Петра I и Екатерины Алексеевны. После венчания в церкви Исаакия Далматского, молодые и гости, переправившись на Васильевский остров, ненадолго⁶⁶⁹ посетили дом А.Д. Меншикова, который был на этой свадьбе маршалком, и лишь потом, продолжили праздновать свадьбу в каменном Зимнем дворце⁶⁷⁰. М.А. Алексеева высказала предположение, что на знаменитой гравюре А.Ф. Зубова 1712 г. «Свадьба Петра I и Екатерины» изображен зал деревянного дворца А.Д. Меншикова на Васильевском острове, а не Зимний дворец Петра I. Автор исходит из того, что представленный на гравюре зал сходен с изображенным на гравюре А.Ф. Зубова «Свадьба карлика Якима Волкова», которая проходила в василеостровских хоромаш А.Д. Меншикова⁶⁷¹. Позднее Г.В. Михайлов пришел к выводу, что на гравюре А.Ф. Зубова все же

изображен зал каменного Зимнего дворца, построенного А.Д. Меншиковым в 1711 г. в отсутствие Петра I и ставшего свадебным подарком губернатора царю⁶⁷².

1712 г. был наиболее «урожайным» на свадьбы в каменном дворце А.Д. Меншикова. Так, 10 февраля там состоялась свадьба некоего Щербатова⁶⁷³. 2 марта того же года А.Д. Меншиков отправился в Померанию для командования русским корпусом, откуда вернулся только 7 ноября следующего года⁶⁷⁴. Согласно «Описанию...» пленного финляндского шведа Л.-Ю. Эренмальма, в отсутствие А.Д. Меншикова, в 1712 г. в его каменном доме жил петербургский вице-губернатор Я.Н. Римский-Корсаков⁶⁷⁵. Где же находилась семья А.Д. Меншикова? Его супруга Д.М. Меншикова, с сыном Самсоном-Павлом и сестрой В.М. Арсеньевой весной и летом этого года была в Польше и Померании⁶⁷⁶. В это же время в Петербурге находилась родившаяся в конце декабря 1711 г. М.А. Меншикова с кормилицей и няньками⁶⁷⁷. Девочка со штатом слуг жила, вероятно, в деревянном доме на Васильевском острове, поскольку в каменном, во-первых, располагался Я.Н. Римский-Корсаков, во-вторых, велись строительные работы⁶⁷⁸.

В этом же году, в василеостровском дворце в отсутствие хозяев, состоялись еще две свадьбы: 18 мая – свадьба генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева с А.П. Нарышкиной, урожденной Салтыковой, причем маршалком был сам Петр I⁶⁷⁹, а 1 июня – свадьба сенатора князя Я.Ф. Долгорукого с И.М. Черкасской⁶⁸⁰.

В последующие годы в василеостровском дворце А.Д. Меншикова праздновалось еще несколько свадеб. 16 января 1715 г. состоялась свадьба дядьки и учителя царя генерал-президента Ближней канцелярии, сенатора, тайного советника и «князь-папы сумасброднейшего Всешутейшего и Всепьянейшего собора» Н.М. Зотова: венчание проходило в церкви Св. Троицы, а «стол и постель» были в доме А.Д. Меншикова. На другой день в Зимнем дворце состоялся праздничный обед, после чего весь свадебный поезд «возили по улицам»⁶⁸¹. 13 февраля в доме А.Д. Меншикова состоялась «публичная свадьба» брата царицы Прасковьи Федоровны⁶⁸² и дяди будущей императрицы Анны Иоанновны В.Ф. Салтыкова⁶⁸³, на которой присутствовали царь и царица⁶⁸⁴. 10 января 1716 г. государь посетил очередную свадьбу в доме светлейшего князя: последний выдавал свою воспитанницу Муромцеву за подполковника Языкова⁶⁸⁵.

Таким образом, одна из важных функций Василеостровской резиденции А.Д. Меншикова в Петербурге – свадьбы различных рангов: царя и членов царской семьи, а также свадьбы вельмож, на которых в почетной роли выступал сам Петр I и свадьбы менее именитых жителей новой российской столицы.

М.В. Иванов

ФИНСКИЙ ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКИЙ ПРИХОД СВЯТОЙ МАРИИ В ПЕТЕРБУРГЕ

Финский Евангелическо-лютеранский приход св. Марии – ровесник Санкт-Петербурга. В 1702 г. Пётр I официально признал свободу вероисповеданий в России, в том числе и лютеран.⁶⁸⁶ Уже на следующий год в Петербурге был основан шведско-финский лютеранский приход, который на сегодняшний день насчитывает ровно три столетия. Первый период истории финского прихода св. Марии, - а именно до 1745 г. - протекал в одном русле со шведским, также лютеранским, приходом св. Екатерины. Сорок с лишним лет эти приходы были едины и имели не только общий участок земли, но и один молитвенный дом. Богослужения здесь проводил старейший лютеранский пастор в Ингерманландии Яков Майделин. Шведы-лютеране помнили этого пастора ещё по службе в шведском городе Ниен.⁶⁸⁷

17 мая 1733 г. императрица Анна Иоановна подписала указ о выделении для шведско-финского прихода участка земли под строительство церкви, поскольку таковой до этого времени не имелось, и службы проходили в одном из частных домов. Этот участок находился между современными Большой и Малой Конюшенными улицами. Здесь в 1734 г. была построена небольшая деревянная кирха. Богослужения проводились попеременно на шведском и финском языках. Эта кирха обслуживала преимущественно жителей лютеранской колонии на Адмиралтейском острове, население так называемых «Финских шхер».⁶⁸⁸

Первое время финны и шведы вполне мирно сосуществовали в стенах одного храма. Однако в 1745 г. между ними произошёл раскол, разделивший доселе единый приход на два самостоятельных. Это событие история связывает с именем финляндского пастора Исаяи Аарона Норденберга, который был, по всей вероятности, обыкновенным «авантюристом в рясе», желавшим поправить свои дела за счёт молодого лютеранского прихода. Норденберг вошёл в доверие к тогдашнему настоятелю прихода пастору Густаву Леванусу, и добился у того позволения проповедовать в его кирхе. Однако свои усилия Норденберг направил не на укрепление веры прихожан, а на их разъединение.

Вскоре Норденберг «внушил шведам мысль» о необходимости отделения их от финнов образования собственного, шведского прихода. Часть шведов последовала за ним.

Пастору Леванусу ничего не оставалось, как обратиться за помощью к властям. Юстиц-коллегия потребовала от Норденберга, чтобы он предъявил документы о своём «священстве». Таковых у него не оказалось, и он вынужден был с позором покинуть Санкт-Петербург, чудом избежав тюремного заключения.

Однако, разъединение единого шведско-финского прихода всё же состоялось. Раскол окончательно оформился при зяте Левануса, его преемнике пасторе шведского прихода Исааке Хоутберге. Участок земли, которым владела шведско-финская община, был поделен между приходами по продольной линии, параллельной Конюшенным улицам. Финнам досталась прежняя кирха, а шведы обосновались ближе к Малой Конюшенной улице и Шведскому переулку и в 1760-х гг. построили собственный каменный храм.⁶⁸⁹

К концу XVIII столетия финская кирха совершенно обветшала. Кроме того, число финских прихожан к этому времени сильно возросло. Храм сделался попросту тесным. Таким образом, было принято решение о сооружении новой церкви. И в 1803-1805 гг. по проекту Х.-Г. Паульсена возводится новый храм. При закладке первого камня в фундамент будущей церкви в её алтарную часть была помещена оловянная пластина с надписью, гласившей, что «Эта Евангелистская лютеранская церковь святой Марии построена в правление великого и всеми любимого императора Александра I». Вместе с этой пластиной были заложены серебряные монеты времени царствования императоров Петра III, Екатерины II, Павла I и Александра I. В конце 1804 г. постройка и внутренняя отделка храма были практически завершены, и в день рождения Александра I, 12 декабря, произошло торжественное его освящение.⁶⁹⁰

В целом новый храм не отличался архитектурными излишествами и был по-своему аскетичен: узкий главный фасад, строгий четырёхколонный портик, треугольный фронто́н, с небольшой ротондой со сферическим куполом – вот основные архитектурные черты вновь построенной Мариинской церкви. По обеим сторонам портика первоначально в нишах помещались скульптуры апостолов Петра и Павла. Позднее их заменили декоративными вазами, которые изначально украшали фронто́н.⁶⁹¹

В марте 1871 г. Церковный совет мариинкирхе решил реконструировать интерьер храма, одновременно несколько изменив её главный фасад. В результате этой реконструкции, выполненные по проекту архитектора К. Андерсона, боковые окна портика были превращены в двери, образовав три отдельных входа. Были, также устроены двухъярусные хоры на чугунных столбах. На время реконструкции богослужения в церкви были перенесены в

помещение соседнего шведского прихода св. Екатерины. Некоторые изменения в фасад внёс в 1890-е гг. архитектор Л.Н. Бенуа.⁶⁹²

Кроме непосредственно церковного здания, приходу св. Марии принадлежали на этом же участке ещё несколько гражданских построек. Здание церкви фланкировали, построенные в 1842 году, три дома (Б. Конюшенная, №№ 4, 6 и 8), построенные по проекту Г. Боссе. Задуманные в стиле раннего классицизма эти дома, не выделялись на общем фоне Б. Конюшенной улицы и смешивались с другими её домами. Эти дома отличала сплошная рустовка стен, карниз на кронштейнах, общий серый фасад. Изначально дома были трёхэтажными, но в 1848 г. по проекту того же Г. Боссе были надстроены на ещё один, четвёртый, этаж и в таком виде сохранились до наших дней.⁶⁹³

В доме № 4 по Б. Конюшенной улице располагалась финская церковноприходская школа, а в доме № 6 – средняя. Школа испытывала определённые финансовые затруднения, которые частично решали, организуемые «Обществом оказания материальной поддержки» распродажи и лотереи.

В доме № 6 находилась Евангелическо-лютеранская консистория, Главное училище при финской церкви, Совет прихода, конторы Финдляндского банка и Зигерсдорфских заводов, редакции латышской газеты и журнала «Русский курьер» (в 1860-е годы его издавал на французском языке Ю. Сюзор, отец архитектора П.Ю. Сюзора). Здесь же размещались основанное в 1893 г. финское гимнастическое общество «Риенто» («Бег»), слесарная мастерская Г. Бюшинга, ателье мод Ж. Бернара. С 1890 по 1918 гг. в этом доме квартировал экономист Н.Ф. Даниельсон, известный помимо прочего тем, что перевёл на русский язык трёхтомный труд К. Маркса «Капитал». В советское время в доме № 6 находился городской трест промхлебобеспечения «Ленгорхлеб».⁶⁹⁴

В другом церковном доме, № 8 по Б. Конюшенной улице, находилось несколько контор, как сейчас сказали бы офисов: А. И. Линдеберга по продаже финских фабричных изделий, Шорноседельной фабрики и «Финского благотворительного общества». На первых этажах дома располагался шведско-финский книжный магазин Роберта Эдгрена. Здесь же находилась церковная библиотека и общество трезвенников «Алку», целью которого провозглашалось «разумное и нравственное времяпрепровождение в свободные от занятий часы», а также просветительское общество «Сойхту» («Факел»)⁶⁹⁵.

Таким образом, финский приход св. Марии на протяжении двух столетий своей дореволюционной истории представлял собой центр культурной и духовной жизни финнов Санкт-Петербурга.

Однако мирному существованию Мариинской церкви был положен конец с приходом к власти большевиков. С 1918 г. все культовые здания, принадлежавшие в дореволюционное время приходам, национализировались, а религиозные объединения ставились в прямое подчинение Ленгроблисполкома и районной Инспекции культа. Отныне церковные здания, а также всё приходское имущество юридически принадлежало государству. Между религиозным объединением и государством в лице Инспекции культа заключался своеобразный договор, где оговаривались права и обязанности прихода. К примеру, руководство финского прихода св. Марии обязывалось "беречь переданное народное достояние и использовать его исключительно по назначению, принимая на себя всю ответственность за ценность и сохранность врученного имущества...".⁶⁹⁶ В зданиях культа строго запрещалось:

- «проводить политические собрания враждебного Советской власти направления;
- раздачу или продажу книг, брошюр, листовок и посланий, направленных против Советской власти или ее представителей;
- произнесение проповедей и речей враждебных Советской власти».

Изменился орган управления прихода. Существовавший до революции Церковный совет теперь был заменён т.н. «двадцаткой», коллективом из среды прихожан численность двадцать (иногда это число варьировалось) человек во главе с председателем.

Богослужения в первые десятилетия Советской власти совершались крайне не регулярно. Их периодичность зависела, прежде всего, от наличия священнослужителя. Таковых в это время в приходе было несколько. Это Лауриколла Селим Иванович, в конце апреля 1937 года "выбывший из состава служителей культа церкви", Сойттанен Фридрих Александрович и Браке Петр Адамович, арестованный в 1938 г. В приходе в разное время также служили пасторы А. Куорти, И. Варонен, Т. Кело и другие.⁶⁹⁷

В 1920-30-е гг. участились случаи воровства и актов вандализма по отношению к зданию церкви церковной утвари. Это «нормальное» для того времени явление, от которого страдали многие культовые здания Ленинграда. Так, в ночь с 9 на 10 апреля 1934 г., разбив небольшое квадратное окно, в помещение храма проникли несколько человек и «нанесли повреждения церковной утвари». Пострадали шкаф, входная дверь на хорах, картина «Преображение». Были также украдены шесть напрестольных покровов на сумму 12 руб. и траурные покрывала на сумму 50 руб.⁶⁹⁸ Были и другие случаи взлома и проникновения в храм.⁶⁹⁹

С конца 1920-х – начала 30-х гг. здание финской церкви стало объектом притязаний со стороны различных организаций Ленинграда. Первым, кто пожелал овладеть церковным зданием, была 4-я Национальная финская школа. В своем ходатайстве на имя инспектора культа руководство школы указывало на тот факт, что, «имея 12 классов, большинство из которых находится в помещениях не отвечающих педагогическим и гигиеническим требованиям... обучаются 160 человек, родители которых живут в деревне». Администрация школы говорило о необходимости устройства в стенах церкви интерната. В связи с чем, следовала просьба передать здание финской церкви, «которое при соответствующем ремонте можно целесообразно приспособить для нужд школы». В качестве аргумента приводился тот факт, что «церковь эта обслуживает очень незначительное количество финского населения г. Ленинграда, которое прекрасно может использовать для своих богослужений либо лютеранскую церковь на пр. 25 Октября № 25, либо церковь на ул. С. Перовской. Соседство же церкви лишь мешает работе школы».⁷⁰⁰ Это было в начале декабря 1928 г. Спасло церковь созданная для технического осмотра здания церкви специальная комиссия, которая заключила, что «при условии перестройки для нужд школы от существующего здания видимо могут быть оставлены только междуоконные столбы наружных стен и частично две торцовых стены». Такая реконструкция, по мнению комиссии, потребует огромных технических и финансовых затрат.⁷⁰¹ Церковь была спасена.

Затем на здание финской церкви претендовало ДСО «Строитель». В 1937 г. эта организация предлагала переоборудовать здание кирхи под Дом Физической Культуры. Просьба ДСО «Строитель» удовлетворена не была.⁷⁰²

Затем на стол инспектора культа легли ходатайства с просьбой предоставить церковное здания в распоряжение организации «Союзгоручета», «Рекламфильма», спортивного общества «Старт».⁷⁰³

Претендовал на здание кирхи и Государственный Эрмитаж. 7 апреля 1938 г. директор Эрмитажа И. Орбели подал заявление в Отдел Культур при Ленсовете, в котором просил предоставить помещение церкви «для склада материалов специального назначения».⁷⁰⁴ И неожиданно в короткий срок городские власти решили этот вопрос в пользу Эрмитажа. 21 апреля 1938 г. Президиум Леноблисполкома постановил: «В связи с отказом двадцатки Финской Лютеранской церкви в г. Ленинграде от дальнейшего использования здания культа церковь закрыть. Передать здание Государственному Эрмитажу для использования по его усмотрению».⁷⁰⁵

Однако, спустя несколько дней 26 числа,⁷⁰⁶ того же месяца (по другим данным в тот же день, 21. 04 – 38 г.⁷⁰⁷) следует иное решение. А именно, постановлением президиума Леноблисполкома № 125 п. 8117 было решено: «передать здание бывшей финской церкви Управлению жилищного строительства для переустройства под жилое помещение для рабочих». Постановление подписали Председатель Ленгорсовета А. Петровский и секретарь К. Зими́на.⁷⁰⁸

Таким образом, в один день последовало два распоряжения, относительно передачи здания церкви. Официально инициатором её закрытия и «изъятия в распоряжение государства» была сама «двадцатка» прихода. 23 марта 1938 гг. на имя инспектора Куйбышевского района от «двадцатки» прихода поступило заявление, содержащее просьбу о расторжении договора заключенного ранее «в виду того, что за неимением пастора богослужения не совершаются» и, поскольку в связи с этим нет более доходных поступлений, приход церкви не в состоянии себя содержать.⁷⁰⁹ Президиум Куйбышевского района не замедлил удовлетворить просьбу «двадцатки», и договор был расторгнут.⁷¹⁰

Вопрос о закрытии храма поднимался и раньше. Так в декабре 1929 г. в предлагалось «целесообразным закрытие церкви и передачи ее на культурно-просветительские цели (под филиал дома безбожника)». ⁷¹¹ Тот факт, что финскую церковь власти закрыли лишь в 1938 г., а не раньше, возможно объясняет то, что приход находился под патронатом финляндского консульства в Ленинграде, и местные власти не желали ухудшать с ним отношения.⁷¹²

Вопрос о церковном имуществе был решен в менее длительные сроки, чем судьба самого здания церкви. Большая часть вещей была передана в Эрмитаж,⁷¹³ что-то досталось Музею Истории Религии. Часть церковного имущества попыталось спасти ещё в 1934 г. (имущество церкви периодически изымалось в пользу государства за долго до её закрытия) Генеральное консульство Финляндии. Представители консульства обратились в Ленгорисполком с заявлением, в котором говорили, что некоторые предметы церковной утвари (их список прилагался) «были получены церковью св. Марии во временное пользование от членов Финляндского правительственного комитета помощи и представителей Финляндской торговой делегации в 1922 г. и ни в коем случае не являются собственностью ни церкви, ни прихода». ⁷¹⁴ Сейчас можно только догадываться о том удалось ли финляндцам спасти церковную утварь или нет.

Итак, в 1938 г. финская церковь св. Марии была закрыта, а её помещение переоборудовано под общежитие для рабочих.

Вопрос о возрождении церкви неоднократно поднимался в 1950-х гг., но безуспешно.⁷¹⁵ Напротив, в начале 1970 г. в бывшей церкви разместился Ленинградский Дом Природы, который просуществовал там вплоть до начала 1990-х гг., когда церковное здание было вновь возвращено верующим. Начиная с постперестроечного времени, ингерманландские финны предпринимают попытки вернуть церковь св. Марии, но сделать это оказалось не просто. Проблема состояла в том, что администрация Дома Природы не пожелала расставаться с полюбившимся ей бывшим церковным зданием. Более того, «сторонники» Дома Природы собрали 20 тысяч (!) подписей ленинградцев, не пожелавших, чтобы выставочный зал переехал в окраинные районы города. Тем не менее, руководства Дома Природы позволило лютеранам проводить богослужения на ступеньках церкви, а также выделило 2 комнаты в самом здании. Таким образом, на протяжении некоторого времени верующие лютеране вынуждены были произносить молитвы прямо на улице под открытым небом и взорами уличной публики. Церковная община обратилась в Управление по делам имуществ с просьбой окончательно и полностью решить вопрос о передаче здания церкви её истинному владельцу – финскому Евангелическо-лютеранскому приходу св. Марии. Вопрос был решён в пользу последнего.

В 2002 г. был завершён капитальный ремонт всего здания церкви, в результате которого его интерьер и фасад имеет облик, приближённый к историческому. Сегодня здание церкви вновь открыто для прихожан и посетителей. Регулярно совершаются богослужения, церковные и национальные финские праздники, организуются выставки. Настоятелем прихода в 2002 г. был избран Юхани Персти.

Сегодня приход переживает своё второе рождение. Часть помещений в бывших церковных домах, также вновь принадлежат приходу. Здесь располагается канцелярия епископа, редакция журнала «Церковь Ингрии», общество Ингермандландских финнов и другие приходские учреждения. История повторяется.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Андреева Е.А., Государственный Эрмитаж.
- Базарова Т. А., к.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН.
- Балашов Е.А. Историко-краеведческое объединение «Карелия».
- Барышников В.Н., д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета.
- Барышников Н. И., д.и.н., профессор Северо-Западной академии государственной службы.
- Бурков В.Г., д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета.
- Возгрин В. Е., д.и.н., Санкт-Петербургский государственный университет.
- Журавлев Д. А., к.и.н., Военно-медицинский музей Санкт-Петербурга.
- Иванов М.В. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.
- Ивлева С.Е., Государственный Русский музей.
- Ковалевский А.В., музей истории Мариинской больницы.
- Косов Ю.В., д.полит.н., профессор Северо-Западной академии государственной службы.
- Кривдина О.А., к.и., Государственный Русский музей.
- Кротов П. А., д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета.
- Лазарев А.В., к.и.н., Санкт-Петербургский государственный университет
- Лукошков А. В., к.т.н., АО «Морские технологии».
- Мазур Т.П., Российский государственный архив Военно-Морского Флота.
- Макуров В.Г., к.и.н., Карельский научный центр РАН.
- Марьевский М. Б., Санкт-Петербургский государственный университет
- Митюрин Д. В. Русская христианская гуманитарная академия
- Мусаев В.И., д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН.
- Новикова И.Н. к.и.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета.
- Партала М.А., к.в.н., доцент Военно-морского института радиоэлектроники им. А.С. Попова.
- Пересадило Р.В. Поморский государственный университет
- Петров П.В., к.и.н., Российский государственный архив Военно-Морского Флота.
- Попов Ю. М., к.и.н.
- Пулькин М. В., к.и.н., Карельский научный центр РАН.
- Репневский А. В., д.и.н., профессор Поморского государственного университета.
- Усыскин Г. С., д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства.
- Фокин В.И., д.и.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета.
- Хамфельд А., д.и., профессор университета Упсала.

Харченко Л.И. д.педаг.н., профессор Университета Водных коммуникаций.

Цоффка В.В. Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина

Шрадер Т.А., к.и.н., Музей антропологии и этнографии РАН.

Яковлев О. А., к.и.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций.

- ¹ Петербург и страны Северной Европы // Петербургские чтения 98-99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург – 2003». СПб., 1999. С. 431-490; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2001; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2002; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы четвертой ежегодной научной конференции. СПб., 2003; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы пятой ежегодной научной конференции. СПб., 2004.
- ² См.: *Веселаго Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. СПб., 1875. Ч.1; *Невежин А.В.* Русский флот на Балтийском море. 1712 и 1713 годы // Морской сборник. 1872. № 2. Неофиц. отд. С. 1–73; *Соколов А.П.* Суд над вице-адмиралом Крюсом 1713 года (эпизод из истории русского флота) // Морской сборник. 1849. № 1. С. 57–76.
- ³ Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф.223 (Рукописи Петра Великого и другие документы, поступившие из Адмиралтейств-Совета). Оп.1. Д.18; Ф.233 (Канцелярия генерал-адмирала Ф.М. Апраксина). Оп.1. Д.38, 42, 59, 61, 64, 81, 86, 97, 251.
- ⁴ См.: *Бородин М.М.* Из новейшей истории Финляндии. СПб., 1906; *Бородин М.М.* Война 1854-1855 гг. на Финском побережье. СПб., 1904; *Мехелин Л.* Финляндия в 19 столетии. Гельсингфорс, 1894; *Глиноецкий Н.* История Русского Генерального штаба. СПб., Т.2 1894 и др.
- ⁵ *Огневский А.* Возвращение барона Врангеля // Ежедневные новости /Владивосток/. 2002.06. 02.
- ⁶ *Исаков С. Г.* Профессор Хельсинкского университета К. И. Арабажин. Очерк жизни и деятельности // *Studia Slavica Finlandensia*. Т. IV. 1985. С. 70.
- ⁷ Там же. С. 71-73, 90.
- ⁸ Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 355. Л. 11-12, 19-19 об.
- ⁹ *Исаков С. Г.* Профессор Хельсинкского университета К. И. Арабажин. С. 95-96.
- ¹⁰ Там же. С. 96-97.
- ¹¹ Там же. С. 99; *Дубровская Е. Ю.* Жизнь русской колонии в Финляндии весной 1918 г. (по материалам русскоязычной прессы) // Зарубежная Россия. Книга 1. СПб., 2000. С. 62.
- ¹² *Энгман М.* После России // Север. 1992. № 11-12. С. 132.
- ¹³ *Исаков С. Г.* Профессор Хельсинкского университета К. И. Арабажин. С. 98.
- ¹⁴ *Виттенберг С. Э.* Дневники // Bakhmeteff Archive of the Columbia University (BAR), New York. Collection of S. E. Vittenberg.
- ¹⁵ *Майдель Е. фон.* Дополнение к запискам С. Э. Виттенберга о событиях в жизни русского населения после отделения Финляндии от России (1918-1919 гг.). // Bakhmeteff Archive of the Columbia University (BAR), New York. Collection of S. E. Vittenberg.
- ¹⁶ *Исаков С. Г.* Профессор Хельсинкского университета К. И. Арабажин. С. 100.
- ¹⁷ Воспоминания С. Э. Виттенберга о поездке в Москву в июле 1918 г. по поводу обмена русских военнопленных и арестованных финляндцев // BAR. Collection of S. E. Vittenberg.
- ¹⁸ Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 1. Л. 87.
- ¹⁹ *Юденич Н. Н.* Дневник // Частная коллекция.
- ²⁰ Агентство РОСТА сообщало об этом со ссылкой на номер газеты «Карьялан Аамулеhti» от 11 октября – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7384. Оп. 7. Д. 107. Л. 283.
- ²¹ *Исаков С. Г.* Профессор Хельсинкского университета К. И. Арабажин. С. 102-103.
- ²² *Abyzov J. I.* Riga: Der lettische Zweig der russischen Emigration // Der große Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. München, 1994. S. 131.
- ²³ *Brotherus H.* Eljas Erkko, legenda jo eläessään. Porvoo; Hels., 1973. S. 131; *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo; 1970. S. 203.
- ²⁴ Цит. по: *Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г.* Финляндия во второй мировой войне. Л., 1989. С. 78.
- ²⁵ См.: Зимняя война 1939-1940. Кн. 1. М., 1998; *Таннер В.* Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939-1940. М., 2003; *Jakobson M.* Diplomaattien talvisota. Hels., 2002; *Paasikivi J.K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939-41. Hels., 1958.
- ²⁶ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo-Hels., 1970. S. 163.
- ²⁷ Ulkoasiainministeriön arkisto (далее: УМ). 109 G 1. Erkon raportti Tannerille 19.12.1939.
- ²⁸ Российский государственный военный архив (далее: РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1301. Л. 8.
- ²⁹ УМ. 109 G 1. Yksityinen ja salainen kirjelmä E. Erkolta V. Tannerille Tukholmasta 16.01.1940.
- ³⁰ Ibid. E. Erkon raportti V. Tannerille Tukholmasta 21.01.1940.
- ³¹ Ibid. 18.01.1940.
- ³² Ibid. 22.01.1940.
- ³³ *Таннер В.* Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939-1940. С. 165.
- ³⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1301. Л. 17. Сообщение Берия Ворошилову 29 января 1940 г.
- ³⁵ *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники 1922-1940. Т. 2. М., 2001. С. 489.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ УМ. 109 G 1. УМ. 109 G 1. Yksityinen kirjelmä E. Erkolta V. Tannerille Tukholmasta 29.01.1940.

- ³⁹ Ibidem.
- ⁴⁰ См.: *Барышников В.Н.* От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С.187-199.
- ⁴¹ UM. 109 G 1. E. Erkon erittain salainen raportti Tukholmasta V. Tannerille 29.01.1940.
- ⁴² Ibid.; *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники 1922-1940. С. 491.
- ⁴³ *Таннер В.* Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939-1940. С. 166.
- ⁴⁴ UM. 109 G 1. E. Erkon erittain salainen raportti Tukholmasta V. Tannerille 29.01.1940.
- ⁴⁵ Ibid. E. Erkon yksityinen kirje Tukholmasta V. Tannerille 30.01.1940; *Таннер В.* Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939-1940. С. 168.
- ⁴⁶ UM. 109 G 1. E. Erkon yksityinen kirje Tukholmasta V. Tannerille 30.01.1940.
- ⁴⁷ *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники 1922-1940. С. 491.
- ⁴⁸ UM. 109 G 1. E. Erkon yksityinen kirje Tukholmasta V. Tannerille 30.01.1940.
- ⁴⁹ *Таннер В.* Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939-1940. С. 169.
- ⁵⁰ Цит. по: *Вехвилайнен О., Барышников В.Н.* Две стратегии мира // Зимняя война 12939-1940. С. 285.
- ⁵¹ UM. 109 G 1. E. Erkon raportti V. Tannerille Tukholmasta 2.02.1940.
- ⁵² Ibidem.
- ⁵³ *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники 1922-1940. С. 492.
- ⁵⁴ Там же. С. 493.
- ⁵⁵ UM. 109 G 1. Yksityinen E. Erkon raportti V. Tannerille Tukholmasta 3.02.1940.
- ⁵⁶ Ibidem.
- ⁵⁷ Ibid. E. Erkon raportti R. Rytille Tukholmasta 12.02.1940.
- ⁵⁸ Ibid. E. Erkon raportti V. Tannerille Tukholmasta 22.02.1940.
- ⁵⁹ Ibid. 24.02.1940.
- ⁶⁰ Ibid. 109 C2e. Sähkösanoma Tukholmasta UM:lle 4.03.1940.
- ⁶¹ Ibid. 109 G1. E. Erkon raportti V. Tannerille Tukholmasta 26.02.1940.
- ⁶² 109 B6; 109 G1. E. Erkon raportti V. Tannerille Tukholmasta 5.03.1940.
- ⁶³ Ibidem.
- ⁶⁴ Тревожные годы Архангельска. 1700-1721: Документы по истории Беломорья в эпоху Петра Великого / Сост. Ю.Н. Беспятых, В.В. Брызгалов, П.А. Кротов. Архангельск, 1993. С. 65-66.
- ⁶⁵ Государственный архив Архангельской области (далее - ГААО). Ф. 1829. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.
- ⁶⁶ Тревожные годы Архангельска. С. 29, 364.
- ⁶⁷ Там же. С. 64.
- ⁶⁸ *Kiisjo E.* Така-Karjalan verotus vuoteen 1710. Forssa, 1959. S. 234.
- ⁶⁹ *Шутой В.* Партизан Иван Окулов // На рубеже. 1960. № 6. С. 112.
- ⁷⁰ Российский государственный архив древних актов (далее - РГАДА). Ф. 248. Кн. 53. Л. 219-219, об.
- ⁷¹ РГАДА. Ф. 299. Оп. 1. Д. 60. Л. 6.
- ⁷² Петрозаводск. 300 лет истории. Кн. 1. Петрозаводск, 2003. С. 338-339.
- ⁷³ *Штилевский Н.* Описание войны между Россиею и Швециею в 1741, 1742 и 1743 годах. СПб., 1859. С. 126.
- ⁷⁴ Олонецкие губернские ведомости. 1874. 16 января.
- ⁷⁵ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 189-190.
- ⁷⁶ *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 53.
- ⁷⁷ Российский государственный архив древних актов. Ф. 53 (Сношения России с Данией). Оп. 1, 1709 г. Д. 3. Л. 62 об.
- ⁷⁸ Там же. Л. 63.
- ⁷⁹ *Подъяпольская Е.П.* Военные советы 1708–1709 гг. Полтава // К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 130.
- ⁸⁰ Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). М., 2004. Вып. 1. С. 159, 301.
- ⁸¹ Там же. С. 160, 301.
- ⁸² Письма и бумаги императора Петра Великого (ПБПВ). М., Л., 1950. Т. 9, вып. 1. С. 216.
- ⁸³ *Пузыревский А.К.* Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1889. С. 317.
- ⁸⁴ ПБПВ. М., 1952. Т.9, вып. 2. С. 947–948, 964.
- ⁸⁵ Там же. С. 947.
- ⁸⁶ *Adlerfeld G.* Histoire militaire de Charles XII, roi de Suède, depuis l'an 1700 jusqu'à la bataille de Pultowa en 1709, écrite par ordre exprès de Sa Majesté. Amsterdam, 1740. Т. 3. Р. 450. Дневник Г. Адлерфельта содержит даты по «шведскому стилю», употреблявшемуся в Швеции с 1700 по 1712 г. Для перевода их на существовавший тогда в России «старый стиль» следует вычесть один день, что и проделано в настоящей статье.
- ⁸⁷ *[Юлленкрук А.]* Современное сказание о походе Карла XII в Россию // Военный журнал. 1844. № 6. С. 96.
- ⁸⁸ Там же. С. 98.
- ⁸⁹ Там же. С. 98–100.
- ⁹⁰ *Adlerfeld G.* Histoire militaire de Charles XII... Р. 450, 453.

- ⁹¹ Ibid. P. 454–455.
- ⁹² Ibid.
- ⁹³ ПБПВ. Т. 9, вып. 2. С. 964, 980; Adlerfeld G. Histoire militaire de Charles XII... P. 456.
- ⁹⁴ Соколовский А. План местности Полтавского боя 27-го июня 1709 г. («Отчетная карточка рекогносцировки») и объяснение к нему. Полтава, [1909]. С. 4.
- ⁹⁵ Adlerfeld G. Histoire militaire de Charles XII... P. 462.
- ⁹⁶ Соколовский А. План местности ... С. 4.
- ⁹⁷ Adlerfeld G. Histoire militaire de Charles XII... P. 463.
- ⁹⁸ [Юлленкрук А.] Современное сказание о походе Карла XII в Россию. С. 103.
- ⁹⁹ ПБПВ. Т. 9, вып. 2. С. 980.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Гистория Свейской войны... С. 160, 301.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Архив князя Ф.А. Куракина. СПб., 1892. Кн. 3. С. 119–120.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 121.
- ¹⁰⁶ Есинов Г.В. Князь Александр Данилович Меншиков // Русский архив. 1875. № 9. С. 73.
- ¹⁰⁷ [Фридрих II] Его величества короля прусского Наставление о военном искусстве к своим генералам / Пер. с немец. А.А. Нартова. СПб., 1762. С. 48, 54.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 30.
- ¹⁰⁹ ПБПВ. М., 1950. Т. 9, вып. 1. С. 225.
- ¹¹⁰ [Юлленкрук А.] Современное сказание о походе Карла XII в Россию. С. 104.
- ¹¹¹ В заглавии гравюры Я. Кайзера определенно говорится о сражении при Полтаве, как о «бывшем в н ы н е ш н е м (разрядка наша. – П. К.) 1709 году». Автором выявлена также прямая содержательная зависимость гравюры от первичных графических материалов, имеющих в личной коллекции Петра I (Ср.: Отдел рукописей Библиотеки Российской Академии наук (ОР БРАН). F° 266. Т. 3. Л. 81; Т. 2. Л. 85).
- ¹¹² Бутурлин Д.П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1820. Ч. 1. Т. 2. План № 10; Шперк В. Инженерное обеспечение Полтавской битвы (к 230-летию Полтавской битвы). М., 1939. С. 16; Морской атлас. М., 1958. Т. 3. Ч. 1. Л. 11; Иванюк Я.Г., Ростовский А.Н. Заповедник «Поле Полтавской битвы»: Путеводитель. Харьков, 1986. С. 76.
- ¹¹³ ОР БРАН. F° 266. Т. 2. Л. 85.
- ¹¹⁴ Русско-шведская война. Записки кн. Б. И. Куракина. 1700–1710 // Архив князя Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 322.
- ¹¹⁵ Молтусов В.А. Полтавская битва: Новые факты и интерпретация. Дисс. ... к. и. н. Харьков, 2002. С. 106.
- ¹¹⁶ Редуты в Полтавском бою. Маршал Мориц Саксонский. 1732 г. // Борисов В.Е., Балтийский А.А., Носков А.А. Полтавская битва. 1709 – 27 июня – 1909. СПб., 1909. С. 228.
- ¹¹⁷ Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 588 (Древлехранилище М.П. Погодина). Оп. 2. № 1732. Л. 39 об.
- ¹¹⁸ Молтусов В.А. Полтавская битва: Новые факты и интерпретация. Диссертация... С. 110.
- ¹¹⁹ ОР БРАН. F° 266. Т. 3. Л. 81.
- ¹²⁰ Там же. Т. 2. Л. 85.
- ¹²¹ См.: Борисовская Н.А. Старинные гравированные карты и планы XV–XVIII веков. Космографии, карты земные и небесные, планы, ведуты, баталии. М., 1992. С. 190.
- ¹²² ОР БРАН. F° 266. Т. 2. Л. 85.
- ¹²³ Энглунд П. Полтава: Рассказ о гибели одной армии / Пер. со швед. яз. М., 1995. С. 119–120.
- ¹²⁴ Там же.
- ¹²⁵ Молтусов В.А. Полтавская битва: Новые факты и интерпретация. Диссертация... С. 109, 110.
- ¹²⁶ Борисов В.Е., Балтийский А.А., Носков А.А. Полтавская битва. 1709 – 27 июня – 1909. Прилож. I, V; Борисовская Н.А. Старинные гравированные карты и планы XV–XVIII веков. Космографии, карты земные и небесные, планы, ведуты, баталии. С. 191.
- ¹²⁷ ОР БРАН. F° 266. Т. 2. Л. 85.
- ¹²⁸ Там же. Т. 3. Л. 81.
- ¹²⁹ [Наполеон] Записки Наполеона о походах Тюрени и Фридриха Великого. М., 1836. С. 118.
- ¹³⁰ [Frédéric II de Prusse] Réflexions sur les talents militaires et sur le caractère de Charles XII, roi de Suède de main de Maître. S. l., 1786. P. 57.
- ¹³¹ Из исследователей Поморского университета можно назвать Т.П. Тетеревлёву (Тетеревлёва Т.П. История российской эмиграции в Норвегию в 1918–1930-х гг. Архангельск, 1997) и Р.А. Давыдова (Давыдов Р.А. Архангельская губерния и Северная Норвегия в 1826–1914 гг. Архангельск, 1998).
- ¹³² Поморская торговля глазами норвежцев // Отгарт. 1992. № 192..
- ¹³³ См.: Пересадило Р.В. Проблемы русско-норвежских взаимоотношений на Севере России в XIX в. // Проблемы материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран. Сыктывкар, 1997.
- ¹³⁴ Derry T.K. Modern Norway. 1814–1972. Oxford., 1973. P. 98.
- ¹³⁵ Нильсен Й. П. Русская опасность для Норвегии? // Отгарт. 1992. № 192.

- ¹³⁶ Derry T.K. Modern Norway. P. 102.
- ¹³⁷ Lieberman S. The Industrialization of Norway. 1800-1920. Oslo-Bergen-Tromsø. 1970. P. 105.
- ¹³⁸ Noel S.F. North Norway. A History. London. 1952. P. 135.
- ¹³⁹ Ibid. S. 114.
- ¹⁴⁰ Ibidem.
- ¹⁴¹ Ibid. S. 114.
- ¹⁴² Jacobsen R. Sørøysund lokalhistorie. Hammerfest. 1983. S. 298.
- ¹⁴³ Gamst L. og Samuelsen H.. Loppas historie. Utgitt av Loppa Kommune. 1983. S. 167.
- ¹⁴⁴ Derry T.K. North Norway. S.163.
- ¹⁴⁵ Ibidem.
- ¹⁴⁶ Ytreberg N.A. Handelssteder i Finnmark. Trondheim. 1980. S. 63-69.
- ¹⁴⁷ Derry T.K. North Norway. S.164.
- ¹⁴⁸ Lunde Aage. Sør-Varanger historie. Utgitt av Sør-Varanger kommune. 1979. S. 99.
- ¹⁴⁹ Нильсен Й.П. Русская опасность для Норвегии?
- ¹⁵⁰ Handlingar S. Kraft. Stockholm. б/г. S. 112-
- ¹⁵¹ Чубинский П. Колонизация Мурманского Российского берега // Архангельские губернские ведомости. 1864. №38.
- ¹⁵² Статистические исследования Мурман. Т. 1. Вып.2. СПб., 1904.
- ¹⁵³ Государственный архив Архангельской области (далее: ГААО). Ф. 1. Оп. 5. Д. 1018. Л. 41.
- ¹⁵⁴ Там же.
- ¹⁵⁵ Там же. Л. 55-60об.
- ¹⁵⁶ Тихомиров В. Заботы о заселении Мурман в второй половине прошлого столетия // Архангельские губернские ведомости. 1903. № 219-286.
- ¹⁵⁷ Государственный архив Мурманской области (далее: ГАМО). Ф. 28-и. Оп. 1. Д. 59. Л. 28 об.
- ¹⁵⁸ Там же.
- ¹⁵⁹ Статистические исследования Мурман. Том I. Вып.2. СПб., 1904. С. 52-53.
- ¹⁶⁰ ГАМО. Ф. 24-и. Оп. 1. Д.4. Л. 1-1об.
- ¹⁶¹ Там же.
- ¹⁶² Там же. Л. 3.
- ¹⁶³ Колонизация // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. № 10.
- ¹⁶⁴ Постников С. К оживлению Мурманских промыслов// Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. №8.
- ¹⁶⁵ Постников С. О каботажном флоте на Мурмане // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. №7
- ¹⁶⁶ Архангельские губернские ведомости. 1903. №№219-286.
- ¹⁶⁷ Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1910. №8.
- ¹⁶⁸ Тихомиров В. Заботы о заселении Мурман в второй половине прошлого столетия.
- ¹⁶⁹ ГАМО. Ф. 24-и. Оп. 1. Д. 73. л.1.
- ¹⁷⁰ Там же. Л.3.
- ¹⁷¹ Там же.
- ¹⁷² Там же. Л. 5.
- ¹⁷³ ГААО. Ф. 71. Оп. 4. Д. 692. Л. 10.
- ¹⁷⁴ ГАМО. Ф. 24-и. Оп. 1. Д. 73. Л.8.
- ¹⁷⁵ Там же.
- ¹⁷⁶ Там же.
- ¹⁷⁷ Там же. Л. 6-6об.
- ¹⁷⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 3. Д. 428. Л. 1.
- ¹⁷⁹ Сосновский Н.В. О мерах развития колонизации Мурман. Записка архангельского губернатора министру внутренних дел. Архангельск. 1910.
- ¹⁸⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1385. Л. 384.
- ¹⁸¹ Отчёт Императорского Русского Географического общества за 1870 г. СПб., 1871. С.41
- ¹⁸² Российский Государственный Архив Военно Морского флота (далее: РГАВМФ). Ф. 238. Оп. 3. Д. 2320.
- ¹⁸³ Смирнов В.Г. Исследования Гольфстрима на корвете «Варяг».1870 // Известия Русского Географического общества. Т.135. Вып.1. СПб., 2003. С.81-87.
- ¹⁸⁴ Ушаков И.Ф. Кольская Земля. Мурманск, 1972. С.316.
- ¹⁸⁵ РГАВМФ. Ф.283. Оп.3. Д. 2320. Л.3.
- ¹⁸⁶ Там же. Ф. 12447. Оп.1. Д. 37. Л.2.
- ¹⁸⁷ Там же. Ф. 283. Оп.3. Д. 2320. Л.169-171.
- ¹⁸⁸ Там же. Л.115,116, 126.
- ¹⁸⁹ Там же. Л 399.
- ¹⁹⁰ Архангельские губернские ведомости. 1870. № 43,47, 50, 51, 53.
- ¹⁹¹ Морской сборник . 1870. № 10. С.4-11; 1871. № 2. С.18.
- ¹⁹² Архангельские губернские ведомости. 1870. № 43. С.4.
- ¹⁹³ Морской сборник. 1870. № 10. С.5.

- ¹⁹⁴ Там же. 1871. № 2. С.25.
- ¹⁹⁵ Архангельские губернские ведомости. 1870. № 65. Описание продолжения путешествия (посещение Норвегии).
- ¹⁹⁶ Там же. 1870. № 65.
- ¹⁹⁷ Морской сборник. 1870. № 10. С.6.
- ¹⁹⁸ Там же. С.7.
- ¹⁹⁹ Там же. С.10.
- ²⁰⁰ Там же. С.11.
- ²⁰¹ Попов Г.П., Давыдов Р.А. Морское судоходство на Русском севере в XIX - нач. XX вв. Екатеринбург-Архангельск, 2003. С.30.
- ²⁰² Ушаков И.Ф. Кольская земля. С.327.
- ²⁰³ Свод постановлений, извлечённых из законов Норвежского королевства и касающихся до рыбной ловли и торговли, производимым русскими промышленниками в портах и приморских губах Норвегии. Архангельск, 1871.
- ²⁰⁴ Теттерман А. Сборник норвежских узаконений, касающихся русских подданных по производству ими торговли и промыслов в Северной Норвегии. СПб., 1883.
- ²⁰⁵ Приложение к журналу заседания Совета 17 марта 1871г. Особое мнение д.чл. К.Н. Посьета «Об экспедиции в Северные моря» // Известия Императорского Русского Географического общества. Т. VII. 1871. СПб., 1872. С.26-28.
- ²⁰⁶ Посьет Константин Николаевич (1819-1899) (С.Possiet), родом из дворян, уроженец Великого Княжества Финляндского. Образование получил в Морском кадетском корпусе, участник многочисленных военно-морских походов, в том числе в 1852-1854 гг. в составе миссии адмирала Е.В. Путятина по установлению дипломатических и торговых связей с Японией на фрегате «Паллада». В 1861г-произведён в контр-адмиралы с назначением в свиту Александра II. Затем произведён в вице-адмиралы (1868), в 1874 г. стал Министр путей.
- ¹ Трагедия в клубе Куусинена // Петроградская правда. 1920. 7.9.
- ² Сообщения ВЧК о преступлении на улице Красных Зорь // Известия. 1920. 7.9.
- ³ Обращение ЦК РКП (б) // Известия. 1920. 7.9.
- ⁴ Обращение Исполкома Коммунистического Интернационала // Правда. 1921. 11.9.
- ⁵ Похороны коммунаров // Крестьянская газета. 1920. 13.9.
- ⁶ Открытое письмо ЦК РКП (б) // Правда 1920. 22.9.
- ⁷ Митинг финских коммунистов // Петроградская правда. 1920. 18.9.
- ⁸ Ниронен Я. Финский Петербург. СПб., 2003.
- ⁹ Сообщение Всероссийской Чрезвычайной комиссии // Известия. 1920. 3.12.
- ¹⁰ Там же
- ¹¹ Автор выражает благодарность директору Финского института в Санкт-Петербурге г-ну Ярмо Ниронену, любезно предоставившего переведенные на русский язык материалы из книги Я. Элоранто
- ¹² Юссила О., Хенттиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. М., 1998.
- ¹³ Сто замечательных финнов. Хельсинки, СПб., 2004.
- * Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Архангельской области № 02 – 01 – 00560а/С «Международные отношения на Севере Европы: опыт истории и современность», 2002 – 2004 гг.
- ²⁰⁷ Носков А.М. Норвегия во второй мировой войне 1940 - 1945. М., 1973; Кан А.С. Внешняя политика Скандинавских стран в годы второй мировой войны. М., 1967; Семиряга М.И. Советско-финляндская война (К 50-летию окончания). М., 1990; Зимняя война 1939-1940. Книга 1. Политическая история. / Отв. ред. О.А.Ржешевский, О.Вехвиляйнен. М., 1999; 105 дней «зимней войны». К шестидесятилетию советско-финляндской войны 1939 - 1940 гг. / отв. ред. В.Н.Барышников. - Санкт-Петербург, 2000. В последнем издании на стр. 110 - 117 проф. В.Н. Барышниковым представлена библиография отечественной литературы по истории «Зимней войны».
- ²⁰⁸ См., например: Вихавайнен Т. Иностранная помощь Финляндии // Зимняя война 1939 – 1940. С. 198; Вехвиляйнен О. Первые шаги к компромиссу // Зимняя война 1939 – 1940. С. 243, 244, 246, 252.
- ²⁰⁹ 105 дней «Зимней войны». К шестидесятилетию советско-финляндской войны 1939 - 1940 гг. / отв. ред. В.Н.Барышников. Санкт-Петербург, 2000. С.110 - 117. Следует отметить, что ранее в нашей литературе войну считали 103-дневной.
- ²¹⁰ Советско-норвежские отношения 1917 - 1955 гг. Сборник документов /сопредседатели редколлегии А.О.Чубарьян, У. Ристе. М., 1997. С. 279 - 293; Репневский А.В. СССР - Норвегия: экономические отношения межвоенного двадцатилетия. Архангельск, 1998; Koht Halvdan. Rikspolitisk dagbok 1933 - 1940. Oslo, 1985; Архив внешней политики Российской Федерации (Далее АВП РФ). Ф. 0116. Оп. 22. Д. 1. Л. 60 – 105. Оп. 23. Д. 6. Л. 3-8, 22-24.
- ²¹¹ Danielsen Egil. Norge-Sovjetunionen. Norges utenrikspolitikk overfor sovietunionen 1917 - 1940. Oslo, 1964. С.225
- ²¹² Нильсен Й.П. Старая Россия и новая Норвегия (1905-1917): соседство без страха? // Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке. / сб. статей под ред. В.И.Голдина и Й.П.Нильсена. Архангельск, 1997. С.6-28.
- ²¹³ Danielsen E. Norge-Sovjetunionen...С.225-226.

- ²¹⁴ АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 22. Д. 1. Л. 7-8.
- ²¹⁵ Документы внешней политики СССР (Далее ДВП СССР). Т. XXII. Кн. 2, док. 870. С. 423.
- ²¹⁶ Носков А.М. Норвегия во второй мировой войне 1940 - 1945. М., 1973. - С. 73-74.
- ²¹⁷ Цит. по: *Самотейкин Е.М.* Растоптанный нейтралитет. С. 117-119.
- ²¹⁸ Северный комсомолец. 24 февраля 1940.
- ²¹⁹ Там же.
- ²²⁰ Советско-норвежские отношения 1917 - 1955 гг. Сб. документов. С. 281.
- ²²¹ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 2. Док. 870. С. 422
- ²²² Там же.
- ²²³ Там же. С. 424.
- ²²⁴ Советско-норвежские отношения 1917 - 1955 гг. Сб. документов. С. 287.
- ²²⁵ Правда Севера. 20 января 1940.
- ²²⁶ Советско-норвежские отношения 1917 - 1955 гг. Сб. документов. С. 286.
- ²²⁷ АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 22. Д. 1. Л. 69, 70 - 74. См. об этом также: Norge og Sovjetunionen 1917 - 1955. En utenrikspolitisk dokumentasjon... Oslo, 1995. S. 267-274.
- ²²⁸ *Сорокажердьев.* Не вернулись из боя. Мурманск, 1991. С. 17.
- ²²⁹ *Носков А.Н.* Ук. соч. С. 29.
- ²³⁰ Зимняя война 1939-1940. Кн. 1. С. 198.
- ²³¹ Советско-норвежские отношения 1917 - 1955 гг. Сб. документов. С. 287.
- ²³² Там же. С. 289-230.
- ²³³ В уже упомянутом издании «Зимняя война 1939-1940». Кн. 1 на странице 199 дается более точная цифра норвежских добровольцев - 693 чел. М.И Семиряга в брошюре «Советско-финляндская война» издания в 1990 г. пишет о 1000 норвежцев прибывших в Финляндию (С. 35).
- ²³⁴ Советско-норвежские отношения 1917 - 1955 гг. Сб. документов. С. 282.
- ²³⁵ Там же. С. 279, 286.
- ²³⁶ *Семиряга М.И.* Советско-финляндская война. С. 36.
- ²³⁷ Зимняя война 1939-1940. Кн. 1. С. 198.
- ²³⁸ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 2. Док. 870. С. 422.
- ²³⁹ Правда Севера. 16 января 1940.
- ²⁴⁰ АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 23. Д. 4. Л. 1-3. См. также: Norge og Sovjetunionen 1917 - 1955... Oslo, 1995. S. 276-279.
- ²⁴¹ История Норвегии. / отв. ред. *А.С. Кан.* М., 1980. С. 393.
- ²⁴² *Самотейкин Е.М.* Растоптанный нейтралитет. С. 143-144.
- ²⁴³ АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 22. Д. 1. Л. 68 - 69.
- ²⁴⁴ Там же. Оп. 23. Д. 4. Л. 3.
- ²⁴⁵ *Halvdan K.* For Fred og Fridom i Krigstid 1939-1940. Oslo, 1957. S. 105-118.
- ²⁴⁶ Северный комсомолец. 28 февраля 1940.
- ²⁴⁷ Известия. 12 марта 1940. С. 2.
- ²⁴⁸ Архив Военно-медицинского музея (далее: ВММ). Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 3. Л. 134.
- ²⁴⁹ *Леонов И.Т.* Организация хирургической помощи раненым в Советской Армии в 1918-1940 гг.: Диссертация... доктора медицинских наук. Т. 1. Л., 1973. С. 263.
- ²⁵⁰ Архив ВММ. Ф. 1. Оп. 7401. Д. 1. Л. 191.
- ²⁵¹ Там же. Оп. 4064. Д. 28. Л. 65.
- ²⁵² Там же. Оп. 7401. Д. 1. Л. 20.
- ²⁵³ Российский государственный военный архив (далее: РГВА). Ф. 25888. Оп. 4. Д. 855. Л. 9.
- ²⁵⁴ *Митерев Г.А.* Народное здравоохранение за 25 лет советской власти. М., 1942. С. 75.
- ²⁵⁵ Архив ВММ. Ф. 1. Оп. 13738. Д. 5. Л. 111 - 112.
- ²⁵⁶ Там же. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 5. Л. 138.
- ²⁵⁷ Ленинградская конференция работников эвакогоспиталей и специализированных стационаров больниц и институтов (Ленинград, 23 - 27 мая 1940 г.) // Советский врачебный журнал. 1940. № 3. С. 637.
- ²⁵⁸ Архив ВММ. Ф. 141. Оп. 5924. Д. 20. Л. 14.
- ²⁵⁹ Там же. Ф. 5747. Оп. 13822. Д. 1. Л. 3.
- ²⁶⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 7401. Д. 8. Л. 281.
- ²⁶¹ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 8418. Оп. 24. Д. 1486. Л. 151; Архив ВММ. Ф. 1. Оп. 44836. Д. 82. Л. 20.
- ²⁶² Там же. Оп. 7401. Д. 11. Л. 125.
- ²⁶³ Там же. Ф. 5747. Оп. 13822. Д. 1. Л. 14.
- ²⁶⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 35482. Д. 2. Л. 127.
- ²⁶⁵ Там же. Ф. 141. Оп. 7914. Д. 1. Л. 6.
- ²⁶⁶ Там же.
- ²⁶⁷ Там же. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 5. Л. 131.
- ²⁶⁸ Там же. Ф. 141. Оп. 5924. Д. 20. Л. 6.
- ²⁶⁹ ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 24. Д. 1486. Л. 15.
- ²⁷⁰ Архив ВММ. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 7. Л. 48 об.

- ²⁷¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее: ЦГА СПб). Ф. 7384. Оп. 4. Д. 35. Л. 157.
- ²⁷² Архив ВММ. Ф. 1. Оп. 44836. Д. 82. Л. 20.
- ²⁷³ Там же. Ф. 1. Оп. 13739. Д. 5. Лл. 283 – 284.
- ²⁷⁴ РГВА, Ф. 34980. Оп. 2. Д. 1. Л. 3 об.
- ²⁷⁵ Архив ВММ. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 6. Л. 191.
- ²⁷⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 44835. Д. 22. Л. 4.
- ²⁷⁷ Там же. Л. 199.
- ²⁷⁸ Там же. Л. 198.
- ²⁷⁹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 4. Д. 35. Л. 48 об.
- ²⁸⁰ Архив ВММ. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 5. Лл. 134 – 135.
- ²⁸¹ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 4. Д. 35. Л. 48.
- ²⁸² Там же. Д. 25. Л. 95 об.
- ²⁸³ Архив ВММ. Ф. 141. Оп. 1680. Д. 15. Л. 25.
- ²⁸⁴ Там же. Оп. 7914. Д. 1. Лл. 5 – 6.
- ²⁸⁵ Там же. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 6. Л. 159.
- ²⁸⁶ В своем отчетном докладе на IX областной и VII городской объединенной конференции ВКП (б) 20 апреля 1940 г. А.А. Кузнецов, в частности, отмечал: «Развертывание госпиталей проходило при неослабном контроле и активной помощи горкома и райкомов». (Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 77. Оп. 1. Д. 748. Л. 106.).
- ²⁸⁷ Архив ВММ. Ф. 5747. Оп. 44613. Д. 5. Л. 136.
- ²⁸⁸ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1100. Л. 38.
- ²⁸⁹ Архив ВММ. Ф. 1. Оп. 7401. Д. 1. Л. 284.
- ²⁹⁰ Внешняя политика СССР. Т. 4. М., 1946. С. 494—496.
- ²⁹¹ Шестая сессия Верховного Совета СССР. 29 марта—4 апреля 1940 г. Стенографический отчет. М., 1940. С. 14—27; Красная Карелия. 1940. 13—16 апреля.
- ²⁹² Там же.
- ²⁹³ Там же.
- ²⁹⁴ Государственное управление и местное самоуправление на Европейском Севере. Исторический опыт и современность. Петрозаводск, 1996. С. 44—45.
- ²⁹⁵ Красная Карелия. 1940. 16 и 20 июня.
- ²⁹⁶ Красная Карелия. 1940. 21 июня.
- ²⁹⁷ Красная Карелия. 1940. 20 июня.
- ²⁹⁸ Первая сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР. 8-11 июля 1940 г. Стенографический отчет. Издание Верховного Совета Карело-Финской ССР, 1940. С. 111.
- ²⁹⁹ Красная Карелия. 1940. 21 июня; Очерки истории Карелии. Т.2. Петрозаводск, 1964. С. 325.
- ³⁰⁰ См.: Красная Карелия. 1940. 20 июня; Первая сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР. 8-11 июля 1940 г. Стенографический отчет. Издание Верховного Совета Карело-Финской ССР, 1940. С. 5, 194-196.
- ³⁰¹ Первая сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР. 8-11 июля 1940 г. Стенографический отчет. Издание Верховного Совета Карело-Финской ССР, 1940. С. 5-7.
- ³⁰² Карельский государственный архив новейшей истории (КГАНИ). Ф. 8. Оп. 2. Д. 1. Л. 1; Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск, 1974. С. 310.
- ³⁰³ КГАНИ. Ф. 1229. Оп. 3. Д. 5. Л. 52, 98; Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 274; Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск, 1974. С. 311.
- ³⁰⁴ См.: Конституция (Основной Закон) Карело-Финской Советской Социалистической Республики. Изд-во "Ведомостей Верховного Совета РСФСР". М., 1940.
- ³⁰⁵ Первая сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР. 8-11 июля 1940 г. Стенографический отчет. Издание Верховного Совета Карело-Финской ССР, 1940. С. 159.
- ³⁰⁶ Первая сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР. 8-11 июля 1940 г. Стенографический отчет. Издание Верховного Совета Карело-Финской ССР, 1940. С. 159.
- ³⁰⁷ Там же. С. 19-20.
- ³⁰⁸ Там же. С. 20.
- ³⁰⁹ Первая сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР. 8-11 июля 1940 г. Стенографический отчет. Издание Верховного Совета Карело-Финской ССР, 1940. С. 175.
- ³¹⁰ Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1921—1940. Петрозаводск, 1997. С. 318—322.
- ³¹¹ Первая сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР. С. 77.
- ³¹² Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 1215. Оп. 1. Д. 244. Л. 2-7; Ленинское знамя. 1940. 15-21 декабря; Советы Карелии. 1917-1992. Документы и материалы. Петрозаводск, 1993. С. 509.
- ³¹³ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 592.
- ³¹⁴ Очерки истории Карелии. Т. 2. Петрозаводск, 1964. С. 337.

- ³¹⁵ Ленинское знамя. 1940. 8 сентября, 22—26 декабря; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 592.
- ³¹⁶ Вторая сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР. Стенографический отчет. Издание Верховного Совета Карело-Финской ССР, 1946. С. 135-137.
- ³¹⁷ Конституция (Основной Закон) Карело-Финской Советской Социалистической Республики. Государственное издательство Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1947; Вторая сессия Верховного Совета Карело-Финской ССР. Стенографический отчет. Издание Верховного Совета Карело-Финской ССР, 1946. С. 138-143.
- ³¹⁸ История Свейской войны: (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. С. 235.
- ³¹⁹ Там же; *Лисаевич И.И.* Доменико Трезини. Л., 1986 С. 20–22; *Овсянников Ю.М.* 1) Доменико Трезини. Л., 1987. С. 25–26; 2) Великие зодчие Санкт-Петербурга: Трезини. Растрелли. Росси. СПб., 2001. С. 33–34; *Раздолгин А.А., Скорилов Ю.А.* Кронштадтская крепость. Л., 1988. С. 35.
- ³²⁰ Походный журнал Петра I за 1704 г. СПб., 1854. С. 21.
- ³²¹ *Богданов А.И.* Описание Санктпетербурга. СПб., 1997. С. 358.
- ³²² Точное известие о... крепости и городе Санкт-Петербург, о крепостце Кроншлот и их окрестностях // *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 55.
- ³²³ *Эренмалъм Л.Ю.* Описание города Петербурга вкупе с несколькими замечаниями // Там же. С. 94. В Петербурге швед находился с осени 1710 г. до начала 1711 г., а затем вернулся туда в 1712 г. (Там же. С. 21).
- ³²⁴ *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по губерниям. 1703–1782. СПб., 2004. С. 44.
- ³²⁵ *Розадегв Б.А., Сомина Р.А., Клещева Л.С.* Кронштадт: Архитектурный очерк. Л., 1977. С. 7; *Раздолгин А.А., Скорилов Ю.А.* Кронштадтская крепость. С. 22.
- ³²⁶ Kungliga Krigsarkivet (Stockholm). SFP. Kronstadt. № 7, 8.
- ³²⁷ РГАВМФ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 279. Л. 1.
- ³²⁸ *Кротов П.А.* 1) Начало Кроншлота // Петербургские чтения 98–99: Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург—2003». СПб., 1999. С. 643–644; 2) Кроншлот // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия в трех томах. Том I: Осмнадцатое столетие. Книга первая. А—М. СПб., 2001. С. 504.
- ³²⁹ *Эренсверд У.* 1) Шведское картографирование Ингерманландии // Шведы на берегах Невы: Сборник статей. Стокгольм, 1998. С. 25; 2) Нева, Ингерманландия и Ниеншанц: (Из истории картографии) // *Гиппинг А.И.* Введение в историю Санкт-Петербурга, или Нева и Ниеншанц. М., 2003. С. 444–445.
- ³³⁰ Сведения об этом содержатся в письме адмирала от 30 марта 1703 г. (SRA (Stockholm). Defensions-kommisionen. Vol. 108. 30.III.1703). Согласно обнаруженной мной в этом архивном деле записи, карта находилась в нем до 1935 г., когда ее передали в фонд картографии.
- ³³¹ *Эренсверд У.* Нева, Ингерманландия и Ниеншанц: (Из истории картографии)... С. 446.
- ³³² *Тимченко-Рубан Г.И.* 1) Первые годы Петербурга: Военно-исторический очерк. СПб., 1901. С. 107–108; 2) Оборона Петербурга в 1704–1705 годах // Военный сборник. 1899. № 1. С. 259–260; *Предтеченский А.В.* Основание Петербурга // Петербург петровского времени / Под ред. А.В. Предтеченского. Л., 1948. С. 28.
- ³³³ SRA (Stockholm). Defensions-kommisionen. Vol. 121. 21. VII. 1704.
- ³³⁴ Kungliga Krigsarkivet (Stockholm). Sveriges krig. № 11:98, 11:99.
- ³³⁵ Подробное исследование этих чертежей см.: *Базарова Т.А.* Планы петровского Петербурга: Источниковедческое исследование. СПб., 2003. С. 59–81.
- ³³⁶ *Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом: (1709–1711). М., 1900. С. 179.
- ³³⁷ РГАВМФ. Ф. 234 (Канцелярия адмирала К.И. Крюйса). Оп. 1. Д. 4. С. 43 об.–44 об.
- ³³⁸ Kungliga Krigsarkivet (Stockholm). SFP. Ryssland. St. Petersburg. № 15.
- ³³⁹ *Эренмалъм Л.Ю.* Описание города Петербурга вкупе с несколькими замечаниями. С. 94.
- ³⁴⁰ Швеция и Норвегия были объединены унией в 1814 г., которая была расторгнута в 1905 г.
- ³⁴¹ *Криницын Ф.С.* Русский флот в Семилетней войне // Морской сборник. 1944. № 11-12; *Коробков Н.М.* Русский флот в Семилетней войне. М., 1946.
- ³⁴² *Криницын Ф.С.* Великая Северная экспедиция. Флот в Семилетней войне // Дважды Краснознаменный Балтийский флот. М., 1990. С. 32. Аналогичного взгляда придерживался и Н.М. Коробков, причем подчеркивая важность этой задачи именно в первой кампании и отдавая при этом приоритет Швеции в оказании помощи в ее выполнении: “Ближайшей задачей русского флота в первой кампании войны было обеспечение господства на Балтике. Решить эту задачу надо было, заперев Зунд – ворота в Балтийское море. При этом можно было рассчитывать на активную, хотя и ограниченную по значению, помощь шведского флота” (*Коробков Н.М.* Русский флот в Семилетней войне. С. 24).
- ³⁴³ РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.
- ³⁴⁴ Материалы для истории русского флота. СПб., 1883. Ч. X. С. 379.
- ³⁴⁵ РГА ВМФ. Ф. 211. Оп. 1. Д. 1. Л. 226.
- ³⁴⁶ Там же. Л. 175.
- ³⁴⁷ Материалы для истории русского флота. С. 375.
- ³⁴⁸ РГА ВМФ. Ф. 227. Оп. 1. Д. 12. Л. 20.

- ³⁴⁹ Пакет с этим сообщением был доставлен прибывшем из Стокгольма 26 июня гальотом “Лебедь” к находившемуся в крейсерстве у Мемеля кораблю “Москве” (Там же. Ф. 211. Оп. 1. Д. 1. Л. 289, 293).
- ³⁵⁰ Фрегат был послан в Копенгаген для передачи донесения от адмирала Мишукова российскому посланнику в Дании барону Корфу. По прибытии фрегат, по приказанию посланника, был отправлен “В Зунде крейсировать недалеко от Елценнора (Хельсингер. – Ю.П.) для разведования об аглицкой эскадре” (Там же. Л. 310).
- ³⁵¹ Там же. Ф. 227. Оп. 1. Д. 12. Л. 34.
- ³⁵² Там же.
- ³⁵³ Там же.
- ³⁵⁴ Там же. Ф. 870. Оп. 1. Д. 635. Л. 50.
- ³⁵⁵ Материалы для истории русского флота. С. 378.
- ³⁵⁶ Там же. С. 361.
- ³⁵⁷ Там же.
- ³⁵⁸ Там же. С. 385.
- ³⁵⁹ Там же. С. 369.
- ³⁶⁰ Биккенин Р.Р., Глуценко А.А., Партала М.А. Очерки о связистах Российского флота / Под ред. Ю.М. Кононова. СПб., 1998. 360 с.

2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
16
17
18
19
20
21
22
23

24

- ³⁶¹ РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 3. Д. 415. Л. 65.
- ³⁶² Там же. Ф. 479. Оп. 1. Д. 73. Л. 18-20.
- ³⁶³ Радиоэлектронная борьба в Военно-морском флоте. От Порт-Артура до наших дней. М., 2004. С.46.
- ³⁶⁴ Там же. С.37-45.
- ³⁶⁵ РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 3. Д. 384. Л. 34.
- ³⁶⁶ Там же. Ф. 736. Оп. 1. Д. 17. Л. 234.
- ³⁶⁷ Там же. Л. 235.
- ³⁶⁸ Там же. Л. 237.
- ³⁶⁹ Партала М.А., Трибельский Д.Л. Первые разведывательные радиопеленгаторы в русском флоте // 54-я научно-техническая конференция (посвященная Дню радио): Тезисы докладов. СПб., 1999. С. 81-82.
- ³⁷⁰ РГА ВМФ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 37. Л. 62.
- ³⁷¹ Там же. Ф. 736. Оп. 1. Д. 182. Л. 53.
- ³⁷² Там же. Д. 144. Л. 21.
- ³⁷³ Там же. Л. 64.
- ³⁷⁴ Там же. Ф. 479. Оп. 2. Д. 772. Л. 38.
- ³⁷⁵ Там же. Ф. 736. Оп. 1. Д. 400. Л. 28а.
- ³⁷⁶ Там же. Ф. 479. Оп. 2. Д. 772. Л. 122.
- ³⁷⁷ В январе 1917 г., когда в штабе флота была введена штатная должность помощника флаг-капитана по оперативной части – начальника разведывательного отделения, И.И. Ренгартен был назначен на эту должность, сложив с себя обязанности флагманского радиотелеграфного офицера (РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 1328. Л. 22).
- ³⁷⁸ Создание при начальнике Службы связи оперативного отделения с возложением на него разведывательных задач позволило существенно улучшить качество разведывательного обеспечения действий сил флота, однако, наряду с этим, заложило предпосылки к развитию в будущем определенных негативных процессов, связанных с формированием на Балтийском флоте двух разведывательных центров, дублирующих друг друга по широкому

кругу вопросов.

³⁷⁹ РГА ВМФ. Ф. 736. Оп. 1. Д. 400. Л. 68.

³⁸⁰ Там же. Л. 38-42.

³⁸¹ Там же. Л. 73.

³⁸² Там же. Д. 182. Л. 25-28.

³⁸³ Российский государственный архив военно-морского флота (далее: РГАВМФ). Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 186. Л. 16. Русский архив: Великая Отечественная: Накануне войны: Материалы совещаний высшего руководящего состава ВМФ СССР в конце 1940 года. Т. 12 (1-2). М., 1997. С. 220.

³⁸⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 186. Л. 2-3. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1-2). С. 220.

³⁸⁵ *Егоров В. Г., Масыгин В. П., Амосин Б. М. и др.* Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 4. Калининград, 2001. С. 122.

³⁸⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 35. Л. 11-12.

³⁸⁷ Там же. Л. 13.

³⁸⁸ Там же. Д. 399. Л. 180.

³⁸⁹ Там же. Л. 180.

³⁹⁰ Там же. Л. 206.

³⁹¹ Там же. Л. 206.

³⁹² Там же. Л. 206-207.

³⁹³ Там же. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 35. Л. 123.

³⁹⁴ Там же. Л. 123-124.

³⁹⁵ Там же. Л. 124.

³⁹⁶ Там же. Л. 128.

³⁹⁷ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 432. Л. 276.

³⁹⁸ Там же. Л. 276-277.

³⁹⁹ Там же. Л. 292.

⁴⁰⁰ Там же. Л. 292.

⁴⁰¹ Там же. Л. 292.

⁴⁰² Там же. Л. 292-293.

⁴⁰³ Там же. Л. 293.

⁴⁰⁴ Там же. Л. 293.

⁴⁰⁵ Там же. Л. 293-294.

⁴⁰⁶ *Масыгин В. П., Якимов С. А.* Офицеры Балтийского флота. СПб., 2003. С. 65.

⁴⁰⁷ РГА ВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 3476. Л. 3-12.

⁴⁰⁸ *Масыгин В. П., Якимов С. А.* Офицеры Балтийского флота. С. 65.

⁴⁰⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 84. Л. 56. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 485. Л. 45.

⁴¹⁰ Там же. Л. 56.

⁴¹¹ Там же. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 485. Л. 41. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 84. Л. 11.

⁴¹² Там же. Д. 492. Л. 3, 36. Д. 488. Л. 29.

⁴¹³ Там же. Л. 249.

⁴¹⁴ Там же. Л. 249.

⁴¹⁵ Там же. Л. 249.

⁴¹⁶ Там же. Д. 502. Л. 22.

⁴¹⁷ Там же. Л. 22-23.

⁴¹⁸ Там же. Л. 28.

⁴¹⁹ Зарубежные современники Петра, стремясь христианизировать свои колонии и другие захваченные территории, не уничтожали и не депортировали китайцев или гренландцев, добиваясь, тем не менее, неплохих результатов (подчеркиваю, здесь затрагивается узкая тема христианизации, а не, к примеру, работорговли или колониальных войн).

⁴²⁰ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР. М., 1957. Вып. 15. С.66-71.

⁴²¹ Письма и бумаги императора Петра Великого (далее: ПБП). Т. II (1702-1703). СПб., 1889. С.396.

⁴²² Человек на войне. 2002. С.521.

⁴²³ Странствования Христофора Гассмана / Сост. Б.Вердмюллером. Париж, 1971. С.28

⁴²⁴ Rabener J.G. Leben Petri des Ersten und Grossen, Tzaars von Rußland. Leipzig, 1725. S.524.

⁴²⁵ ПБП. Т. II. С.390

⁴²⁶ Warhafftiger Bericht von der Muskowiter Unchristlichen und harten Verfahren gegen I.K.M-t von Schweden hohe und niedrige gefangene Officierer, Bedienten und Unterthanen samt ihren Weibern und Kindern. Und im Gegentheil, wie milde, höfflich und gütig die Russische Gefangene im Schweden bisher bequemt worden und annoch handtiert werden, nebst ddemjenigen, was insonderheit betreffend Auswechselung beyderseits Gefangenen vorgegangen- Stockholm, 1705.

⁴²⁷ Ett Udtog af någre ifra Stenau, den 20 Julii 1707 daterade bref om dhe Muskowitiske Callmuckers och Cosakers grufweliga förtfarande. Stockholm, 1707.

- ⁴²⁸ Wreech C. Fr. v. Wahrhaftige und umständige Historie von denen schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien. Sorau, 1725.
- ⁴²⁹ Sveriges politiska historia från Carl XII:s död till statshvälfningen 1772 af Carl Gustaf Malmström. Första delen. Stockholm, 1855. В особенности см. с.65–88. Для подтверждения сказанного о сравнительно позднем появлении этой научной разработки сюжета, приведу пример хотя бы вышедшего в свет всего через несколько лет немецкого фундаментального труда, где впервые доказательно приводятся цифры ущерба, принесенного Швеции карательными походами петровских отрядов (См. прим. 6).
- ⁴³⁰ См.: Wrangel H. Kriget i Östersjön 1719-1720. Bb. I-II. Stockholm, 1906-1907.
- ⁴³¹ Bring S. Bibliografisk håndbok för Sveriges historia. Stockholm, 1934. S.467.
- ⁴³² Иерусалимский патриарх Досифей в его сношениях с русским правительством (1669-1707) / Сообщил Н.Ф.Каптерев // Чтения в Императорском Обществе истории и древней России при Московском университете. 1891. К.2. С.59.
- ⁴³³ Соймонов Ф.И. История государя Петра Великого // ОР РНБ, шифр F. IV. 736 / 1-5. Часть 5. Л. 30 об.
- ⁴³⁴ История Российская, с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и Астраханским губернатором, Василием Никитичем Татищевым. Книга Первая, часть Первая. М., 1768. С. 22.
- ⁴³⁵ Завоевание Ингрии Петром Великим (1701-1703 гг.). Генерал-лейтенант П.О.Бобровский. СПб., 1891. С.14
- ⁴³⁶ В этих трудах приведены нигде более в публиковавшиеся данные об оккупации Финляндии в 1713-1714 гг., о российских конных рейдах в первые годы войны по прибалтийским территориям и многое другое (Мышлаевский А.З. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708 – 1714 гг. (Документы Государственного архива). // Сборник военно-исторических материалов. Издание Военно-учёного комитета Главного штаба. Вып. V. СПб., 1893; Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. 1698 – 1706 гг. Составил Действительный член Императорского Военно-Исторического Общества Н.П. Волынской. Вып. I, кн.1-4. СПб., 1912).
- ⁴³⁷ Костомаров Н.И. Господство дома Романовых до вступления на престол Екатерины II // Русская история в жизнеописаниях ее главных деятелей. Т.III, СПб., 1915. С.226-227, 228.
- ⁴³⁸ Палли Х. Между двумя боями за Нарву. Эстония в первые годы Северной войны 1701-1704. Таллин, 1966.
- ⁴³⁹ Анисимов Е. Юный град. СПб., 2003. С.20.
- ⁴⁴⁰ Дегоев В.В. Петр I и вхождение России в европейскую систему // Сборник Русского исторического общества. 2003. №6 (154). С.292
- ⁴⁴¹ Имеет смысл все же дать краткие сведения об этой литературе. В работе Кристера Кувайя (Christer Kuvaja) раскрыта тема пребывания русских отрядов в финской провинции Ёстерботтен в 1714 г. Автор утверждает, что здесь имело место «стратегическое разорение и ограбление» (strategisk plundring) местности с тем, чтобы помешать королевской армии освободить ее. Юханна Аминоф-Винберг (Johanna Aminoff-Winberg) в своей статье приводит интересные сведения о том, что после того, как 8 000 финских беженцев переселились из приграничных с Россией территорий в провинцию Вестерботтен, там в народной традиции надолго сохранились их рассказы о жестокости российской армии, в особенности казацких и калмыцких отрядов. В сборнике «Былое Верхнего Нурланда» (Övre Norrland för i tiden. Under krig och örlig) приведены материалы нескольких авторов о разорении шведских берегов от Лулео до Нурчёпинга в 1719-1721 гг. Событиям 1714-1716 г. на востоке Швеции (разорение области Нурботтен, сожжение Умео, насилия над женщинами Каликса, Лулео и Питео, десант казаков в Турнео и др.) рассказывает в своей книге П.Б.Райнер (P.B.Regner). Библиографию и более подробные сведения о перечисленных работах см. в: Burgman T. Rysslandsbilden i Sverige från Ivan den Förskräcklige till Vladimir Putin. Lund, 2001. С.19-20.
- ⁴⁴² Как известно, в Швеции на протяжении всей каролинской эпохи имело место «<...>эффективное функционирование<...> государственных институтов, вызванное во многом тем, что служившие там люди были исполнены духом пиеизма (набожности) и неостоицизма. Эти веяния способствовали формированию рациональной системы управления, а также чувства самоотречения у чиновников, воспринимавших своё служение в интересах коллектива как религиозный долг<...>» Хоскинг Дж. Россия и русские. Т.1. М., 2003.С.215.
- ⁴⁴³ Имеется в виду, что в духовном мире таких личностей «<...>нравственный элемент по своей силе следует<...> после индивидуалистического<...>» (Рожков Н. Этический индивидуалист (по поводу «Дневника» Лассалья) // Образование. 1901. №7/8. С.123).
- ⁴⁴⁴ Карху Э. Пушкин о финнах и финны о Пушкине // Север. 1999. № 6. С. 99-114.
- ⁴⁴⁵ Повенец (Poventsä) – один из древнейших населенных пунктов Карелии, упоминается в летописях XV в. Повенец – «свету конец», говорили раньше, начальный порт на Беломорско-Балтийском канале, сооруженном в годы первой пятилетки. Конечный порт канала – Беломорск.
- Мысль о создании Беломорско-Балтийского канала возникла еще при Петре I, но ничего не было сделано. При Советской власти 18 февраля 1931 г. был утвержден проект строительства, а 20 мая 1933 г. канал был сдан в эксплуатацию. Канал сократил путь между Беломорском и Петербургом на 4 тыс. км. Наиболее значительным

сооружением канала является Повенчанская шлюзовая лестница, состоящая из нескольких шлюзов, которые поднимают суда выше уровня Онежского озера. До революции Повенец был местом ссылки (в 1904-1905 гг. сюда был сослан М.И. Калинин).

⁴⁴⁶ Карху Э.Г. Малые народы в потоке истории. Исследования и воспоминания. Петрозаводск. 1999. С. 140.

⁴⁴⁷ Сойни Е. Доктор Эйно Карху в канун юбилея // Север. 2003 № 9-10. С. 155.

⁴⁴⁸ Там же. С. 155.

⁴⁴⁹ Там же. С. 155.

⁴⁵⁰ Карху Э.Г. История литературы Финляндии от истоков до конца XIX в. Л., 1979. С. 28-29.

⁴⁵¹ Там же. С. 110.

⁴⁵² Карху Э.Г. Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении. История литературы Карелии. Т.1. СПб., 1994. С.141-142.

⁴⁵³ Там же. С. 7.

⁴⁵⁴ Искрин М. Отрывки северных поэм. / Об одной загадке А.С.Пушкина //Альманах библиофила. 1984. № 6. С.225-228. Ср. с замечанием К.И. Чуковского в его статье «Онегин на чужбине», посвященной знаменитому комментарию В.В. Набокова к роману «Евгений Онегин»: «Пушкин говорит о Владимире Ленском, что тот “читал, забывшись, между тем Отрывки северных поэм...”». Что за северные поэмы? По этому поводу нам опять предлагают десятки разнообразных цитат: тут и мадам де Сталь, и Клопшток, и Бюргер, и Шиллер, и Гете, и Макферсон, и Жуковский, и Кембел”». (Чуковский К. Собр. соч. в 15 томах. Том третий. Высокое искусство. Из англо-американских тетрадей. М., 2003. С. 333).

⁴⁵⁵ Peuranen E. Kokonaan en Kuole. Aleksandr Puškinin elämää ja tuotantoa. // Snellman-instituutin julkaisuja. 1988. № 9. S. 62-65.

⁴⁵⁶ Карху Э. Финляндская литература и Россия. 1800-1850. Таллинн, 1962. С. 102.

⁴⁵⁷ Там же. С. 275.

⁴⁵⁸ Карху Э.Г. Достоевский и финская литература. Петрозаводск, 1976. С.14.

⁴⁵⁹ Карху Э.Г. Элиас Лённрот. Жизнь и творчество. Петрозаводск, 1996. С.105, 121.

⁴⁶⁰ Карху Э. Пушкин о финнах и финны о Пушкине. // Север. 1999 № 6. С. 112-114.

⁴⁶¹ Документы семьи Клодт были приобретены Экспертно-закупочной комиссией ГРМ 30 сентября 1955 г. у Т.М. Клодт-Осиповой.

⁴⁶² Отдел рукописей Государственного Русского музея (далее: ОР ГРМ). Ф. 69. Д. 1. Л. 1 - 4.

⁴⁶³ Алексей Федорович Зубов (1682-1751). Каталог выставки. Государственный Русский музей. Л., 1988. С. 21, № 8, воспр. Второй вариант гравюры, созданный в июне 1711 г. находится в собрании Государственного Эрмитажа, воспр. в кн.: Калязина Н.В., Комелова Г.Н. Русское искусство Петровской эпохи. Л., 1990, № 162.

⁴⁶⁴ Русский биографический словарь. СПб., 1897. Т. (Ибан-Ключарев). С.744. Цит. по кн.: Клодт Г.А. «Лепил и отливал Петр Клодт...». М., 1989. С. 16.

⁴⁶⁵ Кривдина О.А. О скандинавской ветви в родословной скульптора Петра Карловича Клодта фон Юргенсбурга (1805-1867). // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной международной научной конференции. СПб., 2002. С. 14-19. С рядом добавлений, относящихся к биографии скульптора П.К. Клодта, Кривдиной О.А. была опубликована статья «К изучению творческого наследия П.К. Клодта. Ранний период (1805-1833)». (Страницы истории отечественного искусства XVIII – XX век. ГРМ. Вып. IX. СПб., 2003. С. 82-90).

⁴⁶⁶ ОР ГРМ. Ф. 69. Д. 12. Л. 14-14-об.

⁴⁶⁷ Там же. Ф. 69. Д. 12. Л. 16. Выписка из Гербовой книги. Русское Прибалтийское дворянство. Сост. Зибмахер, таблица 32. Другие источники указаны в кн.: Клодт Г.А.. «Лепил и отливал Петр Клодт...». С. 8-17 и в кн.: Хямäläйнен-Форслунд П. Роман Елизаветы. История семьи Клодтов-Ярнефельтов. СПб., 2002.

⁴⁶⁸ ОР ГРМ. Ф. 69. Д.12. Л. 14-об.

⁴⁶⁹ Там же. Л. 19.

⁴⁷⁰ См. сноску № 2 к данной статье.

⁴⁷¹ ОР ГРМ. Ф. 69. Д. 12, 13, 14..

⁴⁷² Там же. Д. 2. Л. 6-11-об. Отметим, что указан адрес местожительства М.П. Клодта в 1912 г.: С.-Петербург, Васильевский остров, 8 линия, д. 39.

⁴⁷³ Там же. Л. 1-11-об. Краткая биографическая справка напечатана Безотосным В. в кн.: Российский архив // История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Т. VII. М., 1996. С.423. Также см.: Клодт Г. А. Повесть о моих предках. М., 1997, С. 14-36, рассказ базируется на кн.: Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. Военная галерея Зимнего дворца. В 4-х томах. СПб., 1846-1848.

⁴⁷⁴ В.Безотосный отмечает принадлежность К.Ф. Клодта к эстляндским дворянам (См.: Российский архив //История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. С.423).

⁴⁷⁵ Русский биографический словарь. СПб., 1897. Т. (Ибан-Ключарев). С.743.

⁴⁷⁶ ОР ГРМ. Ф. 69. Д. 2. Л. 7.

⁴⁷⁷ Там же. Л. 7.

⁴⁷⁸ Там же. Л. 7.

⁴⁷⁹ Там же. Л. 1.

- ⁴⁸⁰ Там же. Л. 7. Поясним, что в формулярном списке в написании дат выпускается «тысяча», поэтому они состоят из трех цифр (783, 784, а не 1783, 1784).
- ⁴⁸¹ Там же. Л. 2.
- ⁴⁸² Там же. Л. 3.
- ⁴⁸³ Там же. Л. 8-11.
- ⁴⁸⁴ Там же. Л. 4.
- ⁴⁸⁵ Там же. Л. 5. Приводим текст: «Нашему Генераль Майору Квартирмейстерской части Барону Клодту Фонь Юргенсбургу.
- В воздаяние ревностной службы вашей и отличия, оказанного в сражении противу Французских войск при сем Бородине 1812 года Августа 26-го числа; где вы исполняли свою обязанность, с особливим усердием и деятельностью.
- Всемилоостивейше пожаловали МЫ вам в 19-й день Декабря 1812-го года знаки ордена Св. Анны второй степени с алмазными украшениями Грамоту сию во свидетельство подписать, Орденскою печатью укрепить и знаки Орденские препроводить к Вам, Указом НАШИМ в 8 день Декабря 1817 года, Повелели МЫ Капитулу Российских ИМПЕРАТОРСКИХ Орденов».
- ⁴⁸⁶ Там же. Л. 11.
- ⁴⁸⁷ Там же. Л. 7-9.
- ⁴⁸⁸ Там же. Л. 11-об.
- ⁴⁸⁹ *Шарыпкин Д.М.* Скандинавская литература в России. Л., 1980. С.246.
- ⁴⁹⁰ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф.772. Оп.1.Ч.1. Д. 1642. Л. 10.
- ⁴⁹¹ Там же. Л.11.
- ⁴⁹² Там же. Л.7.
- ⁴⁹³ *Морозов В.М.* К вопросу об идейно-общественной позиции журнала «Финляндский вестник» // Ученые записки Карело-Финского университета. 1955. Т.V. Вып.1. С.85-86.
- ⁴⁹⁴ *Карху Э.* Финляндская литература и Россия. 1800-1850. Таллинн, 1962. С.227.
- ⁴⁹⁵ РГИА. Там же. Л.34.
- ⁴⁹⁶ Там же. Л.29, 34.
- ⁴⁹⁷ Там же. Л.35.
- ⁴⁹⁸ Там же. Ф.772. Оп.1. Ч.1. Д.2215.
- ⁴⁹⁹ Там же. Ф.776. Оп.8. Д.567. Л.1.
- ⁵⁰⁰ Там же. Л.19-20.
- ⁵⁰¹ Там же. Д.1198. Л.6.
- ⁵⁰² Финляндский листок объявлений. 1905, №1.
- ⁵⁰³ *Шелохаев В.В.* Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. М., 1991. С.131.
- ⁵⁰⁴ РГИА. Ф.776. Оп.9. Д.1724. Л.1.
- ⁵⁰⁵ Там же. Л.14-15.
- ⁵⁰⁶ Финляндия. 1909. № 5. С.5.
- ⁵⁰⁷ РГИА. Ф.776. Оп.9. Д.1724. Л.18.
- ⁵⁰⁸ Там же. Л.21.
- ⁵⁰⁹ Там же. Л.24.
- ⁵¹⁰ Финляндский вестник политики, культуры, торговли и промышленности. 1909. № 2. С.23.
- ⁵¹¹ Там же. 1910. № 13.
- ⁵¹² Там же. 1910. № 1.
- ⁵¹³ Военно-морская разведка в Первой мировой войне. Комментарии В.А. Петрова // Русское прошлое. Кн. 8. СПб., 1998. С. 165.
- ⁵¹⁴ Инструкция военным агентам или лицам их замещающим от 5.08.1912 // *Сергеев Е., Улунян А.* Не подлежит оглашению. М., 2003. С. 452.
- ⁵¹⁵ *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1959. Т. 1. С. 435.
- ⁵¹⁶ Инструкция военным агентам и лицам их заменяющим от 5.08.1912. Приложение 3.
- ⁵¹⁷ Там же. С. 33.
- ⁵¹⁸ *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. С. 301-302.
- ⁵¹⁹ Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3284. Л. 6. О подготовке Петроградского военного округа к войне со Швецией, 1909 г.
- ⁵²⁰ Российский государственный архив военно-морского флота (далее: РГА ВМФ). Ф. 418. Оп. 1. Д. 3991. Л. 63-64.
- ⁵²¹ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3991. Л. 65-66. Рапорт Сташевского А.И. Русину от 3 (16).08.1914.
- ⁵²² *Åselius G.* The «Russian Menace» to Sweden. Stockholm, 1994.Р. 6.
- ⁵²³ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3991. Л. 90 . Секретная телеграмма А.И. Русина Сташевскому от 24.12.1914. Письмо Сташевского В.Е. Канину от 2.06.1915.
- ⁵²⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Т.5. Д. 7447. Л. 91-92. Доклад по ГУГШ от 28.11.1916.
- ⁵²⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее: АВПРИ). Ф. 138. Оп. 467. Д. 420. Л. 158-161. Записка Кандаурова «Придется ли Дании, Швеции и Норвегии вопреки своему желанию, стать участниками

современной европейской войны», 16(29).11.1916.

⁵²⁶ РГВИА. Ф.2000. Оп. 1. Д. 3314. Л. 38. ГУГШ от 7.08.1917.

⁵²⁷ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3991. Л. 77. Секретная телеграмма А.И. Русина Сташевскому от 24.12.1914.

⁵²⁸ Там же. Л.78-80. Сташевский Русину от 30.12.1914, от 12.01.1915.

⁵²⁹ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 405/423. Л. 11 об. Записка фон Веймарна «Настроение в Норвегии» от 21.02.1915.

⁵³⁰ *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. С. 431.

⁵³¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Т.5. Д. 7447. Кандауров в ГУГШ от 13(26).09.1916.

⁵³² Там же. Д. 4469. Л. 15. Кандауров генералу Леонтьеву от 30.03.1915

⁵³³ Там же. Л. 87. Кандауров от 13.05.1915.

⁵³⁴ Там же. Д. 5990. Л. 2, Л. 10. Кандауров в ГУГШ от 9.09.1916.

⁵³⁵ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1 Д.1417. Л. 85, 86. Неклюдов Нератову от 28.10.1915, 30.10.1915.

⁵³⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 5987. Л. 112. В. Якобсон Кандаурову от 27.05.1916.

⁵³⁷ Там же. Л. 44. Сведения об изготовлении и текущих поставках к 1.09.1916.

⁵³⁸ Инструкция военным агентам или лицам их замещающим от 5.08.1912 С. 33.

¹ *Сергуни А.А.* Регионализация России: роль международных факторов // Полис. 1999. № 3.

² *Wessels W.* The Northern Dimension as a Challenging Task // The Northern EU. National Views on the Emerging Security Dimension. Helsinki, 2000. P. 18.

⁵³⁹ *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР 1917-1991 гг. М., 2002. С. 263.

⁵⁴⁰ См.: *Гуревич П.С., Ружников В.Н.* Советское радиовещание: Страницы истории. М., 1976. С.153, История советской радиожурналистики. Документы, тексты, воспоминания. 1917-1945. М., 1991. С. 14.

⁵⁴¹ См.: *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР 1917-1991 гг. М., 2002. С. 48-49.

⁵⁴² Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб), Ф.293. Оп.2. Т. 1., 1936-1945 гг. Л.2.

⁵⁴³ Там же. Л.3-4, 12.

⁵⁴⁴ Там же. Ф.359. Оп.2. Ч.1. 1939-1963гг., Л.1.

⁵⁴⁵ Там же. Ф. 293. ОП. 2. Д.34. Л.1.

⁵⁴⁶ Там же. Д. 24. Л.9,10.

⁵⁴⁷ Там же. Ф.359. Оп.2. Д.2. Л.14.

⁵⁴⁸ Там же. Ф.293, ОП.2, Д.22, Л.1.

⁵⁴⁹ Там же. Д.46. Л.2.

⁵⁵⁰ Там же. Д.22. Л.1.

⁵⁵¹ Там же. Д.46. Л.1.

⁵⁵² Там же. Д.36. Л.5.

⁵⁵³ Там же. Д.48, Л.2.

⁵⁵⁴ *Berlingske Tidende.* 1939. 13.11.

⁵⁵⁵ *Ibid.* 1939. 18.10.

⁵⁵⁶ *Ibid.* 1939.24.10.

⁵⁵⁷ *Arbejdsbladet.* 1939. 8.10.

⁵⁵⁸ *Ibid.* 1939.12.10.

⁵⁵⁹ *Ibid.* 1939.15.10.

⁵⁶⁰ *Ibid.* 1939.12.11.

⁵⁶¹ *Berlingske Tidende.* 1939.14.11.

⁵⁶² *Ibidem.*

⁵⁶³ *Ibid.* 1939.30.11.

⁵⁶⁴ *Arbejdsbladet.* 1939. 30.11.

⁵⁶⁵ Оно, как известно, было которое сформировано на территории занятой частями Красной армии на второй день войны (см.: *Барышников Н.И., Барышников В.Н.* Рождение и крах «терийокского правительства Финляндии 1939-140 гг. СПб.-Хельсинки, 2003).

⁵⁶⁶ *Arbejdsbladet.* 1939.2.12.

⁵⁶⁷ См: *Ibid.* 1939.10.12.

⁵⁶⁸ *Ibid.* 1940.2.3.

⁵⁶⁹ *Fædrelandet.* 1939.16.12.

⁵⁷⁰ *Ibid.* 1939. 12.12; 16.12.

⁵⁷¹ *Ibid.* 1940. 1.2.

⁵⁷² *Berlingske Tidende.* 1940. 3.1.

⁵⁷³ Об этом писала 9 марта также и «Фэдреландет» (см.: *Fædrelandet.* 1940.9.3).

⁵⁷⁴ *Arbejdsbladet.* 1939. 18.12.

- ⁵⁷⁵ Berlingske Tidende. 1940.1.1.
- ⁵⁷⁶ Ibid. 1940. 9.3.
- ⁵⁷⁷ Fædrelandet. 1940.10.3
- ⁵⁷⁸ Arbejdsbladet. 1940. 3.3.
- ⁵⁷⁹ Ibid. 1940. 10.3.
- ⁵⁸⁰ Fædrelandet. 1940.25.2.
- ⁵⁸¹ Berlingske Tidende. 1940.13.3.
- ⁵⁸² Fædrelandet. 1940.13.3.
- ⁵⁸³ Ibid. 1940. 14.3.
- ⁵⁸⁴ Кекконен У.К. Финляндия и Советский Союз. Статьи и речи. М., 1960. С. 145.
- ⁵⁸⁵ Цит. по: Тельпуховский В.С. Северная война. 1700-1721. М., 1946. С. 145.
- ⁵⁸⁶ См.: Зимняя война 1939-1940. Политическая история. Т. 1. М., 1998.
- ⁵⁸⁷ Стенограмма, содержащая выступление И.В. Сталина была опубликована в 1997 г. на финском языке и в 1998 г. на русском (Puna-armeija Stalinin tentissä. Hels., 1997. S. 453-468; Зимняя война 1939-1940ю И.В. Сталин и финская кампания. Т. 2. М., 1998. С. 272-282).
- ⁵⁸⁸ Зимняя война 1939-1940. И.В. Сталин и финская кампания. С. 272. См. также: «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель-май 1940 г.). Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. М., 2004. С. 32.
- ⁵⁸⁹ Зимняя война 1939-1940. И.В. Сталин и финская кампания. С. 272-273.; «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель-май 1940 г.). С. 32
- ⁵⁹⁰ Линия Паасикиви. Статьи и речи Юхо Кусти Паасикиви 1944-1956. М., 1958. С. 55-56.
- ⁵⁹¹ Там же. С. 72.
- ⁵⁹² Там же. С. 73-74.
- ⁵⁹³ Paasikivi J.K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939-41. I osa. Porvoo-Helsinki, 1958. S. 85.
- ⁵⁹⁴ Ibid. S. 61; См. также: Барышников В.Н. Безопасность Ленинграда: к вопросу о времени принятия в Москве решения о начале войны против Финляндии // Университетские Петербургские чтения. СПб., 2003. С. 280.
- ⁵⁹⁵ Paasikivi J.K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939-41. S. 87.
- ⁵⁹⁶ Линия Паасикиви. Статьи и речи Юхо Кусти Паасикиви 1944-1956.С. 88.
- ⁵⁹⁷ Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939-1940. М., 2003. С. 110-111.
- ⁵⁹⁸ Койвисто М. Вехи пути. Взгляды на внешнюю политику Финляндии. М., 1987. С. 128.
- ⁵⁹⁹ Кекконен У.К. Финляндия и Советский Союз. Статьи и речи. С. 149.
- ⁶⁰⁰ Кекконен У.К. Финляндия: путь к миру и добрососедству. Статьи, речи, письма. 1943-1978 М., 1979. С. 25.
- ⁶⁰¹ Linkomies E. Väikea aika. Hels., 1970.
- ⁶⁰² Кекконен У.К. Финляндия: путь к миру и добрососедству. С. 151-152.
- ⁶⁰³ См. их публикации: Vihavainen T. Kansakunta räähmällään. Suomettumisen lyhyt historia. Hels.-Keuruu, 1991; Rautkallio H. Kekkonen ja Maskova. Suomi lännestä nähtynä 1956-1962. Hels.-Jyväskylä, 1991; Rautkallio H. Kansakunnan syyllisyys. Talvisotaan 1939-1940. Hels.-Juva, 2002.
- ⁶⁰⁴ Кекконен У.К. Финляндия и Советский Союз. Речи 1960-1962 годов. М., 1963. С. 53.
- ⁶⁰⁵ Койвисто М. Вехи пути. С. 113, 189.
- ⁶⁰⁶ Vihavainen T. Kansakunta räähmällään. Suomettumisen lyhyt historia.
- ⁶⁰⁷ Rautkallio H. Kansakunnan syyllisyys. Talvisotaan 1939-1940.
- ⁶⁰⁸ Койвисто М. Русская идея. М., 2002. С. 239.
- ⁶⁰⁹ Цит.по: Васильева Т.Е. Стереотипы в общественном сознании: социально-философские аспекты. М., 1988. С. 14.
- ⁶¹⁰ Егорова Е., Плешаков К. Бэконовские "призраки" в современном мире. // Международная жизнь. 1988. № 8. С. 93.
- ⁶¹¹ Луначарский А.В. На Западе. М.-Л.: 1927. С. 13.
- ⁶¹² Академия наук СССР за десять лет (1917 - 1927 гг.). Л., 1927. С. 203.
- ⁶¹³ Архив Российской Академии Наук. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22. Л. 9.
- ⁶¹⁴ Известия. 1933. 12 авг.
- ⁶¹⁵ См.: Известия. 1933. 7 марта, 9 июня, 12 нояб.
- ⁶¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (Далее :ГАРФ). Ф. 5283. Оп. 5. Д. 429. Л. 6.
- ⁶¹⁷ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 9. Д. 46. Л. 23.
- ⁶¹⁸ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 336. Л. 24, 70.
- ⁶¹⁹ Российский государственный архив литературы и искусства (Далее: РГАЛИ). Ф. 962. Оп. 7. Д. 6. Л. 4, 10-23.
- ⁶²⁰ РГАЛИ. Оп. 1. Д. 218, Л. 46; . Д. 219. Л. 46; Оп. 5. Д. 377. Л. 12, Д. 418. Л. 1- 2, 86, Д. 517. Л. 17.
- ⁶²¹ Документы внешней политики СССР. Т. 19. С. 225-226.
- ⁶²² Документы внешней политики СССР. Т. 20. М., 1976. С. 455.
- ⁶²³ Там же. Т. 19. С. 500-501; Т. 20. С. 293-295; Т. 21. М., 1977. С. 233.
- ⁶²⁴ Цит.по: Кан А.С. Новейшая история Швеции. М., 1969. С. 149.
- ⁶²⁵ Документы внешней политики СССР. Т. 20. М., 1976. С.455.

⁶²⁶ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 5. Д. 418. Л. 1, 86.

⁶²⁷ Там же. Оп. 2. Д. 186. Л. 1-7.

⁶²⁸ Там же. Оп. 1. Д. 219. Л. 46; Оп. 5. Д. 418. Л. 1-2; Д. 517. Л. 17.

⁶²⁹ Там же. Оп. 2. Д. 186. Л. 1-7.

⁶³⁰ Там же.

⁶³¹ ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 218. Л. 27, 38, 46; РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 465. Л. 19, 20.

⁶³² РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 22. Л. 3-11, 26-39, 43-95.

¹ 1293 г. считается годом основания г. Выборга. В переводе с древнескандинавского «Выборг» означает «Святая крепость».

² г. Або (шведское название финского города Турку) – административный центр Финляндии в составе Шведского королевства, местопребывания шведского генерал-губернаторства и главы финской лютеранской церкви; центр Великого княжества Финляндского в 1809-1812 гг (фактически до 1819 г.), с 1811 г. – Або-Бьернеборгской губернии Российской империи.

³ Три золотые короны на голубом (синем) фоне как государственный геральдический символ Швеции появляются в конце XIII в. и после распада в 1523 г. Кальмарской унии (1397 г.) становится главным элементом в государственном гербе Шведского королевства.

⁴ Еще до прихода сюда шведов на месте Выборгского замка находилось языческое святилище местных корел.

⁵ До того, в мае 1729 г. эти гербы (в том числе и герб г. Выборга) были представлены графом Б.Минихом в Военную коллегия и «удостоились Высочайшего утверждения».

⁶ См.: *Переходенко К.В.* Территориальные гербы на печатях крепостей Санкт-Петербургского, Рижского и Выборгского департаментов середины XVIII в. // *Гербовед.* 1999. № 37. С.61-65.

⁷ В 1744-1802 гг. г. Выборг был административным центром Выборгской губернии (в 1784-1796 гг. – Выборгского наместничества), в 1802-1811 гг. – Финляндской губернии.

⁸ Финское название - Виипури.

⁹ Первое изображение шведского герба Карелии относится к 1562 г.: «На красном поле золотая корона и под ней направленные друг против друга в ударе две руки, из которых правая в панцире сжимает меч и левая в кольчуге сжимает обнаженную кривую саблю. Обе руки серебряные, рукояти оружия, налокотники и сочленения панциря золотые. Над щитом золотая герцогская корона с синими камнями». Изображение на гербе символизировало длительную борьбу между Швецией и Россией за обладание Карелией. В Российской империи изображение шведского герба Карелии 1562 г. было дано на гербе Сант-Михельской и Куопиоской губерний Великого княжества Финляндского. В настоящее время этот герб является официальным гербом финской исторической провинции Карелия.

¹⁰ Если ехать вам случится...: Визитные карточки городов Ленинградской области. СПб., 2000. С.81.

¹¹ До этого, еще в 1294 г. крепость Кексгольм была упомянута в шведской хронике в связи с военными походами в Финляндию маршала Торкеля Кнутссона. Но в 1310 г. новгородцы овладели Кексгольмом и назвали его Корелой. Город много раз переходил из рук в руки. В 1580 г. шведскому генералу, француз по происхождению Понтусу де ла Гарди (Делагарди) удалось захватить Корелу и прилегающую к ней область. Город вновь получил шведское наименование Кексгольм.

¹² Столбовский мир 1617 г. закрепил Кексгольмскую территорию за Швецией.

¹³ В XVII в., в период шведского владычества встречались различные варианты Кексгольмского герба: типы щитов – испанский, итальянский, короны – графская (жемчужная) и королевская.

¹⁴ См.: *Переходенко К.В.* Территориальные гербы на печатях крепостей Санкт-Петербургского, Рижского и Выборгского департаментов середины XVIII в.

¹⁵ Данное описание герба Кексгольма 1892 г. было дано Акселем Гранфельтом. – См.: *Пашков А.М.* Гербы и флаги Карелии. Петрозаводск. 1994. С.59.

¹⁶ В этот период город назывался Кякисальми.

¹⁷ С 1940 г. город опять стал именоваться Кексгольмом, а с 1948 г. – Приозерском.

¹⁸ Советский герб Приозерска имел форму французского зеленого щита, рассеченного изображением стилизованного золотого колоса. По обе его стороны были расположены: в первой части – золотой заводской корпус с двумя трубами и пачкой целлюлозы, а во второй части – золотое изображение Приозерской крепостной башни. В синем подножии щита шли три белые волнообразные полосы, а в главе – располагались: золотая надпись на белом фоне: «Приозерск», а над ней – четыре красные зубца крепостной стены.

¹⁹ Ивангородский герб 1581 г. стал прообразом герба шведской провинции Ингерманландия: геральдический щит, увенчанный герцогской короной, с золотым полем, с синей волнистой перевязью (полосой), обрамленной красными кирпичными крепостными стенами с зубцами.

²⁰ Если ехать вам случится...: Визитные карточки городов Ленинградской области. Указ.соч. С.62.

⁶³³ См.: *Балашов Е.А.* Карельский перешеек. Земля неизведанная. Юго-Западный сектор. Част.1. СПб., 1998. С. 107.

⁶³⁴ Там же.

⁶³⁵ Среди дачников Келломякк можно упомянуть придворного ювелира Карла Густавича Фаберже; управляющего и доверенного Товарищества Нарвские суконные мануфактуры, доверенного по делам Даго-Кертельской суконной фабрики Роберта Адольфовича Кауше; действительного статского советника гражданского архитектора Сергея Петровича Кондратьева; владельца часовой мастерской и магазина на

Троицкой «Алениус I» Ивана Алениуса; инженера-технолога, начальника городского Василеостровского газового завода Василия Ивановича Байкова; торговца искусственным камнем Георгия Петровича Баргозна; купца Александр-Альберт Ивановича Бательта; старшего директора-распорядителя общества для изготовления снаряжения и военных припасов, директора Правления Русско-Балтийского судостроительного и механического Акционерного общества инженера Отто Оттовича Брунстрема; вдову купца Буффа, торговавшего принадлежностями для художников и владевшего позолотной мастерской, Василису Никитичну; заведующего Санкт-Петербургским отделением общества Русского трубопрокатного завода Романа Федоровича Вакернагель; профессора Сибирской Консерватории Екатерину Адольфовну Вальтер-Кюне; адвоката Константина Алексеевича Гайдаенко; артистку Лидию-Луизу Гранквист; купца Дмитрия Ивановича Ксантопуло; настоятеля церкви Преображения Господня при Синодальном подворье Александра Николаевича Никитина; владельца торговой фирмы «Сандин И.Г. и сын» Григория Ивановича Сандина; настоятеля финской евангелическо-лютеранской церкви Св. Марии пастора Иоанна Иоанновича Сааринена; чиновника по Особым поручениям Министерства финансов Владимира Попова; члена Государственной Думы Касьяна Антоновича Тарасова; владельца мебельной фабрики и магазина Федора Федоровича Тарасова; члена правления Китайской Восточной железной дороги Ивана Егоровича Селль (дача Рени); члена Комитета СПб. яичной, масляной и курятно-дичной биржи; члена Санкт-Петербургского комитета яичной, масляной и курятно-дичной биржи Павла Андреевича Ошарина; члена Русского общества для выделки и продажи пороха Петра Августовича Гедрена; секретаря Николаевского Общества попечения о бедных владельца обувной торговой фирмы Стефана Петровича Каролькевича; начальника 1-го участка Финляндской Железной Дороги инженера Эдуарда Эдуардовича Дегергольма; артиста Императорского Михайловского театра Генриха Андреевича Феде.

⁶³⁶ *Балашов Е.А.* Карельский перешеек. Земля неизведанная. С. 108.

⁶³⁷ *Ohqvist H.* Talvisota minun näkökulmastani. Helsinki, 1951.

⁶³⁸ Энциклопедический словарь. СПб., 1894. Т. 23. С. 55.

⁶³⁹ Полное название журнала - «Живописное обозрение достопамятных предметов из наук, искусств, художеств, промышленности и общежития, с присовокуплением живописного путешествия по земному шару и жизнеописаний знаменитых людей».

⁶⁴⁰ Полевой Николай Алексеевич (1796-1846) – писатель, публицист, историк, издатель. С 1825 по 1834 издавал журнал «Московский телеграф». Из-за сложностей с цензурой, после закрытия в 1834 году «Московского телеграфа» не мог самостоятельно заниматься издательской деятельностью. Поэтому издателем журнала указан только Рене-Семен. В 1837 г. Полевой переехал в Петербург, дела по журналу оставил брату – Ксенафонту Алексеевичу Полевому.

⁶⁴¹ Живописное обозрение. 1835. Т.1 Част. 1. Введение.

⁶⁴² Там же 1836. Т.2. С.224.

⁶⁴³ Там же. С. 296.

⁶⁴⁴ Там же. 1838. Т.4. С. 145.

⁶⁴⁵ Рабус Карл Иванович (1799-1857) – выпускник Академии художеств, профессор пейзажной живописи в Московском Училище живописи, ваяния и зодчества и Строгановском училище.

⁶⁴⁶ Живописное обозрение. 1838. Т. 4. С. 147.

⁶⁴⁷ Там же. С. 40.

⁶⁴⁸ Там же. С. 43.

⁶⁴⁹ Полное название журнала – «Живописный сборник замечательных предметов из наук, искусств, промышленности и общежития».

⁶⁵⁰ Живописный сборник. 1850. Кн. I. С. I.

⁶⁵¹ Там же. 1857. № 1.

⁶⁵² Там же 1858. С. 46.

⁶⁵³ Голицын Эммануил Михайлович (23.12.1804 /4. 01 1805/-1853), писатель, переводчик, путешественник.

⁶⁵⁴ *La Finlande en 1848 pendant une excursion de St. Petersburg a Torneo.* Paris, 1852.

⁶⁵⁵ Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. (далее: СПбИИ РАН). Ф. 83. Оп. 1. Д. 530. Л. 1; См. об этом подробнее: *Андреева Е.А.* Первый губернатор и строитель Петербурга // Александр Данилович Меншиков. Первый губернатор и строитель Санкт-Петербурга: Каталог выставки. СПб., 2003. С. 9–11.

⁶⁵⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого (далее: П и Б). Т. 2. № 521. С. 161; Примеч. к № 520. С. 533.

⁶⁵⁷ См. об этом подробнее: *Андреева Е.А.* Кто строил Петербург в 1703 г.? // Меншиковские чтения–2004: Материалы чтений: Сб. науч. ст. СПб., 2004. С. 8; *Андреева Е.А.* Санкт-Петербург и его окрестности в 1703–1704 гг.: основные сооружения // Петровское время в лицах–2004: Материалы научной конференции. СПб., 2004. С. 23–24.

⁶⁵⁸ *Андреева Е.А.* Первый губернатор и строитель Петербурга. С. 14–21; *Андреева Е.А.* Кто строил Петербург в 1703 г.? С. 12–16.

⁶⁵⁹ См. об этом подробнее: *Андреева Е.А.* Петербургские дома А.Д. Меншикова // Меншиковские чтения – 2003: Материалы чтений к 330-летию А.Д. Меншикова, проходивших 6 ноября 2003 г. в школе искусств пос. Березово Ханты-Мансийского автономного округа (Югра): Сб. науч. ст. СПб., 2004. С. 36–37.

⁶⁶⁰ *Юст Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709–1711) // Лавры Полтавы: Юст Юль, Оттон-Антон Плейер. М., 2001. С. 189.

- ⁶⁶¹ См. об этом подробнее: *Андреева Е.А.* Петербургские дома А.Д. Меншикова. С. 36–37.
- ⁶⁶² *Юст Ю.* Записки Юста Юля... С. 190.
- ⁶⁶³ Походный журнал Петра I. 1710 г. СПб., 1854. С. 22–23; Цит. в кн.: *Трубинов Ю.В.* Палаты светлейшего князя Меншикова. СПб., 2003. С. 49.
- ⁶⁶⁴ *Юст Ю.* Записки Юста Юля... С. 216.
- ⁶⁶⁵ Там же. С. 217–219.
- ⁶⁶⁶ Там же. С. 219.
- ⁶⁶⁷ 25 (14 по ст. ст.) ноября того же года состоялась свадьба придворного карлика Екима (Якима) Волкова с карлицей Матреной. Свадебный пир проходил также в доме А.Д. Меншикова. (См.: Походный журнал Петра I. 1710 г. С. 23; 1715 г. СПб., 1855. С. 56; *Юст Ю.* Записки Юста Юля... С. 221–222. См. об этом также: *Трубинов Ю.В.* Палаты светлейшего князя Меншикова. С. 50).
- ⁶⁶⁸ Российский Государственный исторический архив. (далее: РГИА). Ф. 467. Оп. 2. Д. 35а. Л. 36 об.; Походный журнал Петра I. 1711 г. СПб., 1854. С. 117; Цит. в кн.: *Трубинов Ю.В.* Палаты светлейшего князя Меншикова. С. 52. См. об этом также: *Андреева Е.А.* Петербургские дома А.Д. Меншикова. С. 40–41.
- ⁶⁶⁹ Согласно «Походному журналу» в 9-м часу было венчание в церкви, а в 10-м часу, уже заехав в дом А.Д. Меншикова, царь и царица и все гости отправились в Зимний дворец (Походный журнал. 1712 г. С. 1). Таким образом, они пробыли в доме светлейшего князя меньше часа.
- ⁶⁷⁰ Походный журнал. 1712 г. С. 1.
- ⁶⁷¹ *Алексеева М.А.* «В Санкт Питерс Бурхе грьдорвал...» // Первые художники Петербурга. Л., 1984. С. 105–106.
- ⁶⁷² *Михайлов Г.В.* Гравюра А.Зубова «Свадьба Петра I»: Реальность и вымысел // Панорама искусств. Сб. статей и публикаций. М., 1988. Вып. 11. С. 20–25; См. также: *Алексеева М.А.* Гравюра Петровского времени. Л., 1990. С. 122–123.
- Описание свадьбы в Зимнем дворце см.: *Витворт Ч.* Донесения Ч. Витворта статс-секретарю Гарлею // Донесения и другая бумага английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с 1711 г. по 1719 г. // Сборник Русского исторического общества (далее: Сб. РИО). СПб., 1888. Т. 61. С. 143; Цит. в кн.: *Михайлов Г.В.* Зимние дворцы Петра I: История строительства. Архитектура и художественное убранство. События и люди. СПб., 2002. С. 44–45.
- ⁶⁷³ Походный журнал. 1712 г. СПб., 1854. С. 53.
- ⁶⁷⁴ П и Б. М., 1795. Т. XII. Вып. 1. № 5123. С. 108; Походный журнал. 1712 г. С. 54, 59.
- ⁶⁷⁵ *Эренмальм Л.-Ю.* Описание города Петербурга, вкпе с несколькими замечаниями // *Беспярых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 93; *Беспярых Ю.Н.* Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л.Ю. Эренмальм). СПб., 1998. С. 380.
- ⁶⁷⁶ 30 апреля Д.М. Меншикова пишет из Торуня, 6 мая из Познани, 27 мая и 5 июня из Гарца, с 22 июля по 8 августа 1712 г. из Штетина (См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4980; Д. 5089; Д. 5103; Д. 5166; Д. 5201; Д. 5372; Д. 5376; Д. 5388; Д. 5400; Д. 5415; Д. 5418; Д. 5429).
- ⁶⁷⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 4980; Д. 4983; Д. 5004; Д. 5013; Д. 5358.
- ⁶⁷⁸ О строительных работах в каменном дворце в 1712 г. см.: *Михайлов Г.В., Галочкин В.К.* Реконструкция этапов строительства дворца // *Калязина Н.В., Дорофеева Л.П., Михайлов Г.В.* Дворец Меншикова: Художественная культура эпохи. История и люди. Архитектурная хроника памятника. М., 1986. С. 196; *Трубинов Ю.В.* Палаты светлейшего князя Меншикова. С. 61–62.
- ⁶⁷⁹ Походный журнал. 1712 г. С. 12–13.
- Первым браком Б.П. Шереметев был женат на Е.А. Чириковой.
- ⁶⁸⁰ Там же. С. 14.
- Первым барком Я.Ф. Долгорукий был женат на У.И. Наумовой.
- ⁶⁸¹ Походный журнал. 1715 г. СПб., 1855. С. 9, 33, 39, 47.
- ⁶⁸² Прасковья Федоровна, урожденная Салтыкова (1664–13.10.1723), царица, жена царя Ивана (Иоанна) V Алексеевича с 1684 г.
- ⁶⁸³ Салтыков Василий Федорович (ум. 1730) – обер-шенк (с 1724), действительный тайный советник (1730), кавалер ордена Св. Андрея Первозванного (1730), граф (1730), московский генерал-губернатор (1730).
- ⁶⁸⁴ Походный журнал. 1715 г. С. 50.
- ⁶⁸⁵ Там же. 1716 г. СПб., 1855. С. 60.
- ⁶⁸⁶ *Таценко Т.Н.* Евангелическо-Лютеранская община св. Петра в Санкт-Петербурге // Церковь св. Петра. (приложение к журналу от Евангелическо-лютеранской церкви в России «Дер Боте/Вестник») СПб., 1998.
- ⁶⁸⁷ *Иванов М.В.* Шведская Евангелическо-лютеранская церковь св. Екатерины в Петербурге (очерк истории) // Церковь Ингрии. 2003. №1 (45).
- ⁶⁸⁸ *Кириков Б.М.* Улица Желябова. Л. 1990. С. 15.
- ⁶⁸⁹ *Иванов М.В.* Шведская Евангелическо-лютеранская церковь св. Екатерины в Петербурге.
- ⁶⁹⁰ *Антонов В.В., Кобак А.В.* Святыни Санкт-Петербурга. СПб., 1996. С. 249.
- ⁶⁹¹ *Кириков Б.М.* Улица Желябова. С. 17.

- ⁶⁹² Антонов В.В., Кобак А.В. Святыни Санкт-Петербурга. С. 249; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее: ЦГИА СПб) Ф. 256. Оп. 33. Д. 1241. Л. 1.
- ⁶⁹³ Кириков Б.М. Улица Желябова. С.20.
- ⁶⁹⁴ Там же; Ниронен Я. Финский Петербург. СПб., 2003. С. 47.
- ⁶⁹⁵ Кириков Б.М. Улица Желябова. С. 20; Смирнова Т.М. Национальность-питерские. СПб., 2002. С. 257-259.
- ⁶⁹⁶ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее: ЦГА СПб). Ф. 7384. Оп. 33. Д. 162. Л. 1.
- ⁶⁹⁷ Мусаев В.И. Финские лютеранские церкви Ингрии. Исторический очерк.// Клио. 2001. № 2 (14). С. 70-73; ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д.219. Л. 7.
- ⁶⁹⁸ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д.339. Л. 9.
- ⁶⁹⁹ Там же. Д. 162. Л.94.
- ⁷⁰⁰ Там же. Д. 219. Л. 1.
- ⁷⁰¹ Там же. Л. 14.
- ⁷⁰² Там же. Л.11.
- ⁷⁰³ Там же. Л.39, 44,45.
- ⁷⁰⁴ Там же. Д. 165. Л. 52.
- ⁷⁰⁵ Там же. Д. 162. Л. 48.
- ⁷⁰⁶ Там же. Д. 219 Л. 43.
- ⁷⁰⁷ Там же. Ф. 9620. Оп.2. Д. 1. Л. 16.
- ⁷⁰⁸ Там же. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 219. Л. 43.
- ⁷⁰⁹ Там же. Д. 165. Л. 31.
- ⁷¹⁰ Там же. Д. 162. Л. 31.
- ⁷¹¹ Там же. Д. 219. Л. 9.
- ⁷¹² Мусаев В.И. Финские лютеранские церкви Ингрии. С. 70.
- ⁷¹³ ЦГА СПб Ф. 7384. Оп. 33. Д. 162. Л.55.
- ⁷¹⁴ Там же. Д. 339. Л.11.
- ⁷¹⁵ Мусаев В.И. Финские лютеранские церкви Ингрии. С. 72.